

Annotation

Зия Самади — один из известных советских уйгурских писателей, автор ряда романов и повестей.

Роман «Тайна годов», составивший первый том избранных произведений З. Самади, написан на достоверном жизненном материале. Это широкое историческое полотно народной жизни, самоотверженной борьбы против поработителей.

Автор долгие годы прожил в Синьцзяне и создал яркую картину национально-освободительной борьбы народов Восточного Туркестана против гоминьдановской колонизации.

В романе показано восстание под руководством Ходжанияза, вспыхнувшее в начале 30-х годов нашего века. В этой борьбе народы Синьцзяна — уйгуры, казахи, монголы — отстаивали свое право на существование.

-
- [Зия Самади](#)
 - [ТАЙНА ГОДОВ](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)

- [Глава девятнадцатая](#)
- [Глава двадцатая](#)
- [Глава двадцать первая](#)
- [Глава двадцать вторая](#)
- [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
 - [Глава пятая](#)
 - [Глава шестая](#)
 - [Глава седьмая](#)
 - [Глава восьмая](#)
 - [Глава девятая](#)
 - [Глава десятая](#)
 - [Глава одиннадцатая](#)
 - [Глава двенадцатая](#)
 - [Глава тринадцатая](#)
 - [Глава четырнадцатая](#)
 - [Глава пятнадцатая](#)
 - [Глава шестнадцатая](#)
 - [Глава семнадцатая](#)
 - [Глава восемнадцатая](#)
 - [Глава девятнадцатая](#)
 - [Глава двадцатая](#)
- [Примечания](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)

- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)

Зия Самади

Избранное в двух томах. Том первый

ТАЙНА ГОДОВ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая

1

Отель «Гоцзифаньдянь» находился в центре Шанхая и превосходил другие гостиницы своим великолепием, поэтому заезжие толстосумы — торговцы и промышленники, посредники-профессионалы, сынки богачей и прочие прожигатели жизни — предпочитали останавливаться именно здесь. В номерах двадцати одного этажа к их услугам всегда были и вкусная еда, и всевозможные напитки, и веселая музыка, и манящие улыбки платных красавиц... Здесь можно и развлечься, и спокойно побеседовать, не опасаясь посторонних ушей.

Трехкомнатный номер на двенадцатом этаже занимал один из богатейших людей города Кульджи — Юнусбай. Жил он здесь не больше месяца, но и за это время успел прославиться, правда, не как торговец, а как кутила и распутник. От других приехавших сюда уйгурских баев он отличался щедростью, а потому шанхайские дельцы и продажные красавицы сразу же заприметили его. Вот и сегодня он откупил на целые сутки роскошный ресторан на четырнадцатом этаже. «Такой банкет закачу, — восторженно размышлял Юнусбай, просматривая список приглашенных, — что те, кто увидит, закусят губы, а кто услышит, развесят уши...»

Дверь тихонько приотворилась, в нее просунулась сначала чисто выбритая голова, а потом и ее обладатель Чжан — управляющий (чжужэнь) отеля, маленький толстенький человечек.

— Возможно, я помешал сладким мечтам Ю-шангуна... хи-хи-хи! — подобострастно засмеялся человечек. Ему, как и многим китайцам, трудно было выговорить имя «Юнус», поэтому он сократил его до «Ю», добавив уважительное «шангун» — господин.

— Входите, входите, пожалуйста, садитесь. Как идут ваши дела?

— О, что же вы спрашиваете, шангун? Весь Шанхай взбудоражен...

— Ну и скажете, господин Чжан, — не поверил Юнус, усаживая управляющего и угощая сигарой.

— Вы сомневаетесь? Звонок за звонком... Да что говорить — совсем

лишился покоя: едва трубку поднимешь, спрашивают — кто это так сорит деньгами? Откуда он? Что за бай? Правда ли, что он откупил ресторан? А кто сомневался, даже приходили взглянуть на столы... хи-хи! Были и такие — хотели увидеть вас, — но я не пустил. «Нет, господа, — заявил я им, — это не жалкий купчишка, проживающий в грязном караван-сараяе, это известный Ю-шангун». Хе-хе-хе...

Управляющий помолчал, потер ладонью голову, блестящую, как желтая тыква, смазанная маслом, и, вытянув губы, проговорил, почти в самое ухо Юнусу:

— Вы посыпали солью сердечные раны лучших шанхайских красавиц, шангун. Они грезят о вас, взгляните-ка вот на этих... — Он протянул Юнусу пачку пяньца — узких, длинных визитных карточек с красиво выполненными изображениями девушек.

Юнус быстро разложил карточки на столе, принялся самозабвенно рассматривать.

«Кажется, попал — в точку. Теперь-то уж удастся попользоваться денежками этого чаньту»,^[1] — ликовал в душе китаец.

— Спасибо, дорогой Чжан. Труд ваш будет вознагражден, — растроганно сказал Юнус и, наполнив хрустальные бокалы французским шампанским, предложил: — Прошу вас.

— Знал бы, что будет такой успех, удвоил бы ресторанные цены, — проговорил Чжан, поднимая бокал. — Ну что ж, вам повезло...

— Умерьте свой аппетит, господин управляющий. Ведь ежедневная выручка ресторана не превышает шестисот сар, а я уплатил вам восемьсот. Приглашено-то всего лишь двадцать четыре человека.

— Хе-хе-хе... Вы и считать умеете. Впервые встречаю такого среди виуров^[2].

— Хватит, не поднимайте меня на ходули, я могу упасть...

— Говорите что угодно, уважаемый Ю-шангун, но если вы меня как следует не порадуете, бог вас накажет!

— Успокойтесь, Чжан, уйгуры умеют платить за услуги.

— Я ваш преданный слуга, господин, верьте мне. — Китаец прижал к груди руки и склонил голову, думая про себя: «Глупец! За каждый мой шаг платишь серебром... Будешь платить еще и золотом! Уж если ухватил тебя, не выпущу, пока не вытрясу...»

— Лишь бы пришли те два знатных гостя... Мои желания исполнились бы, — вздохнул Юнус.

Собственно говоря, сегодняшней банкет он устраивал ради двух

людей: министра по делам провинций и человека по имени Шэн Шицай, назначенного на военную работу в Синьцзян — Восточный Туркестан. Юнусу, хотелось, установив с ними добрые отношения, укрепить свое положение.

— Не беспокойтесь, шангун, я собственноручно передал министру приглашение и заручился его обещанием.

— Кто знает... Ведь настроение государственных деятелей так часто меняется.

Чжан горделиво усмехнулся:

— Сумевший войти в доверие к государственным деятелям поведет их куда угодно. Я всего лишь управляющий этой гостиницы, но любого из них держу, как на крючке, хе-хе-хе...

— Ну что же, сегодня убедимся...

— Не сомневайтесь, шангун, Чжан лицом в грязь не ударит. Но учтите, что многое зависит от вашей щедрости, да, да, да!

«Этот прохвост не успокоится, пока не продырявит мне карман», — подумал Юнус.

— А время-то идет. — Чжан вынул из внутреннего кармана золотые часы. — Хай-хай, осталось всего два часа. Пойду предупрежу по телефону министра.

«Хитрец... Всюду пролезет и вылезет. Ну пусть. Пусть его хитрость послужит мне. Пока не закончу дела, буду ублажать его, сколько захочет. А там увидит, что я умею. — Юнус выпил шампанского. — Вот если удастся сегодня сблизиться с министром и Шэн Шицаем, откроются большие возможности...» Юнус углубился в размышления, которые чем дальше, тем становились все более сладостными, и вот уже жирное белое лицо его расплылось в млеющей улыбке. Внимательно рассматривая карточки с изображениями красавиц и время от времени подкручивая распускающиеся усы, он начал сравнивать девушек между собой.

Послышался звонок. Не поднимая головы, он крикнул:

— Входите!

Дверь раскрылась, вошли двое. Первый, Муталлиб, джигит с лихо закрученными усами, ловко разыграл изумление:

— Балли!^[3] Пригласили гостей, а сами ушли в мир красавиц и наслаждаетесь там!

Смутившийся Юнус, вместо того чтобы пригласить приятелей сесть, стал быстро собирать со стола карточки.

— Не спешите, байвачча^[4], дайте и нам полюбоваться. — Муталлиб

выхватил карточки и начал просматривать. Выбрав из всех одну, он произнес: — Вот это да!.. Поздравляю. Эта ханум прекраснее самой Чжу-шожа^[5]. Как жаль...

— Ну-ка, ну-ка, дайте и мне посмотреть, — перебил его второй, с аккуратно подстриженными усами и глазами навывкате. Это был Турди-байвачча. — Ух ты, — вырвалось у него, — да это же ангел, а не человек. Вот это...

— Да ну вас! — отмахнулся Юнус.

— А что, байвачча, мы тоже не лыком шиты. И если представится случай, не упустим, — блаженно рассмеялся Турди.

— Если не будете, как мешки, сидеть на сундуке с деньгами, любая из них сама пойдет в руки.

— Как зовут эту ханум? — спросил Муталлиб.

— Ян-шожа.

— Она сегодня будет?

— Должна быть. Вместе с Чжу-шожа.

— Вот это да! — ликующе воскликнул Турди.

— А почему вы так задержались? — Юнус спешил перевести разговор на другую тему.

— Муталлиб-байвачча считает, что ухватил сегодня жар-птицу, — опередил приятеля с новостью Турди.

— Как так?

— Решил начать с Лондона.

— Но ведь сейчас тысяча девятьсот тридцать первый год, и в Лондоне тоже кризис.

— Пущу свой корабль в русло риска. В торговле этого не избежать.

— Как бы это не кончилось разорением, — глубокомысленно изрек Юнус.

— В Шанхае не нашлось покупателя, который согласился бы купить шкурки пятилетней давности. В первых партиях уже обнаружена моль. А из Кульджи идут еще две тысячи верблюдов с бобровыми, собольими шкурками. Куда все это девать, если не в Лондон?

— Если в Шанхае обнаружена моль, то не придется ли в Лондоне выбросить все в море? — усмехнулся Юнус.

Эти слова больно задели Муталлиба, он вспыхнул и приготовил резкий ответ. Но Турди опять опередил его.

— Помолвки нет, торговли нет, дороги нет, — быстро проговорил он, пытаясь с помощью поговорки предотвратить назревающую ссору. — В таких случаях можно и рисковать своим счастьем, не так ли?

Муталлиб-байвачча вел торговлю ценной пушниной. Это дело давно уже обеспечило имя и состояние семейству Мирзирапбая. Сам Мирзирапбай мог соперничать с известными в Восточном Туркестане богачами-капиталистами Мусабаевыми. В последние годы он начал усиленно расширять торговлю с границей. Его старший сын Муталлиб, распорядившись десятками приказчиков, заключал выгодные сделки в таких широко известных торговых центрах, как Шанхай, Тяньцзинь, Харбин, и считался одним из наиболее дальновидных торговцев Восточного Туркестана. Он не прятал, как суслик, свой капитал в кладовые, а старался идти в ногу со временем, направляя прибыли на расширение дела и стремясь монополизировать всю торговлю пушниной. И хотя его лондонская операция происходила во время мирового кризиса капитализма, он, рискуя, действовал по принципу: «Лучше стрелять, чем просто лежать». Он прекрасно понимал предостережения Юнуса, но тем не менее чванливо заявил:

— Тигр не сходит со своего пути!

— Барикалла!.. — восхищенно ахнул Турди. — Вот так и держите себя!

— Если аллах будет милостив, то на прибыли куплю самих Мусабаевых!

— Хай-хай, чуть-чуть сбавьте, ходжа! — Такого хвастовства не выдержал даже Турди.

— Я не хвалюсь, — раскраснелся Муталлиб. — В торговле нужны смелость, риск, ловкость. Если ограничиться только Восточным Туркестаном, мы проиграем. Я побывал во многих торговых центрах и кое-чему научился. Если бы наши богачи объединились в компании, то «Дадун», «Юннань» и подобные им акционерные общества не смогли бы сосать нас, как пиявки. Ведь даже сейчас мы можем построить текстильную фабрику, сахарный завод и другие предприятия по переработке местного сырья! Можем? А не строим! И остаемся в жалкой роли поставщиков сырья!

Муталлиб посмотрел на Юнуса и увидел, что тот чем-то обеспокоен и почти не слушает. А Юнус, воспользовавшись паузой, быстро взглянул на часы и испуганно проговорил:

— Как мы заболтались! Пора! Пойдемте!

И все трое вышли из комнаты.

У роскошного здания в готическом стиле, расположенного на центральной улице французского сэтлмента в Шанхае, остановился черный лимузин. По условленному сигналу раскрылись железные ворота, и лимузин, въехав во двор, подкатил к мраморному крыльцу. Из машины вышли два человека. Один — лет шестидесяти, низенький, костлявый, с круглым плоским лицом, на котором почти отсутствовали брови и ресницы. Пальто на нем висело. Другой — чуть старше сорока лет, в длинном сером пальто — был среднего роста, широкогрудый; на суровом лице его четко выделялись по-японски коротко подстриженные усики.

По застланным красной ковровой дорожкой ступеням они поднялись на крыльцо. Слуга, весь в белом, звеня ключами, открыл тяжелую дубовую дверь и почтительно пригласил гостей войти. Гости не заставили себя упрашивать.

— Раздевайтесь! — бросил костлявый спутнику и сам начал снимать пальто с помощью слуги. — Не стесняйтесь, садитесь. Я не люблю стеснительных, — продолжал он, плюхнувшись на белоснежный пружинистый диван.

— Благодарю вас, — проговорил второй, осторожно присев на край дивана. Прикрыв пальцами рот, он кашлянул.

Между тем слуга принес на бронзовом подносе фрукты, французское шампанское и, бесшумно расставив все необходимое на низеньком столике, покрытом плюшевой скатертью, пятясь, выскользнул из комнаты.

— Шэн-сяньшэн^[6], вы, очевидно, в первый раз видите все это, да? — усмехнувшись, спросил костлявый, заметив, что его спутник то и дело озирается.

— Но это ни с чем не сравнимо!

— И обстановка, и пища, и обычаи в этом доме — все французское. Видите, даже в Китае они чувствуют себя как в Париже.

— Поразительно, господин министр...

— Это дом моего близкого друга, банкира. Чувствуйте себя свободно.

— Благодарю.

Министр неторопливо начал крутить пробку бутылки с шампанским, как вдруг раздался звонкий хлопок и пробка ударила в потолок, отскочила, как мяч, стукнулась о фарфоровую вазу.

— Вначале еда, потом беседа, — говорят синьцзянские чаньту. Поняли? Вы едете в Синьцзян, поэтому не будет вреда, если запомните побольше таких поговорок.

— Разумеется, господин министр.

— Давайте выпьем.

Поставив на столик пустой бокал, министр принял серьезный вид:

— Вот теперь можно и побеседовать. Синьцзян — это не то что наши внутренние районы вроде Ганьсу или Хунани. И утверждать, что Синьцзян полностью находится в наших руках, было бы величайшей глупостью! — Голос его вдруг сорвался до писка. Министр вскочил и сжал свои тонкие пальцы. — Поэтому ответьте, почтенный: можно ли сделать Синьцзян подлинно нашим?

От неожиданного вопроса Шэн Шицай не растерялся, хотя до сих пор и не вел бесед с людьми такого высокого ранга. Он хорошо знал настоящие цели гоминьдановской политики в отношении Синьцзяна и поэтому вместо ответа лишь усмехнулся.

— Я считаю неприличным, если за беседой усмеваются!

— Простите, господин министр, ваш покорный слуга хоть и не наделен умом, считает, что... э-э... считает...

— Ну-ну! Говорите! — поторопил министр.

— По-моему, — продолжал Шэн Шицай, растягивая каждое слово, — такой красивый, богатый район, как Синьцзян, всегда должен быть на карте Китая, должен навечно стать его частицей.

— Очень хорошо, Шэн-сяньшэн! — воскликнул министр. — Отлично сказано! — еще раз похвалил он, разливая в бокалы шампанское.

Собеседники молча подняли бокалы.

— Так вот, Шэн-сяньшэн, — мягко заговорил министр, — я очень рад, что нашел такого энергичного человека, как-вы.

— Моя голова вознесется к самым небесам от ваших похвал. — Шэн Шицай сложил на груди руки, выражая этим традиционным китайским жестом безмерную благодарность.

— Не стоит, не стоит, — растаял от удовольствия министр. — Говоря честно, управлять Синьцзяном очень нелегко. Если не смотреть в завтрашний день, то так и хочется отказаться от этого далекого, сурового края, где так плохи дороги и так много смут.

— По-моему, мы ни сегодня, ни в будущем не откажемся от Синьцзяна.

— Это так, — согласился министр и, немного подумав, добавил: — Управлять синьцзянцами, забитыми, погрязшими в отсталости, все же легче, чем крутить жернова. Однако... однако не так-то легко искоренить влияние извне.

— Правильно. В этом и заключается суть вопроса.

— Я имею в виду не Англию, не Америку и не Японию, почтенный. Не думаю, чтобы они стали нашими соперниками в Синьцзяне. Я боюсь

марксистской чумы.

Тут министр, видимо, не желая высказаться до конца или обдумывая, как выразить свою мысль, начал, запинаясь, произносить лишь слово «Синьцзян», подобно тому как беременная женщина твердит название полюбившегося кушанья. Он налил себе вина и, не предложив собеседнику выпить, сам опорожнил бокал. Только после этого речь его опять обрела смысл:

— Синьцзян граничит с Советским Союзом. Синьцзянцы узнают о новой жизни национальных меньшинств у Советов. Как вы думаете, влияет это на них?

Вопрос был задан таким тоном, будто в этом повинен Шэн Шицай. Господин министр никогда не мог говорить спокойно о Советском Союзе. И сейчас начал нервничать. Он принадлежал к правому крылу гоминьдановцев, поэтому и в рабочем движении внутри Китая, и в деятельности китайских коммунистов, и в сдвигах, происходящих в Синьцзяне, ему мерещилась рука большевиков.

Шэн Шицай знал немного о взглядах министра и теперь внимательно прислушивался. Постепенно ему стал понятен смысл затеянного разговора. Он решил прикинуться откровенным.

— Мне кажется, — начал Шэн, — если центральное правительство не усилит свою бдительность, то и в Синьцзяне произойдет та же революция, что во Внешней Монголии...

— Что? — вскрикнул министр, как человек, внезапно брошенный в холодную воду. — Не может быть! — крикнул он немного спустя и приказал: — Говорите все, что вам известно!

— Я человек маленький. По этому поводу правительство...

— Оставьте правительство! — оборвал министр, махнув рукой. — Высказывайте свои соображения!

Шэн Шицай задумался. Он знал о непостоянстве политических деятелей, о том, что их отношение может измениться в любую минуту. После столь сильной, неожиданно сильной реакции он перетрусил и не решался высказаться категорично, так как его суждение могло не совпасть с мнением министра и тогда под угрозой оказались бы и завоеванное с таким трудом доверие, и карьера, и новое назначение — в Синьцзян.

— Говорите все, что знаете! — требовал министр. — Не заставляйте меня пожалеть о том, что зря терял с вами время в беседе по политическим вопросам.

— Я на деле оправдаю доверие правительства...

— Не увиливайте. Я хочу знать ваши мысли!

— Мне кажется, Синьцзян сохранит только тот, кто пойдет на временные уступки недовольному населению, кто предоставит краю некоторое самоуправление под нашим, разумеется, надежным контролем, кто обеспечит улучшение экономического положения провинции. Для этого в нынешних условиях придется пойти на сближение с Советами. А закрепившись, надо выбрать удобный момент и резко отойти от них. И тогда с лихвой вернуть все, что пришлось уступить непокорным, — проговорил Шэн Шицай после некоторого молчания.

— Да, да, именно отойти и вернуть... — начал было министр, но раздался телефонный звонок. Пришлось поднять трубку. — Да, да, знаю, будьте спокойны...

После звонка беседа потекла по другому руслу.

— Чжан из отеля, я обещал быть у него.

— Видимо, это банкет синьцзянцев. Они и меня пригласили.

— Да? Вы уже сближаетесь с ними?

— Только начал.

— Хорошо. Какие впечатления?

— Беседовал с некоторыми. Среди них выделяются Юнуси, Тулиди, Папенгути^[7].

— Что вы имеете в виду?

— Как бы это сказать... короче... Любят деньги, почет и власть.

— Будьте осторожнее с белогвардейцем Папенгути.

— Спасибо, господин министр. Юнуси и Тулиди я думаю использовать при случае, А Папенгути — русский, он, конечно, и полезен, и вреден.

— Мне нравится, как вы характеризуете людей, Шэн-сяньшэн. Тех подманите лаской, а русского обуздайте, вот вам мой совет. — Министр явно был доволен собой.

— Так и поступлю. Мы не только обуздаем Папенгути, но и оседлаем.

— Вы угадали мои мысли. Я помогу вам устроить все дела здесь, чтобы вы смогли быстрее выехать в Синьцзян.

— Благодарю, господин министр, — обрадованно произнес Шэн Шицай, поняв, что не упустил из рук птицу счастья.

— Одевайтесь, поспешим на банкет ваших будущих подданных!

Когда в большом зале ресторана появились Юнус-байвачча и его

приятели, кокетливая Чжу-шожа обратилась к каждому из них с ласковым приветствием. А Чжан, как истинный китаец, прижав руки к груди, с поклоном пригласил:

— Прощу, господа!

И затем с приторной улыбкой добавил:

— Нам повезло с цветами, Ю-шаое^[8]. Мне удалось достать их в Юньнани. Таким цветам место только в раю.

Гости и в самом деле, залюбовались цветами в большой вазе, испускавшими приятный аромат. Чжан осторожно вытянул из вазы бутон и приколот его к груди Чжу-шожа.

— Каждый бутон стоит сто долларов. Значит, Ю-шаое, я запишу еще сто долларов на ваш счет. Не так ли, Чжу-шожа?

— Если вы будете каждый бутон продавать по сто долларов, то Юнус-байвачча уйдет отсюда голым! — рассмеялся Муталлиб, подмигнув.

— Ну что вы... Даже остатки прибылей Ю-шаое за один лишь день сделают счастливыми десятки таких, как я, — льстиво улыбнулся Чжан.

— Не можешь — не лезь, верно? А если можешь делать деньги, то и тратить их так, чтобы слава осталась, верно? — проговорил Турди, хлопнув Юнуса по плечу.

Заметив, как заскучал Юнус от этих слов, китаец, растягивая слова, почти пропел друзьям:

— Изысканнейшими блюдами сегодняшнего банкета вы будете наслаждаться под звуки ваших любимых мелодий!

— Да ну? Вы, господин Чжан, и дело знаете, и как его начать!

— Говорите что угодно, Муталлиб-шаое, но я ничего не пожалею для вас, если даже придется понести большие убытки. Даже тут, в Шанхае, вы услышите уйгурскую музыку... — Вдруг, словно вспомнив о чем-то, Чжан посмотрел на часы, удивленно вскинул брови, подошел к окну и раздвинул шторы. С высоты четырнадцатого этажа Шанхай виден был как на ладони. — Прощу вас, господа! Вы можете осмотреть Шанхай, не блуждая по его улицам. Любуйтесь! — Чжан словно показывал свои владения.

Гости залюбовались переливами огней ярко освещенного вечернего города, который отсюда казался еще прекраснее и спокойнее. На ровных, прямых улицах, как бы прочерченных твердой рукой среди разноэтажных зданий, струился нескончаемый поток автомашин, автобусов, троллейбусов, мельтешили рикши, напоминавшие муравьев. Отсюда, с высоты, водоворот обыденной жизни большого города казался таинственно-непостижимым. Вдали было видно море, многочисленные каналы, вливавшиеся в него, и несметное множество лодок-джонок, снующих по

воде, и всюду люди, люди, люди, которым приходилось бороться за нелегкое свое существование...

— Министр! Господин министр вышел из машины! — воскликнул Чжан и бросился к дверям.

— Господин министр... — проговорил Юнус и, хотя не видел машины, кинулся вслед.

Муталлиб и Турди многозначительно переглянулись и тоже вышли. Только Чжу-шожа не тронулась с места, а лишь прикусила нежные губы.

Чжан, Юнус и спустившиеся вслед за ними Муталлиб и Турди успели встретить министра и Шэн Шицая у парадного входа. Чжан, напоминая видом своим собаку, заметившую мясо в руках хозяина, низко склонил голову и пролепетал:

— Прошу, прошу, господин министр.

— Ваш приход большая честь для нас, великий дажэнь!^[9] — Юнус, не скрывая своей радости, сложил руки на груди. — От вашего внимания наши души возносятся к раю, ваше превосходительство...

— Как здоровье? — буркнул министр еле слышно и, вытянув голову, как гусак, огляделся по сторонам.

Зная его высокомерие, Чжан не удивился холодной встрече. Он заговорил еще более льстиво:

— Ваш раб готов исполнить любое ваше повеление. Пожалуйста, проходите, прошу вас, проходите... Не дай бог простудиться здесь...

Глава вторая

1

Банкет проходил шумно и весело. Управляющий сам ухаживал за гостями и делал это так умело, что вызвал аппетит даже у тех, кому не хотелось есть. Ароматнейшие закуски, приготовленные из трепангов, мяса перепелок, фазанов, диких уток, куропаток, из корней бамбука, семян лотоса, сменяли друг друга, десятки вкуснейших горячих блюд появлялись в небольших тарелочках на маленьких столиках одно за другим, и к каждому новому блюду наполнялись рюмки. Чжан красочно расписывал способ приготовления каждого кушанья, искусно возбуждал аппетит гостей; и они ели и ели, пили и пили. Особенное внимание уделял он министру и, когда тот поднимал рюмку, тут же подносил ему на палочках

закуску. Манящие улыбки красавиц, сидевших рядом с министром, слева и справа, их лукавое кокетство, гибкие тела, источавшие нежный аромат духов, а также вкусное блюдо и крепкое вино делали свое дело: министр все более веселел.

— Попросим барышню Ян спеть! — вдруг крикнул он, уже порядком захмелев.

— Просим, просим! — раздались голоса со всех сторон.

Ян-шожа очаровательно улыбнулась и встала. Она действительно была красива, и мужчины, облизывая губы, во все глаза смотрели на нее, словно хотели съесть, как самое вкусное кушанье. Чжу-шожа с досады кусала губы, бледнела, краснела, мучительно страдала от зависти, готовая провалиться сквозь землю. Она давно собиралась покинуть банкет, но не замеченный другими многозначительный жест Шэн Шицая заставил ее остаться. С тех пор как они встретились еще в Мукдене, Чжу-шожа чувствовала себя связанной с Шэн Шицаем прочной невидимой нитью и была уверена, что вдвоем они сметут прочь каждого, кто встанет на их пути.

Ян-шожа дала знак сидевшим в нетерпении музыкантам, и они заиграли. Маленький ротик ее раскрылся, словно бутон, и полилась давно уже ставшая классической мелодия эрхуан, исполняемая в манере знаменитого актера Мэй Ланьфана. Нежный голосок певицы, искреннее волнение и неподдельная задушевность исполнения захватили слушателей. Все гости, и даже пьяненький министр, сидели, не проронив ни звука, а потом, не сдержавшись, шумно зааплодировали. В этом общем шуме один лишь Юнус сидел тихо и незаметно. Если сказать правду, то и мысли и душу его занимала сейчас Ян-шожа. От неожиданно возникшего чувства тревожно сжималось сердце, а воображение рисовало одну за другой самые сладостные картины.

«Все отдам, но не успокоюсь, пока не станешь моей!» — решил он.

— Выпьем до дна за здоровье Ян-шожи!

— До дна, до дна!

Раздался звон бокалов.

Перед министром низко склонился управляющий:

— Для господина министра я подготовил уйгурскую мелодию...

— Давайте послушаем, — милостиво разрешил министр.

Управляющий рысцой подбежал к музыкантам, что-то объяснил им, и сразу же послышалась уйгурская мелодия, нечто среднее между «Хан ляйлун» и «Ах хеким». Потом музыканты перешли на мелодию «Чим-чим аттим», и захмелевший Турди выскочил танцевать. Его медвежья

неуклюжесть, неповоротливость вызвали громкий дружный смех, но Турди, войдя в азарт, начал так быстро и ловко перебирать ногами, так выразительно двигать бровями, что смех утих, и гости уже с интересом посматривали на танцора.

— Первый раз вижу уйгурский танец, — сказала Ян-шожа. — Видимо, женщины танцуют еще красивее, да?

— То, что вы сейчас видели, не танец, так пляшут дрессированные медведи, — рассмешил гостей Муталлиб. — Наши танцоры словно сокол в небе, рыба в воде.

— У нас такие стройные и гибкие ханум, что смогут станцевать на этом столике! Им хватит места даже на ногте... — начал хвастаться Юнус.

— Я слышал такое выражение, — перебил его Шэн Шицай. — В Турфане — виноград, в Хами — дыни, в Кучаре — женщины, в Или — кони...

— Очень кстати сказано, — подхватил министр. — В самом деле, и земля в Синьцзяне, и все, что там растет, и люди хороши.

Вслед за ним все начали превозносить Синьцзян. Здесь были торговцы, крупные чиновники, фабриканты, известные дельцы, — словом, те, кто так или иначе в своей деятельности связан с Синьцзяном. И хотя министр давно уже вернулся к более занимательному для него предмету — очаровательным барышням, — гости продолжали увлеченно спорить о Синьцзяне, где нет сейчас полновластного хозяина. Именно поэтому предприимчивые люди должны овладеть им, а иностранного вмешательства в дела Синьцзяна допускать ни в коем случае нельзя; лучше всего переселить туда миллионы китайцев и этим закрепить край в своих руках...

Были среди гостей и такие, которые, украдкой оглядываясь на господина министра, весело смеявшегося в окружении красавиц, полушепотом возражали против крайних мер вроде массового переселения в Синьцзян китайцев, потому что подобные шаги, по их мнению, вызовут возмущение народа и другие нежелательные последствия.

Один лишь Шэн Шицай не принимал участия в оживленной беседе. Сидя в одиночестве и наслаждаясь ароматным чаем, он незаметно наблюдал за спорившими. Сказывались при этом не только прирожденные его черты — замкнутость, молчаливость, — но и некоторые выпестованные качества. Окончив военную академию в Японии, Шэн Шицай три года служил в гарнизоне Мукдена и использовался политическими кругами как весьма толковый осведомитель. Его стали ценить, обратили внимание на ум, на способность быстро и правильно

улавливать скрытые намерения собеседника, на осторожность (к нему как нельзя лучше подходила поговорка «Семь раз отмерь, один раз отрежь»), на умение почти безошибочно ориентироваться в настроениях окружающих. В результате Шэн Шицай быстро продвинулся по служебной лестнице и достиг должности советника при провинциальном военном штабе. У него выработалась привычка наблюдать, замечать все вокруг. Потому и сидел он, демонстрируя свое будто бы безучастное отношение к беседе, а на самом деле брал на заметку особенно разболтавшихся, запоминал все, чтобы при случае использовать полученные сведения. Но от этого занятия ему пришлось оторваться, ибо он первым заметил, как по залу засеменял куда-то в сторону министр, покачиваясь на нетвердых ногах. Шэн вскочил с места, подбежал, поддержал за локоть, участливо спросил:

— Господин министр, вам плохо?

Следом подскочил Чжан, засуетился, затараторил:

— Сейчас-сейчас, сейчас я все устрою, я сам провожу вас, — и вместе с Юнусом повел министра к выходу из зала, а потом по длинному коридору к туалету.

Им пришлось порядком подождать, пока министру стало лучше. Когда он наконец появился, управляющий, осмотревшись, заискивающе предложил:

— Для господина министра Ю-шангун... как бы это сказать... Если вам не трудно... пойдете с нами...

Тот, по-видимому, понял, что его ждет нечто приятное.

— Веди! — бросил он.

Втроем, они вошли в люкс номер 1417 на четырнадцатом этаже. Убранство здесь было отнюдь не гостиничное, обстановка напоминала комнаты уйгурских баев в Восточном Туркестане. Министру показалось, что он попал на выставку: нежно сотканые ковры на стенах, красивые атласные одеяла и подушки на кроватях, укрытые шкурами леопарда и белого медведя диваны, на стенах полотенца с вытканными на них силуэтами обнаженных женщин, серебряный самовар на низеньком столике, рядом серебряный поднос, а на нем позолоченный чайник с чашками, на другом столе большое медное блюдо со слитками серебра и золота, тут же вышитые золотом тубетейки, четыре темные, как ночь, чернобурки и пара золотых колец с бриллиантами...

Министр ясно понял, что все это значит, но не подал и виду — он вопросительно и даже гневно уставился на Чжана. Тот, конечно, отлично зная все формы взяточничества, выработанные изощренными умами

китайских чиновников, притворился смертельно напуганным, со страхом пролепетал:

— Ваши подданные... одним словом, ваш почитатель Ю-шангун привез скромные подарки из Синьцзяна. Он сочтет за честь, если вы их примете...

Колени Чжана привычно согнулись. Министр сморщил лоб, помолчал и, словно родитель, простивший проступок своих детей, проговорил:

— Ну, если подарок...

— Благодарю, отец родной! — Юнус припал к руке министра, в нос ему ударил запах опиума. — Если бы вы переночевали здесь, — Юнус встал на колени, — я посчитал бы, что вы были гостем у меня дома, в Синьцзяне...

— Конечно, конечно, господин министр не оставит без внимания вашу просьбу. — Управляющий незаметным для Юнуса движением глаз и бровей дал министру понять, что в комнате приготовлены на ночь и другие наслаждения.

Министр милостиво согласился.

Через час в номере появилась Ян-шожа, разодетая в дорогие уйгурские наряды. Спустя немного комната окуталась дымом опиумной трубки, которую набили нежные руки...

2

— А вы очень стеснительны, Заман-шангун, — Чжан похлопал по плечу сидевшего в задумчивости Замана. — Я специально для вас оставил особенное вино — изумительного аромата. Пойдемте, поднимем рюмки, как старший брат с младшим.

— Спасибо, господин Чжан. Я не пью вина.

— Побывать в Гоцзифаньдяне и не выпить — это все равно что побывать в раю и не попробовать нектара из рук ангелов... хе-хе-хе!

— Во-первых, я не байвачча, а нанятый работник, во-вторых, прошу не толкать меня на пьянство.

— Э, вы еще совсем ребенок! Не упускайте счастья, когда оно в ваших руках, поняли? Ю-шангун только на вид строгий, а на самом деле щедрый... добрый...

Эта хитрая уловка вызвала улыбку Замана. Несмотря на свои семнадцать-восемнадцать лет, он был по-взрослому серьезен. Отца лишился еще в пятнадцать, и тогда на его попечении оказалось трое —

мать и брат с сестренкой. Семья испытывала острую нужду, пришлось наняться в секретари к Юнусу. Два с лишним года носит Заман бремя забот о семье, но это не помешало ему продолжать пополнять свои знания, самостоятельно изучать русский язык. Сейчас он был недоволен собой за то, что не успел толком ознакомиться с Шанхаем, его улицами, ибо свободное от поручений Юнуса время проводил на берегу моря, в книжных магазинах или кинотеатрах. Исполнив все свои дела, связанные с банкетом, он уединился у себя в номере, читал книгу. Тут-то и пристал к нему управляющий, которому хотелось угостить Замана крепким вином и лишь после этого начинать расчеты по банкету. Чжан усиленно обхаживал молодого секретаря.

— Надеюсь, на банкете не было лишних расходов, господин Чжан? — в упор спросил Заман.

— Ох-ох-ох, какой вы! — деланно рассмеялся управляющий. — Сейчас не время расчетов. Давайте сами развлечемся хоть немного! Расходы, конечно, были, и немалые... Да оставьте эти заботы, пойдите ко мне...

— Рвать так рвать щетину с кабана! Соглашайся, и я помогу тебе рвать щетину! — по-уйгурски сказал Замену внезапно появившийся Муталлиб.

— Эй-я! — протянул Чжан. — Вы подсматривали?

— А вы, облапошив Юнуса, теперь взялись за Замана?

— Не надо так шутить, Муталлиб-шангун. Вы ведь знаете мою любовь к уйгурам.

— Как не знать! Вы мастер, сняв мерку со рта, протягивать пустую соску.

Этой шутке Муталлиба управляющий ответил тонким смешком:

— Хорошо, хорошо, пусть на этот раз соска не будет пустой.

И увел Замана с Муталлибом к себе. Там он достал какую-то необычную бутылку и торжественно разлил по бокалам хваленое вино. Выпив залпом полный бокал, Муталлиб сказал:

— Спасибо за угощение. У меня очень срочное дело к Заману. Простите, господин Чжан, — и вывел юношу за дверь.

Юнус-байвачча проснулся от стука в дверь. Голова была свинцовой, налитой тупой болью, а тело казалось чужим, одеревеневшим. Сердце

давило, будто на него навалилась какая-то тяжесть. Это состояние усугублялось мрачным сознанием того, что вчера произошло что-то непоправимо гнусное, постыдное, но что именно — Юнус вспомнить никак не мог. Помнил лишь, что в конце банкета Муталлиб заметил ему: «Ну зачем уж так раболепствовать...» Сказал в то время, когда перед глазами маячила красавица Ян-шожа и вонючие, пропитавшиеся опиумом руки министра, хватавшие ее. В словах Муталлиба почудились Юнусу насмешка и презрение, они так больно задели его самолюбие, что он напился буквально до упаду и не помнил, как добрался до своего номера и свалился в постель.

Стук повторился. Юнус заставил себя встать, прошаркал к двери, прислушался, спросил:

— Кто?

— Откройте, откройте! — ответил мягкий голос.

Вошел Чжан и, приторно улыбаясь, сообщил:

— Приятная новость, шангун! Готовьте подарок!

— ...

— Вы не отвечаете? Да такое счастье выпадает раз в жизни!

— Что за счастье?

— Господин министр вместе с визитной карточкой прислал машину. — Он протянул карточку.

Вот теперь Юнус вспомнил почти все и сразу протрезвел.

— Он же остался ночевать? — удивился Юнус.

— Ну и простак вы, шангун! Разве не знаете, что крупные деятели не оставляют следов?

— А... если так...

— А если так, то с вас и причитается за приятную новость.

— Но вначале... я бы хотел...

— Ну что вы, шангун! Если прислал карточку да еще машину, значит проявил исключительное внимание.

— Ну хорошо, дарю хотанскую дорожку.

— Хе!.. — обиделся Чжан. — Я не лакей ваш, а управляющий Гоцзифаньдяня! Вы намеренно хотите оскорбить меня?

— Ну хорошо, пусть будет две дорожки...

— А чернобурки? Не забудьте и про мою любимую супругу — тайтай!

— Хорошо, дарю пару шкурок...

— Ну вот теперь вы пришли в себя. Хе-хе-хе!

Лимузин остановился во дворе знакомого нам дома во французском

сеттлменте. Служитель в белом молча встретил посетителя и увел в дом. Обрадованный, встревоженный и взволнованный байвачча в роскошном особняке пришел в полное смятение.

— Входите, входите, Ю-шангун, — мягко ободрил его знакомый голос, и министр, не ожидая ответа, приблизился, взял за руку.

Еще вчера он грубо говорил «ты», а сейчас вдруг перешел на «вы»... Что бы это значило? Сказывается ли действие дорогих подарков или что-то другое? Может, это китайская любезность? Перемена в обращении произвела на Юнуса еще большее впечатление, и душа его витала на седьмом небе.

— Садитесь, шангун, наверное, устали.

— Благодарю, господин министр, отец мой. — Юнус сел.

— Шэн-сяньшэн вам знаком? — спросил министр таким тоном, будто и в самом деле не знает этого.

Юнус только теперь увидел Шэн Шицай и, вскочив, поздоровался с ним.

— Да, мы беседовали, — ответил Шэн.

— Очень хорошо. — Министр протянул Юнусу сигареты «Хадамин».

— Я могу сообщить, господин министр, что он произвел на меня хорошее впечатление, — добавил Шэн Шицай.

— Да, да, — доброжелательно поддакнул тот, — я очень рад этому.

— Я так благодарен, что вы уделили мне внимание, — встал с места Юнус.

— Сидите, что вы, мы же свои люди, не так ли, Шэн Шицай?

— Конечно, конечно! Я давно считаю себя синьцзянцем.

— Меня весьма печалит судьба синьцзянского народа, — вздохнул министр, как бы думая вслух. — А таких уважаемых людей, как вы, я люблю...

— Спасибо, большое вам спасибо! — Скрестив руки на груди, Юнус склонил голову.

— Садитесь, шангун. Мы знаем, какими хорошими людьми были ваши родители, мы знаем ваши ум и способности... И подобно тому как находят в горах песка бриллиант, мы выбрали вас из массы людей...

— Я всегда готов! — вскочил Юнус, как солдат, отдающий честь командиру.

— Господин Шэн Шицай назначен в Синьцзян, надеюсь, вам это известно?

— Да, да, я слышал...

— Так вот, я рассчитываю на вас: только вы можете быть ему опорой.

— Это великая честь для меня, отец родной! — опять поднялся Юнус. На сей раз встал и министр, прошел к бамбуковому шкафу, извлек небольшую шкатулку, вынул из нее золотую авторучку и кинжал в инкрустированных ножнах.

— Пусть это перо послужит вам в делах канцелярских, а этот кинжал — во всех прочих, — торжественно сказал министр.

Юнус схватил подарок, упал на колени и начал целовать руки своего благодетеля.

Затем все трое долго беседовали за легким завтраком. Господин министр и Шэн Шицай со свойственной китайцам неторопливостью задавали один вопрос за другим, и Юнус, насколько мог обстоятельно, рассказывал о природных условиях Синьцзяна, древних родах, национальном составе населения, жизни и обычаях народа, об особенностях религии, о знатных и богатых людях, о торговых и культурных отношениях Синьцзяна с Советским Союзом...

После завтрака оба благодетеля дали Юнусу напутствие, нарисовав светлую картину его процветания под их покровительством, и проводили восвояси.

— Пусть это будет пока что наша последняя встреча, Шэн-сяньшэн, — сказал министр, когда они остались вдвоем, — мне необходимо сегодня же вернуться в Нанкин.

— И я покончил с делами.

— Всегда помните, что там, на месте, вы должны быть в военных делах Цзо Цзунтаном^[10], а в административных — Лю Цзинтаном^[11].

Шэн Шицай склонил голову в знак согласия. Эти недвусмысленные слова стали как бы первой ступенью в его новой военной и административной карьере.

Так во французском доме в Шанхае завязался тугой узел и без того сложной судьбы Восточного Туркестана.

Глава третья

1

— Чжан-сочжан^[12] прибыл!

— Чжан-сочжан?

— Да-а!

- А где он?
- Где же еще, как не в доме толстопузого старосты-шаньё!^[13]
- Один, что ли?
- Какое там! С солдатами!
- Ой, тяжело будет!
- Тише, не накличь беду, братец!
- Нужно добро прятать подальше...
- Девочек и молодых с глаз долой — скорее!..

Дехкане небольшого селения Араторук, что на северо-востоке от Кумула (Хами), были в панике. Люди прятались в домах, закрывали накрепко двери. При одном только имени «Чжан-сочжан» у них поднимались дыбом волосы. И не успел Чжан прибыть в селение, как всех охватила тревога, опустели дворы и улочки, каждый дрожал за свое скудное добро и просил милости у бога.

Ночь прошла в страхе и молитвах. А на рассвете, едва служитель мечети вернулся с утренней молитвы, посыльный обежал дворы с приказанием главам семей собраться к шаньё.

Всегда послушные, дехкане отправились, даже не позавтракав. Люди шли с опущенными головами, сердце каждого сжималось в тоскливом ожидании несчастья. Скоро во дворе старосты собрались все, но начальство не спешило показаться. Дехкане безропотно ждали.

Прошло около трех часов, а Чжан-сочжан все сидел у шаньё, и никто не посмел высказать малейшее недовольство, хотя у многих устали ноги и ломило в пояснице. Да и кто осмелится хотя бы пикнуть? И без этого над кем-то сегодня просвистит бич, чьи-то руки попадут в колодки, чьи-то ноги закуют в кандалы... Одни лишатся земли, другие — лошадей...

— Появился Чжан-дажэнь!

На крыльцо в сопровождении четырех солдат вышел Чжан-сочжан. Он стоял важный, надменный, презрительно оглядывая толпу, а дехкане опустили головы еще ниже. Пять лет прошло с тех пор, как он при поддержке чиновников из Кумула, добился назначения на должность сочжана восьми селений округа. А до этого... До этого, бедствуя, с корзиной на плечах прошел пешком тысячи верст из внутреннего Китая. Тогда глаза его были почти навывкате, лицо худым, руки тонкими, словно только проросшая травинка. А теперь — заплывшие жиром щелочки-глаза, пухлое лицо, толстые, мягкие руки и важная, вперевапочку, походка, точь-в-точь мерный шаг гуся. Чжан начисто лишен был совести, он почти открыто грабил народ и уже в компании с китайскими торговцами Кумула имел в городе магазин, сверх того владел тысячей баранов, лошадей, коров,

быков, хранил в сундуках золото и серебро.

Неподвижно, холодно, как каменный идол, смотрел сочжан на народ, а потом кивнул горбатому переводчику. Тот начал говорить от имени сочжана:

— Сочжан-дажэнь прибыл сюда по двум делам. Первое: прибывшим из внутреннего Китая братьям вы должны выделить излишки земли...

При этих словах ряды дехкан колыхнулись — излишков ни у кого не было, — но, опасаясь гнева Чжана, все опять замерли.

— Второе, — продолжал переводчик, — сообщить вам от имени провинциального правительства, что налоги увеличиваются вдвое. Понятно вам, люди?

По толпе прокатился тяжелый вздох, и опять наступило безмолвие.

— Запомните, люди! — закричал после переводчика толстопузый шаньё, размахивая маленькими, обрубленными, как палка, руками. — Наш Чжан-дажэнь занимает тот пост, которому подчинены все дела вокруг... — От натуги он закашлялся. Его слушали тоже молча. — Все мы одинаковы, все мы люди, — продолжал староста, — дехкане других селений не обидели тех несчастных, пришедших из внутренних районов, — уже помогли и землей, и скотом. Мы не останемся в стороне и тоже возьмем китайских братьев под свое крыло, земляки! Вот я вношу пять хо [\[14\]](#) пшеницы.

В рядах раздался смех. Чжан повернул голову и посмотрел — стало тихо.

— Указание сочжана такое: каждая семья обязательно должна выделить нашим братьям, прибывшим из внутреннего Китая, и землю, и скот. Кто не выполнит, будет наказан, поняли? — требовательно сказал переводчик.

Видимо, люди смирились с судьбой, потому что никто не проронил ни слова, наоборот, стало еще тише.

— У нас, — проговорил, склонившись, шаньё, — молчание — знак согласия, господин Чжан-дажэнь.

— Хао — хорошо! — ответил Чжан довольно и повернулся было уйти, как вдруг из толпы выскочил широкоплечий джигит.

— Эй! — крикнул он старосте. — Ты что, заживо нас продаешь?

Лишь теперь толпа глухо зароптала.

— Замолчи, голоногий, или тебя живым зароят! — заорал шаньё.

— Как мы будем жить, братья, если свои скудные клочки земли и еле стоящих на ногах лошадей отдадим пришлым?

— Правильно говоришь, окям^[15] Хетахун!

— Поборы увеличивают, по миру хотят пустить!

— Думают нас извести, а землю отдать пришлым!

Несколько дехкан криками поддержали Хетахуна. Их слова, рвавшиеся из глубины души, нарушили ледяное безмолвие толпы, она зароптала, заволновалась, но в дело вмешались те, кто считался в селении влиятельным.

— Эй, люди! Успокойтесь! Разве можно противостоять властям? В беду попадем из-за таких, как Хетяк! — надрывался один.

— Кого вы слушаете? Хетяк приведет нас в огонь! — вторил другой.

— Да, люди, это так. Такие, как Хетяк, только воду мутят. По законам шариата их надо удавить мешками с песком, — подал голос стоявший с четками в руках сельский имам.

— Братья, нож дошел до кости — чего же теперь жалеть? — закричал было Хетахун, но по знаку сочжана солдаты схватили его и заперли в амбар.

— Земляки! Неужели предадим Хетахуна? — крикнул какой-то дехканин, но никто не поддержал его.

Солдаты ввели во двор десятка полтора избитых, окровавленных людей, с колодками на руках, — и те, кто недавно роптал, потеснились было в толпу, но сочжан велел схватить их. Крикунов тоже заперли в амбар, вместе с приведенными.

— Ну, кто еще хочет выступить против распоряжений правительства? — расправил плечи Чжан-сочжан.

Народ молчал.

— Сейчас привели бунтовщиков из соседних селений, — сообщил переводчик.

— Такова участь всех, кто выступает против правительства, — назидательно изрек имам.

Чжан-сочжан велел разойтись всем, кроме старейшин. Когда двор опустел, старейшинам было указано, сколько выделить земли, сколько собрать скота и семян для переселенцев из внутреннего Китая. Основная тяжесть обложения падала, конечно, на долю тружеников...

Обойдя восемь селений, Чжан-сочжан получил в подарок восемь иноходцев, которых пустил пастись в косяк лошадей знакомого бая; на пятьсот серебряных монет-юаней, полученных за то, что отпустил на свободу нескольких арестованных, приказал старосте купить и содержать овец. Сейчас перед сочжаном красовался саврасый иноходец под пекинским седлом, невдалеке стояли кучкой сельские богатеи — они

пришли проводить знатного гостя. Чжан шагнул к коню, и его чуть не на руках взгромоздили в седло. Чиновник возвышался на коне как кувшин: казалось, вот-вот свалится.

— Это очень смирный конь, — держите повод свободнее, дажэнь, — лебезил шаньё, ведя под уздцы саврасого с седоком за ворота.

Ему вторили баи во главе с имамом:

— Приезжайте почаще в наши места, господин дажэнь!

— Пока защищаем мы вас, а вы нас — будем жить спокойно, — отвечал с притворной улыбкой сочжан.

— Правильно, дажэнь, верно...

— Гоните смутьянов! — приказал сочжан.

Солдаты вытолкали из амбара пленников, лица их были страшными от ссадин и кровоподтеков. Чжан оглядел их, бросил:

— Вперед!

Ударами прикладов погнали бедняг по главной махалле селения, жители вышли из домов и молча смотрели на них. Некоторые женщины пытались вручить страдальцам свертки с лепешками, но солдаты никого не подпускали близко.

В середине махалли сочжан приказал остановиться и крикнул:

— Люди! Кто перечит правительству, будет наказан, как эти...

Его перебил Хетахун:

— Братья! Слезы и горе не избавят нас от бед!..

— Молчать, смутьян! — заорал шаньё.

Солдаты принялись избивать Хетахуна прикладами. В это время сквозь толпу прорвалась девушка.

— Хетям! — крикнула она. Казалось, все кругом зазвенело от ее голоса.

— Прощайте, Тажям...

С невысказанной любовью взглянули друг на друга Хетахун и Тажигуль, и неизбывным горем были полны их глаза...

— Чего стоите, идиоты? Гоните! — закричал переводчик на солдат.

— Чья это дочь? — тихо спросил Чжан у шаньё, когда арестованные отошли достаточно далеко.

— Таира, — ответил тот.

Чжан-сочжан подумал с минуту, закусив губу, потом сказал:

— Веди домой! — и, не ожидая ответа, повернул коня.

Тажигуль соответствовала своему имени — венец цветов, — она была одной из самых красивых девушек селения: лицо можно было сравнить с маленьким серебряным блюдечком, а глаза, обрамленные густыми

темными ресницами, приковывали взор каждого. Природа наделила девушку не только красотой: когда она брала в руки маленькую кумульскую скрипку, то, казалось, даже соловьи замолкали. Семья ее жила бедно, но дружно, Тажигуль в ней была светом и радостью. И хотя девушка все чаще посматривала в зеркало, родители не спешили расставаться с единственным ребенком и потому отказывали сватающимся. Им хотелось назвать сыном хорошего парня. Казалось, их желанию суждено осуществиться — Тажигуль встречалась с Хетахуном, одним из лучших парней в селении, и родители юноши и девушки уже начали подумывать о свадьбе. Но сегодня все их мечты были разбиты. Удастся Хетяму вырваться из рук сочжана? Вряд ли. Говорят, еще никто не ушел от него невредимым. И еще говорят, что всех схваченных сегодня отправят на каторжные работы в шахты, а это путь с одним концом: уйдешь — не вернешься.

Молча сидели и горевали при слабом свете коптилки отец и мать Тажигуль. Только тяжелые вздохи передавали их состояние. Из соседней комнаты вдруг послышался голос скрипки — старики подняли отяжелевшие головы и вопросительно посмотрели друг на друга. Скрипка в руках Тажигуль пропела грустную, заунывную мелодию, а потом послышался голос девушки:

Ни дня не жить
Мне без милого.
Перед огнем любви
Муки ада ничто...

Никогда еще девушка не пела так грустно. Да и скрипка не привыкла к такой скорби. Нет, не скрипка, это сердце Тажигуль страдало и печалилось. Родители плакали. Горе, неутолимое, горе дочери разрывало их сердца. Мать не выдержала:

— Соловушка мой...

Она встала и направилась к дочери, но тут с шумом открылась наружная дверь, в комнату ввалились четверо солдат и посыльный старосты. Тажигуль, прижав скрипку, замерла. Мать бросилась к дочери, заслонила собой. А старик отец остался сидеть в углу.

— Сочжан-дажэнь желает послушать игру Тажигуль, — объявил посланец шаньё.

— К-как ж-же это?.. Она ведь девушка...

— Не болтай, старый! — оборвал посыльный. — Разве у тебя десять жизней, чтобы перечить желаниям великих?

— Не кричи на отца. Если нужна я, то и говори со мною! — встала с места Тажигуль.

— Доченька, не спорь с ними, — прошептала мать.

— С вами, милая моя, желает говорить сам Чжан-сочжан. Так что поторапливайтесь, у нас мало времени!

— Ради бога, сжальтесь над ребенком...

— Что ты там мелешь!..

— Отец, прошу тебя, не вмешивайся!

— Сначала убейте меня, а потом забирайте дочь! — Мать бросилась на солдата, который хотел схватить Тажигуль за руку.

— Прочь с дороги, рухлядь! Хребет переломлю!

— Уходи, разбойник! Уходи!

Старуха крепко обняла дочь. А Таир, тоже вцепившись в девушку, причитал:

— Не отдам дочь... не от-да-ам...

Солдат схватил старика за шею, оттянул от дочери и обвязал веревкой.

Им пришлось долго повозиться, прежде чем они справились с матерью. Старуха кусала руки, отбивалась ногами. Четверо солдат все-таки оторвали ее от девушки и тоже обмотали веревкой.

— Помогите! Помогите!.. — кричала Тажигуль, но ей заткнули рот какой-то тряпкой. Потом один из солдат взвалил ее на плечи. Связанные по рукам и ногам старики, услышав: «Осторожнее, нужно доставить невредимой!» — лишились сознания.

2

Лошади устали от многодневного перехода, будто прошли изнурительную байгу. Легкая пыль из-под копыт тянулась по дороге, оседая на ветвях кустарников. Охотники ехали с богатой добычей: в хурджуны трех всадников были уложены еще не остывшие туши джейранов. Головы их торчали наружу, и открытые глаза животных, казалось, еще подавали признаки жизни.

У ехавшего впереди высокого всадника, которого звали Ходжаниязом, высовывалось из хурджуна несколько лисьих шкур — мех так и переливался на солнце.

— Подгоняйте коня, афандим! — обернулся он к ехавшему следом

Пазылу.

— Наш просвещенный афанди боится упасть. Видите, вцепился в луку седла, — с лукавой усмешкой сообщил третий охотник — Сопакун.

— Братец, ведь вы сами не можете влезть в седло, вам нужны двое помощников, — огрызнулся Пазыл и, понукнув коня, поравнялся с Ходжаниязом.

— Понравилось ли на охоте, афандим? — спросил тот.

— Очень интересно, Ходжа-ака!

— Лучшая охота — с соколом. Бог даст, увидите.

Всадники поднялись на крутой холм, спешили и тот же час расслабили подпруги. Мокрые от пота кони, освободившись от тяжелой ноши, встряхнулись.

— Чернохвостые! — Четвертый охотник по имени Самсакнияз ткнул вперед кнутом. И в самом деле, к вершине следующего холма неслись вскачь три косули.

— В какую стрелять? — спросил, заряжая ружье, высокий.

— В ту, что сзади!

— Нет, она брюхатая, вон как бежит! Стреляю в переднюю.

Едва косуля взбежала на вершину холма, как раздался сухой треск ружья и косуля, несколько раз подпрыгнув, свалилась.

— Хороший шашлык будет! Беги, Сопакун!

Не успел высокий сказать эти слова, как Сопакун, передав кому-то поводья своего коня, рванулся с места.

— Плохой стрелок не охотник. — Высокий начал привычно расчесывать короткую черную бородку...

Огонек впереди все отдалялся. Охотники, с тех пор, как заметили его, уже миновали два холма, поднялись на третий, а призывный огонек, казалось, светился еще дальше.

— Ночной огонь всегда обманчив. Подгоняйте коней!

Пазыл, увлекшийся охотой и не думавший об отдыхе в течение целых трех дней, сейчас едва держался в седле. Ныли кости, слипались глаза.

— Афандим, как вы там? — вопрос прервал сон Пазыл а.

— Ничего, Ходжа-ака!

— Уснете, а ноги останутся в стремях!

— Не беспокойтесь, Ходжа-ака, афанди люди чуткие, — нарочито бодро ответил Пазыл, но голос выдавал усталость.

— Нашему афанди-ака хоть и не по себе, но виду он не подает, — подбодрил товарища Сопакун.

— Еще дней пять охоты, и афанди-ака будет готов, — поддел

Самсакнияз.

— Этот Самсакнияз, пока не стяну его с седла и не засуну в хурджун, как козла, не поверит в мои силы, — опять огрызнулся Пазыл, вызвав одобрительный громкий смех высокого всадника — Ходжанияза.

Под небом Кумула и Турфана Ходжанияз был известен всякому — и не только как меткий стрелок. С семи лет не сходил он с коня, всю жизнь занимался охотой, — сейчас ему было около шестидесяти, хотя на вид давали не больше сорока. Острые глаза, крепкое тело, быстрые движения подчеркивали его дикую силу, да он, пожалуй, и сам верил в свою исключительность.

Но не поэтому только его знали все: среди горского населения он пользовался авторитетом старейшины и, когда нужно было заступиться за народ, шел даже во дворец к кумульскому князю — вану. Принимали его у вана хорошо, но Ходжанияз никогда не уподоблялся прихлебателям, что не отходят от дворца, как пес от помойной ямы. Он встречался с ваном лишь в тех случаях, когда это было необходимо, а остальное время проводил на лоне природы — охотился.

И в этот раз после очередной встречи с ваном по поводу податей он отправился на охоту вместе со своими друзьями.

...Спустившись в неширокую лощину, охотники увидели, что манивший их огонек был большим костром.

— Кажется, приехали на праздник! — заметил Ходжанияз.

И в самом деле это был праздник завершения окота, устроенный скотоводами перед отправлением на джайляу. В этих местах он всегда устраивается в начале апреля, и пастухи, уже собравшие отары, должны были не сегодня завтра двинуться в путь. Костер они разложили на возвышении, а сами, рассевшись вокруг огня, пели кумульскую песню и потому не слышали стука копыт. Однако чуткие пастушьи собаки набросились на охотников, и старый пастух поднял голову, оглянулся.

— Посмотри-ка, Палтахун, что-то собаки залаяли, — сказал он.

Палтахун взял длинную палку, шагнул в темноту, и тут в свете костра показались охотники.

— Пусть будет щедрым ваш праздник! — приветствовал пастухов Ходжанияз.

— Да исполнится твое желание, сынок! — ответил белобородый старец. — Сынки, примите у гостей поводыя!

Молодые пастухи подскочили к всадникам и помогли им сойти с коней.

— Сопахун, снимите хурджуны! Кони пусть остынут! — приказал

Ходжанияз и по приглашению старца уселся на мягкую овечью шкуру, поджав под себя ноги. — Аумин аллахуакбар! — провел он ладонями по лицу, и все повторили его жест. — Мы не помешали вашему празднику?

— Что вы, окам... Вы путники, приносящие счастье. Гости всегда украшают праздник. А вы сами кто будете?

— Ходжанияз.

Ахнув, старик вскочил с места и заново приветствовал гостя.

— Мы давно слышали о вас... — добавил он.

— А вы, отец, кто?

— Я Саитнияз, отца звали Салимнияз. Мы, как и деды наши, пасем скот ван-ходжи. А все, кто сидят здесь, мои дети.

— Аллах щедро одарил вас, Саитнияз-ака.

— Аллах не дал нам скота, но детьми не обидел. С тех пор как живу на этом свете, глаза мои ничего, кроме камней, не видели... Всего два раза был в Кумуле.

— Сколько вам лет?

— Шагнуло за восемьдесят, окам. Но не дрожат еще ноги, когда поднимаюсь в горы... Эй, мать, скатерть!

Глядя при свете костра на его похожее на круглый хлеб — помнан — лицо, никто не дал бы старику столько лет.

Разостлали скатерть, на ней появились баурсаки, творог, грязные кусочки сахара и турфанский изюм. На глиняном подносе принесли баранину, видимо, заготовленную в дороге.

Жена старика, лет шестидесяти на вид, присев на корточки, начала разливать густо заваренный чай. Пазыл, мечтавший сразу же, едва представится возможность, завалиться спать, вдруг залюбовался энергичными движениями старика, выглядевшего тридцатилетним молодцом, его подругой жизни, сыновьями, внуками — всех насчитывалось чуть не полсотни человек — и на какое-то время забыл об усталости. «Вот это и есть настоящая семья», — подумал он...

— Пейте чай, афандим. Горячий чай снимает усталость. — Ходжанияз подтолкнул Пазыла, задумчиво сидевшего с пиалой в руках.

— Может, наш чай навозом пахнет...

— Что вы, Саитнияз-ака, разве есть что-нибудь лучше чая, приготовленного на горной воде? — проговорил смущенно Пазыл.

— Берите, берите, вот нарезанное мясо, окам, — говорил старик, заставляя гостей есть, — порадуите меня, берите, берите!

— Спасибо! Спасибо!

— Палтахун, где ты? — позвал старик.

— Да, отец! — Перед стариком появился плечистый парень.

— Веди козленка, пусть Ходжа благословит его, сынок.

— Не надо, тага^[16]. Уже поздно. Давайте лучше сварим джейрана.... — начал было Ходжанияз, но старик, вскочив с места, перебил его:

— Как это так? Если в честь такого гостя не зарежу барана, кто же я тогда буду? Да в вашу честь и верблюда мало, Ходжа!

— Ну пусть будет по-вашему, тага. Но если мы двух джейранов не зажарим, что мы тогда за охотники? Как, афандим? — спросил Ходжанияз.

— Правильно, Ходжа-ака, — поддержал Пазыл.

— На это и мы согласны, — сказал радостно старик.

Вскоре в казане уже варилось мясо. А в сторонке Сопакун и Пазыл на вертелах жарили целиком двух джейранов. Манящий запах капавшего в огонь жира, смешанный с дымом от сухих еловых веток, возбуждал необыкновенный аппетит. Все плотным полукругом расселись у костра и оживленно переговаривались.

— Мать! Печенка и курдюк уже готовы, — сказал старик, когда казан закипел, — приготовь-ка нам думбья-жигя.

— Пусть хорошо сварится, тага, — попросил Пазыл, но старик возразил ему:

— Э, сынок, печенка хороша еще с кровью. И для глаз полезно: даже днем можешь звездочку увидеть.

— Тага правильно говорит. Хоть вы и врач, однако не знаете пользы печени, афандим, — поддержал старика Ходжанияз.

Думбья-жигя — кусочки печени и курдючного сала, заправленные луком и черным перцем, — съели почти мгновенно. Ходжанияз попросил:

— Нельзя ли музыку, а, тага?

— Я готов, окям. Даже если гость сядет на шею, мы смолчим.

Старик начал настраивать кумульскую скрипку, изготовленную грубовато-прочно, но звонкую. Потом заиграл на ней и запел. Голос его слегка дрожал, однако звучал грустно и приятно, и когда, тряхнув головой, он воскликнул: «Хя-хум!» — полтора десятка его внучат — мальчиков и девочек — пустились в танец. Вначале они поклонились гостям во главе с Ходжаниязом, а затем встали попарно, лицом друг к другу, и, притопывая ногами, подняли руки:

О горе мое,

О горе твое...

Знает ли ван-ходжа

Гнев мой...

Старик увлекся, и по его следующему «хя-хум!» поднялись новые танцоры. Невестки, смущенно стоявшие в сторонке, подошли поближе и, будто бросая ветки в костер, тоже вошли в круг... Становилось все веселее. Здесь, на открытом воздухе, особенно красиво звучал бы бубен. Но кумульцы, к сожалению, очень редко играют на нем, предпочитая скрипку. Пазылу почему-то чудилось, что скрипка жалобно плачет, и все-таки он про себя отметил, что в кумульских танцах чувствуются отвага и удаль. Старик весь ушел в музыку, он приткнулся к скрипке и самозабвенно водил смычком по струнам. И вдруг неожиданно оборвались одновременно и мелодия, и танец. Танцоры поклонились Ходжаниязу и расселись по местам.

— Спасибо, тага, насладились вдоволь, — поблагодарил Ходжанияз.

— Копыта только разогрелись, теперь бы пуститься в бег! — ответил старик, вытирая рукавом потное лицо.

— Вы, оказывается, увлекаетесь песнями и танцами, — заметил Пазыл.

— Как говорится, вороны криком радуют себя, а чем же еще можем радовать себя мы?

— Не сглазить бы, но это, наверное, и называется счастливой семьей...

Тем временем скатерть разостлали снова и на большом деревянном блюде принесли хорошо прожаренного, желтого, как урюк, джейрана, рядом поставили блюдо с вареным мясом.

— Палтахун!

— Да, отец!

— Подойди, сынок, и отрежь для Ходжи-ака самого хорошего мяса. — Старик вынул из ножен, свисавших с пояса, нож и протянул Палтахуну.

— Саитнияз-тага, — сказал Ходжанияз, попробовав от поданного Палтахуном куска вареного мяса, — что, если мы разделим одного джейрана по обычаю — на десять частей?

— Хорошо, хорошо, мой Ходжа. Кто будет перечить гостю?

— Ну, тогда вот вам нож, вы и делите.

— Смогу ли я, что вы? — опешил старик, но нож взял. Призадумался. Потом сказал: — Бисмилла, пусть будет отрадой для души...

Он разделил тушу на десять частей: передние и задние ноги, грудинку, боковые ребра, шейную и спинную части. Теперь предстояло самое

трудное. Нужно было раздать куски десяти наиболее уважаемым из присутствующих, но так, чтобы доля каждого соответствовала его достоинству. Сделать это было тем труднее, что приезжих старик не знал. Все затаили дыхание... Саитнияз взял спинную часть и, сказав, что вся сила в спине, протянул ее Ходжаниязу, грудинку — Пазылу, задние ноги — Сопахуну и Самсакниязу, передние ноги — еще двум охотникам, спинной хрящ — Палтахуну, ребра — двум другим своим сыновьям.

— Мне полагается только шея, — заявил он.

— Удивительно, тага. Только тот, кто многое повидал, сможет сделать такое. Вы разделили правильно, не ошиблись, — похвалил Ходжанияз.

— Ну, еще. Горам будет стыдно, если вы не опустошите блюдо, — начал потчевать хозяин.

«Истинные уйгуры», — думал Пазыл, вгрызаясь зубами в кость.

Когда гости насытились, их потянуло ко сну. Да и рассвет уже приближался. Но старик никак не мог уgomониться, продолжал говорить без умолку и, кажется, готов был начать все сызнова. Поэтому Ходжанияз, поблагодарив за угощение, сказал:

— Кони отдохнули, пустим их на луг, а сами ляжем спать.

Утро выдалось безоблачное, солнечное. Яркий свет, бахрома свежей зелени, отары овец на склонах, свежий, чистый воздух напоминали об идиллических радостях горной жизни. Хозяева, что вчера так веселились, уже давно заняты были каждый своим делом. Пазыл встал позже всех. Пока он умывался холодной горной водой, на лужайке забелела скатерть. Готовились подавать чай.

— Позавтракаем и будем добираться до пастбищ. Было бы хорошо, мой Ходжа, если бы вы остались пока с нами, — сказал старик во время чаепития.

— Спасибо, тага. Мы хорошо погостили. Бог даст, приедем на несколько дней на джайляу. А вы не задерживайтесь из-за нас, — ответил Ходжанияз.

— Да, если не двинемся пораньше, пастбища захватят переселенцы, тогда намучаемся...

— Неужто они и на земли вана-ходжи забираются?

— Эх, сынок... Вначале они притесняли народ... А теперь настал черед и вана-ходжи!

— А что ван-ходжа? — спросил Пазыл.

— Что до смерти других тому, кто привык только от своей головы мух отгонять? А нечестивцы чиновники очень уж жмут. Как избавиться нам от

этих голодных волков?

— Можно и подумать, как...

— Вот-вот, — прервал Пазыла старик, — как у овец, так и у людей должен быть вожак.

— Все дело в вас, тага.

— Когда добро отнимают, обидно, но когда еще и издеваются, душа надрывается...

— Дался вам этот разговор! — вмешалась старуха. — Что-то совсем заболтались!

Старик замолчал. Если бы не старуха, он рассказал бы о многом, о том, например, как пять дней назад солдаты, до смерти избив пастуха-уйгура, отобрали у него двух коней, как у чабана-казаха забрали трех верблюдов...

— Отец, какие-то странные всадники! — крикнул Палтахун.

— Что еще за напасть! — вскинулся старик.

Ходжанияз, Пазыл тоже вскочили на ноги.

— На головах рогатые малахаи. Видимо, араторукцы, — сказал Ходжанияз — он оказался самым зорким.

Всадники галопом миновали ложбину и, не обращая внимания на бросившихся к ним злых собак, подскакали прямо к Ходжаниязу. Лошади их дышали с трудом. У одной ударила из ноздрей кровь, и она повалилась замертво.

— Что за беда случилась с вами? — спросил с беспокойством Ходжанияз.

— Ой, Ходжа-ака... Капиры насильно забирают девушек...

— Что? Каких девушек?

— Таира... дочь...

— Вай-вай... — схватился за бороду старик.

Ходжанияз вскипел так, что потерял самообладание.

— Сопакун! Седлайте коней! — крикнул он.

— Вот насильники! Теперь нам осталось одно... — вздохнул Саитнияз.

— У вас сколько ружей, тага?

— Два, — ответил старик.

— А кто из сыновей метко стреляет?

— Я! — сказал Палтахун.

Ответь он в другой раз вперед отца, крепкий получил бы нагоняй. А сейчас старик был доволен сыном.

— Вы не возражаете, если сын пойдет с нами?

— Для чего же дитя, если не помогать, когда у народа горе? Чего говорить, пусть идет, — торжественно ответил старик.

— Да исполнит-бог ваши желания, тага! Пусть весь народ будет таким, как вы! — Ходжанияз поцеловал руку старика.

— Трех сыновей с лошадьми отдаю вам!

— Спасибо, отец! Пусть ваше начинание будет всем примером, — проговорил Пазыл.

— Дети мои, — старик взял в руки поводья, когда все три сына вскочили на коней, — если вражеская пуля попадет кому-нибудь из вас в спину, значит, вы не стоили материнского молока.

Саитнияз, высоко подняв руки, молитвой напутствовал девятерых всадников во главе с Ходжаниязом. А старуха, пожелав доброго пути, вылила перед ними ведро молока...

Глава четвертая

1

На улицу вышли все жители Араторука, как говорится, от семи до

семидесяти лет. Долго они крепились, молчали, терпели, но вчерашние события стали той каплей, которая переполнила чашу терпения измученного народа. Даже женщины, обычно не поднимавшие глаз и лишь плакавшие в горе, на этот раз слали проклятия насильникам. А молодежь роптала: «Как можно терпеть эти издевательства? Чего еще ждать? Лучше смерть, чем такой позор!» Джигиты группами ходили по улочкам, вооруженные дубинами, топорами, ружьями. От решительных действий их еще удерживали назидательные слова стариков: «Подождите, дети, потерпите, вот приедет Ходжанияз-ходжа, тогда и решим, что делать...» Но эти старики и сами втихомолку уже повытаскивали припрятанные ружья — «на всякий случай».

— Ее-ду-ут! — крикнул джигит с возвышения.

Люди заспешили к дому Таира. Сюда же направились девять всадников, суровые, сдержанно-строгие. Во дворике Таира Ходжанияза чуть ли не на руках сняли с лошади.

— Горе, мой Ходжа, горе! — с этими словами старый Таир бросился к ногам Ходжанияза, а вокруг раздался горестный плач.

И от этого плача будто бы жалобно заржали лошади во дворах, заскулили собаки. Годами множилось это горе, накапливался в сердцах этот плач, — так подготавливаются те большие изменения в жизни, которые до того скрыты даже для внимательного глаза, они — тайна годов. Но вот наступил момент, и прорвалось наружу скопившееся горе, и в такие минуты приоткрывается таинственная завеса времени...

— Мы ждем от вас совета, Ходжа, — сказал один из старейших аксакалов, собравшихся в комнатухе Таира, — мы ждем от вас помощи.

— Невмоготу так жить! Теперь нам нечего жалеть... — добавил другой.

— Требовали скот — дали. Требовали землю — дали. Подати, налоги — все дали. А теперь что им отдавать — жизнь?

— Не торопись, и жизнь потребуют. Девушку ведь уволокли...

— Мы только называемся людьми, а на самом деле рабы. Что может быть тяжелее, чем рабство и поругание? — вставил свое слово Пазыл. — Народ разгневался, час пробил...

— Правильно говоришь, окям!

— Все дело в нас. Если хотим избавиться от насилия, нужно подниматься, — сказал Ходжанияз, внимательно выслушав остальных. Давно ждал он этого часа. Подобно тому как слой за слоем нарастает кожура на луковке и накапливает все больше и больше горечи, от которой слезятся глаза, так и в сердце Ходжанияза народное горе слилось с

собственным и копилось годами. Разве не китайские чиновники восемь лет тому назад забили до смерти его отца за то, что он будто бы не уплатил налога? Тогда Ходжанияз задумал поднять народ против гнета, но это не удалось. Каждое дело имеет свой час. И вот теперь народ сам ждет его решения... — А что решили вы сами? — спросил Ходжанияз.

— Ведите нас куда угодно, мы готовы! — ответил старик, заговоривший первым.

— Поднимемся, будем мстить! — донеслось с улицы через открытые окна и двери — все не могли вместиться в маленькую комнатку.

— Если таково желание братьев, — сказал Ходжанияз, когда волнение слегка улеглось, — я готов отдать жизнь за вас!

— Илахи аминь! — этот традиционный возглас, выразивший в себе вековые стремления народа, вырвался одновременно из всех уст.

— Принесите Коран! — приказал аксакал.

Книгу принесли тотчас же. Жители во главе с аксакалом и Ходжаниязом прошли к воде, совершили обряд омовения и собрались в том месте, где обычно проводились поминки. Тут же между двумя деревьями устроили навес и положили на него Коран.

— Люди! — обратился старик к народу. — Кто приголубит нас, тот наш отец. С сегодняшнего дня Ходжанияз наш отец. И мы пойдем туда, куда он укажет.

— Пойдем! — раздались голоса.

— Начиная от предков и по сегодняшний день мы платим повинности сборщикам ван-ходжи, работаем на него, — продолжал, аксакал, — но когда на наши головы свалилась беда, никто из них не пришел к нам, не помог ничем...

— Напротив, — перебил аксакала Пазыл, — эти беки стали опорой режима и усилили гнет! Отнимают у народа имущество, скот, землю...

— Правильно, правильно... дело говоришь! — закричали дехкане.

— Кто хочет идти за Ходжаниязом сражаться с неверными, пусть пройдет под Кораном! — призвал аксакал и первым прошел под навесом. И все, кто был старше шестнадцати лет, последовали за ним.

В тот же день справили поминки по героям, прославившимся еще во времена дедов. В селении, где недавно господствовали плач и горе, все преобразилось, здесь царило теперь всеобщее возбуждение, способное снести прочь любую преграду.

Горячая молодежь была готова к походу в тот же день...

Наутро перед строем из семидесяти всадников выступил аксакал-весь в белом. Он сказал:

— За наших детей, с мольбой глядящих на вас, за стариков с согнутыми уже навечно спинами, за матерей с непросыхающими слезами — отомстите врагу! Аминь!

— Аминь! — высоко взметнувшись, этот крик потряс все кругом.

Стая кем-то пущенных голубей взмыла вверх, как бы стремясь охватить взглядом великий путь, начало которому было положено сейчас...

2

Дехкане спешили вспахать свои участки, чтобы не дать высохнуть скудной влаге в почве. Здесь и там можно было видеть людей, согнувшихся над сохой или подгонявших коней. Возле них летали скворцы, а проворные грачи бежали почти сразу за сохой, находя во вспаханной земле червяков и дружно набрасываясь на них. Поднялись в синь неба жаворонки и, словно подбадривая дехкан, пели свои песни. Бусинками по ниточке протянулись в небе журавли. Их серебристое оперение сверкало в лучах солнца, слепило глаза. Опьяненные свежим весенним воздухом, журавли сделали в небе несколько кругов и с протяжным «кру-кру» снова вытянулись в цепь и скрылись вдали, следуя за вожаком. Однако дехканам некогда было разглядывать все это...

Почти не смотрел по сторонам и человек, который вел по дороге осла с бочонками, он бормотал что-то себе под нос, то и дело подгоняя скотину: «Кхе, бездельник, кхе!»

У подножия холма он свернул с дороги и направился к дехканам. В его босую ногу попала заноза, он, сказав: «Тр-р, тр-р, бездельник!» — сел на землю и начал разглядывать пятку, напоминавшую кожуру дыни, испещренную извилинами; потом шилом вытащил занозу, стер появившуюся кровь, присыпал ранку землей и, захромав на одну ногу, повел осла дальше.

— А я-то думаю: кто это в такое время таскается по дорогам?.. Это, оказывается, ты. — Дехканин остановил впряженных в соху коня и бычка.

— Тр-р... тр-р... Ух, шайтан, чтоб ты пропал! Не остановишь где надо! — Путник хлестнул осла кнутом.

— Что в бочонках-то?

— Что может быть — водка!

— Водка? Ах ты сорняк! С каких пор занимаешься черным делом?

— Есть холодный чай? Дай напитокся!

— Садись. — Дехканин выкопал зарытую в землю тыквянку и налил путнику чаю в деревянное блюдце. — Пьешь, будто после плова.

— Да-а! Плов ли ел, горя ли хлебнул — сейчас узнаешь. — Путник допил чай, глубоко вздохнул. — Вот мой плов! — он поднял на спине рубашку.

— О алла! — вскричал дехканин, увидев полосы кровоподтеков.

— Вот какие дела, окям...

— Кто это тебя так?

— Солдаты.

— Солдаты? Что же ты им сделал?

— В нашем селении на каждую семью наложили повинность: сдать два цзиня^[17] водки и пару кур. У меня ни того, ни другого не было, ну, и досталось...

— Вот подлецы! Вот разбойники!

— Эта водка куплена на деньги, собранные в селении. А меня заставили везти...

— И куда же?

— Куда? Этот кабир сочжан устраивает свадьбу.

— Свадьбу?

— Да-а. Он увез дочь у Таира из Араторука...

— Да что ты говоришь? Какой позор!.. О алла, чем мы провинились? За что так издеваются над нами?..

С дороги, из-за холма, послышался стук копыт, и через минуту около говоривших остановились несколько вооруженных всадников.

— Бог в помощь, — с этими словами Ходжанияз и Пазыл спешили и подошли к дехканам.

Те, увидев вооруженных людей, так оторопели, что забыли о приветствии.

— Ты из какого селения?

— Из Ялгузтерека.

— Так ведь ваши пашни совсем не здесь!..

— Да, Ходжа-ака, — ответил дехканин, — были...

— Почему же перешли вы на эти камни?

— Эх, родной Ходжа-ака... Те земли у нас отняли и роздали китайцам...

— Кхм... значит, и до вас добрались уже эти быстроногие, — вздохнул Ходжанияз.

— Вы и раньше подпрягали к коню бычка? — спросил Пазыл.

— Эх, брат, если лошадей забрали для них, что остается нам, кроме

бычков?

— Повсюду горе...

— Наступит ли день избавления от угнетателей?

— Если сильно захотеть избавиться, то можно, — ответил Пазыл.

— Так ведь дочерей у нас отнимают — до этого дошло!.. Теперь нечего прятать голову! — вскричал дехканин.

— Вот мы и восстали, чтобы не прятать головы...

— Неужто, родной Ходжа-ака?! — воскликнул дехканин. Он окинул потеплевшим взглядом вооруженных всадников. — И мы не лыком шиты, Ходжа-ака! Вот этой сохой я тоже буду уничтожать палачей!

Всадники от души рассмеялись.

— Я же говорил вам, Ходжа-ака, что народу подняться трудно, но если он поднимется, то ничто не остановит его.

— Я не буду отвечать на ваши слова, пусть вместо меня заговорит спина вот этого, — дехканин приподнял рубашку путника.

— О алла! — вскрикнули джигиты. — Изверги! Душегубы!

Ходжанияз начал расспрашивать путника.

— Удобный момент, — сказал Пазыл, когда они внимательно выслушали его. — Дело выйдет, Ходжа-ака.

— Как так? — спросил удивленно Ходжанияз.

Пазыл что-то прошептал ему на ухо.

— Ох... о-о... Афанди! — довольно проговорил Ходжанияз и вскочил в седло.

В полицейском участке свежевали баранов, потрошили гусей, уток, отовсюду сюда везли спиртное. Выслуживаясь перед сочжаном, старосты и прочие холоуи старались ублаготворить его свадебными подарками, собранными с бедняков: гнали десятки лошадей, сотни овец, при этом, разумеется, и сами они не оставались с пустыми руками. Чжан-сочжан, казалось, не смотрел красными своими глазами на это летящее к нему, как листопад, богатство. Его мысли были заняты девушкой. Он не смог сломить волю этой уйгурки, хотя и кричал, и запугивал, и увещевал, и даже грозил смертью. Она не сдавалась. Пришлось прибегнуть к помощи.

— Уже два дня прошло, а я не могу дотронуться до нее. Что же делать? — спросил он у приглашенной в спальню сводни.

— Уйгурские девушки, — ответила опытная сводня, — выходя замуж даже за уйгуров, неделю плачут. Пусть сочжан успокоится: сегодня плачет, завтра будет в объятиях.

— У нее дурные намерения. Как бы не опозорила меня на свадьбе!

— Такой начальник, как вы, не справится разве даже с десятью девушками, а? — Сводня кокетливо ущипнула сочжана за нос с торчащими почти кверху ноздрями.

— Я хочу, чтобы на свадьбе она сидела рядом, улыбалась.

— Хорошо, сочжан. Я сделаю так. Когда на свадьбе вы будете пить, она будет подавать вам закуску, хе-хе-хе!

— Для того я торчал в этой голой степи! — Сочжан надел на мизинец сводни кольцо с рубиновым глазком.

— Будем считать это только началом...

Когда сводня незаметно, как кошка, вошла в комнату, Тажигуль, уткнувшись в подушку, горько плакала.

— Что вы делаете, ханум? — с поддельным удивлением спросила сводня. — Из-за вас взбудоражен мир, а вы плачете... Да такую шумную свадьбу сам ван-ходжа едва ли видел!.. Вставайте!

Она погладила Тажигуль. Девушке показалось, что змея скользнула по ее телу, и она, вздрогнув, совсем съежилась.

— Вставайте, ханум! Я так украшу вас нарядами, подаренными сочжаном, что ханские дочери позавидуют! Я хорошо знаю, какую одежду любят китайские чиновники...

Тажигуль бросила на нее гневный взгляд. Сводня умолкла. Задумалась, как теперь повернуть разговор.

— Что плохого в том, что он китаец? Его легко сделать мусульманином. Да и сам он ради тебя хочет принять ислам, — начала она лгать. — Не отпугивай птицу счастья! Эх, простушка, да чем выходить за дехканина, который с утра до ночи работает, как вол, и валяется в грязи, как осел, лучше выйти за такого почитаемого, как Чжан-сочжан, и наслаждаться его богатством... Эх, была бы я молода, сочжан моим стал бы, глупышка...

— Да от тебя, бесстыжая, и так несет вонью помоев десятков чжанов, ванов! — проговорила Тажигуль.

Сводня, услышав эти слова от сельской девушки, скромной простушки, как ей казалось, оторопела, но тем не менее не отступила.

— Да, сейчас у меня есть один недостаток, хе-хе-хе... Но человек, понимающий толк, взял бы не тебя, а меня! — Она хотела возбудить любопытство Тажигуль и вызвать ее на разговор.

— Принарядись и выставь себя на базаре рабов, возможно, найдется покупатель из господ...

— Гордячка! — вскрикнула, как от укола, сводня, и поддельную

улыбку на ее лице сменила нескрываемая ненависть. — Ну, погоди, толстокожая деревенщина... Ты не хочешь нежных слов — так будет тебе кнут!

— Если даже змеей, как кнутом, будешь бить, не соглашусь! Все равно я погибла теперь...

— Ты знаешь, в чьих ты руках?

— Знаю.

— Ну, так и не прощайся с жизнью. Скажи «хорошо», а делай все по-своему. Он же головы не поднимает от опиума. Будешь жить вольготно...

— Уйди... Прочь с глаз, подлая тварь! — закричала Тажигуль.

— Ты что, убить хочешь меня, непокорная? Хе-хе-хе... Повертись, повертись в этой тесной клетке!

— Сгинь с глаз, подлая!

— Пожалей своих родителей, — сказала у дверей сводня. — Если не покоришься, сочжан сгноит их в зиндане.

— Гадюка... не упоминай моих родителей! — крикнула Тажигуль и с воем бросилась на пол...

3

Приготовление закончилось, начали съезжаться гости: китайцы, уйгуры, дунгане, казахи — и все не с пустыми руками. По китайскому обычаю подарки были обернуты в красную бумагу, на которой красовались свадебные иероглифы-символы — шуанси. Люди подходили к столу, записывали свое имя и вручали принесенное специально назначенному человеку. Старосты-шаньё и другие ставленники сочжана привели в подарок коней под отделанными серебром седлами.

Под разноцветным шатром поставлены были в ряд столики, ломившиеся от напитков и блюд китайской и уйгурской кухни.

Пир начался. Под дробь бубнов два молодых шафера вывели жениха — Чжан-сочжана с огромным, в тарелку, цветком на груди. А следом сводня и китаянка чуть не силой выволокли Тажигуль, одетую в красивое оливковое платье, с венком на голове.

— Двойная свадьба, двойная радость! — провозгласили традиционное свадебное приветствие чиновники-китайцы, женщины начали бросать под ноги жениха и невесты серебряные монеты, потом заискрились бенгальские огни и послышались оглушительные выстрелы хлопушек.

Гостей пригласили за столики.

— Первый тост, — объявил, встав, тамада-китаец, — в честь нашего великого полководца Чан Кайши!

Все вскочили с мест и водку из наполненных рюмок вылили в изящный сосуд, стоявший на специальном столе.

— А этот бокал в честь родителей! — и содержимое рюмок перелито в другой сосуд.

— А теперь, — сказал тамада, — выпьем за здоровье всем нам родной пары, пожелавшей семейного счастья!

Зазвенели бокалы, замелькали над столами палочки для еды — чоки.

— Сегодня действительно двойная радость, — поднялся низенький человек в военной форме, его едва было видно из-за столика, — выпьем за соединение двух национальностей!

Вновь прозвенели бокалы, и опять застучали по тарелкам палочки. Чжан-сочжан, будто сел на колючку, завертелся, замигал глазами. Он смотрел на Тажигуль, голова которой склонялась все ниже и ниже, девушка, казалось, давно бы упала, если б ее не поддерживала сводня. Он опасался своей невесты: «Вдруг возьмет да и плюнет в лицо — опозорит перед гостями!»

Кто-то из гостей закричал:

— Пусть невеста покажет лицо!

Чжан побелел, как стена. Ища помощи, он посмотрел на уйгурских старост-шаньё.

— По нашему обычаю женщины не сидят вместе с мужчинами, — пробормотал один из них.

— Довольно и того, что она из уважения к гостям присутствует здесь, — добавил другой.

— Давайте лучше пить и радоваться! — предложил тамада и попросил наполнить бокалы.

— Мы счастливы, — проворковал толстенький шаньё, — счастливы, что отдаем дочь за Чжан-сочжана...

— Если бы отдал жену, был бы еще счастливее, — буркнула Тажигуль.

Ее слова не перевели, и пьяные китайцы ничего не поняли. Напротив, услышав голос девушки, они заликовали и снова наполнили рюмки.

Веселье продолжалось. Самолюбию гостей льстило, что свадебный пир находится под охраной пятидесяти солдат полицейского участка. Сам участок располагался на краю березовой рощи, у двух высоких холмов, напоминавших горб верблюда. С этих холмов было видно далеко вокруг, поэтому здесь постоянно находились дозорные. А сегодня, в день свадьбы,

приказано было на всякий случай удвоить караулы. Однако солдаты, воспользовавшись случаем, напились и играли в карты. Более ловкие продолжали тащить со столов водку, закуски, мясо и тоже пировали подалее от глаз начальства. Все внимание караульных с холмов было обращено на свадьбу. Им не терпелось сдать дозор и поскорее присоединиться к веселью.

Стояла темная ночь. А в березовой роще было еще темнее. Когда Ходжанияз со своими людьми приблизился к участку, один из трех высланных вперед разведчиков встретил его:

— Свадьба, кажется, в разгаре, кругом шум. В дозоре ходят всего несколько человек. И на холме двое.

— Спешивайтесь! — приказал Ходжанияз.

Десять человек он оставил с лошадьми, Соплахуну и Палтахуну с двумя десятками джигитов поручил уничтожить дозорных на холмах и после этого обстрелять полицейский участок. Сам Ходжанияз с остальными джигитами двинулся к воротам. Недалеко от стен крепости они встретили своих разведчиков.

Ворота закрыты, — сообщили те. — Похоже все пьяные, шумят...

Соплахуну и Палтахуну осталось совсем немного до вершины холма. Они уже ясно слышали голоса дозорных:

— Ты что, уснул?

— Нет.

— Не хочется торчать здесь. Давай спустимся и отведаем чего-нибудь. Ведь тихо же!

— Дурак! Узнает начальник — шкуру спустит...

— Ну и протак ты! Да посмотри, что там творится... Кто тебя узнает?

— Потерпи. До смены осталось немного.

— Нет, я спущусь. Смотри, как танцуют!

— А, пропади все... Поскорей бы до карт добраться.

— И когда же сочжан выдаст жалованье, обещанное по случаю свадьбы?

— Да разве эта крыса выплатит деньги?

— А если так, с чего у тебя такое рвение? Пойдем спустимся!

— Потерпи, говорю! Как бы беда не стряслась...

— Какая еще беда? Трус! Собака на привязи!

Солдат, шурша камнями, начал спускаться вниз. Едва он приблизился, Соплахун бросился на него и, не дав крикнуть, придушил. Потом шепнул Палтахуну:

— Кончай второго и давай условный сигнал!

Когда подкрадывались ко второму дозорному, один из джигитов поскользнулся, зашуршали камни. Дозорный выстрелил. Но второй выстрел — это стрелял Палтахун — свалил солдата. Джигиты, выскочившие на холм, открыли огонь по укреплению: казалось, в горах гремит гром и сверкают молнии. Первые же выстрелы снесли трех из пяти часовых на стенах. С криком: «Бей! Руби!» — Ходжанияз бросился к воротам. Тем временем люди, проникшие в участок под видом родственников Тажигуль, — и среди них Самсакнияз и тот дехканин с бочонками спиртного, — побежали к воротам, увлекая за собой часть гостей. Преодолев сопротивление двух часовых, они открыли ворота повстанцам. В участке началась паника.

Схватка продолжалась недолго — окруженная со всех сторон немногочисленная группа оставшихся в живых солдат сложила оружие.

Ходжанияз с двумя десятками джигитов вошел в шатер, где был пир. Находившиеся там гости попрятались под столики.

— Не двигаться! — крикнул Ходжанияз и выстрелил из маузера три раза подряд.

— Кто Чжан-сочжан? — спросил по-китайски Пазыл.

— Этот, этот, — показал тамада на лежавшего под столиком жениха.

— Вяжите! — приказал Ходжанияз.

Словно баранов, связали в одну цепочку китайских чиновников и вывели во двор. Жались друг к другу в сторонке мусульмане, только что пировавшие на свадьбе сочжана. Ходжанияз оглядел всех.

— Солдат отпустите, пусть убираются... Чиновников подержим у себя. Согласится правительство — обменяем на оружие. А этого подлеца, — он ткнул маузером в лоб Чжан-сочжана, — судите сами.

Сочжан лишился чувств, и джигиты поволокли в сторону его обмякшую, обвисшую мешком тушу.

— А вот с вами как быть? — обернулся Ходжанияз к старостам-шаньё и прочим приспешникам сочжана.

Те тряслись от страха.

— Прости аллах... М-мы в-винов-аты...

— Шкуру с вас содрать живьем, и то будет мало, прохвосты!

— Простите нас...

Все эти предатели уже ползали по земле, плача и целуя ноги Ходжанияза. Тажигуль с ненавистью смотрела на них.

— Ходжа-ака, — сказал Пазыл, — если мы убьем их даже тысячу раз, все равно расплата не будет полной, не будем марать наш меч, поднятый

во имя свободы кровью этой мрази!

— Простите нас! — закричали гоминьдановские холуи, прильнув к земле.

«Ну и жалостлив этот... — подумала, сжимая кулаки, Тажигуль. — Была бы я на его месте...» Откуда было знать бедной девушке, как далеко вперед смотрел Пазыл, откуда ей было знать его мысли: «Если перебьем их, народ по-разному истолкует это. Надо попробовать противопоставить гоминьдановцам всех, кого можно. Используем пока и этих подлецов, а придет время — рассчитаемся с ними...»

Прочь с глаз, прочь! — крикнул Ходжанияз.

— Аллах да отблагодарит вас! — заверещали предатели.

Джигиты, недовольные таким решением, измазали им лица сажей и выпроводили пинками.

— Доченька, — Ходжанияз по-отцовски погладил по голове Тажигуль, — ты стала искоркой, зажегшей наше восстание. Бог услышал твои мольбы, и мы спасли тебя. Если аллах пожелает вознаградить нас полным счастьем, враги будут изгнаны с нашей земли, иншалла!..

4

Пазылу было около пятидесяти. Среднего роста, подвижный, скромный, радушный, он никак не походил на вольнодумца, однако власти считали его таковым, и не без основания. Три года тому назад его выслали из Кульджи в Турфан. Чтобы скрыться, он переменял имя (на самом деле его звали Шукри), отпустил усы и бороду, перебрался в Хамийский (Кумульский) округ. Будучи немного сведущ в медицине, он легко прижился среди горцев. А когда вылечил от тифа единственного сына Ходжанияза, последний стал его близким другом и тем укрепил авторитет Пазыла среди населения. Пазыл понимал, какой популярностью в народе пользовался Ходжанияз, и не упускал малейшей возможности для того чтобы еще сильнее разжечь ненависть своего друга к гоминьдановским колонизаторам и их режиму. Старания его не прошли даром. Теперь нужно было искорку бунта, вспыхнувшего в Араторуке, разжечь в пожар всенародного восстания, которое свергнет гоминьдановское господство и обеспечит свободу родине. Так понимал и так стремился направить ход событий Пазыл. Мыслил он глубже, чем остальные, поэтому тяжесть пропагандистской и в какой-то мере организаторской работы пала на него...

Сейчас надо было подготовить обращение к народу от имени Ходжанияза и найти для него такие слова, которые зажгли бы сердца людей. Он сидел и писал. Обращение начиналось с истории независимости уйгуров, в нем рассказывалось о захвате их земель маньчжуро-китайцами, о злодеяниях захватчиков в течение двухсот лет...

«...Терпению пришел конец, — писал Пазыл. — Все, кому дорога родина, кто не хочет рабства, пусть поднимутся на борьбу с врагом!

Если мы не будем сами бороться за свободу, за освобождение, никто и никогда не позаботится о нас, братья! До каких пор можно терпеть обиды чужеземных хозяев, сидящих на нашей шее? Над нами издеваются, над нашей честью глумятся — как можно сносить все это? Где наше человеческое достоинство? Где наша гордость, честь? Нет, братья! Чем жить в неволе тысячу лет, лучше один день дышать воздухом свободы!

За нашу свободу и счастье — на бой против врага, соотечественники!»

— Салам алейкум! — проговорил вошедший дехканин, но, увидев, что Пазыл занят, собрался выйти.

— Проходите, садитесь! — пригласил Пазыл.

— Спасибо.

— Подождите, да ведь это вы собирались сохой бить врагов, а?

— Зря тогда не пошел с вами. Такого представления не увидел...

— Еще успеете. Впереди большие представления. А если все бросите в бой, кто же хлебопашеством займется? Кто кормить нас будет?

— Я из тех, кто рвется в бой, афандим. И сейчас пришел не с пустыми руками.

— Не с пустыми?

— Да. Пригнал, как барана, одного из подлецов, что хотел разжиреть на наших хлебах...

Пазыл сразу все понял. Услышав о первой победе, народ всколыхнулся. Дехкане либо убивали, либо связывали и доставляли к повстанцам правительственных чиновников и сборщиков налогов. Эти действия показывали, насколько сильна была ненависть народа к угнетателям, но такая неорганизованная война приводила к беспорядкам и грозила свести освободительную борьбу к разгулу, к отдельным убийствам из личной мести и по другим поводам. Пазыл прилагал много сил к тому,

чтобы предотвратить нежелательное развитие событий.

— Вы нехорошо поступили, — сказал Пазыл после недолгого молчания.

— А что тут плохого? — побледнел дехканин. — Если таких подлецов не убивать, к чему тогда священная борьба?

— Мы поднялись, — сказал Пазыл, глядя дехканину прямо в глаза, — не для того, чтобы убивать каждого. Наши враги — гоминьдановские правители. Не вообще китайский народ, поймите.

— Мм... Мм... — Дехканин вытер выступивший на лбу пот.

— Если вы смелый, направьте кулак на вооруженного врага, ака. А где ваш пленник?

— Отдал Палтахуну...

— Отпустите его невредимым и после этого вставляйте в наши ряды.

Дехканин глубоко вздохнул, потупился.

— Поймите — ведь мы сами испытали гнет, как же можем допустить, чтобы лилась невинная кровь? Но своих злейших врагов мы не пощадим, ака!

— Да я...

— Нет, не говорите так, — прервал его Пазыл. — Вы допустили ошибку. Нельзя, чтобы это повторилось.

Вошли Сопакун и Палтахун.

— Я допустил ошибку, окая, — обратился к Палтахуну дехканин. — Отдайте моего китайца.

— Мы отпустили его, он оказался из простых, — сказал Палтахун.

Дехканин улыбнулся.

— Пропали мои старания! Пока тащил его, сил потерял как за год...

Слова эти вызвали дружный смех. А дехканин сказал:

— Своей добычи я лишился, так возьмите теперь меня к себе!

— Хорошо, ака.

— Вот это дело! Спасибо, афанди, бог даст, вы оцените силу этого мускулистого кулака!

Дехканин ушел.

— Гнев народа беспределен, — сказал Пазыл. — Однако немало тех, кто и друзей, и врагов мерит одной меркой. Им нужно разъяснять... Ну, как дела, Сопакун?

— Все построились.

— Пойдемте.

В бою было добыто более ста сабель и винтовок. Вместе с ружьями охотников у повстанцев стало до ста пятидесяти единиц оружия. А число

людей в отряде превысило триста. Из них сформировали три сотни под началом Сопахуна, Палтахуна и Самсакнияз.

Строй джигитов походил на воинскую часть. Взгляды всех были устремлены на Ходжанияза. «С такими орлами не стыдно ли жить в рабстве?» — прошептал Пазыл, любуясь джигитами.

— Дети мои! — заговорил Ходжанияз. — Еще вчера вы были рабами. А сегодня поднимаете меч. Мы восстали. Отступить теперь позорно... Если вы мужчины, будьте в первых рядах...

— Не отступим!

— Пожертвуем собой! — громом пронеслись голоса.

— Братья! — поднял руку Пазыл. — Земля, на которой мы стоим, дорога нам так же, как дорого материнское молоко. Но родную нашу землю захватили чужеземцы и измываются над нами. Доколе мы будем терпеть это?

— Нет сил терпеть!

— Изгоним разбойников!

— Налоги мы платили, землей, водой поделились, — продолжал Пазыл, когда утихли голоса, — но ненасытные гоминьдановцы не довольствуются этим. Они попирают народ и хотят уничтожить нас до последнего. Мы начали священную войну. И пока не прогоним врагов, не освободим родину, наши руки не расстанутся с оружием!

— Клянемся!

— Не расстанемся с оружием!

Вперед выступил джигит-казах и, спросив разрешения у Ходжанияза, держа в руках островерхий тымак — шапку, — сказал:

— Наши предки были рабами. И мы рабы. А если будем и дальше терпеть, то и дети будут рабами...

— Молодец казах!

— Говори, казахский джигит!

Но Асылкан не сумел справиться с волнением и неожиданно замолк. Тогда заговорил прямо с лошади здоровенный монгол Бато:

— Я монгол. Раньше я ненавидел уйгуров, казахов... А ведь врагами нас сделали гоминьдановцы...

— Верно, верно!

— Семь лет я сидел в тюрьме, — продолжал Бато, — и понял, кто наши настоящие враги. И если мы, уйгурские, казахские, монгольские и... китайские труженики, объединимся, то победим угнетателей...

Голоса звенели до вечера — люди изливали свое горе, копившееся годами.

Ходжанияз, держа в руках знамя со звездой и полумесяцем, сказал:
— Пусть, это знамя будет порукой освобождения! — и, приложив полотнище к лицу, укрепил древко в земле.

Весь отряд прошел под развевающимся знаменем...

Глава пятая

1

Ночью в особняке молодого дунганского генерала Ма Чжунина долго горел свет. Генерал беседовал с низкорослым большеголовым человеком, и беседа эта для обоих была сложной и запутанной. Очень молод был Ма Чжунин, ему не хватало жизненного опыта, однако природный острый ум, смелость и решительность давали Га-сылину — так уважительно называли юного генерала окружающие — возможность быть на равных с опытейшим, хитроумным собеседником из страны, стремившейся выступать от имени всей Азии.

— Мы стараемся, — внушал большеголовый, — не причинять никакого вреда исламскому миру, Га-сылин.

— Это покажет будущее, — парировал Ма.

— Я предложил бы рассмотреть вопрос не узко, а в широком масштабе. — Большеголовый сделал упор на последние слова. — Наша общая борьба направлена против коммунистической чумы. И это, безусловно, имеет непосредственное отношение к религиозным убеждениям и частной собственности.

— А я хочу объединить подлинных мусульман, а дальше...

— А дальше сделать шаг к исламскому миру, не так ли? Большой шаг, благородная цель, ха-ха-ха! — Смех большеголового, кажется, обидел Га-сылина, ибо глаза его сверкнули. Большеголовый уловил эту вспышку гнева, так свойственную дунганам, и заговорил вкрадчиво: — Цель у нас одна, и поэтому мы легко можем понять ваши заветные мечты, Га-сылин.

— Не будем пока касаться этой стороны, господин Сато, — предложил юный командующий.

— Знаете, почему мы остановили свой выбор на вас?

— Разве я лошадь на базаре, чтобы выбирать меня?

— Ну-ну! — поднял руку большеголовый. — Давайте не менять русло нашей беседы. Мы остановили выбор на человеке, который способен стать

лидером, вождем, господином!

— Слишком преувеличиваете, господин Сато, — заскромничал Ма Чжунин, но слово «вождь» нашло отзвук в его тщеславном сердце.

— Дунгане не оценили вас по достоинству, а мы знаем, кто вы. — Большоголовый раскурил сигарету и, выпустив дым из расплющенных ноздрей, добавил: — Нас привлекло то, что вы мусульманин, а также такие качества, как ум, отвага, бесстрашие...

— Я прошу не втягивать меня в политику. Я военный, и мне ближе оружие.

— Без политической подготовки нельзя быть современным командующим, — возразил большоголовый с притворной улыбкой. — Возвысив как политического и военного деятеля Востока, мы хотим противопоставить вас коммунизму.

— Мне нужно оружие, оружие! — чуть не закричал Ма. — Только увидев оружие, я пойду на налаживание отношений с вами.

Сато поднялся с места и, пройдя по комнате, сказал:

— Вы и в самом деле человек оружия. В этом отношении вы более требовательны, чем даже Сюаньтун^[18].

— Я люблю дело.

— Мы тоже предпочитаем решительные действия. Итак, вы получите оружие, когда созреет благоприятная обстановка в Восточном Туркестане, договорились?

Большоголовый и Ма Чжунин пожали друг другу руки, будто ставя точку в конце беседы.

— С вашего позволения, Га-сылин, дадим отдохнуть друг другу.

Когда они разошлись по комнатам, молодой дунганин долго не мог уснуть, строя планы будущего похода на Восточный Туркестан. Слова Сато о том, что сейчас трудно и сложно удержать в руках Восточный Туркестан, не давали ему покоя. Он мыслил так: силой оружия овладеть Восточным Туркестаном, а затем в каждом округе поставить своих людей, себя объявить правителем «мусульманского султаната» и после четырех-, пятилетней военной подготовки выступить в поход за «объединение мусульманского мира»... Все это, безусловно, осуществимо при условии союза с сильнейшим в мире государством — Японией. «Но как же понимать этого японского дьявола? — думал Ма Чжунин, ворочаясь с боку на бок. — Если, по его словам, я не смогу управлять захваченной землей, зачем же тогда воевать и проливать кровь? Здесь что-то не то. Или он водит меня за нос, или не верит в мою силу... Но я буду управлять мусульманами так, что даже дух пророка Омара удивится...»

Японский лазутчик в соседней комнате тоже не спал — ждал, когда в доме все затихнет. Едва наступила тишина, он бесшумно подошел к двери, прислушался, потом, вернувшись к столу, достал из чемоданчика портативную рацию. Его сообщение в Токио касалось беседы с Ма Чжунином.

Утром Ма Чжунин не смог заниматься делами — от бессонной ночи болела голова. Выпив специально приготовленное лекарство с опиумом и выслушав сообщение о том, что известный ему вожатый караванов Моллахун из Восточного Туркестана просит принять его вместе с каким-то незнакомцем по очень важному делу, генерал лег спать.

С Моллахуном и его товарищем он встретился после обеда.

— Кто это? — спросил Ма Чжунин у Моллахуна после приветствий.

— Это мой спутник, Га-сылин.

— Торговец или, как ты, водит верблюжьи караваны?

— Нет, Га-сылин, он прибыл для встречи с вами.

— С вашего позволения, господин сылин, хотелось бы поговорить с вами конфиденциально, — сказал Пазыл — это был он, — вставая с места.

Ма Чжунин с удивлением посмотрел на Моллахуна.

— Честно говоря, Га-сылин, я здесь лишний человек. Мне можно и выйти. — Моллахун поднялся.

— Подожди, сиди. Может, не будешь лишним.

— Когда двое беседуют, третьему нечего делать, я лучше выйду, Га-сылин.

— Ну, тогда можешь попить чаю в приемной. Так что ты за человек? — спросил он у Пазыла.

— Все сказано в этом письме. — Пазыл протянул зашитое в лоскут письмо.

Ма Чжунин вспорол шов и, вытащив письмо, стоя внимательно читать его. Лишь первое слово «бисмилла» было написано по-арабски, все остальное — китайскими иероглифами. Дважды пробежав текст глазами, Ма пристально посмотрел на Пазыла.

— Ты хорошо знаешь наш язык или нужен переводчик?

— Свое дело объяснить смогу.

— Хорошо. Когда возвращаетесь?

— Разумеется, после ответа господина Га-сылина.

Ма Чжунин по привычке быстро вскочил с места и начал ходить по комнате, держа руки за спиной.

— Где сейчас Ходжанияз? — спросил он, остановившись перед Пазылом.

— В Кумульских горах, — ответил Пазыл.

- Сколько у вас винтовок?
- Пока около пятисот, — приврал Пазыл.
- Очень мало. Как же вы хотите начинать дело? — сердито спросил Ма Чжунин.
- Вот потому и просим вас помочь, Га-сылин.
- Генерал задумался. Ходжанияз в письме призывал объединиться и, выступив совместными силами против гоминьдановцев, освободить свои народы. Однако Ма Чжунин мечтал с помощью Японии завладеть Восточным Туркестаном. Для этого сейчас, разумеется, нужно объединяться, с Ходжаниязом, но на каких условиях — вот в чем вопрос. Кто за кем пойдет — он за Ходжаниязом или Ходжанияз за ним?
- Вы где остановились? Вместе с Моллахуном?
- Да-а! — с досадой проговорил Пазыл: он понял, что ответа сегодня не получит.
- Не переедете ли вы в штаб — сылинбу? Удобнее было бы вести переговоры.
- Я не против. Но хорошо бы побыстрее получить ответ.
- Вы слишком требовательный и торопливый посланник, Пасяньшэн, — рассмеялся Ма Чжунин.
- Обстановка требует этого.
- Понимаю. Сегодня будьте гостем. Завтра получите ответное письмо. До Кумульских гор вас доставят на машине.

Вечером, после ужина, опять состоялась беседа Ма Чжунина с большеголовым японцем. На этот раз Сато вышел из рамок сердечного отношения и держал себя как наставник.

— Не упускайте случая, Га-сылин. В военном походе время и удобный случай обеспечивают победу, — поучал он, развалившись в кресле.

Ма Чжунин с удивлением смотрел на обнаглевшего лазутчика, почувствовавшего себя хозяином в этом доме. Ярость вдруг ударила в голову молодому генералу, и он едва не бросился на японца, но сдержался: «Подожди, успокойся, — говорил он себе, — этим можно навредить делу, но еще настанет час...»

— Что вы устали на меня, господин Га-сылин? Или вам не по душе открытый разговор? — усмехнулся Сато. — Но, защищая вас, мы иногда вынуждены резко говорить с вами. — Этими словами японец хотел

смягчить недовольство генерала, а про себя думал: «Этого упрямого дунганина надо прибрать к рукам, пока не поздно, иначе он, как строптивый конь, может скинуть седока».

— Я военный человек и назиданиям предпочитаю практические дела, — резко сказал Ма Чжунин.

— Вы снова хотите сказать насчет оружия, да?

— Безусловно.

— Хорошо. В ближайшее время вы получите часть оружия. Однако и у нас есть условия.

— Например?

— Лучше говорить прямо, не так ли?

— Конечно.

— Я должен заранее предупредить: в своих действиях вы будете придерживаться наших указаний.

— Не понимаю. Ведь тогда...

— Не вставляйте на дыбы, Га-сылин! — прервал его Сато и добавил: — Мы не будем, подобно кошке, совать нос в каждую мелочь. Но русло главного направления должно быть в наших руках...

«Выходит, ты помогаешь для того, чтобы стать хозяином надо мною? — думал Ма Чжунин. — Чем проливать кровь для тебя, не лучше ли опереться на гомиьндановцев? Какая разница между вами?..»

— Поймите хорошенько, — заговорил японец, отлично улавливая состояние Ма Чжунина, — что если человек, пожелавший овладеть, и управлять Восточным Туркестаном, не будет опираться на такую могущественную империю, как наша, он трагически закончит свои дни. Это не выдумка, не угроза, это сама реальность!

— Я потому и говорю с вами, что отлично понимаю это, — ответил Ма Чжунин.

— Мы не будем возражать против того, чтобы вы стали ханом, султаном или халифом, напротив, мы всячески поддержим вас. Но при решении политических и экономических вопросов вы должны считаться с нашими желаниями.

— Думаю, что в этом между нами не возникнет разногласий.

— Вот это дело... — Сато пожал обе руки Ма, а потом добавил: — Теперь ваши дунгане войдут в Восточный Туркестан так же легко, как входит нож в баранье сало.

Ма Чжунин глубоко вздохнул. Последние слова Сато покорибили его.

— Если не ошибаюсь, сюда добрались люди Ходжанияза, — криво усмехнулся Сато.

«У этого дьявола нюх, кажется, не хуже, чем у собаки», — удивился и растерялся Ма Чжунин.

— Да, Ходжанияз прислал письмо.

Он потянул пакет Сато, но лазутчик поднял руку:

— Не надо. Я не люблю читать чужие письма. Вы назовите мне посланца.

— Я не расспросил его подробно. Привел его ко мне...

— Погонщик Моллахун, не так ли?

— Да, он. Я его знаю уже много лет.

После недолгой паузы Сато проговорил:

— Если вы в состоянии обуздать Ходжанияза, то можно временно плыть с ним в одной лодке. Однако необходимо хорошенько проверить посланца.

— Я еще не дал ему ответа.

— Дайте ответ немедленно. Ходжанияз не опасен. Если вы временно объединитесь с ними, облегчите себе путь в Синьцзян, уважаемый Гасылин.

Пойдя на сговор с лазутчиком японской империи, Ма Чжунин сделал шаг по кровавому пути. Так под небом дунганского города Синин провинции Цинхай завязался еще один узел борьбы за власть в Восточном Туркестане.

Глава шестая

1

Тревожные думы одолевали Цзинь Шужэня — председателя (чжуси) синьцзянского провинциального правительства. Вести с мест не давали покоя, требовали неотложных действий. «И чем только занимаются мои бездельники чиновники? — в ярости думал он. — Нет, нельзя допускать разрастания волнений...» Он нажал на кнопку звонка. В дверях появился секретарь.

— Пригласи Шэн Шицай!

Шэн Шицай не заставил себя ждать:

— Будьте здоровы, господин чжуси.

Цзинь разглядывал его так, будто видел впервые. Правда, Шэн Шицай недавно появился здесь, в Урумчи, в аппарате председателя, но уже

зарекомендовал себя деловым человеком. Чжуси, однако, с выводами не спешил, продолжая присматриваться к посланцу центра. В отличие от многих высших офицеров, занимавших крупные должности, Шэн Шицай был строен, военная форма сидела на нем безукоризненно, а уверенные движения и смелый взгляд зорких глаз возбуждали у Цзинь Шужэня особенное внимание к сравнительно еще молодому человеку: не тот ли это надежный помощник, который давно нужен ему?

— Прошу, садитесь.

— Благодарю. — Шэн Шицай, пройдя по кабинету твердой походкой, сел на указанное место.

— Прочтите-ка вот, — Цзинь Шужэнь протянул несколько телеграмм.

— Слушаюсь, господин чжуси.

Пока Шэн Шицай внимательно читал телеграммы, Цзинь не сводил с него своих мигающих глаз.

— Ну, что скажете? — спросил он.

— Как бы вам ответить...

— Оставьте увертки, сейчас не до них. Я хочу знать ваше настоящее мнение по этому поводу.

— Мне кажется, надо всесторонне изучить обстановку, — уклончиво проговорил Шэн Шицай.

— Вот смотрите, — чжуси стал перебирать телеграммы. — В кумульских горах появилось несколько бандитов, в Кашгаре и Хотане — шайки грабителей... А вот совсем иное: в Кульдже будто бы завелись просоветские элементы. Воров и грабителей можно просто расстрелять, но тех, что в Кульдже, наказать так, чтоб другим это стало хорошим уроком. Как вы считаете?

— Все это правильно, и однако...

— Что однако?..

— Мне кажется, нельзя так просто смотреть на эти события.

— Вот именно... Вы угадали мои мысли.

— Нужно внимательно разобраться, господин чжуси, — осмелел Шэн Шицай. — Не окажется ли, что подчиненные изображают волка безобидным зверьком? Или, наоборот, от страха им вместо кошки мерещится тигр?

— Ваши сомнения уместны, дорогой Шэн. Эти мои шакалы (так Цзинь называл своих чиновников) разучились управлять людьми и занялись лишь набиванием карманов. Согласен — их сведениям полностью верить нельзя...

— Хорошо бы узнать, не стоят ли какие-нибудь люди за этими

бандитами и грабителями, не подстрекает ли кто их.

— Отличная мысль!

— Не к чему ждать, пока придут сообщения с мест, лучше самим предпринять решительные меры.

— Что вы предлагаете?

— Послать специальных представителей в районы волнений и постараться мирным путем успокоить народ, Если из этого ничего не выйдет, применить оружие.

— Кого, по-вашему, можно послать?

Шэн Шицай задумался. В последнее время Цзинь Шужэнь часто спрашивал его мнение и поступал по его советам. Самое время сейчас, используя момент, предложить своих людей. Но Шэн был осторожен. Он шел к цели постепенно, тщательно взвешивая каждый свой шаг.

— Что же вы задумались?

— Тут поневоле задумаешься. Люди, которых господин чжуси решит послать туда, должны быть всесторонне подготовлены и проверены.

— Обдумайте все хорошенько и представьте список.

— Хорошо, господин чжуси.

— Еще один важный вопрос, — Цзинь Шужэнь положил на стол толстую папку. — Вот проекты новых налогов и военного устройства. Они будут обсуждаться на очередном заседании военно-административного совета. Ознакомьтесь и доложите свое мнение.

Шэн Шицай молча взял папку, отвесил поклон и удалился.

«Да, способный человек, но скрытный. От него можно ждать и хорошего, и плохого... Что ж, поживем — увидим», — подумал Цзинь и подошел к военной карте Кумульского округа.

Выйдя из ямыня — канцелярии чжуси, — Шэн Шицай огляделся по сторонам. Город Урумчи был верен себе: дым, перемешанный с туманом, почти не позволял разглядеть прохожих. Приходилось ориентироваться на слух — на шаги людей и скрипы двуколок.

«Проклятый дым проклятого города... Надо было прихватить телохранителя. Может, не ходить? — заколебался он, но, сделав несколько неуверенных шагов, решил: — Нет, ждать до завтра нельзя».

Он долго шел по узким улочкам, насквозь пропахшим соленым и маринованным луком и специями, пока не добрался до северных ворот

городской цитадели. Здесь он свернул в тупик, называемый «маньчжурской улочкой», остановился и внимательно осмотрелся кругом. Убедившись, что никого вокруг нет, условным сигналом постучал в черную дверь. Послышалось покашливание, потом вопрос:

— Кто?

— Это я. Открывай, да поскорее!

Старый китаец, закашлявшись, впустил Шэна в дом. В длинной, как вытянутая кишка, комнате стоял густой опиумный дым, так что Шэн разглядел сперва лишь светильник.

— Есть тут кто-нибудь?

От стены отделились два силуэта и, медленно приблизившись, согнулись в полупоклоне.

— Как вы тут не задохнетесь?..

— Простите... — пролепетали курильщики.

Знакомый требовательный голос и решительный облик Шэн Шицай привели их в чувство. Сам он не курил опиум. И терпеть не мог курильщиков. Однако сейчас Шэн Шицай поборол свое отвращение, ибо пришел по необходимости.

В доме обитали чиновники — отстраненные от должностей или прибывшие из Центрального Китая. Они ждали назначений. У одних ожидание продолжалось десятки лет, другие с помощью взяток и покровителей быстро получали выгодные посты и тогда не мешкая отправлялись к месту назначения и там через год-два сколачивали, а точнее — выколачивали, состояние, позволявшее безбедно прожить остаток дней.

Эти двое уже три года дожидались, чтобы судьба улыбнулась им. Карманы их совсем опустели, и приход покровителя, завербовавшего их с полгода тому назад, они расценили как предвестие долгожданных перемен в судьбе.

— Уйгуры, казахи, — продолжал Шэн Шицай, коверкая на китайский лад эти слова, — зарезав лошадь, коптят ее мясо для еды. А вы зачем коптитесь? Готовите себя на съедение собакам?..

Он отбросил дощечку, прикрывавшую окно, и дым потянулся из комнаты наружу.

— Если бы мы, — заговорил один, получивший в свое время от судьбы памятную отметину — багровый шрам, пересекающий лоб и голову, — если бы мы заранее знали о приходе вашего превосходительства...

— Закрой дверь на крючок! — оборвал его Шэн Шицай.

— Хорошо, хорошо. — Тот быстро накинул крючок.

— Садитесь!

— Спасибо, спасибо, — ответили курильщики.

— Если не ошибаюсь, месяцев шесть тому назад я беседовал с вами, не так ли?

— Так, так, господин.

— У меня есть для вас ответственное задание... Только справитесь ли вы с ним?

Не зная, о чем речь, курильщики растерянно переглянулись.

— Каждый, кого я беру под свое покровительство, должен беспрекословно повиноваться мне! Или — пощады не будет!

— Наша жизнь в ваших руках! — пробормотал тот, что со шрамом-отметиной.

— Если я не помогу вам, — проговорил Шэн Шицай еле слышно, — то разве земляки Цзинь Шужэня дадут вам место?

— Правильно, правильно, — в один голос затараторили курильщики, услышав заветное слово «место».

— Я направлю вас в округа. Тебя, Чжао, в Кульджу, а тебя, Ху, в Кумул...

— Спасибо! — вскрикнули они, распластавшись у ног Шэн Шицай, как перед Буддой, ниспославшим радость после долгих лет ожидания.

— Вы будете на секретной службе. Получите право контролировать местные власти, понятно?

— Понятно! — заявили курильщики. Недавно еще безжизненные, вялые, они, услышав о правах и месте, обрели волю и силу.

— Таких, кто ожидает назначений, много. Я остановился на вас. И хочу, чтобы вы были верны мне.

— Конечно, конечно! — заволновались Чжао и Ху. — Если мы сойдем с линии, начертанной господином, пусть боги покарают души наших предков!

— Должность — крылья чиновника, — сказал Шэн Шицай, многозначительно усмехнувшись. — Желаю, чтобы вы полетели далеко...

— Мы никогда не забудем вашей милости...

Шэн Шицай, будто не слыша льстивых слов человека с отметиной, продолжал:

— В Кульдже особое внимание уделите просоветским элементам. Вам ясно, Чжао?

— Ясно, господин Шэн!

— Вы, Ху, постарайтесь вызвать разногласия между главарем бандитов Ходжаниязом и его сторонниками.

— Понятно.

Шэн Шицай обрисовал вкратце обстановку в Синьцзяне, указал, на что обратить особое внимание, а в заключение добавил:

— Вот вам деньги, приведите себя в порядок и подготовьтесь к дороге...

В тот же вечер он повидал еще восемь человек, ожидавших своего часа. Все они получили задания — каждый по своему округу.

Когда Шэн вернулся к себе в кабинет, секретарь принес ему кипу писем и визитную карточку — на очень дорогой бумаге по-китайски и по-уйгурски было красиво выведено: «Юнус-афанди».

— Пригласи этого человека! — Шэн Шицай указал на карточку.

— Хорошо.

— Для других меня пока нет.

— Хорошо. — Секретарь вышел.

— Как говорят, вновь встречаются лишь друзья, — с этими словами Шэн Шицай обнял вошедшего в кабинет Юнуса.

— Ничего нет выше, чем близость душ, — ответил в свою очередь Юнус, крепко пожимая руки Шэн Шицаю.

— Садитесь. Я соскучился и, поверьте, так рад вас видеть. — Он усадил Юнуса в мягкое кресло.

— Спасибо, премного благодарен...

— Вы слегка осунулись, друг мой, вероятно, от дорожных мучений. Их не миновать, пока не проведем сюда железную дорогу.

— Совершенная правда, эти поездки — одно мученье.

— Как идут торговые дела?

— Неплохо... Господин уже освоился с нашими местами?

— Благословеннейший край, если бы не отсталость. Но я так занят, что не замечаю, как летят дни.

— А у меня от радостных вестей душа чуть не в раю.

— О-о! Какие же это вести? — улыбнулся Шэн Шицай.

— Говорят, вы получили повышение. Именитые люди то и дело повторяют ваше имя.

— Ну, это, наверное, не совсем так, — усмехнулся Шэн Шицай, не любивший грубой лести, — я еще не знаком с местной знатью.

— В Урумчи много влиятельных людей, которые станут для вас надежной опорой. Могу познакомить, если желаете.

— Всеу свое время. Где вы остановились?

— В доме бая Да Розы.

— Хотелось бы услышать, что думают баи о кумульских событиях....

— Как бы вам сказать... — замялся Юнус, не ожидавший подобного вопроса.

— Ну, например, нет ли у смутьянов доброжелателей среди баев?

— Естественно, баи и муллы не сочувствуют восставшим. А вот среди простолюдинов кривотолков хватает.

— Ну-ну, друг мой, что же вы слышали? — подбодрил его Шэн.

— Говорят, что восставшими руководит Ходжанияз. И что они скрываются в горах, И что солдаты ничего с ними не могут сделать... Люди так и говорят.

— Когда вы проезжали через Кумул, что-нибудь заметили?

— Баи начали припрятывать свое добро, цены повысились, чувствовалась какая-то тревога..

— Хо-джа-ни-я-зи, — произнося по частям это имя, Шэн Шицай походил на голодного пса, заглатывающего длинный кусок шкуры, которую он не смог прожевать. — Он имеет влияние среди народа?

— Известно, что в горах его любят. Но ван-ходжа относится к нему иначе: он вмешивался в дела кумульского дворца, защищая горцев...

— Вы верно оцениваете обстановку, друг. Есть ли среди смутьянов грамотные люди? — Шэн Шицай прямо и требовательно смотрел в глаза Юнусу.

— Кажется, у них есть какой-то лекарь, появился неизвестно откуда.

— Лекарь?

— Одни утверждают, будто бы он из Кульджи, другие — что чуть ли не из Внешней Монголии.

— Вот как? — Шэн Шицай вскочил с места. По его сведениям выходило, что мятеж вспыхнул из-за девушки. Известие о лекаре, появившемся неведь откуда, заставило по-иному взглянуть на события. «Кто знает, а вдруг этот лекарь подослан извне... И кумульские события не случайная вспышка, а организованное восстание, готовое вылиться в народную войну... Как все это сложно...»

— Что еще вы знаете об этом лекаре? Когда он появился?

— Я сказал лишь то, что слышал. Возможно, все это просто болтовня. Чего не наплетут люди...

— Зря люди ничего не говорят. Благодарю за вести. Я представлю вас председателю Цзинь Шужэню. Пусть он услышит из ваших уст все, что вы видели и слышали.

— Я увижу господина чжуси?.. Как мне отблагодарить вас? — Юнус, поднявшись с места, прижал руки к груди.

— Сведения, которые вы можете сообщать, для нас ценнее любых

подарков, ценнее самых дорогих бриллиантов.

— Есть еще одна новость. Хотя... Не знаю даже, как вам сказать...

— Говорите, говорите. Между нами не место тайнам, Ю-шангун.

— Говорят, что этот лекарь отправился в Цинхай...

— В Цинхай? — Шэн Шицай торопливо закурил и нервно сделал несколько затяжек. — Для чего?

— Это неясно. В спутники он взял известного вожатого караванов Моллахуна.

— Вот как! — Шэн Шицай быстро стал что-то заносить в записную книжку. — Вы узнали это от Моллахуна?

— Нет, мне рассказал владелец караван-сарая в Кумуле.

— Как вы думаете, с кем хочет встретиться этот подозрительный лекарь?

— Скорее всего с головорезом Ма Чжунином.

— Вы проникательны и рассуждаете здраво, дорогой Ю-шангун. Верю, что вам еще предстоит занять высокий пост.

— Благодарю вас, — Юнус сгорбился в поклоне.

— Ма Чжунин давно ищет повода вторгнуться в Синьцзян. Здесь он начинает грабить таких баев, как вы, и, насытившись, вернется к себе.

— Я слышал об этом опасном разбойнике, — поддакнул Юнус. — Ма Чжунин опаснее Ходжанияза.

— Лекарь, о котором вы сообщили, опаснее их, ибо стремится объединить силы обоих разбойников.

— Неужели нельзя предотвратить опасность, Шэн-дажэнь?..

— Ходжанияза и Ма Чжунина объединяет мусульманство. И у мусульманских баев пока нет оснований быть настроенными против них, — задумчиво заговорил Шэн Шицай, как бы вводя Юнуса в тонкости политики. Делая выводы из услышанного, он сказал о том, что знамя ислама объединит не только Ходжанияза и Ма Чжунина, оно может сплотить и двинуть против китайцев враждующие между собой народности и племена. Здесь, в Синьцзяне, где духовная отсталость пустила глубокие корни, люди легко откликнулись на религиозные призывы.

— Баи сохраняют свою преданность Китаю, поверьте мне, — сказал Юнус.

— Суть не в том, дорогой друг, чтобы ручаться за них, а в том, чтобы заставить их активно действовать против мятежников.

— В этом вы положитесь на меня! — Юнус ударил себя в грудь.

— Спасибо, Ю-шангун! Господин чжуси будет доволен вами. — Шэн Шицай похлопал Юнуса по плечу и подумал: «Хоть ты и осел, но осел»

преданный».

На следующий день по протекции Шэн Шицая Цзинь Шужэнь принял Юнуса и назначил его советником правительства по обеспечению войск, прибывающих из центра в Илийский округ. Эта должность при известной ловкости могла стать источником немалых доходов. Обрадованный Юнус-байвачча не мешкая выехал в Кульджу.

Шэн Шицай проводил своего «друга» до Хунсанцза, что в пяти километрах от Урумчи. Когда он возвратился домой, жена встретила его радостными возгласами:

— Посмотри-ка на эти драгоценности — целое состояние! Какой щедрый этот Юнус!

— Не очень-то радуйся, подарки полагается отдаривать, — холодно бросил муж, умеряя ее восторги.

— Вот это уж ни к чему! С него довольно, что ты раз-другой покажешь ему белизну своих зубов!

— Не давай волю аппетиту. А то кусок застрянет в горле...

— Я забочусь о будущем, Шицай. Чего мы только не натерпелись! Забыл, как пили соевую воду? И зачем жить в этом собачьем краю, если нельзя себя обеспечить?..

— Повторяю еще раз: не жадничай — споткнешься через неделю.

— Ах, как надоела твоя осторожность! Я ведь забочусь о твоих детях. Пришел час — наполняй орехами карман...

— Не торопись. Вначале нужно пустить корни поглубже, а там все легко пойдет.

— Наконец-то ты заговорил разумно, милый мой...

— И ты наконец-то не споришь со мной... Нас пригласили на званый обед.

— Куда?

— К уйгурским баям.

— Вот как... Значит, надо одеться хорошенько.

— Напротив. Не выряжайся, как жены других чиновников.

— Почему?

— Если ты будешь держать себя попроще, жены чаньту начнут льнуть к тебе. И я легче найду путь к сердцам их мужей.

— Поняла...

— На обеде много не говори. Пусть болтают другие.

— Для тебя и обед — политика?...

— Мы должны использовать каждую возможность... Так вот, повторяю: меньше говори — наблюдай за другими и слушай...

Цзяюйгуань — городок-крепость на стыке провинций Ганьсу, Цинхай и Синьцзян, на самой границе уйгурских и китайских земель. Здесь, в этом городке, скапливаются огромные массы переселенцев, выходцев из внутренних районов Китая, чтобы совершить последний, самый трудный бросок на запад. Много людей погибает при переходе через пустыню, но голод и безысходная нужда-толкают их в этот тяжкий путь, в конце которого, по слухам и легендам, каждого ждут необъятные участки плодороднейшей земли, сытость и богатство.

У Пазыла в Цзяюйгуане было свое важное дело. Потому-то и прибыл он сюда после полудня, на «джипе» Ма Чжунина. И хотя стоял еще апрель, на узких улочках было душно, пыльно и многолюдно. Навстречу нескончаемым потоком двигались люди, прикрывавшие жалкими лохмотьями лишь нижнюю часть тела, — с нищенскими узелками, с привязанными за спиной ребятишками. Серые, как апрельская пыль, лица, впалые, лишенные жизни глаза, выпяченные ребра...

— Что это за люди? — спросил Пазыл у шофера-дунганина, когда пришла притормозить: поток стал так плотен, что, несмотря на настойчивые гудки, пробиться сквозь него оказалось невозможно.

— Пробираются в Синьцзян, — ответил шофер.

— Бездомные... Неужели они надеются дойти?

Шофер пожал плечами.

— Эти бедняги довольно выносливы. Могут питаться травой и корнями.

Людская масса двигалась вплотную к машине, обтекая ее с обеих сторон. «Сколько трупов останется в сухих, горячих песках впереди...» — думал Пазыл.

Наконец толпа немного поредела, можно было продолжать путь. Хозяин постоялого двора, увидев шофера в военной форме, поспешно распахнул ворота.

— Прошу, прошу, дорогие гости, — пригласил он, склонив голову.

— Найдется свободная комната?

— Все заняты, не знаю, что и делать...

— Ночевать мы не останемся.

— Тогда отдохните в моей комнате. — Хозяин помог Пазылу выйти из машины, а затем провел приехавших к себе.

— Есть ли среди постояльцев синьцзянцы? — спросил Пазыл, поперхнувшись спертым воздухом комнаты.

— Были, но сегодня утром уехали, — ответил хозяин, открывая окно.

— Куда?

— В Кумул. Это были люди известного бая Юнуса.

— Не было ли среди них одного молодого джигита?..

— Как же, как же. Его зовут Замани, очень приятный господин. Он меня хорошо отблагодарил, — не без намека сообщил хозяин.

Пазыл попросил чаю. Утолив жажду, он отправился в город.

На маленьком базарчике народу было битком. С трудом протиснувшись сквозь толпу, Пазыл остановился перед низеньким ларьком. Очкастый китаец, торговавший лекарствами, заметив Пазыла, перескочил через прилавок.

— Не верю глазам! Откуда ты вдруг появился? — Он завел Пазыла к себе в лавку. — Садись, вот удобная скамейка. Ты только приехал?

— Да. Как поживаешь, дружище?

— Хорошо. Вот, сам видишь, чем занимаюсь, — Лопян показал на разложенные вдоль прилавка лекарства. — Пройдем лучше внутрь. При таком шуме невозможно разговаривать. — Он отодвинул ширму, прикрывавшую угол, и провел Пазыла через узкий — можно было идти только боком — проход в маленький, как кошма, дворик. — Не удивляйся, в этом дворе еще просторно. Видишь, с одной стороны торговая лавка, с другой — жилые дома. Соседи куда-то ушли, а то бы из этих четырех дверей вылезло десятка два ребятишек, — сообщил Лопян.

— Просторно, как в набитой мясом кишке...

— Что поделаешь, земли не хватает. А уйгуры, у которых земли много, не хотят раскрыть объятий...

— Мы раскрываем объятия, но вы благодарите нас кулаком.

Оба рассмеялись шутке Пазыла.

— Если бы люди жили как братья, земли хватило бы. Земля должна принадлежать всем! — Лопян ввел друга в крохотную спаленку. — Как обстоят дела? Рассказывай, — обратился он к Пазылу.

— Неплохо. Начать начали, а теперь нужно сделать правильные выводы. Ты, наверное, в курсе событий?

— Немного осведомлен. Мы посылали человека наладить с тобой связь, но он вернулся ни с чем — не нашел тебя. А ты, оказывается, ищешь единомышленников в Цинхае, — улыбнулся Лопян, протирая очки.

— Чему ты улыбаешься, Лопян?

— Не ожидал, что ты рискнешь на такой шаг.

— По-твоему, это ошибка?

— Вот именно. Вы приведете в стадо голодного волка. Ты, очевидно, уступил требованиям Ходжанияза?

— Да, Ходжанияз сильно настаивал на объединении с Ма Чжунином, и я был вынужден уступить. А к тому же мы еще слабы, и не лучше ли нам обзавестись союзником?

— Нет, Пазыл, Ма Чжунин коварный человек. Он может сейчас пойти на сближение, но в любую минуту вас предаст.

— Ты стал чересчур мнительным, Лопян.

— Есть люди, которым можно верить, но Ма Чжунин не из их числа, — твердо возразил Лопян и рассказал, как генерал налаживает связи с японскими лазутчиками, какие цели преследует в отношении Синьцзяна, а в заключение добавил: — В настоящий момент Синьцзян стал ареной спора империалистических держав. Англия строит в Кашмире железную дорогу, желая приблизиться непосредственно к Синьцзяну, Германия, склонив на свою сторону недальновидного Цзинь Шужэня, заключила соглашение о разработке нефти в Синьцзяне. А Япония разве случайно открыла в Токио «мусульманскую школу» и спешно готовит разведчиков? Японцы провоцируют в Синьцзяне волнения, чтобы воспользоваться услугами Ма Чжунина. И в такой момент приглашать его в Синьцзян — все равно что отпереть ворота волку, который ищет лазейку в овчарню.

Пазылу нечего было возразить, и он сидел, низко опустив голову. Неужели Лопян прав? Когда Ходжанияз заговорил об объединении с Ма Чжунином, Пазыл возражал ему. Но Ходжанияз был категоричен, пришлось согласиться. Иначе Ходжанияз все равно бы нашел дорогу к Ма Чжунину и, самовольничая, наломал бы дров. С другой стороны, Пазылу казалось, что в борьбе с врагом можно использовать его противников...

— Ты встревожил меня, Лопян, — сказал после долгой паузы Пазыл. — Тебе точно известно, что Ма Чжунин связан с японцами?

— Никто не знает, заключено ли между ними формальное соглашение. Но неспроста японцы вьются вокруг Ма Чжунина, как мухи вокруг меда. Даже если Ма Чжунин, получив от японцев оружие, порвет с ними, он не будет верен вам. Ибо его цель в том, чтобы самому стать хозяином Синьцзяна.

— Этого мы не допустим. Ты что, не считаешь нас живыми?..

— Во всяком случае, дело осложнится: вам придется противостоять гоминьдановцам, а внутри бороться с Ма Чжунином...

— Ну, это еще будет видно. Теперь поздно отступать. Ты скажи, как вы думаете нам помогать.

— Все, что я сказал, не только мое мнение, а мнение всех товарищей. Если бы мы наладили связь чуть раньше, возможно, этой ошибки не произошло бы. Но, как бы там ни было, решено оказывать вам практическую помощь.

— А ты сам, Лопян, долго еще будешь нюхать лекарства в этой норе? — спросил Пазыл, не скрывая удовлетворения от слов своего друга.

— Товарищи отправятся в Кумул, Урумчи, другие города. Они будут помогать вам. Я тоже еду. В Кульджу.

— Вот это дело.

— В Синьцзяне пока еще нет рабочего класса местной национальности. При таком положении невозможно создать рабочую или коммунистическую партию. Но можно организовать партию народного типа, она возглавит восстание.

— Правильно, Лопян, — ответил Пазыл. — И я думал об этом. Весь народ всколыхнулся. Пришло время разжечь пламя восстания не только в Кумуле, но и во всем Синьцзяне...

Друзья беседовали долго, обговаривая основные моменты предстоящей работы, стараясь предугадать до мелочей каждый поворот близящихся событий.

В ту же ночь Пазыл выехал обратно.

2

Тихий, однообразный перезвон медных колокольчиков под равномерные шаги верблюда навевал сон измученным долгой дорогой путникам. Верблюды тоже устали, им хотелось поскорее добраться до привала, поэтому с наступлением темноты и прохлады они ускорили шаг. Незадолго до рассвета караван достиг небольшого родника.

— Разгрузите верблюдов, пусть отдохнут, а потом накормите их, — приказал главный погонщик.

Собрали хвороста, вскоре затрещал костер. Люди заснули, разморенные теплом огня. Не спалось лишь Заману — ныли ноги, он не мог ни сесть, ни лечь, только расхаживал вокруг костра.

— Что это вы прогуливаетесь, будто по улицам Шанхая? Идите сюда, я заварю чай, — подозвал Замана его спутник Рози.

— Ноги затекли, — ответил Заман.

— Выпейте чашку чая, сдобренного целебными травами, станет легче, — сказал Рози, протягивая пиалу.

— Спасибо, Рози-ака. — Заман сделал несколько глотков. — Какой вкусный чай!

— Говорят, муки дороги — муки могилы. Если в этой безлюдной пустыне мы не будем внимательны друг к другу, какие же мы спутники тогда? Хотите — приготовлю сурпу?

— Не беспокойтесь, Рози-ака. Хорошо бы теперь немного отдохнуть. А как измучились эти бедняги, — кивнул Заман на крепко спавших погонщиков.

— Пусть спят. Приготовим завтрак — разбудим их, — сказал главный погонщик и позвал двух джигитов, стоявших в дозоре, выпить чаю.

Рози разостлал кошму, приготовил постели для себя и Замана.

— Ложитесь, мой ходжа. Помолитесь о приумножении богатств Юнуса-байваччи и спите спокойно, — сказал он, усмехнувшись.

Заман внимательно посмотрел на этого тридцатилетнего человека, внешне ничем не примечательного. «Заботлив, как родной брат...» — подумал он. Улегшись на спину, Заман загляделся на небо, густо усеянное блестящими звездами...

Под утро звезды стали гаснуть одна за другой. Только Полярная звезда — вбитый в небо Железный кол — светилась все так же ярко. Большая Медведица постепенно оседала к горизонту. Чуть порозовела восточная часть небосвода. Предрассветную тишину нарушал лишь треск догоравшего костра, почмокивание верблюдов да храп погонщиков. «В Кульдже, наверное, тоже светает. Мама уже поднялась... А Азиз и Азиза не встанут, пока не вскипит чай, тогда их разбудят. Как там мои друзья Зикри и Касым? Приеду — и в тот же день встречусь с ними. До чего соскучился по ним. И по Кульдже тоже... Кульджа... Родимый уголок... Так и стоит перед глазами, зеленая, в садах...» Погруженный в сладостные думы, Заман наконец уснул.

Шофер изо всех сил старался следить за дорогой, но веки его слипались. Чтобы не уснуть, он приоткрыл дверцу кабины и, крепко держась за руль, высовывал голову под встречный ветер. Пазыл, сидевший рядом, тоже боролся с дремотой, продолжая думать о разговоре с другом. Лопян прав, Ходжанияза и Ма Чжунина объединяют лишь религиозные убеждения. А что до целей, то каждый потянет в свою сторону. И, находясь между ними, трудно будет использовать их усилия в нужном для народа направлении. Потребуется чуткость, тонкое отношение, а если надо, то и

решительность...

Голова шофера упала на руль. Пазыл тряхнул его за плечо.

Шофер притормозил машину. Оба вышли на дорогу, потягиваясь, вдыхая ночную свежесть.

— Тебе нужно поспать, — сказал Пазыл.

Шофер тут же растянулся на песке и, положив голову на скрещенные руки, сразу уснул.

Пазыл, чтобы прогнать сон, стал расхаживать взад и вперед по каменистой дороге.

«Если бы, как говорил Лопян, удалось привести в движение китайскую интеллигенцию, было бы легче свергнуть правительство в Урумчи... Важно раздавить голову змеи, с хвостом можно справиться потом...»

Когда солнце, выглянув из-за горизонта, брызнуло яркими лучами в лицо шоферу, он вскочил на ноги и сладко потянулся... Вскоре машина помчалась дальше.

— Верблюжий караван! — крикнул шофер, чтобы разбудить спавшего Пазыла.

Остановив шедшего сзади каравана погонщика, Пазыл спросил:

— Чьи верблюды?

— Караванщика Моллахуна.

— Есть тут молодой джигит по имени Заман?

— Есть. Вон тот, что едет впереди на светлом верблюде.

Машина обогнала караван, остановилась. Пазыл, выпрыгнув на дорогу, замахал руками, крикнул:

— Кое-как догнал тебя!

Заман, увидев невесть откуда появившегося Пазыла, удивленно уставился на него.

— Слезай! Ты что, прирос к верблюду?

— Афанди! — Заман соскочил с верблюда и бросился к Пазылу.

— Барикалла... Да ты уже солидный мужчина, дружок, — радостно оглядел юношу Пазыл.

— Вот уж не думал встретить вас в этой пустыне...

— Салам алейкум! — подошли Розы и главный погонщик. Они явно робели перед незнакомым человеком, приехавшим на машине.

— Это Розы-ака, мой спутник, — начал знакомить Заман. — А это наш главный погонщик, начальник каравана. А...

— А меня зовут Пазыл. Занимаюсь торговлей, — перебил Замана Пазыл и многозначительно посмотрел на него.

«Значит, он скрывает свое имя. Хорошо, что я не успел назвать его Шукри-афанди», — обрадовался про себя Заман.

— Эх, жаль, вы опоздали, — заговорил Рози, охватив ладонью короткую бородку, — чуть бы раньше, и попробовали бы нашего шашлыка. Да и сейчас...

— Нет, нет, спасибо! Я спешу. Не беспокойтесь. Может, еще увидимся, — Пазыл протянул начальнику каравана письмо. — Это вам от Моллахуна.

Главный погонщик, прочитав письмо, сказал:

— Да, такой груз есть в караване. Хозяин может его получить — здесь или...

— Нет, лучше пусть Заман в Кульдже передаст его указанному мной торговцу, — ответил Пазыл.

— С готовностью исполню ваше желание, — проговорил Заман. Он отлично понимал, что Пазыл скрывает что-то от посторонних, и поэтому ни о чем не спрашивал.

— Не стану задерживать вас, земляки. Пусть Заман побудет со мной, пока я напишу письмо, которое он вручит вместе с товаром, а потом мы вас догоним на машине.

Главный погонщик и Рози, попрощавшись с Пазылом, увели караван.

— Ну, внешне ты сильно переменялся за эти три года. А во внутреннем твоём мире есть какие-нибудь изменения? — спросил Пазыл, когда они остались вдвоем.

— Что вы имеете в виду, афанди?

— Ну, например, отношение к гомильдановцам.

— Моя ненависть возросла в десять раз! С этими мерзавцами ни жить, ни даже дышать невозможно...

— Ты прав... Но настало время, Заман, действовать, и самым серьезным образом.

— А кто же организует эти действия, поведет нас за собой?

— В Кумуле началось восстание...

— Да ну? — так и вскинулся юноша.

— Час пробил, Заман. Теперь, чтобы добиться освобождения нашей земли, нужно найти тысячи таких, как ты, парней и поднять их на борьбу...

Рассказав Заману о восстании, Пазыл обрисовал сложившуюся обстановку и перешел к конкретным заданиям:

— В Кульдже китаец, по имени Лопян, откроет китайскую аптеку. Все указания ты будешь получать от него. Да, да, не смотри на меня так... Именно от него... Он наш друг. Опытный друг. Строго соблюдай его

указания, — еще раз подчеркнул он, а затем назвал пароль.

— Один вопрос...

— Спрашивай.

— Не лучше ли с грузом, который мы везем Юнусу на восьмидесяти верблюдах, перейти к восставшим и взяться за оружие?

— Нет, Заман. Каждому свое место. Ты принесешь больше пользы в Кульдже. Кроме того, власти объявили нас ворами и разбойниками; захватив караван, мы дадим им возможность чернить нас и впредь. Три верблюда с грузом, о котором написал погонщику Моллахун, приданы вашему каравану специально, чтобы ни у кого не вызвала подозрений наша встреча. Продай верблюдов и товар, а деньги расходуй на общее дело.

— Хорошо. — Заман старался запомнить каждое слово Пазыла. Душа его переполнена была радостью и от встречи со старшим другом, которого он искренне любил, и от сообщенных им новостей, и от значимости той частички общего великого дела, которая поручена ему.

— Времени у нас в обрез. Мне нужно добраться до гор сегодня. Давай попрощаемся. — Пазыл обнял и поцеловал юношу.

Когда они догнали караван, он сказал:

— Будь осторожен, Заман. Ты еще молод, не торопись в делах и решениях.

Машина, притормозив на несколько секунд, пока вышел Заман, рванулась вперед.

Глава восьмая

1

Шэн Шицай постепенно завоевывал доверие Цзинь Шужэня, становился незаменимым советчиком в наиболее важных делах. Он проявил себя как деятельный исполнитель указаний чжуси. Шэн Шицай точнее других определил сущность кумульских событий, он же послал тайных лазутчиков в Кумул, Кульджу и Кашгар. Более того — в самом Урумчи он раскрыл группу, сочувствовавшую кумульским повстанцам...

Усилия Шэн Шицай не пропали даром: Цзинь Шужэнь открыл ему дорогу к высоким постам. С сегодняшнего дня Шэн Шицай перестал быть просто советчиком: он вступает в должность цаньмоучжана — начальника штаба всех войск провинции. И в этом новом качестве он должен сделать

на военно-административном совете доклад о положении в Синьцзяне. Несколько дней посвятил Шэн Шицай сбору материалов, тщательно проанализировал сообщения своих лазутчиков. Наступил час, когда нужно было во всем блеске предстать перед соперниками по карьере, показать им свою хватку.

— Сегодняшнее военно-административное совещание, — начал Цзинь Шужэнь, — будет посвящено сложной обстановке в Синьцзяне. Перед тем как открыть его, я хочу объявить о назначении Шэн Шицай на пост начальника военного штаба.

Участники совещания замерли от неожиданности. Они, конечно, не могли пойти против решения председателя, но каждый был сам не прочь занять этот пост.

— Что же вы сразу примолкли? — холодно усмехнулся Цзинь Шужэнь. — Что скажет Ван-цаньмоучжан?

Ван, которого только что внезапно отстранили от занимаемой должности, понимал, что дальнейшая его судьба будет зависеть от покровительства Шэн Шицай. Поэтому, стремительно вскочив, он заявил:

— Господин Шэн Шицай вполне достоин этого поста.

Всем остальным ничего не оставалось, как поздравить с назначением нового начальника штаба.

Шэн Шицай встал с места:

— Хотя мои способности весьма ограничены, я обещаю оправдать доверие его превосходительства, возложившего на меня новые обязанности! — Он вытянулся в струнку и по-военному отдал честь.

— Благодарю, Шэн-цаньмоучжан! — Цзинь Шужэнь подчеркнуто произнес новое звание. — А теперь давайте послушаем доклад. Пожалуйста!

Шэн Шицай раскрыл папку:

— Господа! Ясно одно: куда ни ступишь, земля горит!

При этих словах Цзинь Шужэнь в знак одобрения наклонил голову, и Шэн Шицай уверенно продолжал:

— Разбойник Ходжанияз готовится овладеть Кумулом — так они называют город Хами. Мы располагаем сведениями, что мятежник ищет объединения с Ма Чжунином. Если головорезы Ма вступят в Синьцзян, наше положение станет очень тяжелым... Не лучше обстоит дело в других округах провинции. В Хотане — Шамансур, в Кашгаре — Сабит Дамолла, в Аксу — Томур, и все они подстрекают народ к бунту. Наиболее опасен Сабит Дамолла, обучавшийся в Египте, он имеет большое влияние среди мусульман. Кульджа тоже очень тревожное место, этот город превратился

в гнездо инакомыслящих.

— Мне кажется, — сморщился Цзинь Шужэнь, — вы чересчур преувеличиваете опасность Кульджи.

— Возможно, я сгущаю краски, но по отношению к Кульдже нельзя терять бдительность ни на минуту. Там обосновалось немало интеллигенции, получившей образование за рубежом — в Турции, в арабских странах, Англии, Германии, России...

— Подождите! — Цзинь начал раскуривать трубку. — Вы всерьез считаете этих людей опасными?

— А как же? Они находятся под влиянием заграницы и не желают мириться с бедственным положением своего народа. А просоветские элементы? Вот где главная опасность! Подрывную организацию «Дярняк» разгромили еще в 1924 году, но кто поручится, что корни ее вырваны до основания? В Кульджу из-за рубежа выписываются журналы: «Туркестан» из Турции, «Путь наций» из Германии, «Новый японец» из Японии. Они превратились в каждодневное чтиво интеллигенции. Допустим, это не столь опасно, однако нельзя не учитывать влияния красной литературы, господ!

Цзинь скривился:

— И какими путями попадает в Синьцзян этот яд.

— Литературу привозят обучающиеся за границей, путешественники, торговцы...

— Пресечь! Пресечь! — крикнул Цзинь, ударив пухлым кулаком по столу.

Чиновники многозначительно переглянулись. Они давно посмеивались над недалекостью председателя, усердно занимавшегося лишь собственным обогащением.

— Да, положение серьезное, и трудности очевидны. А есть ли у докладчика какие-нибудь конкретные предложения? — прозвучал ехидный вопрос. Его задал генерал Цзинь Чжун, пользовавшийся влиянием среди офицеров гарнизона Урумчи.

— Разумеется, есть! — коротко ответил Шэн Шицай.

— Говорите! — приказал председатель.

— Нужно увеличить численность войск, заново переформировать воинские части; нужно, используя белогвардейских офицеров, бежавших из России, создать эмигрантский полк; нужно преградить Ма Чжунину путь в Синьцзян и не допустить его объединения с Ходжаниязом. В местах возникновения волнений объявлять военное положение и проводить суровые карательные меры; использовать для предотвращения волнений и

борьбы с ними местную знать и духовенство...

— Это очень серьезные, ответственные мероприятия, и приступать к ним, не согласовав с центром, нельзя, — прервал докладчика Тао Минью, считавший себя представителем центрального правительства и проводником его политики.

Шэн Шицай решил дать ему отпор:

— Всем известно, что в непосредственном управлении Синьцзяном нашей главной опорой является господин чжуси. Он осуществляет волю центра, который сейчас поглощен своими заботами и военной помощи нам не окажет. Мы должны опираться на собственные силы и руководство уважаемого Цзинь Шужэня.

— Я согласен с докладчиком, — поспешно заявил председатель, предотвратив тем самым возражения участников совещания.

— Не считаться с мнением господина чжуси, безусловно, нельзя. Но, увеличив численность войск, усилив политический нажим, не вызовем ли мы еще большую ненависть народа? — Цзинь Чжун все же осмелился выступить в поддержку Тао Минью. — А вооружив русских эмигрантов, не создадим ли больших осложнений для самих себя?

— А что предлагаете вы?

— Думаю, что полезнее проводить более умеренную политику...

— В данной ситуации это невозможно! — оборвал его Шэн Шицай. — Сначала необходимо подавить восстание, а потом уж думать об умеренной политике.

— Шэн-цаньмоучжан прав, — заключил чжуси.

Все предложения Шэн Шицай были приняты, несмотря на противодействие оппозиционной группы, затаившей в душе ненависть к новому начальнику штаба...

Шэн Шицай с удовольствием рассматривал себя в зеркале: на его стройной фигуре превосходно сидела новенькая военная форма с петлицами генерал-лейтенанта. Да, он добился того, о чем мечтал, но желания его уже не ограничивались достигнутым. «Я должен быть командующим войсками», — подумал он и улыбнулся своему отражению в зеркале при мысли, что это вполне достижимо. Наконец он отошел от зеркала и нажал на кнопку. Из-за боковой двери неслышно появился адъютант:

— Слушаю, господин цаньмоучжан!

— Конь готов?

— Готов, господин цаньмоучжан!

— Подай перчатки!

— Пожалуйста, господин цаньмоучжан! — Адъютант протянул белые перчатки.

Шэн Шицай натянул их на ходу. Во дворе коноводы держали двух лошадей под английскими седлами. Шэн Шицай легко вскочил в седло и дал шпоры. Конь рванулся.

У северных ворот городской цитадели, перед штабом расквартированной здесь дивизии, Шэн Шицай встретили офицеры. Дежурный по штабу отдал рапорт. Шэн Шицай приказал:

— Ведите!

— Слушаюсь, господин цаньмоучжан! — ответил командир дивизии и зашагал впереди Шэн Шицай к площади, где была выстроена его Дивизия.

Внешний вид колонн привел Шэн Шицай в гнев. Солдаты были разных возрастов, в разноцветной одежде, рваной обуви. Некоторые стояли даже без поясных ремней. Козырьки фуражек свисали вниз, бросая тени на небритые лица. Этим людям никак нельзя было назвать солдатами — просто толпа, наспех согнанная и кое-как построенная в ряды.

— Здравия желаем, господин Шэн-цаньмоучжан! — громко прокричал начальник штаба. Колонны повторили приветствие нестройным, разноголосым гулом.

Лицо Шэн Шицай сделалось каменным. Спрыгнув с коня, он вошел в здание штаба. Здесь в комнатах стояли деревянные кровати, висели умывальники и грязные Полотенца. Шэн Шицай брезгливо поморщился. Ему захотелось плюнуть в лицо командиру дивизии, но он сдержался. Сняв перчатки, он бросил их адъютанту, пригладил дрожащими от нервного напряжения руками жесткие, ежиком, волосы.

— Сколько солдат отсутствуют?

— По-моему... все н-на месте...

— Ложь! — заорал Шэн Шицай.

Командир дивизии от испуга лишился речи.

— Не будем скрывать, отсутствует двести тридцать человек, — выступил вперед начальник штаба дивизии.

— А оружие?

— Оружие полностью, однако...

— Что «однако»?

— Много негодных винтовок...

— А седла, сбруя?

— Насчет этого...

— Ясно! — Шэн Шицай уставился на командира дивизии. — Половина ваших солдат к службе не пригодна. Как можно при таком положении назвать вас воинской частью?

Командир, не поднимая головы, бормотал односложно: «Да... да... верно...»

Шэн Шицай продолжал:

— Выделенными средствами вы набили карманы, а этот сброд собрали на улицах и выстроили в колонны. Хотели провести меня, так?

Голова командира склонилась еще ниже. Слова Шэн Шицай попали в самую точку.

— Да если вас в таком виде послать в Кумул, там вас, мерзавцев, перебьют, как кроликов! — Шэн Шицай вышел на улицу, вскочил на коня. — Даю недельный срок. Если все не будет приведено в порядок, предстанете перед военным трибуналом!

В тот же день Шэн Шицай осмотрел остальные части гарнизона Урумчи. Везде картина была одинаковой. Вечером он написал рапорт на имя Цзинь Шужэня, требуя одних командиров примерно наказать, других отстранить от должностей, поставив на их место надежных офицеров. На следующий день Цзинь Шужэнь подписал приказ. Шэн Шицай спешно сформировал особую бригаду под командованием преданного ему генерала Доу Цзигана, вооружил ее новым оружием и отправил в Кумул, на подавление восстания.

Улица Янхан, что делит Урумчи на две части, с утра запружена войсками и повозками мобилизованных возчиков. Колонна вытянулась так, что ей, казалось, нет конца. Когда головой она достигла рощи Уланбай далеко за чертой города, хвост ее только выползал из ворот городской цитадели.

Жителей города охватила тревога. Ларьки, столовые, караван-сарай, двери и окна домов, обычно открытые с раннего утра, сегодня закрыты. Люди, прикинув к щелям, глядели на проходивших солдат. Все понимали, что гомиьндановцы решили продемонстрировать силу оружия, поугатать народ...

Лишь к обеду люди стали появляться на улицах, перешептываться,

собираясь в немногочисленные группки.

— Туго, видать, им приходится — муравейник растревожился! — проговорил пекарь.

— Не шути, друг, солдаты хоть и в повозках, но могут оказаться мастерами ловить зайцев! — предостерег кто-то.

Ему возразил мясник:

— Раз эти вояки не умеют ездить верхом, как им обойтись без повозок!

Раздался смех.

В другом кружке тоже шел оживленный разговор.

— Говорят, мобилизовали пятьсот телег. Досталось же беднягам возчикам!

— Не беспокойся, и до тебя дойдет черед. Как бы завтра-послезавтра не заголосил от налога! — проговорил портной.

— Эти сволочи мобилизовали все телеги, пришедшие из Кульджи, вместе с их хозяевами!

— Видно, кумульские смельчаки дали им жару! — предположил сапожник.

— Эй вы, осторожнее! Бородки бы свои не обожгли! — предупредил водовоз, везший на ослах бочки с водой. — Вон посмотрите!

Из крепостных ворот выехала группа вооруженных всадников. За ними появились две телеги, окруженные пешими солдатами. На телегах сидело человек десять со связанными руками и наклепленными, на спины листками бумаги в форме пули. Процессия остановилась на площади. Кто-то крикнул:

— Будут расстреливать! — и сразу же по улицам прокатился гул, горожане устремились к площади из всех улиц и переулков. Собралась большая толпа.

— Люди! — крикнул переводчик, взобравшийся на заранее приготовленное возвышение. — Вот эти, сидящие в телегах, — разбойники, которые, подобно кумульским грабителям, пытались сеять смуту в Урумчи!

— О боже!.. — раздался вопль, и над толпой покотился тревожный ропот.

Крик переводчика: «Успокойтесь!» — не дал результатов. Толпа немного притихла лишь тогда, когда офицер, который должен был зачитать приговор, дважды выстрелил в воздух.

— Среди них, — продолжал переводчик, — есть и те, кто выступил против правительственных налогов. Они тоже приговорены к расстрелу...

— О бедные люди...

Вновь усилилось волнение, и людской поток двинулся туда, где должна была состояться казнь. Солдаты встретили толпу винтовками наперевес.

Приговоренных заставили сойти с телег и поставили лицом к стене. Только теперь обреченные на смерть попытались вырваться из рук конвоиров. Они кричали:

— За что? За что мы умираем?..

Раздались выстрелы. Смертники один за другим повалились на землю...

На площадь опустилась тишина. Тяжелая, страшная, предгрозовая... И тут над расстрелянными возникла фигура в большой чалме. Люди узнали Назара-кази. Он обратился к толпе:

— Люди! Без воли аллаха не умирает даже муха! Этим суждено было умереть — и они умерли. Правительство наше справедливо, невиновных не наказывает! Но если кто провинится — вот что ждет его! Расходитесь!

Казнь была осуществлена по замыслу Шэн Шицая. Он хотел запугать народ, сломить его волю, добиться повиновения. Но ответом ему были ненависть и готовый взорваться гнев...

Глава девятая

1

Вступив на территорию Кумульского округа, Ма Чжунин дал солдатам два дня отдыха. Узнав о прибытии Ма Чжунина, Ходжанияз в тот же день собрался в дорогу. Ма Чжунин встретил его с почестями.

— На пути ислама вы — старший брат, а я младший, — сказал он, поцеловав полу халата Ходжанияза.

Эти слова тронули до глубины души доверчивого полководца гор, и он со слезами на глазах прижал к груди «младшего брата».

— Ты крыло моего полета!

Ма Чжунин, склонив голову, ответил:

— Да, это так.

Ходжанияз, как ревностный последователь учения пророка Мухаммеда, предложил:

— Нашу первую вечернюю молитву давайте прочтем здесь, на месте

нашей встречи.

— Хорошо. Просим вас быть предстоятелем в молитве — имамом, — согласился Ма.

После молитвы они вошли в шатер.

— Мы, цинхайские дунгане, — сказал Ма Чжунин, когда все разместились вокруг дастархана, — перед едой подносим почетному гостю чашу танши^[19]. Это знак кровного родства. Прошу вас, Ходжа-ака, — он протянул чашу.

Поблагодарив, Ходжанияз принял чашу в обе руки и отпил из нее. Пазыл, Сопахун и Палтахун тоже отведали танши.

— Странно, что мы в гостях у вас. Это вам полагалось бы оказаться нашими гостями, — сказал Пазыл.

— Теперь между нами не должно быть «твое — мое», — улыбнулся ему Ма Чжунин.

— Я хочу сделать вам небольшой подарок. Прошу принять его.

Ходжанияз подал знак Сопахуну. Тот, выйдя, подвел к шатру стройного белого коня, который сверкал глазами и нетерпеливо переступал с ноги на ногу.

— Этот конь стоит целого города! — восхищенно сказал Ма Чжунин. Он обошел вокруг коня и добавил: — Ходжа-ака, честь, которую вы мне оказываете, выше гор Тянь-Шаня!

— У нас говорят: «Конь — крылья мужчины, дорогая одежда — признак богатства», — с этими словами Пазыл бросил на плечи Ма Чжунина полосатый халат, а на голову надел соболью шапку.

Прием происходил в степи, тем не менее дунгане сумели приготовить разнообразные блюда для угощения. Ма Чжунин не переставая потчевал гостей.

Ходжанияз подметил, что молодой командующий строго соблюдает обычаи и отлично знает, как обращаться к старшему и как к младшему.

Наконец с едой покончили. Принесли густо заваренный чай.

— Если вы не устали, Ходжа-ака, я был бы рад побеседовать с вами, — предложил Ма Чжунин.

— Да, да, конечно...

Ма Чжунин оставил при себе лишь своего помощника Ма Шимина, младшего брата Ма Чина и переводчика.

— Я не имею полного представления о ваших действиях, — сказал Ма Чжунин. — Однако на основе известных нам данных мы составили вот эту карту.

Он кивнул Ма Шимину, тот разостлал карту. Неграмотный Ходжанияз

с недоумением разглядывал на ней обозначенные кружками места столкновений гоминьдановцев и повстанцев.

Пазыл, внимательно просмотрев карту, сказал:

— Наши отряды и вражеские войска отмечены точно. Но здесь отсутствуют два полка солдат, направленные врагом в Кумул и Барколь, а также эскадрон, посланный к границам Монголии.

— Это новые данные. Видимо, они появились, когда мы вышли в путь, — ответил Ма Чжунин.

— Да, — подтвердил Пазыл. — Кроме того, стало известно, что особая бригада Доу Цзигана и дивизия генерала Лю Таоцзи держат путь сюда.

— Понятно. Шэн Шицай, став начальником главного штаба, активизирует деятельность! — Ма Чжунин задумался, потом со свойственной ему находчивостью предложил: — Если вы не против, Ходжа-ака, давайте, обойдя Кумул, ударим по частям Доу Цзигана и Лю Таоцзи.

Ходжанияз медлил с ответом. Он любил все делать основательно, постепенно, — как говорится, глотать, сначала хорошо прожевав, — поэтому он считал, что прежде следует овладеть горными районами, потом Кумулом и лишь затем идти на Урумчи. Сразу ему трудно было принять план обхода Кумула и внезапного удара по врагу.

— Пусть враг думает, — продолжал Ма Чжунин, — что мы наступаем на Кумул. Мы же возникнем у него на пути и неожиданным ударом легко добьемся победы.

— С этим трудно согласиться, — в нерешительности проговорил Ходжанияз.

— А как вы смотрите, Пазыл-сяньшэн?

— Кажется, верная мысль. Но двигаться нужно очень быстро и лишь через горы, иначе мы не перережем им путь.

— В бою быстрота всегда обеспечивает победу. А через горные перевалы проведете нас вы, — заключил Ма Чжунин.

Тщательно обсудив все, пришли к следующему решению: часть сил Ходжанияза и Ма Чжунина для отвода глаз пусть атакует Кумул и поднимет против врага местное население — дунган и уйгуров, а главные силы объединенных войск, совершив скрытный переход, ударят по бригаде Доу Цзигана и дивизии Лю Таоцзи, находящимся на марше. Ма Чжунин выделяет для отрядов Ходжанияза двести винтовок.

Увлечшись обсуждением конкретных военных вопросов, Ходжанияз и Ма Чжунин даже речи не завели о централизованном командовании

отрядами и административном управлении в освобожденных районах, договорились лишь о совместных действиях и о ведении там дозорной службы — чтобы обеспечить прочный тыл восстания.

На этом первая беседа завершилась.

2

Назавтра после утренней молитвы Ходжанияз собрался в обратный путь. Ма Чжунин выстроил полк солдат и перед строем вручил Ходжаниязу свой личный маузер. Пазыл тоже получил маузер — от Ма Чина.

— Аминь! — прокричал имам войск Ма Чжунина, и возглас этот подхватил весь строй.

Ходжанияз благословил солдат и тронулся в путь. С ними вместе поехали три дунганина-офицера — для военного обучения повстанцев. У Ма Чжунина в качестве проводников остались Палтахун и Самсакнияз.

Юный командующий стоял, не двигаясь с места, до тех пор, пока Ходжанияз не скрылся из виду. Мысли о будущем завладели им. «Ты, густобородый Ходжанияз, мечтаешь стать повелителем этого края! Но нет, у тебя для этого не хватит ума! Только я! Только я смогу управлять этим отсталым краем, — думал он. — Конечно, если ты будешь слушаться Пазыла, ты кое-чего добьешься. Но мы уберем его от тебя... Как бы там ни было, пока что придется сесть с вами на одного коня...» Он резко обернулся к стоявшим позади Ма Шимину и Ма Чину:

— Ходжаниязу отдавать почести, как мне! Внимательно присматривайте за Пазылом.

— Хао! Хорошо! — ответили они разом.

— Пазыл, возможно, приставлен к Ходжаниязу. Если это так, он для нас опасен.

— Разрешите, я его сейчас же...

— Прекрати! — покосился на брата Ма Чжунин. — Испортишь дело, подожди, еще придет время!

— Хао! — по-военному ответил Ма Чин.

— Готовьтесь в путь.

Возвратившись в свой лагерь перед наступлением темноты, Ходжанияз разрешил прибывшим с ним дунганским офицерам отдохнуть, а сам начал осматривать полученные от Ма Чжунина винтовки. Они оказались заржавленными, старыми. Знаменитый охотник, Ходжанияз знал

толк в ружьях и не верил своим глазам: ведь только сегодня утром он видел у большинства дунган сверкающие, новенькие японские винтовки...

— Кажется, этот дунганин самый обыкновенный прохвост, — проговорил с горькой обидой Ходжанияз. — Здесь одни черные кочерыжки...

— Когда нет оружия, и за это спасибо, Ходжа-ака! — Пазыл стремился погасить гнев Ходжанияза.

— Из этих кочерыжек выстрелили три раза, и ствол раздует... — горячился Ходжанияз.

— Все равно это лучше, чем ничего!

— А вдруг этот дунганин не тот, за кого мы его принимаем?..

Слова Ходжанияза усилили сомнения Пазыла: «И в самом деле, откуда у его солдат новенькие японские винтовки? Японцы дали?.. Тогда выходит, что мы приласкали змею!..»

Пазыл не высказал своих сомнений Ходжаниязу, боясь, что тот все перевернет вверх дном и воевать придется не с гомиьдановцами, а с Ма Чжунином.

— Давайте спать, Ходжа-ака. Бог справедлив. Если у этого дунганина душа темна, бог сам накажет его...

Прохладный горный ветерок взбудрил Пазыла. Он поднялся на вершину холма. Все спят, бодрствуют лишь дозорные. Кругом тишина. Изредка слышны фырканы пасущихся лошадей, далекий вой шакалов. Всю ночь размышлял Пазыл о Ма Чжунине и ничего так и не смог решить. Оставалось уповать на благоприятное будущее: «Дело сделано, поживем — увидим». Только сейчас вспомнил он о письме Замана, полученном накануне. Заман сообщал, что те кульджинские интеллигенты, которых Пазыл назвал ему как возможных единомышленников,

«кроме как о небесном рае ни о чем не мечтают. Я не знаю, на кого опереться и с кем работать. И тем не менее веду пропаганду по мере сил. Простой люд прислушивается к ней. Думаю начать действовать совместно с несколькими друзьями — близкими мне единомышленниками. Но было бы хорошо иметь рядом опытного, влиятельного человека, Посоветуйте...»

Письмо Замана развеяло надежды Пазыла на восстание в Кульдже, как ветер солому. И все-таки еще не все потеряно. Заман прав: надо стараться пробудить народ, его поддержка обеспечит победу. Вот доберется Лопян

до Кульджи, будет лучше...

Долго сидел Пазыл на холме и не заметил, как затекли ноги. Он отчаянно захромал, когда встал, чтобы спуститься вниз.

— Что это ты вдруг калекой сделался, Пазыл?

Вздвогнув от неожиданно прозвучавшего вопроса, Пазыл остановился.

— А, это ты, Асылкан? Почему не спишь?

— Да не спится. Давай покурим.

— Давай. — Он протянул Асылкану кисет.

— Ты что-то недовольным вернулся из поездки, Пазыл...

— Откуда ты взял?..

— Разве я не вижу? Очень уж много стал задумываться. И шуток твоих не слышать.

— Как тут не задумываться... Да ты и сам так ли уж спокоен?

— Говоря честно, — ответил казахский джигит, с малых лет выросший рядом с уйгурами, — с тех пор, как взял оружие, потерял покой.

— Что же тебя тревожит?

— Будет ли толк от нашего дела?

— А ты как считаешь?

— Сам у тебя хочу спросить!

— Приступив к какому-нибудь делу, надо верить в него. Раз начал — доведи до конца.

Асылкану хотелось расспросить о Ма Чжунине, однако он не решился.

— Мы объединились с Ма Чжунином. Но только запомни, Асылкан: в борьбе за освобождение основная тяжесть падет на нас!

— Вот как... — протянул Асылкан.

— Если мы сами — уйгуры, казахи, узбеки и все, кто живет здесь, — не нарушим своего единства, то любые преграды одолеем и победим. Наша сила — в сплочении. Среди казахских братьев ты почаще обращай на это внимание.

— Понимаю.

— А вы перевели мое воззвание на казахский и монгольский?

— Перевели. Переписали по сто штук.

— Отлично! Ты должен выехать завтра на рассвете. Отдыхай...

Глава десятая

Особая бригада Доу Цзигана должна была преградить дунганам путь в Синьцзян. Но Ма Чжунин опередил бригаду. Шэн Шицай получил за это сердитый выговор от Цзинь Шужэня. Он успокоил разгневанного чжуси лишь тем, что клятвенно обещал «блокировать и полностью разгромить разбойников».

Сразу же после начальственного разноса он составил три телеграммы:

«ДОУ ЦЗИГАНУ. УСКОРЬТЕ ПРОДВИЖЕНИЕ. ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ ДОЛЖНЫ БЫТЬ КУМУЛЕ.

ШЭН ШИЦАЙ».

«ЛЮ ТАОЦЗИ. В ПОМОЩЬ ДОУ ЦЗИГАНУ НАПРАВИТЬ ИЗ ГУЧЕНА ДВА КАВАЛЕРИЙСКИХ ПОЛКА.

ШЭН ШИЦАЙ».

Третья телеграмма была адресована в Шанхай, на улицу Наньжинлу, 85, и предназначалась «барышне Чжу», той самой Чжу-шожа, что была на банкете Юнуса в Шанхае:

«В БАНКЕ ДАДУН ПОЛУЧИ ПЕРЕВЕДЕННЫЕ МНОЙ ДЕНЬГИ, ПОДБЕРИ СЕМЬ АКТРИС И ВЫЕЗЖАЙ СИНЬЦЗЯЙ. СРОК ВЫЕЗДА СООБЩИ.

ШЭН ШИЦАЙ».

Он нажал кнопку и приказал появившемуся адъютанту:

- Срочно отправь эти телеграммы.
- Есть, господин цаньмоучжан!
- Подожди! — остановил он адъютанта. — Ко мне домой на ужин пригласи двух влиятельных дунган — Ма Дасина и Чжао Голяна!
- Есть!
- Подожди, дурак, куда торопишься!
- Есть!
- Люди, что в этом списке, должны быть в приемной к четырем часам.
- Есть, господин цаньмоучжан!
- Теперь можешь идти.
- Есть! — адъютант, пятясь задом, вышел.

Как и все китайские чиновники, Шэн Шицай два часа послеполуденного времени отдавал сиесте — «государственному сну», по выражению китайцев. В углу кабинета за ширмой специально для этой цели была поставлена кровать. Улегшись на нее, он продолжал размышлять об отправленных телеграммах. «Ну, посмотрим, какой ты герой, Ма Чжунин... Посмотрим. Вот подброшу тебе нежную, как пух, „барышню Чжу“, в ее объятиях ты забудешь обо всем, и тут-то я тебя подкараулю...» — мечтал он, засыпая.

После «государственного сна» Шэн Шицай намочил в подогретой воде полотенце, выжал его и обтер лицо, голову, грудь, снова намочил, протер зубы, затем передал полотенце секретарю, тот снял с Шэн Шицай носки и растер ему ступни и места между пальцами, потом помог одеться. По окончании всех этих процедур Шэн Шицай прошел в соседнюю комнату, где ждал его заранее приготовленный обед.

Среди приглашенных к Шэн Шицаю на четыре часа были Мансур, бай Да Розы, Назар-кази, Турсун-баба, Кусаин-бай и Другие, считавшиеся в Урумчи авторитетными людьми. Тысяча тревог охватила их, пока ждали они в приемной выхода Шэн Шицай. Восстание разгоралось где-то за семьсот километров, в далеком Кумуле, но Урумчи охватило беспокойство. С заходом солнца стали закрывать крепостные ворота, по улицам с вечера расхаживали военные патрули, проверяя прохожих и обыскивая дома, где светился огонек. Каждый день десятки связанных людей вывозили в неизвестном направлении... Уйгурская знать, вызванная к грозному генералу, дрожала от страха, боясь за свои жизни, свои капиталы, моля бога лишь о том, чтобы уйти во здравии из этого сурового, как монастырь, учреждения.

— Как поживаете, земляки? — раздался голос внезапно появившегося Шэн Шицай.

Все с шумом вскочили с мест и, скрестив руки на груди, склонили головы в поклоне.

— Садитесь, садитесь! — Шэн Шицай опустился в кресло на возвышении и продолжал: — Я не смог своевременно встретиться с вами, за это прошу прощения!

Такое любезное начало приема вызвало у баев облегченный вздох. Тем временем люди Шэн Шицай уже разносили чай.

— Это мы виноваты, что сами не догадались проведать господина цаньмоучжана... — заговорил, встав с места, Турсун-баба. Вслед за ним поднялись остальные.

— Сидите, господа. Между близкими людьми нет различия в званиях. Считайте, что все мы здесь равны, — улыбнулся чиновник.

— Услышав, что ваше превосходительство заняло столь высокий пост, мы радовались издали, — начал Турсун-баба.

Другие подхватили:

— Наши души были на верху блаженства!

«Посмотрите-ка на этого чаньту! Хитрец и, наверное, повидал немало», — решил Шэн-Шицай, внимательно разглядывая Турсуна-баба.

— Наше правительство на стороне таких, как вы. И наши войска, говоря откровенно, защищают имущих... — заговорил Шэн Шицай.

— Это нам известно! — вырвалось у Назара-кази.

— Мне нравятся почтенные люди. Я приехал в этот край не ради того, чтобы, как другие чиновники, сколотить капиталец. Мне хочется, трудясь для блага народов Синьцзяна, улучшить их жизнь, поднять благосостояние. В каждом деле я предполагаю опираться на ваши советы...

Все внимательно слушали Шэн Шицай, и все, кроме Турсуна-баба и Кусаин-бая, поверили ему, кивая в знак одобрения головами и поддакивая: «Да, да, именно так!»

— Правительство — наш отец, мы — его дети, — улучил удобный момент Турсун-баба. — Куда поведет нас господин, туда мы не раздумывая пойдем.

Шэн Шицай улыбнулся. У него мелькнула мысль: «Ты, видно, привык выходить невредимым из сетей чиновников. Посмотрим, как ты у меня вывернешься!»

Шэн Шицай не торопясь, обстоятельно рассказал о себе, о своей жизни, не забывая при этом слегка изменить и подшлифовать отдельные моменты.

— Я хотел посоветоваться с вами по двум вопросам, — заключил он.

— Есть пословица: «Голова с асык, а мозги верблюжьи». Вдруг и мы сумеем подсказать что-нибудь...

— Этот разбойник Ходжанияз из-за какой-то негодной девчонки поднял бунт, втянул народ в беспорядки. Соответствуют ли его действия законам ислама?

— Знаток религиозных канонов Назар-кази, — отозвался Турсун-баба, предпочитавший в сомнительных случаях оставаться в тени.

— Верно, верно, — подтвердили остальные, отводя глаза.

— Ий, — запыхтел тяжелый на подъем Назар-кази. Был он малограмотным муллой, не слишком сведущим в религиозных вопросах, зато по части зависти не уступал никому. Правительство

покровительствовало ему, назначив религиозным кази города Урумчи. Он был предан властям душой и телом, ибо без поддержки сверху ничего не значил. Не зная, как ответить на вопрос Шэн Шицая, он сказал наугад: — Всякая власть — от бога. Тот, кто против нее, — капир, неверный.

«Капир, — повторил про себя Шэн Шицай. — Но ведь и нас они называют капирами. На что намекает этот старик с серой бородой, похожей на кетмень?»

— Вы кого обозвали капиром? Ходжанияза? — Шэн Шицай слегка побледнел.

— Наш кази хотел, вероятно, назвать его трупом, изменником, — поспешил на выручку Турсун-баба. Он хорошо знал китайцев: одно неточное слово может стоить жизни всем.

— Да, да... я так и хотел сказать...

— Значит, именно так хотели сказать, кази-ахун? — с издевкой уточнил Шэн Шицай. — И как же полагается поступить с этим изменником?

— Нужно уничтожить его, забросать камнями! — засверкал глазами Назар-кази.

Такой ответ не удовлетворил Шэн Шицая, он насупился:

— Уничтожить Ходжанияза легко. Труднее образумить заблудших, которые пошли за ним. Что скажете вы, Турсун-баба?

Турсун-баба убедился, что теперь ему не увильнуть от ответа.

— Заблудших надо поставить на правильный путь. Тех, кто станет упорствовать, наказать.

— С вашими словами нельзя не согласиться. — Шэн Шицаю понравилось, что Турсун-баба предугадал нужный ответ. — Путь, по которому мы идем, справедлив, и мы должны наставить на него сбившихся в сторону. Упрямы пусть пеняют на себя.

— Истинно так! — подтвердил Назар-кази, поглаживая бороду.

— А если, — Шэн Шицай пристально посмотрел на Турсуна-баба, — если мы подберем среди вас человека, умеющего убеждать, и отправим к Ходжаниязу?

— Очень правильная мысль, господин цаньмоучжан, — поспешно согласился Турсун-баба.

— Кого можно отправить?

— Рози-бая, Мансура, Назара-кази...

— А что вы скажете о себе самом? Не скромничайте, мы здесь все свои люди... — Шэн Шицай язвительно усмехнулся, разгадав хитрость Турсуна-баба, старавшегося остаться в стороне.

— Что я могу ответить? Если Шэн-дажэнь считает это необходимым... — упавшим голосом проговорил Турсун-баба. «Впервые вижу такого коварного чиновника, боже упаси от него», — застонал он про себя.

— Мне от вас нечего скрывать, — продолжал Шэн Шицай. — Вы, наверное, знаете о вторжении в наш край Ма Чжунина, разбойничавшего в провинциях Цинхай и Ганьсу? По нашим сведениям, этот головорез сговорился с Ходжаниязом. Если он придет сюда, в первую очередь пострадаете все вы...

Слово «пострадаете» словно бичом хлестнуло по сидящим. Шэн посыпал солью открытую рану:

— Едва вступив на землю Кумула, Ма Чжунин начал грабить баев. Судя по этой телеграмме, он разграбил караван Юнуса-байваччи, по дороге из Шанхая, и уничтожил его людей. — Шэн Шицай велел переводчику зачитать заранее подготовленную фальшивую телеграмму.

— Этот негодяй, этот ка... — поперхнулся Назар-кази и умолк, словно откусив язык. Он хотел сказать «этот капир Ма Чжунин», но, вспомнив свой недавний промах, оборвал фразу и сказал, как бы оправдываясь: — Дунгане придерживаются шафиитского толка, их нельзя считать мусульманами.

— Пока мы не хотим наказывать уйгуров. Для начала решено покарать дунган, вторгшихся в Синьцзян, — сказал Шэн Шицай. Он долго еще говорил, намеренно раздувая опасность, исходящую от Ма Чжунина, а потом повысил голос: — Предупреждаю — наш край находится на военном положении. В такой ситуации тот, кто не захочет сотрудничать с нами, будет наказан самым строгим образом.

— Правильно! — одобрил Назар-кази.

— Турсун-баба! Вы должны добиться, чтобы Ходжанияз отошел от Ма Чжунина!

— Хорошо, господин цаньмоучжан. Не пожалеем себя, сделаем все, что в наших силах.

— Да, да, мы все будем следовать вашим указаниям, — заверили остальные, торопясь избавиться от гостеприимства Шэн Шицайя.

Авторитет Шэн Шицайя рос с каждым днем, но в окружении Цзинь Шужэня у него оказались сильные противники. Генералы Цзинь Чжун, Лю

Шаотен, ответственный секретарь правительства Тао Минью были не только образованными людьми, но и земляками Цзинь Шужэня, и потому в некоторых вопросах глава провинции принимал их сторону. Шэн Шицай делал вид, что ищет дружбы со своими соперниками, однако он постоянно думал о грядущей схватке с ними и о том, на кого тогда можно будет опереться. «Если нет верной опоры, язык не будет острым, а рука длинной», — повторял он себе. Такой надежной опорой представлялся ему белогвардейский полковник Папенгут.

В свое время остатки разбитых Красной Армией дутовских банд окопались было в Восточном Туркестане, собирая силы, но после уничтожения атамана Дутова разбежались кто куда — занялись торговлей, земледелием, скотоводством, ремесленничеством... Некоторые, правда, еще не унялись и, надеясь на какие-то перемены в России, устраивали время от времени различные провокации против Советского государства. Богатый и влиятельный Папенгут был из числа последних, и Шэн Шицаю импонировал его образ мыслей. Потому-то сегодня, после встречи с «почтенными» уйгурами, он пригласил его к себе.

— Вновь встречаются лишь друзья, говорят у нас, — произнес Шэн Шицай с вежливой улыбкой.

— Да, не так давно мы виделись в Шанхае, а теперь уже здесь, у вас в кабинете, — ответил Папенгут. — Наверное, успели привыкнуть к нашему климату?

— Разве может быть плох климат там, где живут такие друзья, как вы?

— Вы правы, Шэн-цаньмоучжан, — Папенгут не держал себя так стесненно, как уйгурские баи. — Народ этого богатого края отсталый и забитый, однако он добродушен и щедр.

— Вы, очевидно, хорошо изучили нравы, характер местного населения?

— Как не изучить, если здесь-то и приходится зарабатывать себе на хлеб?

— Толково сказано. Хотя по вашим словам можно подумать, будто вы сочувствуете Ходжаниязу. — Шэн сдержанно улыбнулся.

— Это совершенно другое дело, — быстро проговорил Папенгут. — Народы пробуждаются во всех уголках земного шара, и я не сторонник того, чтобы уйгуры погрязли в своей отсталости.

Шэн Шицай нахмурился.

— Вы что же, действительно защищаете Ходжанияза?

— Сам Ходжанияз не пойдет далеко, а я не так глуп, чтобы держать его сторону. Однако его движение окажет большое влияние на народ...

— Вы намекаете на народное восстание?

— Конечно. Кто свергнул царское правительство в России? Простой народ! Мне кажется, весь вопрос в том, чтобы суметь повести его за собой. Ходжанияз не из тех людей, которые годятся для этой роли. Но как знать, уйгуры могут последовать примеру соседней Монголии, объявившей себя независимой народной республикой...

Последние слова Папенгута были жалом, вонзившимся в тело. Шэн Шицай нетерпеливо бросил:

— Какие у вас основания так говорить?

— Я основываюсь на опыте. Думаю, что оседлые уйгуры имеют больше возможностей создать сильную организацию, чем, скажем, кочевые монголы.

— Вы перешли уже к проблемам общественного развития! А обстановка сейчас требует от нас решения сугубо практических вопросов, уважаемый полковник. Если вы наш истинный друг, то пришло время это доказать.

— Понимаю.

— Мы предлагаем вам создать полк из эмигрантов.

— Я готов. Но у меня есть условие.

— Какое? — Шэн уставился на Папенгута. В его взгляде сквозило гневное раздражение: «Смотрите-ка на этого безродного пришельца! Наглец! Отъелся, пригрелся — и теперь условия!..»

— Русский полк будет обеспечивать лишь безопасность Урумчи, — произнес Папенгут. Возможно, ему не хотелось вступать в непосредственную борьбу с уйгурами, на земле которых он и ему подобные нашли хлеб и приют.

— Странное условие, — промолвил Шэн, а потом добавил: — Пусть будет по-вашему. Поживем — увидим.

На том и договорились. Каждый преследовал корыстные цели. Шэн Шицай хотел, используя эмигрантов, укрепить свои позиции в правящей верхушке, но уже размышлял, как в будущем обуздать русских. А Папенгут, соглашаясь помочь Шэн Шицаю, надеялся упрочить положение, как собственное, так и своих сторонников.

Госпожа Шэн-тайтай была не только спутницей жизни Шэн Шицаю, но и преданной помощницей в его делах. Отец ее, по фамилии Цю, служил

когда-то командиром дивизии, затем генерал-губернатором и членом военного совета одной из провинций. Шэн-тайтай выступала посредницей в деловых отношениях между зятем и тестем. Позже этот семейный союз расширился, в него вошли три брата Шэн Шицая и второй зять генерала Цю — Ван. Все вместе они представляли внушительную силу, с которой в какой-то степени приходилось считаться правящей гоминьдановской элите в Китае.

Сегодня Шэн Шицай задержался в штабе, и приглашенных Ма Дасина и Чжао Голяна принимала Шэн-тайтай. Специально для этого она надела цветастое платье, сшитое по последней шанхайской моде, с вырезами на подоле и короткими рукавами. Оно красиво обтягивало ее стройную фигуру, отчетливо выделяя грудь и бедра. С платьем отлично гармонировала редкая по тем временам короткая стрижка черных волос, а сережки с бриллиантовыми глазками удивительно шли к ее миловидному лицу. Разговаривая, она время от времени кокетливо прикусывала нижнюю губку и при этом выглядела простосердечной, чуть наивной маленькой, девочкой, так что очарованные дунгане глядели на нее во все глаза.

— У нас в Мукдене, — щебетала Шэн-тайтай, усадив гостей и подав им чаю, — соседями были братья-дунгане.

— Надеюсь, неплохие люди? — спросил Ма Дасин, не в силах оторвать взгляд от груди Шэн-тайтай.

— Конечно! Как вспомню о них, мне сразу же хочется вернуться. — Лицо ее погрустнело. — Мы жили с ними словно дети одних родителей. Ведь дунгане и китайцы — братья.

— Правильно, правильно, Шэн-тайтай. — Ма Дасин так и стрелял в нее глазами, думая про себя: «Если иметь жену, то только такую... А наши жены, кроме как лепить лепешки, ничего не умеют...»

— У нас ведь и язык, и обычаи, и одежда — все одинаковое. Разве не так?

— Конечно, конечно, Шэн-тайтай, — поспешил подтвердить Ма Дасин.

— Пейте чай. Позвольте, я сама вам налью! — Она наполнила обоим пиалы. — Чувствуйте себя как в собственном доме. Лао^[20] Шэн вот-вот должен подойти.

— Занятой человек, — с уважением произнес Чжао Голян, до этого сидевший молча.

— Верите ли, бедняге нет даже времени толком выспаться! Я ему говорю: «Разве тебе дано десять жизней? Вон как сразу постарел! Работать работай, но подумай и о себе, иначе ляжешь в могилу раньше срока!» Где

там, и не слушает! Уехать бы, уехать нам из этого беспокойного места... — вздохнула она, сразу же сделавшись усталой, озабоченной.

— Может ли быть покой у человека на таком посту, Шэн-тайтай! — в лад с ней вздохнул Ма Дасин.

— Заботясь об этих диких уйгурах, лао Шэн всем сердцем сочувствует им. А они вместо благодарности поднимают бунт. Я говорю: «Лао Шэн, перестань миндальничать, накажи неблагодарных!» А он в ответ: «Нужно жалеть народ, попробуем действовать добром. Только в самом крайнем случае следует применить другие меры». Ну разве можно быть таким мягкосердечным?

Тайтай произнесла все это столь проникновенным голосом, что дунгане совсем растаяли, сочувствуя ее страданиям. А бедняжка все твердила, что, несмотря на уговоры Шэн Шицая, заберет детей и уедет с ними в Мукден, к соседям-дунганам, по которым так соскучилась...

Ма Дасин сочувствовал ей, однако Чжао Голян насторожился: жалостные речи из уст жены высокопоставленного чиновника показались ему странными.

— Беспорядки пройдут, вы еще полюбите наши места, Шэн-тайтай, — утешал ее Ма Дасин.

— Как могут испортить жизнь несколько воров... — неуклюже вставил неразговорчивый Чжао Голян. — А Шэн-цаньмоучжан что-то задерживается.

— Да, он совсем забывает за работой о доме. Ну-ка я ему позвоню! — Кокетливо покачивая бедрами, она прошла во внутренние покои.

— Угадал, для чего нас вызвали, лао Ма? — тихо спросил Чжао Голян.

— Скорее всего по поводу Га-сылина.

— Га-сылина?.. — побледнел Чжао Голян.

— А по какому же еще?

— А что отвечать будем? Ты имеешь доступ к государственным делам, так что постарайся не ударить лицом в грязь. Постарайся, лао Ма!

— Ответим что-нибудь, когда заговорит Шэн-цаньмоучжан.

— Отвечать будешь ты. У меня уже сейчас сердце готово из тела выпрыгнуть...

Вернулась хозяйка. Она не подала виду, что ухитрилась подслушать их разговор.

— Лао Шэн сейчас прибудет. — Тайтай позвала прислугу и велела накрыть столы. — Я, наверное, утомила вас своей болтовней?..

— Совсем нет. Мы рады слушать десять дней, лишь бы вы говорили, — поспешно заверил ее, облизнув губы, Ма Дасин.

Шэн-тайтай томно взглянула на него.

— От встречи с вами у меня на душе посветлело...

— Прошу прощения, — проговорил, входя, Шэн Шицай.

Дунгане встретили его стоя, скрестив на груди руки и склонив головы.

— Я старалась восполнить твое отсутствие. Передаю тебе гостей в полном здравии, — улыбнулась тайтай и, поклонившись, вышла.

— Она очень любит братьев-дунган, — проводил ее взглядом Шэн Шицай.

— Сказать честно, Шэн-тайтай просто очаровала нас, — ответил Ма Дасин.

— Из-за меня вы тут наголодались. Пожалуй, приступим к ужину?

Они прошли в столовую. Слуга протянул каждому смоченное в теплой воде полотенце. Протерев руки, все трое сели за обеденный столик.

— Ешьте без опаски: у нас повар дунганин. Мы привезли его с собой из Мукдена. Как и мусульмане, мы не употребляем свинину, — начал потчевать Шэн Шицай. В сегодняшних блюдах свинины и в самом деле не было, но то, что повар дунганин, было неправдой: осторожный Шэн Шицай, не доверяя никому, поставил поваром одного из своих телохранителей.

— Бисмилла! — Дунгане застучали по тарелкам палочками для еды.

— Я постеснялся предложить «поганой» водки, но, может быть, вы употребляете?

— Нет, нет, спасибо. Мы в жизни ее не пробовали.

— Тогда восполним отсутствие питья едой, — и Шэн Шицай собственноручно подкладывал в тарелки гостей кушанья.

Гости, польщенные вниманием большого человека, без конца благодарили хозяина.

— Не тяжелы ли новые налоги для братьев-дунган? — вдруг спросил Шэн Шицай, когда пересели за другой столик пить чай.

Оба дунганина не сразу нашлись, как ответить. Они понимали, что следует покорно поддакнуть: «Нет, не тяжелы», — но не поворачивался язык — они знали о бедственном положении своего народа, задавленного нуждой.

— Не думайте, что я такой же чиновник-угнетатель, как иные, — продолжал Шэн Шицай. — Я не хочу причинять бедствия народу, тем более братьям-дунганам.

— Если сказать честно, — заговорил, ущипнув свой длинный, как огурец, нос, Ма Дасин, — мы, то есть люди, стоящие между правительством и народом, иногда сожалеем...

— Говорите прямо, не стесняйтесь: я же сказал, что хочу благополучия в первую очередь братьям-дунганам, так что смелее, смелее...

«С чего вдруг этот китаец так заботится о дунганах? Поймать нас хочет?» — засомневались оба гостя. Однако менее изворотливый Чжао Голян рискнул нарушить свое обещание помалкивать.

— Налог за налогом... — начал он и наткнулся на осуждающий взгляд Ма Дасина. «Дурак... Испортил все дело», — читалось в этом взгляде.

— Наконец-то я слышу откровенные слова! — подхватил Шэн Шицай, окинув Чжао Голяна взглядом с ног до головы. — А то некоторые болтают лишь за спиной, а перед нами молчат. Если вы считаете, что налоги тяжелы, мы освободим от них братьев-дунган.

Не веря ушам, гости переглянулись между собой.

— Как вы полагаете, почему мы так сделаем?

— Щедрость правительства безгранична, — после недолгой паузы сказал Ма Дасин. Он опять ущипнул кончик носа.

— Нет. Пусть налоги платит тот, кто затеял бунт. Взбунтовались уйгуры, значит справедливо заставить платить только их.

— Конечно, конечно, это справедливо! — Дунгане обрадовались, еще не уловив, что скрывается за этой щедростью.

— Сообщите братьям эту новость от моего имени.

— Спасибо, спасибо, — вскочили с мест дунгане.

— Садитесь. Настоящие друзья всегда должны защищать друг друга в тяжелые минуты.

Шэн Шицай неплохо играл роль заботливого хозяина. В это время с подносом, наполненным рано созревшим турфанским виноградом, появилась Шэн-тайтай. Уже в другом платье, в жилетке, украшенной цветами персика, в расшитых мягких туфельках на босу ногу, она стала еще привлекательнее.

— Только что доставили из Турфана. Ну-ка, дорогие гости, отведайте, — предложила она.

— Ты становишься необычайно щедрой при виде дунганских братьев, — улыбнулся Шэн Шицай.

— А кто же еще может быть мне приятен в этом крае, кроме них?.. Если у вас нет секретов, я посидела бы с вами...

— Что нам скрывать? Садись, — разрешил Шэн Шицай. — Беседа с участием женщин протекает живее.

— Мы не знаем, как и благодарить Шэн-тайтай за гостеприимство... — начал Ма Дасин, но хозяйка перебила его:

— Извините, что не смогли принять вас достойным образом. Может быть, в дальнейшем будем встречаться семьями?

— О... спасибо вам, Шэн-тайтай! Если вы посетите наши убогие жилища, это будет для нас высокой честью, — заговорил Чжао Голян.

— Да, — вскинула тонкие брови тайтай, будто вспомнила что-то важное, — правда ли, что Га-сылин пошел на объединение с этим черным чаньту Ходжаниязом?

Она назвала Ма Чжунина Га-сылином — юным командующим, — как звали его в знак уважения дунгане. Ее вопрос открыл дорогу Шэн Шицаю, который ждал удобной минуты для разговора на эту тему.

— Вы, наверное, слышали об этом? — обратился он к дунганам.

Ма Дасин, только что положивший на язык ягоду винограда, поперхнулся, услышав этот вопрос.

— Аб-солютно н-ничего н-не слышали, — закашлялся он.

— Вражда с нами не доведет Ма Чжунина до добра, — сказал Шэн Шицай. — Да и какой смысл Ма Чжунину ради уйгуров жертвовать дунганями? Признают ли уйгуры власть Ма Чжунина? По-моему, они воспользуются его армией, а когда наступит час, поспешат от него отделаться.

— Может быть, — снова вмешалась в разговор хозяйка, — Га-сылин ищет славы и высоких должностей?

— Если дело только в этом, мы охотно раскрыли бы ему свои объятия. Главное — покинет он Ходжанияза или нет. Как вы думаете, друзья?

— Мы даже не знакомы с этим человеком...

— Не в том суть, знакомы или нет, — прервал Ма Дасина Шэн Шицай. — Га-сылин пользуется большим уважением в Цинхае, а здесь не меньше значите вы. Разве вам трудно найти с ним общий язык?

— Тем более что если вы все объясните Га-сылину, то между китайцами и дунганями никогда не будет вражды. — Произнеся это, Шэн-тайтай собственными руками положила крупные кисти винограда Ма Дасину и Чжао Голяну.

— Не затрудняйтесь, тайтай, — Ма Дасин сам потянулся к блюду. — Для укрепления союза китайцев и дунган мы не пожалеем ничего.

— Мудро сказано, Ма-сяньшэн. Уверен, что вы сумеете предотвратить возможные недоразумения, поэтому так откровенно говорю с вами. Мы не требуем, чтобы Га-сылин повернул оружие против уйгуров. Достаточно, если он не пойдет с Ходжаниязом. А мы сумеем это оценить...

Долго говорил со своими гостями Шэн Шицай, обещая высокие чины и награды или завуалированно угрожая заслушание самыми мрачными

последствиями для «братьев-дунган»...

Глава одиннадцатая

Отряды Ходжанияза прошли перевал Дутуй и достигли джайляу Читирлик у озера Барколь на день раньше согласованного с Ма Чжунином срока. Чабаны, недавно прикочевавшие на эти пастбища, при виде неожиданно появившихся вооруженных всадников начали разбегаться, но люди Пазыла успокоили их, заверив, что они могут безбоязненно заниматься своим делом — никто их не тронет. Чиновников, прибывших сюда для сбора налогов, разогнали, а отобранный у них скот распределили между чабанами. Все это произошло в пятницу — почитаемый мусульманами день, и Ходжанияз решил провести послеполуденное богослужение, пригласив на него чабанов. На берегу быстрой речки вбили в землю колья, между ними натянули веревки — привязывать чабанских лошадей.

Когда собралось много народа, прозвучал призыв муэдзина. Появился Ходжанияз, в зеленой чалме и белом чекмене, прошел перед выстроившимися повстанцами и пастухами к месту имама — предстоятеля в молитве.

Когда закончилось чтение пятничной молитвы — хутбы, Пазыл, встав на большой камень, заговорил:

— Братья! Мы поднялись против злейшего врага. Взяли в руки оружие, чтобы освободить вас, чабаны! Кто не желает быть рабом, кто любит свободу, кто хочет встать на защиту родины, пусть вместе с нами берется за оружие!

— Смерть врагу! — раздалось вокруг.

— Нельзя допускать розни между уйгурами, казахами, узбеками, киргизами, дунганями, монголами! Мы все угнетенные, у всех нас одна судьба. Мы должны привлекать на свою сторону китайцев, стонущих под ярмом гоминьдана. Мы против гнета и бесправия, мы не расстанемся с оружием, пока не завоюем победы!

Народ пришел в возбуждение. Молодые стали проситься в ряды повстанцев, более зажиточные — жертвовать на общее дело баранов, лошадей, верблюдов. Из толпы вышел широкоплечий казах в лисьей шапке. Он вскочил на камень рядом с Пазылом и закричал по-казахски:

— Эй, народ! — Гул утих. Он продолжал: — У всех у нас одна земля, одна вода, одно небо, одна судьба. Это враги хотят разъединить нас!

— Правильно говоришь, Исакан! — выкрикнул монгольский джигит в

остроконечной шапке, его поддержали тысячи голосов.

Богослужение превратилось в грандиозный митинг... Весь день не стихал над джайляу людской гул. Он еще более усилился, когда вечером подошли части Ма Чжунина.

Утреннее солнце озарило снежные вершины, засверкал зеленый покров гор, засияли тут и там горные цветы, заблестела еще не высохшая роса. Косяки лошадей, напившись чистой, как слеза, горной воды, медленно поднимались на холмы, по пастбищам разбрелись отары овец. Дым из юрт, поднявшись к чистому небу, расстилался, как синеватое облако. Женщины доили коров, пастухи наполняли кумысные мешки. Вот табунщик с арканом в руке погнался за необузданным конем. На спуске с крутого склона он накинул петлю на конскую шею и, натянув крепкими руками конец веревки, заставил животное вскинуть голову. В небе парил одинокий беркут, словно наблюдая издали за этой картиной...

Ма Чжунин, всегда поднимавшийся спозаранок, взобрался на вершину холма. «Какое красивое место! — подумал он. — Люди здесь живут как в раю. Счастливы! Чистый воздух, чистая вода, зелень, мясо, молоко... Все выглядят здоровыми и беззаботными. А у нас, дни и ночи глотающих пыль, и вид какой-то пыльный, без кровинки... Благодатный край! Ты должен стать моим...» Он поспешно сошел с холма, вызвал в шатер адъютанта и приказал построить войска.

Раздался сигнал, и дунгане построились.

— Ма Шимин!

— Здесь, Га-сылин!

— Военных учений сегодня не проводить! Будет достаточно, если солдаты взберутся вон на ту вершину, — и он показал на высокую гору.

— Хао, Га-сылин!

Колонна дунган направилась к вершине.

— Эй, Сопакун! Пусть и наши попробуют взобраться на гору! — крикнул Ходжанияз.

— Хорошо, Ходжа-ака!

Люди Ходжанияза, тоже построившись в колонну, последовали к другой горе. Они были куда менее ловки и дисциплинированы, чем дунгане, но зато привычны к горам.

Ходжанияз ликовал:

— Посмотри-ка, Пазыл-афанди, наши взбираются, как косули!

— Дунгане ведь не видели гор, — ответил Пазыл тихо.

А Ма Чжунин, любивший во всем быть первым, подумал: «Увидим еще ваших бездельников на учениях!»

Прошло более часа, пока обе колонны спустились с гор. Тем временем подospel завтрак, воины расселись на зеленой лужайке. Ходжаниязу, Пазылу, Ма Чжунину, Ма Шимину и Ма Чину еду подали в отдельный шатер.

— Хорошо бы дать сегодня бойцам отдохнуть, а нам продумать дальнейшие — действия, — предложил Пазыл, когда после завтрака подали кумыс.

— Дельная мысль. А еще, скажу честно, не хочется покидать такие прекрасные места, — ответил Ма Чжунин.

— Вы увидите места гораздо красивее, окаям Га-сылин, — заметил Ходжанияз и назвал несколько джайляу вокруг озера Барколь.

— И у нас есть горы, но они голые... Нет этой зелени. Синьцзян... Не зря многие дерутся за него, — задумчиво промолвил Ма Чжунин.

— Есть пословица: «У красивого много врагов». Наша земля богата и прекрасна, поэтому со всех сторон тянутся к ней жадные руки.

Слова Пазыла, кажется, задели за живое Ма Чжунина, по лицу его пробежала тень, но он постарался не выдать себя.

— Хорошо, когда покупателей много, — пошутил он и тут же перевел разговор на другое: — Не желаете ли взглянуть, как мои люди владеют саблями?

— Не откажемся, Га-сылин, окаям, — вскинулся Ходжанияз, любивший военные игры.

Они вышли наружу, и по приказу Ма Чжунина полусотня солдат стала готовиться к рубке лозы. Остальные расположились вокруг на широком лугу.

По указанию Ма Шимины к двадцати жердям в рост человека, расставленным друг от друга на расстоянии в десять шагов, прикрепили ветки. Пятьдесят всадников выстроились в ряд и обнажили сабли.

— Все готово, ждем приказа начинать! — доложил Ма Шимин.

— Начинайте!

Ма Шимин отдал приказ всадникам.

Первый срубил двенадцать веток, три свалил, по другим лишь скользнул. У остальных результаты были и лучше, и хуже, однако никто не смог срезать все двадцать веток.

— Попробуйте-ка сами! — недовольно приказал Ма Чжунин Ма

Шимину.

— Слушаюсь! — ответил тот и, взобравшись на коня, обнажил саблю.

По взмаху руки Ма Чжунина он пришпорил коня и начал на всем скаку рубить ветки. Казалось, ветки падали еще до прикосновения сабли, так легко она их срезала. Чабаны восторженно загалдели, даже Ходжанияз не удержался:

— Вот это удалец!

То ли лошадь подвела Ма Шимины, то ли сам он дал маху — последняя ветка осталась цела.

— Болван! — топнул ногой Ма Чжунин и приказал подать коня.

Левее первого ряда поставили еще двадцать жердей с ветками. Ма Чжунин вскочил в седло, засучил рукава, взял в руки по сабле, а повод закусил в зубах.

Каким-то неуловимым движением послал он коня вперед, и тот рванулся с места в карьер. Засверкали в лучах солнца вскидываемые вверх сабли, и по обе стороны падали наземь срубленные ветки. Зрители замерли от восторга, вокруг стояла тишина. Лишь Пазыл крикнул восхищенно:

— Настоящий вихрь!

И в самом деле Ма Чжунин пронесся как вихрь и срубил все сорок веток. Когда он вложил сабли в ножны и развернул коня, отовсюду грянуло:

— Слава Га-сылину! — Эти слова прозвучали на нескольких языках и были слышны далеко вокруг.

— Вот это рубка... Спасибо, окаям Га-сылин! — с этими словами Ходжанияз обнял Ма Чжунина, когда тот сошел с коня.

Ма Чжунин, удовлетворенный, ответил, вытирая пот со лба:

— Бог даст, Ходжа-ака, спасибо скажете, когда врага буду рубить вот так же. Пусть-ка теперь ваши джигиты попробуют.

— Где им владеть таким искусством! — смутился Ходжанияз.

— Проверим, как наши стреляют по мишени, — предложил Пазыл, стремясь поднять настроение у своих джигитов.

— Хорошо. И это дело, — согласился Ма Чжунин. А сам подумал: «Хочешь смыть позор, хитрый чаньту!»

— Лишь тот меткий стрелок, кто подстрелит птицу влет! Ну-ка, дети мои, наловите ворон! — приказал Ходжанияз.

Между тем на лугу началась борьба. Дунгане в ней не участвовали. Боролись наиболее известные среди уйгуров, казахов, монголов борцы, которых называли «бокя». Особенно выделялся своим могучим видом один полуголый монгол в штанах из шкур и с уздечкой в зубах. Когда его

вывели в круг, раздался приглушенный гул. С таким громадным бока было страшно бороться. Его товарищ провел борца по кругу, усадил в центре и крикнул:

— Ну, выходи, кто бока!

Вышел уйгур. У монгола забрали уздечку. Он вскочил, потопал ногами и медленно пошел к сопернику. Вдруг, словно рысь, бросившаяся на козулю, он прыгнул на уйгура, схватил за пояс и, приподняв, будто ребенка, бросил наземь. Это произошло мгновенно, зрители, казалось, ничего не успели рассмотреть. И лишь когда монгола снова повели по кругу, раздалась восторженные возгласы.

Вторым вышел казахский джигит, но и его постигла та же участь, что и уйгура.

— Ходжа-ака, это человек или... — проговорил Ма Чжунин.

— Это настоящий бока. Такие встречаются редко, — ответил Ходжанияз.

— Его может свалить только див, никакой человек не в состоянии сделать это, — продолжал удивляться Ма Чжунин.

— А что, если выставить Сопакхуна, Ходжа-ака? — спросил Пазыл.

— Правильно. Попробуем рискнуть. Сопакхун!

— Я здесь, Ходжа-ака! — перед Ходжаниязом появился Сопакхун.

— Стыдно тебе, наверное, сынок, безучастно смотреть на это — ведь ты поднимал бычков... Иди-ка в круг...

Сопакхун не выглядел таким громадным, как монгол, однако был коренаст и плотен. Этого джигита еще никто не мял на земле, и кумульцы за тихий нрав ласково звали его «Сопи-палван» — «Сопи-богатырь». Сопакхун тоже натянул на себя штаны из шкур, обвязался поясом и уверенно подошел к бока.

— Будем бороться, берясь лишь за пояс? — спросил он.

— Нет. Будем бороться, кто как хочет, — ответил монгол.

— Идет, — согласился Сопакхун и отошел на несколько шагов.

Монгол с криком кинулся на Сопакхуна и схватил его за пояс. Однако Сопакхун не растерялся и, ухватив монгола за бока, присел. Бока попытался было и его, как первых двух, поднять с места, но не смог оторвать от земли. Тогда он отпустил пояс и хотел поймать соперника за ногу, но в этот момент Сопакхун сделал подножку, и тяжелый монгол, не удержавшись на ногах, свалился на землю — гул был такой, словно рухнула большая стена.

Зрители, следившие затаив дыхание за ходом борьбы, кинулись в круг, подняли на руки Сопакхуна...

— Спасибо, сынок, не ударил лицом в грязь, — Ходжанияз поцеловал победителя в лоб.

— Очень хорошо, — похлопал Сопахуна по спине Ма Чжунин и тут же, взяв у адъютанта маузер в деревянной кобуре, подал Сопахуну.

— И монгольский джигит достоин награды, — Пазыл подарил монголу свой наган. — Пусть это будет залогом дружбы наших бока.

Два богатыря сердечно обнялись.

По обычаю каждому борцу поднесли пиалу с кумысом.

— Пусть ваши души будут светлыми, как этот белый кумыс, а сила будет такой, как эти горы, — сказал Ходжанияз.

— До нынешнего дня никто меня не побеждал. Ты свалил меня. Ты настоящий парень. Вот это я получил в прошлом году в Тарбагатае, одолев тридцать джигитов, — дарю! — Монгол снял с шеи золотую медаль с изображением беркута. Повесив ее на шею Сопахуна, он добавил: — Будем друзьями!

Тем временем ребяташки принесли пойманных ворон.

— Выходи, кто умеет стрелять! — крикнул Ходжанияз.

Вышло человек пятнадцать.

— Условия такие. Каждый стреляет подряд в двух птиц. Кто не промахнется, получит награду!

Состязание началось. Только два уйгура, дунганин и казах попали подряд в двух летевших ворон.

— И на том спасибо. Очень трудно попасть влет, — похвалил стрелков Ходжанияз.

— Ходжа-ака, теперь наш с вами черед!

— Попытаем счастья, окам Га-сылин.

— Первым стреляете вы, Ходжа-ака.

Ходжанияз поднял винтовку не сразу, как другие, вместе с взлетом вороны, а дал ей отлететь повыше. Когда он выстрелил, птица, словно яблоко с ветки, упала прямо в центр круга. Раздались возгласы одобрения.

Ма Чжунин подбил ворону из маузера, положив его ствол на согнутую левую руку. На этот раз торжествующе загалдели дунгане. Ведь попасть из маузера куда труднее, чем из винтовки! Ходжанияз огорчился. Он пожалел, что стрелял не из маузера. И тут Пазыл, заметивший парившего в небе коршуна, сказал:

— А ну, попробуйте попасть в него!

Ходжанияз, вскинув винтовку, выстрелил мгновенно, птица камнем пошла вниз.

— Хао, Ходжа-ака... Вот это меткость! — вынужден был признать Ма

Чжунин.

Игры продолжались до позднего вечера. Молодухи и девушки пели песни. Давно уже ни сам Ма Чжунин, ни его солдаты не отдыхали так весело.

Перед сном состоялось небольшое совещание. Обсудили сообщение дозорного отряда Асылкана и вести, полученные от чабанов.

— Будем штурмовать Жимисар! — предложил Ма Чжунин.

— Это что-то новое, — заявил недовольно Ходжанияз.

— Во-первых, Жимисар ближе, во-вторых, там мало сил, — настаивал Ма Чжунин.

— К чему гнаться за легкой победой? Ведь мы отдалимся от Кумула, — сказал Пазыл.

— Пройдя через Жимисар, мы выйдем навстречу Доу Цзигану к Яттыкудуку иотрежем Кумул от Урумчи, — разъяснил Ма Чжунин, проведя на карте линию.

Никто ему больше не возражал.

3

Два всадника мчались по каменистой дороге. Мелкие камешки сыпались из-под копыт на обочину, как град. Кони скакали, вытянув шеи. Передний всадник, судя по всему чабан, ловко держался в седле — он как бы слился с конем в одно целое. Зато второй выглядел плачевно: поводья он привязал к локтям, руки словно приросли к луке седла, он полулежал на нем. Шапка, видимо, слетела где-то в пути, и по ветру развевались, как змейки, длинные волосы, заплетенные в косички.

На небольшом пригорке передний всадник остановился, спешился и поймал поводья коня своего спутника.

— Передохнем немного, дажэнь? — предложил он.

— Нельзя, — кое-как вымолвил чиновник и пугливо обернулся. Он торопился уйти от Ходжанияза и добраться до Жимисара.

Джигит-чабан поправил скосившееся под чиновником седло, подтянул подпруги, и они поскакали дальше.

Сяньчжан Цао, жимисарский уездный начальник, принимал у себя начальника гарнизона с женой. После вечерней трапезы они, как обычно, засели за мацзян — игру в кости с картами.

Сяньчжану не везло.

— Ну что ж, отыграетесь во втором круге. — Начальник гарнизона придвинул к себе очередной выигрыш.

— Нет, сегодня не отыгратья — вам очень везет.

— Зато до этого я проигрывал семь дней подряд и совсем было пал духом. Пусть хоть раз повернется ко мне лицом удача! — притворно вздохнул начальник гарнизона.

Их прервал звон колокола. Все всполошились, ибо медный колокол у входа звенел лишь тогда, когда кто-нибудь хотел довести до сведения начальника уезда не терпящее отлагательства сообщение.

— Пойдемте узнаем, что случилось, — предложил начальник гарнизона.

Он приказал привести поднявшего тревогу. Это был чиновник, несмело скакавший на лошади. Бросившись в ноги сяньчжану, он, заикаясь, выдал единственное слово:

— Бан... ди... ты...

— Что?

— Бандиты!

— Где ты видел? — побледнел сяньчжан.

— В г-г-го... рах!

— Нужно принять меры! — зашепшил начальник гарнизона.

После его ухода растерявшийся сяньчжан приказал жене спрятать ценности, а подчиненным велел запереть крепостные ворота. Жена сяньчжана суетливо засемила на маленьких ножках, как ребенок, только начавший ходить.

— Ай-я! Ай-я! — жалобно приговаривала она, а потом села и заплакала.

Окруженное крепостными стенами селение Жимисар находилось в котловине. Если не считать немногочисленных дунган, которые держали дешевые харчевни и торговали маринованными овощами, основное население его состояло из китайцев, большей частью зажиточных торговцев, живших за счет окрестных крестьян-уйгуров и скотоводов-казахов. Когда начались волнения в Кумуле, торговцы попрятали добро и затаились, как суслики в норах, а самые проворные уехали в Урумчи.

Весть о приближающихся бандитах быстро облетела все дома, в селении началась паника. Поднятые по тревоге два батальона солдат, не ожидавшие, что сюда могут нагрянуть повстанцы, от растерянности не знали, что делать. Пока они построились, пока заняли оборону на крепостных стенах, передовые части войск Ма Чжунина вошли в Жимисар через Северные ворота, которые почему-то не успели запереть. Трое

других ворот гоминьдановцы закрыли и начали со стен крепости обстреливать подходившие отряды Ходжанияза. Но это длилось недолго: солдаты Ма Чжунина разогнали основную часть гарнизона и заняли штаб. Гоминьдановцы, державшие оборону на стенах, подняли белый флаг и побросали оружие.

Едва затих грозный клич дунган, как разыскали и приволокли спрятавшегося в конюшне начальника гарнизона...

Так легко, почти без боя была взята крепость Жимисар. Ма Чжунин шутил по этому поводу: «Не успели даже кончик носа почесать!..»

Глава двенадцатая

1

После взятия Жимисара население ощутило в повстанцах реальную силу, которая способна единоборствовать с гоминьдановцами и побеждать их. Поток людей, спешивших к Ходжаниязу и Ма Чжунину, словно на поклон к пророкам, не иссякал в течение двух дней. Шли уйгуры, казахи, монголы, дунгане — разных сословий, имущие и неимущие, шли даже ставленники китайской администрации, занимавшие небольшие должности — старост, квартальных. Конечно, не все искренне сочувствовали восстанию, некоторые боялись того, как бы их не наказали за приверженность к гоминьдановцам. Они-то и распускали среди темного люда различные слухи, кривотолки. «Теперь всех китайцев соберут вместе и уничтожат, — говорили они, — всех баев засадят в тюрьму, а их достояние разграбят, молодых парней погонят в армию, а женщин заберут себе...» Эти слухи смущали народ, вызывали тревогу. Руководители восстания собрались обсудить создавшееся положение.

— Жимисаром мы овладели почти без жертв, — начал разговор Пазыл, — ибо враг не был осведомлен и не успел подготовиться. Но в будущем нас ждут еще тяжелые испытания. Нужно четко организовать тыл, создать хотя бы временную управляющую организацию...

Ма Чжунин попытался его прервать.

— Предлагаю назначить комендантом Жимисара Самсакниязу и в уездное управление выбрать по одному человеку от каждой национальности, — продолжал Пазыл, глядя в глаза Ма Чжунину.

— Неплохая мысль, — Ма Чжунин немного подумал и добавил: —

По-моему, сейчас необходима лишь организация хозяйственного типа — для снабжения войск. Кроме того, нужно ведь создать охранные части, а?

— Конечно.

— Тогда пусть наш Мао Чжу организует из местных людей охрану.

— Тоже верная мысль, — согласился Пазыл.

— Значит, договорились, Ходжа-ака? — Ма Чжунин посмотрел на сидевшего молча Ходжанияза.

— Мы теперь стали сильны. Значит, можем и воевать, и другими делами заниматься, — ответил Ходжанияз.

— Ходжа-ака верно сказал: оставив все прочее, мы должны воевать, воевать и воевать, — перевернул его слова Ма Чжунин.

— Необходим хотя бы временный учредительный центр из народных представителей...

— Еще рано, Па-сяньшэн, — снова перебил Пазыла Ма Чжунин, — пока не возьмем Урумчи, об этом не может быть и речи. А сейчас в руководящих вопросах Ходжа-ака старший брат, а я младший. Так я говорю, Ходжа-ака?

— Дай бог, чтобы мы и впредь не попрекали друг друга! — ответил Ходжанияз.

— Ходжа-ака умный человек, — с усмешкой одобрил его слова Ма Чжунин.

— Решать государственные вопросы в семейном кругу, между «старшим и младшим братьями» опасно, — загорячился Пазыл, досадуя, что Ходжанияз не вникает в суть происходящего. — Мы не должны замыкаться в пределах Восточного Туркестана, пора подумать и об отношениях с внешним миром...

— О-о-о... Да вы мечтаете подняться очень высоко, уважаемый Па-сяньшэн, — протянул Ма Чжунин. Ему хотелось спросить: «Уж не с Советами ли желаете вы завязать отношения?» — но он сдержался.

— По-моему, все мы боремся за установление нового строя, за новое правительство. Значит, рано или поздно нам придется наладить связи с сочувствующими государствами, не так ли? — доказывал Пазыл.

— Это вопросы будущего. Вначале нужно здесь совершить такие дела, чтобы за границей признали нас, а тогда уж придет время решать ваши вопросы, Па-сяньшэн, — резко заговорил Ма Чжунин.

Так сразу же выявились разногласия по коренным проблемам. Стало видно, какая пропасть разделяет Пазыла и Ма Чжунина. Между ними возникла скрытая борьба, которая иногда приводила к резким столкновениям.

На площади за Жимисаром, где обычно проводились военные учения, выстроились с правой стороны отряды Ходжанияза (зеленое знамя со звездой и полумесяцем), с левой стороны — части Ма Чжунина (белое знамя со звездой). К тем и другим примыкало много добровольцев с ружьями и саблями. В восточной стороне площади на помосте из толстых досок стояли Ходжанияз, Пазыл, Самсакнияз, Асылкан и несколько почтенных людей из местных жителей. Не было лишь Ма Чжунина и его ближайших помощников. И западной части площади сгрудились, понунив головы, пленные. Жители Жимисара и окрестных сел облепили площадь со всех сторон, многие были верхом. Все смотрели на помост.

— Значит, это и есть Ходжа? — спрашивал какой-то пеший у крестьянина на коне.

— Да, вон тот, с густой бородой. Смотри, какой у него геройский вид! — отвечал всадник.

— Правда ли, что в бою, когда он расстегивает пояс, пули, попавшие в него, градом падают на землю? — продолжал расспрашивать пеший, вытягивая шею, чтобы лучше видеть Ходжанияза.

— Наверное, правда, ведь сам святой хазрет молится за него.

— Истинная правда, — вмешался в разговор третий. — Однажды, говорят, развязал пояс, и сразу высыпалось четыреста пуль...

— Хи-хи-хи... — закатился какой-то дунганин.

— Ты что, не веришь, белоголовый? Смеешься?..

— Конечно, смеюсь. Ведь если пуля попадает, человек умирает, — ответил дунганин.

— Разве пуля может поразить того, кто видел хазрета? А где твой Га-сылин?

— Сейчас выйдет. Вот тогда увидишь...

— А что на него смотреть, такой же белоголовый, как и ты.

— Белоголовый? Ха! Когда Га-сылин вступает в бой, у него в обеих руках по сабле и во рту сабля...

— Не хвались!..

Тем временем на белом коне, танцевавшем под всадником, появился Ма Чжунин вместе с Ма Шимином и Ма Чином. В толпе раздались восхищенные голоса. Ма Чжунин подъехал к помосту и, оставаясь на коне, что-то сказал Ходжаниязу.

— Люди! — подняв руку, крикнул Ходжанияз. — Сегодня мы отправляемся в путь. А вы мирно трудитесь. Никто теперь не будет вам мешать. Ахун, дайте свое благословение!

— Аминь! — вскинул руки вверх стоявший рядом ахун. «Аминь!» — раздалось в ответ со всех сторон. Пробормотав еще что-то, ахун воскликнул: — Аллаху акбар! — и провел ладонями по лицу.

После молитвы к народу обратился через переводчика Ма Чжунин:

— Я прибыл в этот край, чтобы освободить вас! Я желаю вам добра. Сниму головы с тех, кто угнетает вас! Ходжа-ака — старший брат, а я младший. Если мои солдаты будут нарушать порядок, я сам накажу их!

По его знаку Ма Шимин приказал вывести из колонны дунганских войск четырех человек, обмазанных сажей.

— Вот, — продолжал Ма Чжунин, — эти грабили имущество народа. Я казню их на ваших глазах!

Ма Шимин вывел группу дунган с винтовками на изготовку.

— Расстрелять! — приказал Ма Чжунин.

Прогрели выстрелы, четыре грабителя упали ничком на землю. Это были не дунгане, а нанятые в армию еще в Цинхае молодые сорвиголовы китайцы. Ма Чжунин предал их смерти не столько для укрепления порядка, сколько для того, чтобы привлечь на свою сторону симпатии населения и прослыть справедливым. Народ еще не знал всего этого и потому одобрил поступок Ма Чжунина.

— Слава Га-сылину! — раздалось из толпы. «Кажется, справедливый дунганин», — думали люди. И только некоторые, особенно недоверчивые, сомневались: «Как бы не было здесь какого-нибудь обмана».

— А теперь, — крикнул гордо восседавший на коне Ма Чжунин, — я войду в Урумчи, как нож в масло! Тот, кто преградит мне путь, испытает на себе остроту моих сабель! — И он, вырвав из ножен сабли, заиграл ими в воздухе.

Дунганская колонна ответила командующему одобрительными криками.

Ма Чжунин, не меняя гордой позы, двинулся впереди своих войск. Народ молча провожал его глазами.

Отряд Ходжанияза расположился на ночлег в лесу. Утихла суета, пламя костра, еще недавно такое яркое, теперь едва светилось, в его тусклых отсветах иногда проносились черные тени летучих мышей. К непрерывному стрекоту цикад начал примешиваться храп бойцов, уставших после долгого перехода. Чтобы хоть как-то отогнать сон,

дозорные подбрасывали в затухающий костер сухие ветки...

Пазыл не спал. В небольшой походной палатке при свете догорающей свечи он расшифровывал содержание письма, полученного сегодня.

«Ваши успехи вызвали беспокойство в правительственных кругах Урумчи. Помимо подготовки в чисто военном плане, к Ходжаниязу и Ма Чжунину направлены лазутчики, с тем чтобы разъединить вас, вызвав разногласия между уйгурами и дунганями, после чего поочередно расправиться с теми и с другими. Мы распространили листовки, где раскрыли этот план. Будьте бдительны.

Я выезжаю в Кульджу. Когда устроюсь там, связь восстановим. Напоминаю: будь начеку по отношению к Ма Чжунину, не разрывая союза с ним, используя его силы, противодействуй осуществлению его тайных намерений. Собирай вокруг себя надежных людей. Будь осторожен.

С приветом — Лопян».

«И единство, и противодействие, — заключил для себя Пазыл. — Сложная ситуация...»

Его размышления прервал Сопакун.

— Проходи, садись. — Пазыл внимательно посмотрел на Сопакуну. — Что случилось?

— Пришлось немного задержаться.

— Из-за чего?

— Как из-за чего, афандим! — Сопакун не скрывал недовольства. — Опять из-за этого наглого дунганина! Комендантам Жимисара оставлен Самсакнияз, а человек Га-сылина Мао Чжу сует нос во все дела, командует...

— Подожди, — прервал его Пазыл. — Что у вас произошло?

— Дунганин потребовал военных трофеев и весь скот, пожертвованный нам народом, — коней, коров, баранов. А Самсакнияз заявил, что пока от Ходжи-ака не будет приказа, он не даст ни одного барана. Дунгане схватились за оружие, но в спор вмешались аксакалы. Мы приехали как раз в это время.

— П-нон-нятно...

— Они захватили лучшее оружие, добытое в Жимисаре. Но не успокоились на этом и хотят забрать все остальное! Как мы можем быть

вместе с ними?

— Не спеши с выводами, — проговорил Пазыл, свертывая самокрутку. Пальцы его дрожали, выдавая нервное напряжение.

— Если сегодня они творят такое, то что же завтра? Совсем сядут нам на шею! — не унимался Сопакун, которого не так-то просто было вывести из себя.

Пазылу передалось его возмущение, но он взял себя в руки:

— Возможно, Мао Чжу просто шутил, а вы делаете из мухи слона... Это же может повредить делу, Сопакун.

— Как знаешь... Но трудно им доверять, афанди-ака!

И Пазыл вспомнил народное предание о восстании 1864 года в Кульдже. Тогда уйгуры и дунгане тоже объединились. Их руководители под Кораном принесли присягу верности друг другу. Но дунгане предали, а потом стало известно, что они присягали не под Кораном, а под обернутым в матерью кирпичом. «Неужто нарушение обязательств и раскол неизбежны, а? Нет, сейчас не то время. Не надо допускать междоусобной розни...»

— Раз мы сами пригласили их, то должны терпеть, проявить выдержку...

— Жалко Ходжу-ака, иначе я бы... — стиснул кулаки Сопакун.

— Вначале нужно взять Кумул, братец, встать на ноги, а потом уже действовать по обстоятельствам. А пока что не горячись. И джигитам скажи, чтобы не затевали ссоры. Ну, иди спать — завтра в поход...

3

Ходжанияз восседал на темно-рыжем коне. Широкий патронташ и маузер в деревянной кобуре придавали ему необычайно воинственный вид.

— Джигиты! — обратился он к отряду, успокаивая танцующего под собой коня. — Пришел час испытать ваше мужество. Пусть ваши кони не повернут в бою назад! Других слов у меня нет!

— Не отступим! — загремели голоса всех семисот джигитов.

— Веди, Сопакун! — приказал Гази-ходжа (после взятия Жимисара в народе Ходжаниязу дали имя Гази — воитель за веру).

Сопакун под зеленым знаменем со звездой и полумесяцем тронулся вперед. За ним чередой двинулись сотни.

По разработанному плану бригаду Доу Цзигана нужно было разгромить во время перехода между Яттыкудуком и Кумулом. Га-сылин

выходил на нее с тыла, через перевал Чонашу. Ходжаниязу же следовало через труднейший перевал Кирикдон ударить навстречу врагу.

— Нет ли другой дороги, Ходжа-ака? Выдержат ли кони? — спросил Пазыл.

— Лишь бы до Ташбулака добраться, а там равнина.

Острые пики Кирикдона напоминали зубья пилы. Хотя до лета было еще далеко, от нагретых солнцем голых скал, совершенно лишенных растительности, исходил жар, как от раскаленного тандыра, в котором выпекают лепешки. Кони покрылись черным потом, их ноги дрожали от напряжения. А скалам, казалось, не будет конца: они, как верблюжьи горбы, поднимались одна за другой, недаром эта местность называлась Кирикдон — Сорок гор.

Ходжанияз приказал всем спешиться и сам, словно козел, ведущий отару, пошел впереди. С детства привыкший к горам, он как будто не замечал тяжести пути.

— Ну, афандим, — то и дело подтрунивал он, оглядываясь на тяжело дышавшего сзади Пазыла, — как дела? Может, посадить вас на плечи?

— Будьте спокойны, Ходжа-ака! — бодрился Пазыл, но хриплый голос выдавал его состояние.

Среди джигитов было немало таких, которые раньше не сталкивались с подобными трудностями. Глядя на Гази-ходжу, они стискивали зубы и упорно двигались вперед от подъема к подъему. Их не останавливали ни крутизна, ни жар, исходивший от камней, ни соленый пот, слепивший глаза...

К полудню добрались до Ташбулака. Увидев впереди родники с чистой холодной водой, люди бросились к ним, как изголодавшиеся овцы к зеленой лужайке. Ходжанияз крикнул:

— Стойте! Пусть вначале пот обсохнет, только тогда можно пить!

Когда разгоряченные люди кое-как успокоились, Ходжанияз установил очередь к воде. Воины утолили жажду, напоили лошадей, задали им корму и сами расположились на отдых.

Ходжанияз отвел Пазыла в сторону.

— Странно ведут себя эти дунгане... Если дело так пойдет и дальше, мы вряд ли столкнемся, а?

— Сейчас трудно сказать что-нибудь определенное, — ответил Пазыл. Поделись он своими мыслями о Ма Чжунине, Ходжанияз наверняка перевернул бы все вверх дном. Да и вражда с Ма Чжунином сейчас могла привести лишь к поражению.

— Это так, окаям. И все-таки он оказался не тем человеком, которого я

ждал.

— Посмотрим, каковы они в бою...

— Кому же еще можно верить? — вздохнул Ходжанияз.

Сторожевой джигит на холме прервал их разговор:

— Ходжа-ака! Сюда скачут всадники!

— Сопахун!

— Да, Ходжа-ака!

— Поднимай джигитов!

— По коням! — скомандовал Сопахун.

Джигиты, начавшие привыкать к военной дисциплине, быстро вскочили на коней.

Разделив отряд на две части, Ходжанияз приказал двигаться по склонам холмов, захватывая приближающихся всадников в кольцо, а сам, поднявшись к дозорному вместе с Пазылом, поднес к глазам бинокль. Он увидел не всадников, а всего-навсего косяк лошадей с тремя табунщиками.

— Сообщи Сопахуну — отбой, пусть возвращается! — приказал он ординарцу.

Ходжанияз и Пазыл спустились в низину. Туда же вскоре подъехали табунщики. Каждый из них был вооружен.

— Салам алейкум, Ходжа-ака! — Табунщики поспешно сошли с коней и припали к стремянам Ходжанияза.

— Откуда вы, дети мои? — спросил Ходжанияз.

— Гоним казенных лошадей, — ответил бородатый табунщик.

— А что делаете в горах?

— Скрываемся от китайцев, Ходжа-ака! — Бородатый улыбнулся, показывая большие, как у лошади, зубы.

— Правильно, дети мои, — похвалил Ходжанияз. — Куда же вы гоните лошадей?

— Куда же еще, Ходжа-ака! Ваших джигитов думали порадовать! — вновь улыбнулся табунщик. — Эти кони взяты у народа в счет налогов. Приказали перегнать их Доу Цзигану — так его вроде зовут... А мы направили табун в другую сторону.

— Пусть твой отец не знает горя и печали, сынок! Ну, а откуда вам стало известно, что мы в пути?

— Да слава о вас гремит повсюду!

— Кто дал вам винтовки? — поинтересовался Пазыл и приказал принести табунщикам воды.

— Никто нам их не давал, ака! — ответил джигит, опорожнив без передышки целый ковш. — Вчера мы прихлопнули трех солдат, которых

вздумали приставить к нам...

— Вот это по-мужски!

— До каких же пор нам ждать сложа руки? — гордо оглядел всех джигит.

— Что говорят о нас в Люкчуне, Турфане?

— Что говорят, ака?.. Все глаза проглядели, ожидая вас. А вы, как охотники за джейранами, не спускаетесь с гор.

Ходжанияз расхохотался так громко, что кони наострили уши.

Его позабавили слова этого острого на язык джигита, который, бродяжничая, бывал и в Урумчи, и в Манасе и повидал многое. Звали этого человека Салим-каска.

— Вы слышали о Га-сылине? — спросил Пазыл у него.

— У нас есть Ходжа-ака, зачем нам этот гусь? — ответил Салим, с ударением произнеся искаженное имя дунганина — «Газ», что по-уйгурски означает гусь.

Ходжанияз и Пазыл, многозначительно переглянувшись, почувствовали неловкость.

— Спасибо за коней, дети мои. Доброе дело вы сделали, — поспешил закончить разговор Ходжанияз.

— Не стоит благодарности, Ходжа-ака. Самое главное, что кони не достались Доу Цзигану. Пусть этот капир седлает свою жену, — джигит вновь показал лошадиные зубы.

Ходжанияз и Пазыл решили передать коней в распоряжение снабженца и в помощь ему направили двух табунщиков. А Салима зачислили бойцом.

Доу Цзиган, спешивший со своей бригадой к Кумулу, прибыл в селение Яттыкудук и приказал солдатам расположиться на однодневный отдых.

Старый генерал, который в прошлом не раз усмирал волнения в провинциях Нинся, Ганьсу, Цинхай, надеялся на свой опыт и был уверен, что и теперь без труда одержит победу. «Отдам Хами (китайское название Кумула) на три дня своим солдатам, и даже дети детей этих чаньту будут со страхом вспоминать мое имя. А Ходжанияза запру в железную клетку и прикажу возить по всему Синьцзяну», — похвалялся он еще в Урумчи.

Та же уверенность не покидала его в Яттыкудуке.

Смакуя китайскую водку и закусывая сушеными ящерицами, он предавался сладостным размышлениям: «В огне войны горит и сухое, и мокрое... Все золото и серебро богачей чаньту будет моим... Шэн Шицай получит лишь то, что я ему оставлю...»

— Разрешите войти, господин генерал?

— Входи! — недовольно бросил Доу Цзиган.

Адъютант вручил полученную из Урумчи телеграмму.

— Что это?.. — Старый генерал вскочил с места и впился глазами в адъютанта. — Начальника разведки ко мне!

— Слушаюсь, господин генерал!

Пока пришел начальник разведки, Доу Цзиган успел еще раз пробежать телеграмму. В ней говорилось, что мятежники взяли крепость Жимисар и сейчас, очевидно, движутся к Барколю; необходимо их остановить и во что бы то ни стало удержать Хами...

«Хами, Хами... — размышлял генерал. — Бандиты пошли к Гучену, а эти о Хами пекутся...»

Появился начальник разведки.

— Тьфу! — плюнул ему в лицо генерал. — Чем ты занимался, соломенное брюхо? Бандиты зашли нам в тыл!

Вволю накричавшись на начальника разведки, Доу Цзиган вызвал трех туаньчжанов — командиров полков. Ознакомив их с содержанием телеграммы, генерал распорядился:

— Ты, Ли-туаньчжан, направишься с полком к Хами в подкрепление к обороняющим город частям.

— Есть, господин генерал!

— А вы, Ван-туаньчжан и Чжао-туаньчжан, готовьте полки в обратный путь! Настигнем бандитов с тыла.

— Есть! — козырнули оба командира полка.

— Вот здесь я схвачу бандитов за горло! — ткнул в карту старый генерал.

Хлопчатобумажные, цвета пепла, штаны и куртки, ноги в обмотках до колен, торчащая на голове фуражка с кокардой, изображающей солнце, за спиной винтовка дулом вниз — так выглядели китайские солдаты. Многим из них было не по душе военное дело, и служили они из-за куска хлеба или по принуждению.

Мерным шагом, молча, двигался полк Ли-туаньчжана, пока не достиг к вечеру Комучбулака — Камышового родника. Здесь сделали привал.

Ли-туаньчжан приказал наловить лягушек, и вскоре доставили их

целую корзину. В медном казане подогрели масло. Засучив рукава, полковник взял палочками живую лягушку и обмакнул задком в раскаленное масло. Лягушка квакнула, стоявший наготове повар тут же сунул в ее разинутый рот щепотку растолченной в порошок смеси из пряностей.

Сдоблив таким способом пряностями всех лягушек, они обжарили их, еще полуживых, а затем залили соусом и поставили на огонь тушить. Офицеры сидели на корточках вокруг котла и слушали пояснения Ли-туаньчжана, слывшего отменным специалистом по приготовлению различных блюд из лягушек.

— Господа! — Обратился к офицерам полковник, польщенный глубоким вниманием к его пояснениям. — В честь этого изумительного блюда разрешаю выпить порцию спиртного.

— Благодарим вас, господин Ли-туаньчжан! — прокричали офицеры.

Подняв тост за здоровье полковника, офицеры принялись за еду. У солдат, сидевших тут же, недалеко, и жевавших черствый хлеб с соленой зеленью, от душистого запаха жареных лягушек потекли слюнки...

Вдруг раздались выстрелы.

— Бандиты! — закричали, вскакивая, офицеры, а Ли-туаньчжан, только что положивший лягушку целиком в рот, с трудом проглотил ее, выкатив глаза, и прохрипел:

— К оружию!

Пока прошло первое оцепенение, пока солдаты открыли ответный огонь, человек двадцать китайцев уже лежали недвижно на земле.

Бойцы Ходжанияза обстреливали полк Ли-туаньчжана с двух холмов, не давая поднять головы сидевшим в камышах китайцам. Полковник попытался было с одним батальоном отойти назад, чтобы затем штурмовать холм, но с тыла его обстреляли джигиты Палтахуна. Гомиьдановцев, попавших в капкан, спасала темнота и камыши. Случись дело днем, в живых не осталось бы ни солдата.

— Сопахун! Окружить камыши! — приказал Ходжанияз.

Пока Сопахун, обойдя камыши, преградил выход из них, он потерял человек десять. Однако дело было сделано. Полк Ли-туаньчжана оказался заперт в узкой лощине. Солдаты растерялись.

— Ша! Ша! Ша!^[21] — бросил боевой клич полковники, размахивая саблями, в отчаянии рванулся вперед. Он понимал, что медлить нельзя, в камышах их перестреляют до единого.

Офицеры и солдаты, подхватив клич, кинулись за ним на сотню Палтахуна. Они бежали густой цепью, стреляя на ходу. Место падавших

тут же занимали другие, положение сотни Палтахуна стало угрожающим. Джигиты начали отходить, тогда Палтахун, высоко подняв винтовку, крикнул:

— Отступление — смерть! Только вперед!

Он успел сделать лишь несколько шагов и упал...

В это время Ходжанияз сделал знак Асылкану.

Конная сотня Асылкана, стоявшая за холмом, полетела в бой. Но гомиьндановцы, оттеснив джигитов Палтахуна, уже залегли на холме и пустили в ход пулеметы. Коротко заржав, падали лошади, опрокидывались всадники. Видя, что победа уходит, Ходжанияз решил ввести в бой все силы. Вынув из кобуры маузер, он крикнул:

— Да поддержит нас дух предков! — и, хлестнув коня, устремился вперед.

За его спиной прогремело грозно и зловеще: «Смерть врагу!» — и все бросились в атаку. Гази-ходжа стремительно мчался на врага, стреляя из маузера, за ним джигиты, позабывшие о встречных пулях, несущих гибель.

Это был решающий бой, от него зависела судьба восстания. Хорошо вооруженный враг не хотел сдаваться. Джигиты Сопахуна, обошедшие камыши, ударили с тыла. Гомиьндановцы не выдержали бешеного напора атакующих и расстроили свои порядки.

— Стреляйте по тем, что у пулеметов! — приказал Ходжанияз, и вскоре заглохла пулеметная дробь.

Солдаты в панике разбегались, их преследовали крики разгоряченных джигитов: «Руби врагов!» — топот и ржанье коней... Из целого полка только несколько солдат спаслось в камышах, большинство нашло себе здесь смерть. Двести человек во главе с Ли-туаньчжаном сдались в плен.

Утренний ветерок грустно шуршал по камышам... У только что вырытой широкой братской могилы неподвижно лежали шестьдесят восемь джигитов — и среди них Палтахун. Длинные черные усы его слегка шевелились под ветром. Спокойно и безмятежно было лицо с застывшей улыбкой, не верилось, что он мертв.

Ходжанияз и Пазыл осунулись от горя. В траурном молчании стояли все бойцы. Казалось, вот-вот заплачет верный иноходец Палтахуна — так низко опустил он свою голову...

— Начинайте! — горестно и тихо сказал Ходжанияз.

Но джигиты медлили предавать земле тела своих товарищей и стояли неподвижно, будто не слышали Ходжанияза.

— Борьба не обходится без потерь, братья! — заговорил Пазыл. — Без

жертв мы не добьемся победы. Погибли наши верные друзья, боевые товарищи, но мы победили, и наша победа — новый шаг на пути к свободе...

Первым в могилу опустили Палтахуна, потом — в ряд с ним — других джигитов... Вскоре над ними вырос высокий холм. Воины во главе с Ходжаниязом прочли молитву за упокой душ павших.

С того дня место это стали называть Могилей шахидов — павших за веру, и каждый путник останавливался возле нее, воздевая в молитве руки.

Глава тринадцатая

1

Ранним утром разнесся над Кумулом радостный звон литавр, — такой бывает лишь в дни мусульманского праздника — хейта.

Но сегодня не хейт, сегодня праздник победы. Накануне была разгромлена и уничтожена бригада генерала Доу Цзигана, того самого, который грозился жестоко наказать «этих чаньту», и гоминьдановский гарнизон Кумула сдался. Кумульцы, вот уже сколько времени жившие в ожидании расправы и под угрозой голодной смерти, высыпали на улицы и поздравляли друг друга так, словно живыми выбрались из могилы.

Сегодня все четверо ворот кумульской цитадели раскрыты настежь, и в них, не прекращаясь, вливается людской поток из окрестных сел. Люди едут на конях и ослах, идут пешком. Все несут в руках узелки, ведут коней, коров, баранов — это подарки победителям. В толпе пляшут под бубны и карнаи, распевают только что сложенные в честь Гази-ходжи частушки.

Сегодня все улицы и тупики Кумула чисто подметены, политы водой. Жители извлекли из сундуков праздничные одежды и принарядились — женщины и мужчины, старики и молодые. Радостное чувство упоения свободой влечет всех на улицы. А там звуки литавр — гум-галан, гум-галан, галан-галан-гум, — будто опережая друг друга, несутся с балкона дворца кумульского вана, сзывая народ на праздник.

Сегодня дворец ломился от простого люда, а ведь сюда допускались только беки да сборщики податей. Для угощения победителей зарезали десятки коров, сотни баранов. В огромных черных котлах варилось мясо, поспевал плов, в тандырах пеклись ароматные лепешки и самса, на мангалах жарились жирные, сочные шашлыки...

На площади перед дворцом под звуки литавр танцевали «кумульский санем», в танце по обычаю участвовали и женщины, и мужчины. Кто-то из танцующих воскликнул:

— Слава Гази-ходже!

Другие голоса подхватили:

— Салам Гази-ходже!

— Станем воинами Гази-ходжи!

— Если умрем — погибнем за правое дело! — полетели громкие крики над толпой.

Пазыла, пробиравшегося сквозь толпу, потянул за рукав один из бойцов отряда:

— Пазыл-ака, Пазыл-ака, в медресе переполох...

Когда они вошли в медресе, то увидели, что главный мулла — Хатипахун — вместе с четырьмя-пятью имамами, собрав полсотни пожилых китайцев и китайнок, принуждает их принять мусульманство и произнести слова молитвы: «Аллаха илалла, Мухамадул расулилла». Китайцы, дрожа от страха, лепетали:

— Ла... ла... ла...

Пазыл громко рассмеялся.

— Не смейтесь, афандим, — с укором сказал Хатипахун. — Дорога исламу теперь открыта, и наш долг наставить на путь истинный этих неверных.

— Кто же открыл дорогу исламу? — насупил брови Пазыл.

— Гази-ходжа, разумеется, иншалла...

— Если вы хотите открыть дорогу исламу, пойдёмте, я дам вам винтовки. Вы будете сражаться с врагом, как и мы!

— Не все... могут держать... ружья, — пролепетал, заикаясь, Хатипахун.

— А мучить мирное население? Это вы можете?..

— Мы хотели совершить благородное дело...

— Глупцы! Такие глупцы могут испортить все дело! Наша цель — не обратить в ислам иноверцев, а освободить трудовой народ от общих угнетателей. Вы же хотите натравить трудящихся друг на друга... Отпустите их!

— О пророк...

— Мы подняли оружие против гоминьдановцев. Мирное население не враг нам! Если вы снова затеете что-нибудь подобное, я вас проучу! — прикрикнул Пазыл и отпустил китайцев по домам. Те, обрадованные, без конца благодарили Пазыла, кланяясь чуть не до земли.

А Хатипахун поспешил к Ходжаниязу жаловаться на «неверного» Пазыла.

Сато появился перед Ма Чжунином внезапно, будто из-под земли.

— Вы, наверное, не ждали меня, Га-сылин? — спросил он после приветствий.

— Сказать честно, даже не думал, что наша встреча здесь возможна.

— Вы ошиблись, дорогой друг. Мы просто все время держали вас в тени, как духа жалости.

— Да ну? — с нескрываемой издевкой переспросил Ма. Его укололи слова «дух жалости».

— Конечно! Бросить в беде такого друга, как вы, было бы недостойным делом. Наступило время протянуть руку помощи — и вот я здесь. Или вы считаете нашу встречу излишней? — вдруг спросил Сато.

— Почему же... Но что касается «беды», то не понимаю, о чем вы говорите, на что намекаете. Результаты наших военных походов заслуживают иной оценки.

— Гордиться и радоваться еще рано, Га-сылин, — начал поучать Сато, словно учитель ученика. — Две-три случайные победы не решают дела.

— Случайные? — Ма Чжунин покраснел от гнева. «Как распоясался этот коротконогий японец!» — подумал он.

— Скромность иногда не вредит, Га-сылин, — Сато уловил настроение Ма Чжунина. — Никто не отрицает вашу доблесть в бою. Но и ошибок допущено немало.

— Ош-шибок?..

— Да. Ошибок. В методах работы.

— Например?

— Во-первых, — заговорил спокойным, уверенным тоном Сато, — ваша собственная прямолинейность и грубость ваших единомышленников насторожили Пазыла, Ходжанияза. Теперь они, если даже останутся вашими спутниками, всегда будут держать нож при себе...

— Ха!.. — вскочил с места Ма Чжунин.

— Во-вторых, — продолжал Сато, — вы отпугнули местное население, вместо того чтобы привлечь к себе. Опираясь на одних дунган, вы ничего не добьетесь. — Сато помолчал немного, а потом продолжал: — Надо было довольствоваться золотом и деньгами, взятыми из банков

Жимисара, Кумула, и подарками баев. А вы? Перегнали в Цинхай захваченный скот — коней, коров, баранов, верблюдов — и посеяли в народе недоверие. Какой толк от спешки? Возьми вы в свои руки Синьцзян, богатство не ушло бы от вас. Или я ошибаюсь, дорогой Друг?

Ответить Ма Чжунину было нечего. Его охватили сомнения. «Выходит, у этого коварного лазутчика есть человек, знающий каждый мой шаг! Кто же он — Ма Шимин или Ма Хусян?»

— Истинные друзья не имеют тайн. Прочитайте вот это! — и Сато протянул листовку Шэн Шицая. В ней подробно рассказывалось о грабежах «разбойников Ма». — Вы утратили авторитет среди местного населения, раскрыли свои цели и этим сослужили хорошую службу Шэн Шицаю. В современной обстановке оружие политики сильнее винтовок. Шэн Шицай умеет пользоваться и тем, и другим.

Последние слова Сато задели Ма Чжунина за живое, ибо себя он ставил неизмеримо выше Шэн Шицая.

— Этот провокатор еще узнает меня! — крикнул он и разорвал листовку в клочки.

— Ее-то вы можете уничтожить, но как быть с множеством других листовок, гуляющих по рукам?.. Не горячитесь, Га-сылин. В любом деле лучше всего спокойствие и рассудительность...

— Мне надоели ваши назидания... Вам больше нечего сказать?

— Есть совет: необходимо временно покинуть Синьцзян...

— Покинуть?.. Мне — покинуть Синьцзян? — вскопчил в ярости Ма, не поверив своим ушам.

— Да. Так будет полезнее для дела.

— Я побеждаю! Отступление подобно смерти. Нет, нет! Это не укладывается у меня в голове. Не лезьте в мои дела! Если... — Ему хотелось сказать: «Если будете вмешиваться, я порву с вами», — но он не решился.

— Вы не откажетесь от нас и, кроме нас, не найдете подходящего союзника, — уверенно заявил Сато. — Японская винтовка в ваших руках стала известна всему миру.

Ма Чжунин промолчал. В этот момент он искренне сожалел, что связался с японцами. Стать марионеткой у них в руках?.. Нет, нет и нет!.. Но было уже поздно что-либо менять.

— Наш первоначальный план сохраняется, — вновь заговорил Сато после продолжительного молчания. — Мы отступили лишь на шаг назад.

— Но почему же?..

— Шэн Шицай собрал большие силы. Сейчас вам его не одолеть.

Нужно набрать новых солдат, обучить их. Мы поможем вам подготовить армию, а за это время Шэн Шицай обескровит себя в схватках с Ходжаниязом, с повстанцами Кашгара и Хотана.

— Но если я покину Синьцзян... Смогу ли я вновь появиться здесь?

— Мы подумали об этом. Вы оставите Ма Шимина и Ма Хусяна. Они поднимут местных дунган, организуют партизанское движение и подготовят почву для вашего возвращения. Надеюсь, теперь все ясно?

— Ясно.

— Выступить против Ходжанияза сейчас нельзя. Но Пазыла пора убрать. — Сато уже не довольствовался ролью советника — он распоряжался.

Ма Чжунин сдерживал себя: «Ладно, пусть пока будет по-твоему...»

Ма Чжунин пригласил Ходжанияза лишь после того, как были завершены последние приготовления. Простодушный Гази-ходжа, отовсюду принимавший хвалу и поздравления, еще ликовал по поводу одержанной победы, ничего не зная о замыслах дунганина. Когда Ма Чжунин, который не показывался три дня якобы по нездоровью, прислал приглашение прибыть к нему этой ночью, то отправившиеся в путь Ходжанияз, Пазыл и Сопакун решили, что оно связано с ухудшением его состояния.

— Ой-ой!.. Что же это? — удивился Ходжанияз при въезде в городок, который занимали войска Ма Чжунина.

Дунгане уже сидели в седлах, верблюды и мулы были нагружены.

— Э-э... Вчерашние боевые части превратились в торговый караван, — усмехнулся Пазыл.

— Пожалуйста, входите, входите, Ходжа-ака! — радушно приветствовал их Ма Чжунин. Но из шатра уже были вынесены стулья, кровати, разговаривать пришлось стоя.

— Куда вы собрались, оням Га-сылин? — спросил Ходжанияз, глядя то на Ма Чжунина, то на Ма Шимина.

— В Цинхай, — коротко ответил Ма.

— Значит, с войной за ислам покончено? — улыбнулся Пазыл.

— Да! — холодно ответил Ма Чжунин.

— Что же заставило вас, уважаемый Га-сылин, бросить дело на полпути?

— Я, — ответил, побледнев, Ма Чжунин, — сторонник свободных действий. Никто не имеет права принуждать меня.

— Принуждать?.. Разве мы договорились обо всем не добровольно? —

Пазыл тоже побледнел. — И теперь, когда мы начинаем брать верх в борьбе, вы уходите, отступаете...

— Вы, Па-сяньшэн, не понимаете обстановки в Синьцзяне. С нашими силами достигнутого не удержать. Понимаете — не удержать.

— Ошибаетесь, Га-сылин! Возникнув из ничего, мы превратились в мощную силу, добились поддержки народа. Какие у вас основания не верить в наш успех?

— Я не считаю народ силой. Моя сила — оружие...

— Допустим, — перебил его Пазыл. — Но ведь у вас сейчас и оружия, и продовольствия вдоволь...

— Мне этого мало! — возразил сердито Ма Чжунин. — Пока не соберу армию, которая одним ударом покончит с Шэн Шицаем, в поход не выступлю!

— Если ты уйдешь, нас волк не съест, Га-сылин. Обидно только, что ты втоптал в грязь нашу веру и надежду! — горестно сказал Ходжанияз.

— Пойми, Ходжа-ака, иного выхода у меня нет... Ты старший брат, я — младший...

— Я верил тебе, но то, что ты поворачиваешь с полпути... — Борода Ходжанияза вздрагивала, выдавая его состояние.

— Я еще вернусь! И когда вернусь, нас никто не остановит до самого Кашгара, верь мне, Ходжа-ака!..

В шатре установилось тяжелое молчание. Полководцы расставались чуть ли не врагами. Их союз был искусственным, и он рухнул, как дом, построенный на песке.

— Ну что же, решил уезжать — не буду задерживать... — прервал молчание Ходжанияз. — У нас есть Поговорка: «Отведав соли, наплевал в солонку». Запомни ее, Га-сылин...

Эти слова иглой впились в сердце Ма Чжунина, он побледнел от злости и готов был дать решительный отпор, но стерпел, так как виноват был сам. Они холодно простились. В последних словах, которыми они обменялись, не было ни искренности, ни доверия.

После ухода Ма Чжунина Ходжанияз не находил себе места. Его мучило, что он дал себя так жестоко обмануть, не сумел отличить врага от друга. «Ну, погоди... Еще наступит час нашей встречи!» — скрипел он зубами и, как барс, заключенный в железную клетку, ходил из угла в угол. Ему не хотелось ни с кем встречаться, даже с Пазылом. Наконец Пазыл явился к нему сам.

— Пойдемте, Ходжа-ака, джигиты заждались. Нужно

посоветоваться...

— По-со-ве-то-ваться! — передразнил Ходжанияз. Его взгляд говорил: «Вся вина на мне. Чего со мной советоваться? Теперь я не имею права быть главою!» По крайней мере так показалось Пазылу.

Пазыл мягко улыбнулся:

— Как говорят, отбросим старое, начнем с нового. Пойдемте.

Он чуть не силой увел Ходжанияза в комнату, где ждали Моллахун, Сопакун, Асылкан, монгол Бато и другие джигиты.

— С одной стороны, — сказал Пазыл, когда все расселись, — уход Ма Чжунина для нас полезен. Он корыстный человек и когда-нибудь все равно бы отвернулся от нас или даже нанес удар в спину. Поэтому не нужно сожалеть о нем.

— Никто не сожалеет о нем, горько, что он обвел нас вокруг пальца, как малых детей! — вздохнул Ходжанияз.

— «Своя телка лучше неподделенной коровы», — говорят в народе, Ходжа-ака, — вмешался в разговор погонщик верблюдов Моллахун. — Теперь мы сами дружно примемся за дело.

— Нас вначале было семеро, а теперь вон сколько — около двух тысяч бойцов. За ними, как скала, стоит народ, чего же нам бояться, братья!

— Вот это верно! — поддержал Пазыла Моллахун. — А то с уходом Ма Чжунина некоторые повесили нос...

— Да, — подтвердил Асылкан, — говорят даже такое: «Ма Чжунин бежал, услышав, что Шэн Шицай идет с большим войском», «Ходжанияз остался один и тоже побежит, бросив оружие...»

— Кто это разносит такие слухи? — прервал Асылкана Ходжанияз. — Язык надо вырвать у таких людей!

— Это провокации гоминьдановских шпионов. С завтрашнего дня нужно разъяснить народу положение дел, — предложил Пазыл. Он заговорил о новом подъеме народного движения, к этому нужно быть готовыми, чтобы организовать и повести народ за собою...

— Допускать стихийность и неорганизованность — преступление. Ма Чжунин помешал нам создать единый центр по руководству восстанием, но теперь мы можем и должны это сделать. Медлить дальше нельзя.

— Правильно, — поддержал его Моллахун, многое повидавший на своем веку. — Даже в семье имеется глава. А это не семья, а большое дело. Нам необходима организованность.

— Согласен, — подтвердил Ходжанияз. — Стрелять куда легче, чем руководить.

Пазыла поддержали все. В этот день был создан руководящий центр

во главе с Ходжаниязом. Пазыла назначили советником, Моллахуна — начальником снабжения, Сопахуна — командующим войсками. Асылкан и Бато стали его помощниками. По предложению Ходжанияза, Хатипахун был назначен войсковым муфтием.

Глава четырнадцатая

1

Заман проснулся рано, полежал немного, слушая пение соловья, а потом вскочил, оделся и вышел из комнаты. Мать уже успела прибраться во дворе и поливала цветничок с розами.

— Ты что же поднялся в такую рань? — спросила она.

— Соловей разбудил, мама, — ответил Заман, кивнув на куст цветущей сирени, похожий на клубы густого тумана. Там поселился соловей.

— Этот соловушка, сынок, не покинул нас и после твоего отъезда... Куда это ты направляешься?

— Пойду пройду, мама.

— О-э? Приехал, а дня не посидишь дома. Совсем сделался чужим...

— Что ты, мама! Кроме вас, у меня никого нет.

— Побудь дома, младшие так тосковали по тебе, а ты...

— Больше я никуда не поеду, — начал он успокаивать мать, — хватит мне служить у баев на побегушках.

— Правильно, сынок. Когда не было тебя дома, я ночей не спала, молилась богу... — Мать утерла рукавом глаза.

— Ну вот, опять... Не надо, мама.

Заман, как в детстве, прильнул головой к ее груди. Мать нежно погладила сына по голове, постепенно успокаиваясь.

— Свет очей моих, сынок мой, — шептала она.

— Мама, — проговорил Заман, осторожно высвобождаясь из ее объятий, — я скоро вернусь. Жди меня к чаю.

— Возвращайся быстрее, сынок. К твоему приходу я приготовлю завтрак. Посмотри, как красиво у нас в огороде! — мать показала на аккуратные грядки, за которыми всегда ухаживала сама.

— У тебя золотые руки, мама, — Заман улыбнулся. — В твоих руках и сухая травка зеленеет...

Он вышел на улицу. Дом, который снимала семья Замена, примыкал к большому плодовому саду бая Ван-кадыра, этот сад славился необыкновенным цветником.

Заман, с наслаждением вдыхая густой аромат, вошел в сад. Старый цветовод Сулейман занимался поливкой.

— Пусть не знает печали ваше сердце! — приветствовал своего давнего знакомого Заман, подойдя к арыку.

— Ты посмотри! — Сулейман пополоскал кетмень в воде. — Совсем мужчиной стал.

— Таков закон природы!

— Не знаю, какой уж там у природы закон, дружок, — отвечал цветовод, — знаю только, что тебя вырастили молитвы твоей матери и ее руки. Если не взрыхлить землю вокруг цветка да не полить его вовремя, засохнет. А ты? Как бы ты вырос без материнской заботы и любви?

— Не спорю, дядюшка.

— Теперь ты должен кормить мать, ухаживать за нею. Иначе зачем растить детей?

— Что это за цветок так пышно распустился? — переменял разговор Заман.

— Ученые вы люди, все знаете — как писать, как читать, а язык цветов для вас непонятен. Какой запах у него, вот посмотри. — Старик, осторожно шагнув через грядки, срезал цветок. — Понюхай, никакие духи с ним не сравнятся!

— Спасибо, дядя Сулейман! — поблагодарил Заман.

— Этот из первых весенних цветов. А те, что раскрываются к осени, пахнут еще сильнее. Почему, а?

Заман, слушая старика, смотрел на цветы, посаженные ровными рядами, и ему казалось, что он видит их впервые в жизни. Зеленые листья отливали бархатом, тут и там на концах стеблей уже красовались бутоны, испускавшие такой запах, что душа невольно тянулась к ним, а в сердце пробуждалось тревожное и сладкое чувство, подобное чувству любви. «Правы поэты, когда сравнивают красивых девушек с цветами», — подумал Заман.

— Вы настоящий чародей, дядя.

— Э, дорогой, каждый в своем деле должен быть чародеем. В старину говорили: «Лучше початок, чем бесполезная трава...» О-о! Пока мы болтаем, вода-то грядки размыла!

Сулейман, подцепив кетменем пласт дерна, так метко швырнул его в размытое место, что Заман изумился:

— Ловко же у вас это получается!

— Думаешь, свою бороду я выкрасил? Она побелела от работы с кетменем, сынок, У кого слабая поясница, тому лучше за кетмень не браться. Ты все еще работаешь у бая?..

— Да.

— Наверное, немного поправил свои дела, а?.. Хотя у бая лишнюю монетку не вырвать. Вот я уже тридцать лет работаю в этом саду, но к халату халат не прибавляется.

— Душа спокойна, и на том спасибо. Растите цветы, ухаживаете за садом — что может быть лучше?

— В саду, около цветов, душе действительно спокойно, да ведь уши-то слышат...

— Что слышат?

— Не хитри, — обиделся Сулейман, — ты все знаешь, зачем со мной хитришь?

— Вы говорите о кумульских событиях?

— А о чем же еще? Сам видишь — цены растут, баи прячут свои богатства. Что будет завтра-послезавтра?

— Это забота баев...

— Нет, сынок. В таких случаях все беды сыплются на головы бедняков.

— Может, кумульцы для того и восстали, чтобы избавиться от этих бед?

— Чего не знаю, того не знаю.

— А не стыдно нам, дядя, сидеть сложа руки, когда поднялись кумульцы? — продолжал Заман.

— Разве это очередь к столу с угощением?.. Куда спешить? Да и кто знает, как идут дела у кумульцев?

— Наверное, плохо стоять в стороне, когда они хотят освободить всех нас, мусульман.

— Ты оставь мусульманство... Мусульмане, сынок, вместе держатся только в мечети, а выйдут — и у каждого против другого нож.

— Не говорите так, дядя Сулейман. Есть разные люди...

— Э, пустой все это разговор... — Сулейман вскинул кетмень на плечо и, вздохнув, добавил: — Будем жить, как все живут.

«Как все... — повторил про себя Заман, шагая домой. — Значит, нужно всех раскачать, поднять...»

За маленьким столиком собралась вся шумная семья, и мать, или, как ее звали соседи, тетушка Раушанхан, совсем расцвела. Заман с

удовольствием ел поря — свежие, только что испеченные слоеные лепешки с зеленью, запивая их соленым чаем с молоком.

— Бери, бери, сынок, ты ведь в детстве так любил поря, — придвигала мать к нему поближе румяные лепешки.

— Еще! Еще, ака, — подталкивали Замана сидевшие по обе стороны брат Азиз и сестренка Азиза.

— Я скоро лопну, если буду слушать вас, — рассмеялся Заман, но, уступая уговорам младших, положил себе еще одно поря.

— Когда ты уезжаешь, ака, мама каждый день...

— Хватит! — перебил сестренку Азиз, считавший себя по сравнению с нею взрослым.

— Ты командуешь, как глава семьи! — погладил брата по голове Заман.

— Ака, знаешь, он...

— Говорю тебе — хватит! — опять покосился Азиз.

— Ты, кажется, братец, и в самом деле держишь себя так, будто много старше сестренки. Так нельзя, скажу я тебе.

— Вечно они спорят, — вмешалась мать. — Чай уже остыл, выпей. Работает он ничего, но вот насчет шалостей...

— Что ты работаешь, хорошо, братец, а шалить надо в меру. Главное, давай не будем обижать единственную сестренку! — Заман по-отцовски похлопал Азиза по плечам и нежно погладил мелко заплетенные косички Азизы.

— О аллах, пусть дети мои растут здоровыми! Пусть наша жизнь пройдет так же хорошо и шумно, как сегодня, — вздохнула мать.

Застольную беседу прервал громкий стук в ворота.

— Опять, наверное, твои дружки, сынок! Не дадут даже спокойно поговорить...

Заман пошел к воротам. Вернулся он с совсем незнакомым человеком. Мать, проводив гостя и Замана в комнату, оставила их вдвоем.

— Салам от Пазыла-афанди, — проговорил гость, едва за ней закрылась дверь.

— Какого Пазыла-афанди?

Гость показал условный знак.

Заман не скрывал своей радости.

— Давайте знакомиться! Как вас зовут?

— Салим. Сам я из Турфана, — ответил Салим-каска. Он начисто сбрил бороду, был одет по-кульджински — штаны и бешмет из вельвета, на голове тубетейка, на ногах сапоги с длинными голенищами.

— Как вы нашли наш дом? Когда приехали?

— Приехал вчера вечером. Ваш дом нашел легко — по рассказу Пазыла-ака. Я из тех, что вырастают из-под земли...

Предупреждая вопросы Замана, гость рассказал о положении дел у повстанцев, об их успехах, а потом, распоров подкладку бешмета, достал письмо Пазыла. Заман прочел:

«...Борьба перешла во вторую стадию. Раньше мы не всегда шли по прямой, допускали ошибки. Раскрыться нашим глазам помогли враги. Мы стали бдительны. Теперь у нас достаточно сил для борьбы. Народ бурлит, как река, не вмещающаяся в берега. Если направить всю ее мощь в единое русло, мы сможем одолеть врага.

Необходимо, не упуская момента, повсюду поднимать народ, организовать его. Глаза и уши мои обращены к вам. Когда зажжете пламя восстания? Время пришло, еще раз повторяю — время пришло...»

В конце письма Пазыл рассказывал о предательстве Ма Чжунина. Заман вспомнил слова Пазыла, сказанные во время встречи на дороге из Цзяюйгуаня в Кумул: «Нелегко найти бескорыстного союзника... Лучше всего опереться на собственные силы...»

«Он был прав», — подумал Заман.

— Вы где остановились? — спросил он Салима.

— В хотанском караван-сараяе.

— Хм... Там не очень удобно. — Заман немного подумал и добавил:
— Приходите к нам вечером.

— Хорошо, — ответил Салим, поднимаясь.

— Посидите немного, чайку попьем.

— Угостите, когда придет время...

Проводив Салима, Заман поспешил к Лопяну поделиться новостью.

Его путь лежал через шумный базар. Уже гостеприимно открыли свои двери столовые и чайханы, зазвучали призывные крики шашлычников, начали торговлю хозяева ларьков, где продавались одежда, ткани, всякая утварь, наперебой предлагали свой товар ремесленники, — словом, базар

кипел. Судьбы базарных завсегдатаев, целиком ушедших в каждодневные заботы жизни, были связаны в одно целое невидимыми нитями. Эти люди, кто как мог, боролись за жизнь: сильный брал верх над слабым, умный обманывал глупого, ловкач простака. Тех, кто упускал птицу своего счастья, безжалостно втоптывали в серую пыль. Кто, когда и для чего обреч на все это род человеческий? На такой вопрос никто не мог ответить, все лишь проклинали свою судьбу, и этим дело кончалось...

Заману базар был знаком с детства, но все-таки каждый раз он открывал здесь что-то новое. Несколько лет назад он бегал сюда, чтобы продать сшитые отцом тапочки, и на вырученную мелочь покупал у пекарей хлеб, в деревянной будке мясника — мясо, у зеленщиков — овощи. Если хватало денег, покупал еще арбуз или дыню. И сейчас все эти мелкие торговцы привычно сидели в своем тесном ряду. Все как будто то же и не то — во внешнем виде базара что-то показалось ему необычным. «Эх, Кульджа, родная моя Кульджа! — зашептал Заман, окидывая взглядом базар. — Есть ли на земле другой такой изобильный город?»

А в толпе продвигалось несколько вооруженных солдат. За ними следовало около десятка пароконных арб на высоких колесах. «Эти изверги опять забрали у кого-то урожай, — догадался Заман. — Если бы не они, как вольготно жилось бы народу... Не пришлось бы изнывать под зноем с утра до вечера этой старушке с рукодельем, сидящей на корточках, или вон тому сапожнику, или дунганину, что чинит разбитую посуду... Ничего, скоро настанут дни, и мы навсегда сбросим ненавистное иго!»

— Шагай полегче, чего людей давишь? — остановил Замана его близкий друг Зикри. — Куда торопишься?

— Есть срочное дело!

— Вай-вуй... Что-то ты забегался, приехав из Шанхая, дружище! Думаешь, мы не замечаем?

— Ну хорошо, если заметил...

Их разговор прервали звуки бубна и барабанов. За двумя барабанщиками в плотной толпе продвигались шесть-семь вооруженных всадников. У центра базарной площади они остановились. Все повернулись к ним, потому что обычно в таких случаях сообщали что-нибудь важное от имени губернатора.

— Люди! — закричал глашатай, развернув над головой большой лист красной бумаги. — В этом приказе, на котором стоит печать господина председателя Цзинь Шужэня, написано о большой радости...

Толпа силилась разглядеть печать и непонятные китайские иероглифы.

— Узоры печати похожи на стенку китайской веранды, — сострил Зикри, стоявшие рядом с ним засмеялись.

— Войска председателя Цзиня изгнали с территории Синьцзяна разбойника и грабителя Ма Чжунина... — продолжал глашатай.

— Вот так новость! — заговорили в толпе. Но лица большинства выражали плохо скрытое недоверие: «Кто знает, правда ли это...»

— А вы, — продолжал глашатай, — не отвлекайтесь от своих дел, спокойно работайте... — Он немного передохнул. — В ближайшие дни будет пойман и повешен нарушитель спокойствия Ходжанияз...

— Люди! Не верьте этому лжецу! — подал голос Заман.

— Кто это? Держите смутьяна! — крикнул глашатай.

Пока солдаты, расталкивая народ, пробирались к Заману, он вместе с Зикри скрылся. Никто и не подумал выдавать их. На площади стоял невообразимый гул, и что кричал глашатай, никто, кроме его самого, не слышал.

— Надо же быть осторожней! — укорил друга Зикри, когда они выбрались из толпы.

— Пожалуй, мы и так слишком осторожны! Сам видишь, до чего докатились — и все из-за осторожности!..

— Надо знать, где что говорить!

— Ладно, мы еще потолкуем, а сейчас я спешу...

Лопян только что получил телеграмму: товарищи просили его выехать в Урумчи. Он не знал, чем вызвана эта просьба, терялся в догадках. «Возможно, — думал он, — придется остаться там работать... Тогда на кого здесь оставить дела? Почему не сообщили всего?» В этот момент и появился Заман.

— От Пазыла-ака пришел человек...

— Постой, постой, у меня тоже был гость...

— От Пазыла? — удивился Заман.

— Утром пришел, вначале попросил лекарство, потом заговорил о Пазыле. Я выгнал его, заявил, что не знаю никакого Пазыла.

— А как он выглядит? — побледнел Заман.

— Низенький, толстенный, глаза косые...

— Нет, не он! У меня был молодой, стройный джигит. Он показал условные знаки. Вот письмо, написанное самим Пазылом-ака.

— Выходит, гомиьндановские шпионы напали на мой след. Что же он пишет?

Заман изложил по-китайски содержание письма.

— Ма Чжунин рано или поздно должен был предать, — сказал

Лопян. — Вопрос только — что за причина толкнула его на это теперь? Письмо Пазыла молчит об этом.

— Зато гомиьндановцы говорят: «Ма Чжунин бежал, и в ближайшие дни мы покончим с Ходжаниязом». — Заман рассказал о происшествии на базаре.

— Гомиьндановская пропаганда, конечно, не упустит такой случай.

— А мы будем сидеть сложа руки?

Лопян достал из шкафа написанную по-китайски листовку:

— Нужно перевести, размножить и распространить.

— До каких пор мы будем переписывать бумажки? Ведь Пазыл-ака приказывает немедленно подняться! — запротестовал Заман, беря листовку. — Или так и будем ждать, когда кумульцы придут в Кульджу? Пора братья за оружие!

— По-твоему, надо восставать сегодня же? Нет, Заман, мы еще не готовы. Ошибка Пазыла в том, что он не создал руководящий центр заблаговременно, перед восстанием. Поэтому не получилось согласованных действий, народные выступления разрозненны, не объединены в одно целое. Пока не поздно, необходимо исправить эту ошибку...

Заман вышел от Лопяна раздосадованный. Хотя у китайца была своя логика, горячее сердце Замана рвалось в бой. «Кажется, и Лопян любит только болтать и тянуть время... Может, уехать к Пазылу-ака?.. А если он спросит: „Что, в Кульдже ничего не смогли сделать?“ — что я отвечу ему?..»

Весь во власти размышлений, Заман не заметил, как пришел к Касымджану, своему приятелю, жившему за счет выручки от продажи различной мелкой утвари деревенским баям.

Муэдзин самой большой в Кульдже Дян-мечети поднялся, пыхтя и отдуваясь, на минарет. За то ли, что его красная толстая шея напоминала бычью, или за то, что голос у него был как рев у быка, люди прозвали его «Муэдзин-бык». Едва он прокричал первый раз призыв к молитве, как вслед за ним, подобно петухам, закричали муэдзины других мечетей.

В это предрассветное время около мечетей и в мечетях сновали какие-то люди в чалмах, расклеивали на стенах листки, раскладывали их на мимбарах — кафедрах для проповедников — и на ковриках для молящихся. Потом эти люди исчезли. Вскоре, еще в предутреннем сумраке, мечети заполнились верующими.

По завершении утренней молитвы имам, поднявшись на мимбар,

сказал:

— Люди, сегодня хадис шарипэ — священное предание — прочитано не будет. Вместо этого представитель его превосходительства огласит нам письмо господина губернатора.

— Имам-ахун, — спросил кто-то с места, — когда мы делали поклоны, наши лбы касались бумаги. Что означает это?

— Да, да, что это? — раздался голоса.

Сначала, пока в темноте светились всего две свечи у кафедры, листов никто не заметил. Теперь же, когда рассвело, все увидели их перед собой. Имам сам взял в руки листок с кафедры.

— Какой неверный мог сделать это?! — воскликнул он.

— Во время молитвы мы прикасались лбами к бумаге, написанной неверными! — ужаснулся Муэдзин-бык.

В мечети поднялся переполох.

— Давайте прочтем, что там написано! — крикнул кто-то.

Грамотные уже успели прочесть листовку и пересказывали кратко ее содержание неграмотным:

«Не будем сидеть сложа руки, братья! Скоро Гази-ходжа появится под небом Или. Громите гомиьндановцев!»

В мечети поднялся шум, порядок нарушился, ничего нельзя было разобрать. Представитель губернатора оказался в глупом положении. Он присоединился к имаму и муэдзину, собиравшим листовки. А народ, выйдя во двор, толпился у листов, наклеенных на стены...

Подобные картины наблюдались и в других мечетях, на базаре, всюду, где собирался народ.

Глава пятнадцатая

1

Громадный кирпичный дом под железной кровлей вместе с прилегающим к нему садом в городе называли «большим двором Юнуса-байваччи». Улицу перед этим великолепным зданием всегда чисто подметали и поливали водой. Однако прохожие обычно недоуменно пожимали плечами: дом, казалось, пустовал — его окна почти всегда были закрыты, и из-за них не доносилось на улицу никаких звуков.

Через калитку в воротах Заман вошел во двор.

— Вас просили пройти в контору, — сказал привратник и тут же запер ворота на большой замок.

Контора, большая комната, примыкавшая к жилым помещениям, освещалась висевшей под потолком пятидесятилинейной лампой. На столе, на видном месте, лежала записка, написанная рукой Юнуса:

«Немедленно отправь телеграммы!»

Телеграмм было четыре. Одна — приказчику в Шанхай, чтобы пока не отправлял в Синьцзян караваны с товаром. («Значит, испугался кумульцев... А ведь вчера только хвастался!») Две другие — в Кашгар и Хотан, там приказчикам предписывалось закупать и хранить местные шелка, ткани и ковры. («Вот навозный жук! Подгребают под себя товары, чтобы потом взвинтить цены на них...») Четвертая телеграмма была написана по-китайски и адресована Шэн Шицаю. Она особенно заинтересовала Замана. Отыскав в словаре значения незнакомых иероглифов, он несколько раз повторил про себя неожиданное ее содержание: «Дела идут хорошо». («Странно. Что значат эти слова? Или этого шайтана и с Шэн Шицаем связывают торговые дела? Но тогда бы я знал об этом. Нет, здесь что-то другое...»)

Собрав телеграммы, Заман хотел было выйти, но оказалось, что входная дверь закрыта снаружи.

— Кто там? Откройте дверь! — крикнул Заман.

— Хи-хи-хи...

— Кто там? Довольно! Я тороплюсь!

— Не открою. Сегодня вы мой пленник...

Заман понял, кто сыграл с ним шутку, и от удивления замер на месте. И лишь немного спустя сказал:

— Если я не исполню вовремя поручения вашего отца, будет нехорошо. Откройте же, Халидам...

— Выходите через боковую дверь!

— Боковую дверь?.. — Заман удивился: она вела в женскую половину дома.

— Не бойтесь. Дома никого нет, все в саду. А бабушка уснула. — Халидам, звеня украшениями, удалилась.

«Вдруг меня кто-то увидит? Позор... Или она разыгрывает меня?» Но делать было нечего, он приоткрыл боковую дверь, вошел и увидел через противоположную дверь в зеркале большой гостиной стройную девушку.

Заман попятился.

— Стыдно... ой, стыдно, — раздался дразнящий голос Халидам, — джигит убегает от девушки! — Она вышла из гостиной к Заману.

Заман ничего не ответил — засмотрелся. Раньше ему приходилось видеть Халидам несколько раз мельком, но вот так, лицом к лицу, он столкнулся с ней впервые.

— Что ж вы молчите? Ну-ка, скажите, похожа я на шанхайских девушек?

Тонкими, стройными руками она уперлась в гибкий, нежный стан и быстро повернулась, отчего мелкие косички на мгновение разлетелись в стороны вокруг головы, напомнив Заману лепестки невиданного яркого цветка. Ее большие красивые глаза стали вдруг грустными, но она тут же звонко рассмеялась. От ее сияющего личика и затененных ресницами глаз, над которыми изгибались тонкие брови, веяло безмятежной радостью. Стройный стан, обтянутый черным бархатом, три ряда бус на белоснежной шее, серьги с рубиновыми искорками и тюбетейка, вышитая золочеными нитками... Заман окончательно растерялся:

— Не знаю, — что и сказать... Вы как...

— Ха-ха-ха! — Халидам подошла к Заману. — Мне говорили, что вы разговорчивый. Отчего же язык проглотили?

— Увидел вас...

— Что вы рассматриваете на полу? Или я вам не нравлюсь? — Она взяла его за руки.

Горячая кровь прихлынула к сердцу Замана, оно забилось быстро-быстро, — казалось, вот-вот вырвется. «Байские дочери любят пококетничать», — решил Заман, и волнение его улеглось.

— Заман! — Девушка взяла его за руки, заглянула в глаза. — Заберите меня отсюда.

— А если узнает ваш отец?..

— Кроме вас, никого мне не нужно...

— Я же нищий по сравнению с вами, Халидам.

— Пусть... Я не променяю вас даже на шаха...

— Подумайте хорошенько, Халидам. Вы девушка... Как бы не...

— Я ведь говорю — не боюсь ничего. Или я вам не нравлюсь?

— Как можете вы не нравиться?..

— Заман мой... — Девушка приникла к нему, обняв за шею.

Опьяненный ароматом ее волос и каким-то неведомым, непонятным ощущением, Заман не смог сдерживать свои чувства...

В Кульдже, славной своими садами, самым большим и самым красивым был сад Юнуса-байваччи. Он растянулся почти на полмахалли Айдо в южной части города. В нем росли кашгарский инжир, яркендская джида, турфанский виноград, хотанские персики, аксуские гранаты, кучарский урюк и даже алма-атинский апорт. В центре сада возвышалась рядом с бассейном стеклянная беседка, ее сверкающие радугой грани отражались в голубой прохладной воде, и в солнечный день трудно было оторвать взор от этих нежных переливов. Вокруг бассейна цвели куньминские ирисы и самаркандские тюльпаны.

Наиболее известные сады имели собственные имена: Гульшан-баг — Сад-цветник, Долят-баг — Сад богатства, Хяря-баг — Пчелиный сад. Не был исключением и сад Юнуса, его называли Рахат-баг — Сад наслаждения. Но если другие сады — туда пускали всех желающих — становились иногда местами народных гуляний, то в сад Юнуса доступ был закрыт, Рахат-баг не приносил радости никому, кроме хозяина и его друзей. Сам Юнус с наступлением весны дневал и ночевал в саду.

Не изменил он своему обыкновению и в этот вечер, вместе с несколькими приятелями блаженствуя в Рахат-баге. Отблески светившихся в стеклянной беседке цветных китайских фонарей падали на цветы, воду, деревья, придавая им сказочный вид. Извечные спутники цветов соловьи наполняли вечернюю тишину своими трелями.

Заман, войдя в сад, направился к беседке по аллее японских елей. Приблизившись, он услышал слова Юнуса:

— Подождите, Садык-афанди, вы не улавливаете сущности вопроса.

Заман заглянул в беседку. Несколько человек полулежали на ковре, опираясь на пуховые подушки, четверо сидели за покрытым белой скатертью столом. Кипел самовар, громоздились разнообразные бутылки со всяческими винами и напитками, блюда с печеньем, фруктами и сладостями. Слуга разливал чай. Среди сидевших Заман узнал Муталлиба-байваччу.

— Вы, — отвечал Юнусу Садык-афанди, небрежно играя галстучным зажимом с бриллиантовым глазком, — кроме Китая, ничего не видели и потому так превозносите китайскую культуру. А я побывал в Европе, учился в Стамбуле и заявляю, что перед лицом европейской, а в особенности турецкой цивилизации о культуре одурманенных опиумом китайцев и говорить нечего.

— Но нельзя же, Садык-афанди, так пренебрежительно сбрасывать со счета китайцев, имеющих пятитысячелетнюю культуру! — возразил Юнус, хрустя по привычке пальцами.

— Их культура — это стародавнее прошлое. Китайцы не ушли далеко от него. Промышленные города Китая, которые вы видели, созданы капиталом и техникой иностранцев. Наполеон говорил: «Не надо будить китайцев — пусть спят», — а я добавлю: и пусть курят свой опиум.

— Что толку, — подал голос Муталлиб-байвачча, — восхвалять одних и охаивать других? Мы должны перенимать хорошее у всех и улучшать свое положение. Что у нас есть, чем мы можем гордиться? Тем, что верим в заклинания, играем в карты, отдыхаем на джайляу, едим, пьем и, разбогатев, обзаводимся женами?

Спорщики умолкли. «Муталлиб-байвачча мыслит более ясно и точно, чем они», — подумал Заман.

— Зачем мы ищем разногласий друг с другом, — опять заговорил Юнус, — если находятся люди, объявляющие нас национальными предателями вот в этих листовках! — Он вытянул из кармана несколько листков и протянул сидевшим. «О! Значит, пуля попала в цель!» — обрадовался Заман.

— Я читал, все это болтовня младенцев. — Байвачча, о котором говорили, что он недавно вернулся после обучения из Германии, презрительно отшвырнул листок. — Кумульцы сами не могут избавиться от своих вонючих шуб, а туда же — хотят освободить нас!

— Это напоминает мышь, которая щекочет хвост коту, — угодливо рассмеялся кто-то.

— А сами вы что делаете для своего народа? — спросил Муталлиб.

— Не стали ли вы, дорогой мой, поклонником Ходжанияза? — воззрился на Муталлиба Юнус.

Муталлиб собрался ответить, но его опередил Садык:

— Лишь когда из уйгуров, узбеков, казахов, татар сформируется единая тюркская нация с единой культурой, вот тогда можно будет ставить вопрос о самостоятельности. А до той поры любого человека, мечтающего изменить общество, нужно отправлять в сумасшедший дом! — Он налил в стакан пива и выпил.

«Вот ты и есть первый враг своего народа!» — чуть не крикнул Заман.

— Всех, кто не согласен с политикой правительства, надо заносить в черные списки! — зло прокричал Юнус.

— Да бросьте вы, вместо того чтоб веселиться, ударились в политику!.. — вмешался кто-то, разливая по рюмкам водку.

Заман вошел в беседку и почтительно поздоровался.

— Где вы ходите? Я с самого утра не мог найти вас! — насупил брови Юнус.

— Никуда не уходил, байвачча.

— Поручения выполнены?

— Да.

— Хватит деловых разговоров, байвачча. Бедняга и так бледен, видимо, устал, — вмешался Муталиб, всегда благоволивший к Заману. Он притянул Замана за руку и усадил рядом с собою. — Как ваши дела? Вы совсем забыли обо мне...

— Простите. Я не успел навестить вас, — смутился Заман.

— Кто это? — спросил Садык у Юнуса, нисколько не стесняясь присутствия Замана.

— Мой секретарь.

— Других поручений нет, байвачча? — спросил Заман.

— Нет.

— Погодите, не торопитесь, — важно поднял руку Садык. — Как вас зовут?

— Заман.

— Заман? — в удивлении вскинул брови Садык. — Вы взяли себе в имя слово с огромным значением — эпоха, целая эпоха, джигит, а!

— Так он же в Союзе родился! — иронически пояснил Юнус.

— Да ну? — еще более удивился Садык. — А я учился в Стамбуле... Вон тот, что закинул ногу на ногу, — в Берлине. Хотелось бы потолковать с вами.

— Будет время — я не откажусь.

— Чистый воздух, прекрасный сад, близкие душе люди — что еще нужно для беседы? Вы расскажете про Советы, а мы — про то, что видели, и сравним, а?

— Во-первых, — мягко уклонился Заман, — сейчас нет необходимости в таком сравнении, а во-вторых, разве это к месту?

— А ваш секретарь, кажется, не простак, Юнус-байвачча, — ухмыльнулся Садык и, достав турецкую сигарету, предложил Заману.

— Спасибо, я не курю.

— А как насчет спиртного?

— Пью лишь кумыс.

— Налейте ему кумысу! — приказал Садык. — Садитесь, а то ноги устанут.

— Спасибо. — Заман принял в руки большую чашу: кумыса.

— Мы тут разошлись во мнениях, — начал Садык. — Юнус-байвачча видит в кумульских событиях простой разбой. А я другого-мнения: считаю, что этот бунт может перерасти в народное восстание. А как вы думаете, Заман?

— Не знаю, что и сказать... — Заман кинул быстрый взгляд на Муталлиба, тот ободряюще кивнул головой.

— Послушайте, Заман, — придвинулся ближе Садык. — Я учился в Стамбуле, но знаю и русский язык, интересовался русской литературой. Возможно, мы с вами окажемся единомышленниками. Джигит, учившийся в Германии, и по характеру близок к немцам. Он задумал создать «Германо-синьцзянскую нефтяную компанию» и стать ее пайщиком. Насчет Муталлиба говорить нечего — вы сами его знаете... Он смотрит на мир открытыми глазами. И сказать может лучше нас. Турди-ака думает об одном: была бы удачная торговля да сытная пища. Остальные бездельники — хамелеоны: какого цвета мы, такого и они. А вот у вас, мне кажется, должен быть какой-то иной, свой взгляд на жизнь. Выскажите его. В наше время Кульджа становится местом, где люди могут позволить себе иметь различные точки зрения...

— Садык-афанди, вы что-то чересчур разливааетесь перед этим юношей! — Взгляд Юнуса будто выгонял Замана вон из беседки.

— Не коситесь, Юнус-байвачча. Мы живем в эпоху, когда именно такие молодые люди могут сказать многое, — Садык положил руку на плечо Замана. — Говорите, не стесняйтесь.

Заман задумался. В свое время Пазыл внушил ему, что среди кульджинской интеллигенции можно найти союзников, однако необходимо сохранять осторожность. «Смотри не переборщи!» — предупреждал Пазыл.

— Я не в силах ответить на такой сложный вопрос...

— Не смущайтесь, Заман, — ободрил Муталлиб. — Раз Садык-афанди сам пожелал узнать ваше мнение — смелей. Мы всегда вместо практических действий занимаемся тем, что вот так разглагольствуем попусту.

— Ну и мастер же вы язвить, Муталлиб! — Юнус почему-то принял упрек в свой адрес.

— Если вы хотите знать мое мнение, афандим, — решительно заговорил Заман, вспомнив при этом свою беседу с цветоводом дядей Сулейманом, — я за большинство. Куда пойдет основная масса, на той дороге буду и я.

— Хм... — промычал Садык, будто у него внезапно разболелись зубы.

Он сделал гримасу и отвернулся.

И тут, словно в поддержку Замана, опять запели соловьи. Афанди, обучавшийся в Берлине, улыбнулся и потянулся за шампанским. Муталлиб покрутил усы, а юнусовские прихлебатели многозначительно переглянулись.

— Кто же оно, это твое большинство? — перешел на «ты» побледневший Юнус, устремив взгляд на Замана. — Ты, кажется, считаешь большинством этих дикарей, этих бандитов! — Ему хотелось закричать: «Вон отсюда!» Но он сдерживался перед гостями и потому тихо произнес: — Иди занимайся своими делами!

— Поговорим позже! — бросил вдогонку Заману Садык.

— Я не против! — донесся из темноты сада голос Замана.

3

И жизнь, и душу, и все помыслы свои Заман готов был отдать народному делу, поэтому ничто не связывало его с Юнусом, Садыком и их приятелями. Однако Заман не умел еще отстаивать свои взгляды в борьбе с такими людьми, не знал, как смотреть на них — как на временных союзников, от которых можно ждать хоть какой-то помощи, или как на врагов, с которыми нужно вести решительную борьбу. В душе он все-таки надеялся, и не без влияния Пазыла, что национальные баи могут содействовать свержению гомиьндановской власти. Однако сегодняшний разговор в саду поколебал эти слабые надежды. Заман начал понимать весь вред узконационального мировоззрения. «Юнус, Садык и подобные им будут только препятствием на нашем пути, — размышлял Заман. — Хорошего от них ждать нечего. Но неужели мысль Пазыла о „единстве сил“ ошибочна? Или он брал в расчет лишь таких, как Муталлиб?».

— Что-то вы запоздали, мой ходжа... Или байвачча проявил к вам благосклонность? — спросил Рози, ждавший его за садом с парой оседланных коней. — Я тоже был у брата, повара, и хорошо набил желудок.

— Потом расскажу. А почему хурджун стал таким большим, Рози-ака?

— Я прихватил кое-чего. Ведь не с пустыми руками спускаться к реке. Если ребята заворчат, что мы опоздали, заткнем им рты хурджуном.

— А то, о чем я говорил, спрятали?

— Будьте спокойны, ходжа, в надежном месте. Вы что, первый раз со мной?

— Поехали. — Заман взобрался на коня.

Они двинулись в сторону Или. Кони трусили мелкой рысцой, выстукивая копытами какой-то бодрый ритм, и в такт ему пела в душе Замана радостная мелодия. В сердце его трепетала любовь, и он прислушивался к ней, мечтая о будущем. Грезилось, что именно к этому счастью несет его конь, и прохладное дуновение ветерка воспринималось как ласковое прикосновение к лицу нежных рук Халидам...

Наконец всадники достигли невысокого холма на берегу реки, поросшего джидой. Вправо и влево от холма яркими звездочками горели бесчисленные костры, возле которых беспорядочно и весело сновали люди. Невдалеке, в толпе у большого костра, двое танцоров пустились в «кульджинский санем». Они ударяют по земле локтями и коленками, а потом, быстро вскочив, подобно петухам, кружат вокруг костра. У другого костра танцоры под звуки бубна на мотив «Мякит санема» то приседают, то вскакивают, поводя всякий раз плечами. А когда в такт музыке раздается «хой-хой-хой!» или «хай-хай-хай!», они широко разбрасывают руки и плывут, будто чайки в море. Сколько костров, столько и веселящихся компаний. Многие при свете луны катаются по реке на лодках и тоже поют песни.

Проплыли по течению плоты. Костры на них, как звезды, отсвечивают в воде. Под всплески волн пронеслась грустная песня плотовщиков:

Вот и пришла большая вода,
Уносит она мой плот...
Милая осталась на берегу —
Слезы по мне льет.

Перед глазами Замана возник образ Халидам, и сердце юноши замерло. «Халидам, любимая моя! Увидеть бы тебя хоть во сне!» И ему почудилось, что сквозь песню плотовщиков прозвучал голос его милой: «Заман мой! Заман!» Заману захотелось повернуть коня, помчаться к возлюбленной...

— Кто идет? — послышался грубый окрик, и из зарослей джиды появились четыре солдата.

— О боже, ходжа, как бы они не стали нас обыскивать... — в страхе прошептал Рози.

— Чего бродите здесь ночью?

— Я секретарь Юнуса-байваччи! — по-китайски ответил Заман.

— Юнуси? — повторили китайцы.

Заман показал свои документы.

— Куда едете?

— К реке.

— Везем водку Ю-шангуну. — Рози потряс хурджун, бутылки в нем звякнули.

Солдаты переглянулись и ушли.

Заман шепотом выругался и стегнул коня.

— Как хорошо, что я взял хурджун, а, ходжа? Словно предвидел все это! — Рози торжествующе позвякал бутылками.

— Готов на все, но только после того, как искупаюсь!

Заман разделся и плюхнулся в воду. Друзья последовали за ним. Рози, спутав коней, начал выкладывать на скатерть содержимое хурджуна.

Заман и Касым плавали хорошо. Они несколько раз переплыли реку туда и обратно. А толстяк Зикри робко плескался у берега — явно побаивался воды.

— Тяни эту тыквянку сюда, Заман! — закричал Касым с середины реки. — Он на берегу только такой смелый!

Зикри начал торопливо карабкаться на берег. Но Заман успел схватить его за ногу и потянул на себя, тот обхватил Замана, и оба бултыхнулись в воду в том месте, где было глубоко.

— Не шутите с водой! Беду накличете! — предостерег их Рози, вышедший на берег мыть редьку.

К друзьям подплыл Касым. По беспорядочным бултыханиям он понял, что шутка уже действительно становится бедой, и с трудом оторвал Зикри от Замана, вытянул на берег.

Зикри закричал:

— Ты утопить меня хотел, да? Ты все это затеял!

— Посмотрите-ка на него! На Замана нападать он не решается, так на меня набросился! Да если бы не я, вы оба утонули бы!

— Хватит ссориться. Самое лучшее — пропустить но рюмке после купания, — Рози налил в стопки привезенной водки. — Пропустим по одной и послушаем Зикри-джана.

Выпив, все дружно выдохнули. Рози произнес:

— Говорят, единый вздох — радость Сулеймана... Давайте сядем. — Он протянул дутар Зикри, а тамбур Касымджану.

Зикри тонкими, как у девушки, пальцами начал настраивать дутар. Был он прирожденным музыкантом. С малых лет тянулось к музыке его

сердце, он стремился познать все тайны дутара, этого нехитрого на первый взгляд двухструнного инструмента. Зикри знал много народных мелодий и песен-газелей, он учился у таких чародеев дутара, как Рози, Хусайнима, Хасан-тамбур, ему предсказывали большое будущее.

Подобно тому как реки бесконечно вливаются в озера, так и грустные мелодии песен, сменяя одна другую, разливались в чистом, прохладном воздухе, постепенно околдовывая слушателей, завладевая их чувствами. Стали затихать песни у других костров, люди приумолкли, некоторые подошли к холму, заросшему джидой. Все затаив дыхание слушали голос Зикри в сопровождении дутара, вдохновенно звеневший под всплески речных волн и шуршание воды о берег.

Наконец Зикри перешел к самой любимой своей мелодии — «Гульзар»:

Говорят, что тюльпан — твои губки.

Говорят, что жемчужины — зубки.

А покажешься ты на минутку —

Говорят: «Это чья же красotka?»

Даже луна, казалось, очарованная игрой Зикри, весь свой свет направила на джиду, из-под которой лилась песня. Да и не только луна... Похоже, не в шутку говорит народ, что мастер музыкант своей игрой может заставить соловья сесть на дутар: соловей, певший недавно в сторонке, постепенно прыгая с ветки на ветку, приблизился к джиде и начал вторить дутару звучными трелями. Под его трели Зикри на высокой ноте завершил мелодию.

— Пусть руки твои никогда не знают беды! — поблагодарил его кто-то из подошедших.

— Вот это музыка... А то бывают музыканты, которых поощришь монетой, а потом не остановишь и десятью, — пошутил кто-то.

Раздался смех, соловей вспорхнул с джиды.

— Эй, Зикри! — крикнул задетый шуткой один из тех, кто считал только себя настоящим музыкантом. — Смотри сам не взлети в небеса от восхвалений! Ты даже не пригласил нас, сырая тыквянка!

— Что ты там болтаешь, пайняк!^[22] — вскочил с места Рози. — Кто тебя не знает? Ты ведь из тех музыкантов, чьи газели под силу слушать одним курам!

Все засмеялись. «Пайняк» решил не оставаться в долгу:

— Вытри губы сначала, а потом говори, блюдолиз Юнуса-байваччи!

— А ты, бестолковый пайняк, чем играть на дутаре, выводил бы цыплят да продавал на базаре!

— Хватит, Рози-ака, хватит, — начал успокаивать Заман.

— А ты сиди помалкивай! Тебе, чужаку, чего тут делать? — набросился на него Пайняк.

— Точно! — выступил вперед толстяк, чьи надутые щеки напоминали пузырь. — Эти чужаки из России уже ходу не дают нам, местным...

— А ну заткнись! — раздалось из толпы.

— Почему это я должен молчать? — вышел в центр круга Пузырь. — Мы, местные, тут хозяева, и, когда мы сидим, они должны стоять...

— Это ты хозяин, что ли? — стремительно вскочил с места Зикри. — Да где твоя земля? Над чем ты хозяин? Ты живешь тем, что лижешь пятки чужеземцам, подонок! Место, где ты хозяин, — разве что помойная яма!

— Ты-то чего горячишься? Ты же местный! — заикал Пузырь. Он не ожидал такого отпора.

А Зикри никак не мог успокоиться:

— Перед чужеземцами стелешься побитым псом, а своего же брата обижаешь и оскорбляешь?.. Будь ты проклят!..

— Правильно, Зикри! — поддержал Рози. С ним согласились многие.

— Да я что? Я хотел, чтобы эти друзья-чужаки знали свое место, — промямлил Пузырь. — Если они захватывают все, как же спокойно смотреть-то?

Зикри расхохотался.

— Захватывают, говоришь? Да что у тебя отбирать, кроме места сторожа в бане да должности сборщика мусора?..

От радостной сердечности, волнения, охвативших всех во время игры Зикри, не осталось и следа. Стояла угрюмая, тягостная тишина. Джигиты стали расходиться.

— Не обижайся, Заман, эти подонки не постесняются и родной матери всадить нож, — пробормотал после продолжительной паузы Зикри.

— Я не обижаюсь — он унизил себя, а не меня...

— Будь моя воля, в первую очередь проучил бы таких подлецов! — Рози наполнил рюмки.

Словно желая выместить зло на водке, они выпили по несколько рюмок подряд.

— Хорошо, что Заман сдержался, иначе пролилась бы кровь. Я уже взялся за рукоятку ножа, — сказал Рози, доставая поджаренную рыбу. — Пусть все неприятное исчезнет вместе с этой рыбой, ешьте, братья!

— Этот Пузырь всегда лезет на рожон!

— Ладно, Касым! Довольно о нем! — махнул рукой Заман.

Зикри взял в руки дутар. Но его пальцы одеревенели, словно впервые сжимая гриф дутара, а голос звучал глуховато, с хрипотцой. Тягостный осадок от происшедшего омрачил все — и беседу, и музыку. Луна скрылась, землю залила темнота. С реки слышались грустные, размеренные удары волн о берег...

— Что делать с листовками? — спросил немного погодя Касым.

— Пусть все уснут.

...Утром листовки появились всюду — прикрепленные к кустам и деревьям на берегу реки, разбросанные внутри палаток и около потухших костров. Слова, зовущие к восстанию против гомиьндановцев, произвели впечатление, весь день люди только и говорили об этом...

Глава шестнадцатая

1

— Как вы думаете, Шэн-цаньмоучжан, появится ли Ма Чжунин в Синьцзяне вторично? — Цзинь Шужэнь откинулся на спинку стула.

— У меня нет оснований отрицать это.

— А по-моему, он насытился. И вполне удовлетворен.

— Возможно, вы правы. Но волк не забывает место, где он насытился.

— Хе-хе... В этом есть своя логика. Постарайтесь пока расправиться с оставшимся без союзника Ходжаниязом.

— Ходжанияз значительно усилился. Стало известно, что рядом с ним опытный человек. Им нужно противопоставить тоже опытного человека, господин председатель.

— Кого вы имеете в виду?

— Было бы отлично, если бы вы назначили Чжан Пейюаня. Он окончил военную академию...

— Если перевести его на восток, то кого мы поставим в Кульдже, самом опасном для нас западном городе? — недовольно спросил Цзинь Шужэнь.

— В Кульдже спокойно. Восстания там мы не допустим. Основное сейчас — подавить вооруженных бандитов, — убеждал Шэн Шицай.

Цзинь Шужэнь задумался. Чжан Пейюаня он считал своим человеком,

опорой в беспокойной Кульдже. А Шэн Шицай видел в Чжан Пейюане соперника в борьбе за власть и решил перевести его туда, где потруднее, и тогда можно сообразить, как скомпрометировать опасного человека. Но Цзинь Шужэнь колебался. Шэн Шицай продолжал:

— Ма Чжунин может появиться в Синьцзяне в любое время. Вы сами приказали разгромить Ходжанияза, чтобы развязать себе руки для борьбы с Ма Чжунином. А с такой задачей может справиться лишь один человек — надежный и способный военачальник Чжан Пейюань.

— Хорошо. Даю три месяца сроку и, если за это время не будет покончено со смутьянами, спрошу с вас!

— Слушаюсь, господин председатель! — отчеканил Шэн Шицай, а про себя подумал: «Посмотрим, где будешь ты сам через три месяца...»

После этого разговора Шэн Шицай отправил Чжан Пейюаню телеграмму с распоряжением прибыть в Урумчи и принял вызванного из Кульджи Чжао. Напуганный срочным вызовом, Чжао отвесил низкий поклон, едва не коснувшись пола шрамом-отметиной на голове, и, не осмеливаясь сесть, продолжал стоять.

— Садитесь, Чжао-сяньшэн, садитесь, — пригласил Шэн. — Кульджа, как вижу, пошла вам на пользу, вы поправились.

— Спасибо. Благодаря заботам господина Шэн-цаньмоучжана у нас спокойно... — пролепетал Чжао.

— Если у вас спокойно, то мы не спокойны! — оборвал собеседника Шэн Шицай. — Я вас поднял из грязи, когда в ожидании места вы гнили, как навоз. А вы не оправдали моего доверия...

— Господин цаньмоучжан, я ваш верный слуга...

— Что вы верны, это хорошо. Плохо то, что вы не справились с заданием.

— Я покорный раб... — только и смог в смятении проговорить «специальный представитель» Чжао. В Кульдже он добился кое-каких успехов и втайне надеялся на поощрение, однако начало встречи с грозным и требовательным начальством не сулило ничего хорошего.

— Твои сведения неудовлетворительны, — грубо заговорил Шэн Шицай, — пришлось вызвать тебя самого. Ответь: ты можешь поручиться, что в Кульдже не будет восстания?

— Как вам сказать...

— Я послал тебя в Кульджу не для того, чтобы ты сидел там мешком! — заорал Шэн Шицай и рванулся с места, словно собираясь избить своего подчиненного. Пробежав через кабинет, он остановился перед Чжао. — Ждешь, пока тебя штыком угостят, да?

— Арестовано восемнадцать человек.

— Результат?

— Не признаются...

— Не знаете как работать, пустоголовые! Нечего нежничать с ними, расстреляйте их публично, чтобы другим неповадно было! Что делает Юнус?

— Помогает всячески...

— Работать с этим ослом можно, но верить ему — никогда, понял?

— Слушаюсь...

— Нет ли волнений среди китайской бедноты? — задал Шэн Шицай вопрос, который испугал Чжао еще больше. — Если они встанут на сторону восставших, будет плохо, понял? Плохо...

Эти слова как будто подействовали и на самого Шэн Шицай, он глубоко вздохнул и замолчал. Чжао хотел было упомянуть, что в Кульдже появился сомнительный человек по имени Лопян, которого его люди взяли под наблюдение, но рассказывать об этом не решился, так как ни словом не обмолвился о Лопяне в прежних сообщениях.

— Появление в Кульдже листовок доказывает, что там существует и действует организованная группа, — заговорил Шэн Шицай. — Пока она не окрепла и не выступила с оружием, ее нужно разгромить.

— Слушаюсь!

— Вместо Чжан Пейюаня на время прибудет новый человек. Установишь с ним связь, будете работать вместе. А кульджинским смутьянам не мешает сделать кровопускание. Сможешь организовать это?

Чжао не вполне понимал, чего от него хотят, и растерянно мигал глазами.

— Указания будут даны. Только хватит ли у тебя ума и воли выполнить их?

— Если господин Шэн-цаньмоучжан прикажет, я готов выполнить любое задание! — встал с места и склонил голову преданный слуга, хотя сердце его сжалось в предчувствии чего-то страшного.

— Тогда слушай внимательно...

Недрузи Шэн Шицая, занимавшие ответственные посты в правительстве, объединились вокруг генерала Цзинь Чжуна и выжидали случая, чтобы начать действовать. Они собирались на тайные совещания в кабинете Цзинь Чжуна и обсуждали планы, как обуздать Шэн Шицая.

— Если он сделает еще один скачок, вся власть будет в его руках, — говорил Цзинь Чжун. — Он хитер, коварен и только прикидывается дружелюбным. Его необходимо обуздать, а если сумеем — то и убрать.

— Цзинь Шужэнь теперь соглашается с ним во всем. Идти к нему со своим мнением нельзя — он выдаст нас Шэн Шицаю, — заметил ответственный секретарь правительства Тао Минью.

— Вы столько лет были у него секретарем! Неужели он и вас не послушает, Тао Минью? — спросил Цзинь Чжун.

— Вы же видите, бразды правления очутились в руках Шэн Шицая. Я попытался сказать об этом, но председатель не стал даже слушать...

— Мы виноваты сами, что сделали председателем эту безвольную посредственность, — заявил Лю Шаотен.

— Если проявить решительность, то его можно убрать и сейчас. Надо лишь отдалить от него Шэн Шицая...

— Шэн Шицай пустил глубокие корни, — перебил Цзинь Чжун Лю Шаотен. — С ним не справиться без помощи военных. На кого мы можем опереться?

Тао Минью вскочил с места:

— Если мы начнем воевать между собой, то не поможем ли кумульцам и выжидающему удобного случая Ма Чжунину взять верх? Нет, на это пойти нельзя!

— Конечно, конечно, господа. Но ведь можно сравить Шэн Шицая с Ходжаниязом, пусть себе отправляется на фронт, а мы тем временем подготовим правительственный переворот, — продолжал Цзинь Чжун.

— А если Шэн Шицай не поедет на фронт? Это от него зависит. Вы же знаете, что он добился назначения Чжан Пейюаня командующим фронтом?

— Знаю, Тао-сяньшэн, — ответил Цзинь Чжун. — Мы втроем и добьемся, чтобы председатель отправил на фронт Шэн Шицая.

— А если об этом узнает Шэн Шицай?

— Мы будем говорить даже в его присутствии, всячески подчеркивать его ум и рассудительность. Если ничего не добьемся сейчас, придется

склонить колени перед Шэн Шицаем или покинуть Синьцзян. Другого выхода нет.

— Пора, пожалуй, привлекать надежных сторонников, особенно из военных...

— Правильно, Тао-сяньшэн. Я поговорю с Папенгутом. Для Шэн Шицаю он все-таки «опасная личность», — согласился Цзинь Чжун.

— Не забудьте командира дивизии Чжан Лянчжуна, — предложил Лю Шаотен. — У него с Шэн Шицаем были столкновения еще в Маньчжурии.

— А почему бы не использовать Чжан Пейюаня, господя? — оживился Цзинь Чжун. — Он ведь тоже не по душе Шэн Шицаю?

— Не надо привлекать сразу многих. У Шэна острый нюх, может почуять.

— С трусостью да осторожностью мы и докатились до нынешнего положения, Тао-сяньшэн. Надо действовать решительнее и смелее привлекать к нашему делу высокопоставленных людей...

Трое заговорщиков, распределив роли заранее, отправились к Цзинь Шужэню.

Храм бога — хранителя города, ченхуанмяо — даже днем выглядел настолько мрачным, что в народе его называли не иначе как «черной пагодой». Внутри храма в большом зале размещались восемьдесят идовол из серого камня и глины — помощники и секретари ченхуана — бога-хранителя. За идолами тщательно ухаживали жрецы, следя, чтобы перед ними всегда горели свечи. Статуя самого бога-хранителя помещалась отдельно, она была громадных размеров и сделана не из глины или камня, а из меди, на голове ее обращали на себя внимание прежде всего огромные уши и рот, напоминавший отверстие очага. Перед статуей в жертвенных медных чашках стояли водка и разнообразная пища. Считалось, что ченхуан играет важную роль в жизни города и всей округи, защищая жителей от опасностей и несчастий, от нашествия врагов. Он служил как бы посредником между людьми и сверхъестественными силами и обязан был знать все о положении дел на своей территории. Помогали ему восемьдесят идовол, покорных его слуг, которые тщательно фиксировали все события и сообщали о них на небо.

Цзинь Шужэнь принес жертвенные подаяния и поклонился каждому из восьмидесяти идовол, а потом вошел к ченхуану. Здесь он девять раз поклонился медному идолу, поставил и зажег новые свечи и только после этого обратился к богу, сложив на груди руки:

— У меня нет другого заступника, кроме тебя... Пожалей своего

беззащитного слугу и облегчи его тяжелые дела, о боже... Это ты дал мне все... дал достаток и положение, Не отбирай же все это...

Он долго еще причитал перед медной статуей, прося защиты, потом положил денежное подаяние и только собрался было выходить, как увидел Цзинь Чжуна, Тао Минью и Лю Шаотена.

— Что случилось? — побледнел Цзинь Шужэнь.

— Ничего. Нам захотелось помолиться вместе с господином председателем.

— Хорошо, хорошо. Принесите и вы жертвы нашим заступникам.

Пришедшие щедро раскошелились и согнулись в поклоне перед медным идолом. Удивленный жрец (никто из этих четверых жертвователей не посещал раньше храма) быстро собрал деньги в засаленный кожаный мешочек, ворча про себя: «Вспоминают бога, лишь когда беда сядет на их головы...»

Растроганный Цзинь Шужэнь пригласил всех к себе домой. Дома, за столом, он сказал:

— Наши императоры после ежегодного торжественного моления в честь предков и покровителей пили просяной сок. Сегодня я тоже решил соблюсти этот обряд.

— Соблюдение великих традиций — высший признак благородства, — льстиво откликнулся Цзинь Чжун.

— Вам я бы тоже посоветовал соблюдать великие традиции, разумеется, в своем ранге.

Эти слова поразили сановников, всегда чувствительных к тонкостям церемоний и этикета: председатель дерзнул приравнять себя к императору, а их, фактически управлявших провинцией, дерзко унизил. Ничего подобного раньше не случалось.

Не успели подчиненные прийти в себя от изумления, как Цзинь Шужэнь приказал подать просяной сок и пригласить Шэн Шицая.

Цзинь Чжун решил высказаться до его прихода:

— Да простит меня господин председатель, но я хочу сказать нечто важное.

— Говорите.

— Мы слышали, что Чжан Пейюань назначен командующим фронтом против бандитов. А не лучше ли, чтобы Шэн-цаньмоучжан сам поехал туда?

— Илийский округ очень важен, — поддержал Тао Минью. — Как бы перемещение Чжан Пейюаня не привело к неприятным последствиям...

— И вы, значит, так думаете?

— Ходят слухи, что Ма Чжунин собирает большие силы. Поэтому нужно быстро уничтожить Ходжанияза, создать...

Но Цзинь Чжун не успел закончить — появился Шэн Шицай.

Отведав просяного сока, он сказал:

— Второй раз в жизни пью этот священный напиток.

— Да? А где вы пробовали его в первый раз?

— В Мукдене, в императорском дворце!

Зная нравы высших чиновников, Шэн Шицай умело польстил Цзинь Шужэню, как бы ставя его в один ранг с семьей императора, жившей в Мукдене. Размягченный лестью Цзинь Шужэнь тут же выдал ему своих собеседников:

— Кажется, все они возражают против назначения Чжан Пейюаня.

— Возражают? Но вы, господин председатель, уже отдали приказ!

Цзинь Чжун заерзал на стуле:

— Мы исходили из практических задач...

— Что? Что? — прервал его Шэн Шицай.

— Мы хотим сказать, что только вы сможете быстро подавить восстание, — собрался с духом Цзинь Чжун.

— Очень верная мысль, — поддержал его Тао Минью. — Влияние Ходжанияза распространяется на весь Синьцзян. С ним не смогли справиться ни генерал Доу Цзиган, ни генерал Лю Таоцзи. Только вам это будет по силам.

«Ах, хитрецы! Вы хотите убрать меня из Урумчи!» — сообразил Шэн Шицай.

— А разве Чжан Пейюань не способный генерал? Он же окончил военную академию!

— Я еще раз повторяю, господин председатель, — решительно сказал Цзинь Чжун, — если будет назначен не Шэн-цаньмоучжан, а кто-то другой, мы потерпим поражение.

— По-вашему выходит, что моя деятельность здесь, в центре, не имеет значения? — разозлился Шэн Шицай.

— В центре у нас есть господин председатель, я думаю, это не так мало, — проговорил молчавший до этого Лю Шаотен.

У Цзинь Шужэня, не знавшего, какое принять решение, разболелась голова. Ему казались убедительными доводы и той, и другой стороны. Поэтому он не нашел ничего иного, как согласиться и с теми, и с другими:

— Необходимо ехать на фронт обоим! Вы, Шэн-цаньмоучжан, будете контролировать действия Чжан Пейюаня! Желаю победы!

Шэн Шицай проворчал про себя: «Ну подождите! Я вам еще

покажу!..»

Вошел адъютант Цзинь Шужэня:

— Разрешите, господин председатель? Срочная телеграмма...

— Откуда? — восторженно воскликнул председатель.

— Из Турфана.

— Из Турфана? Что там?

— Турфанцы взбунтовались...

Председатель обмяк на стуле. Шэн Шицай прочел телеграмму вслух.

Цзинь Чжун вздохнул:

— Мятежники приближаются уже к Урумчи...

— Быстро принимайте самые срочные меры, Шэн-цаньмоучжан! — завопил Цзинь Шужэнь. — Никого не жалейте! Уничтожайте всех!..

Глава семнадцатая

1

Юнуса-байваччу вызвали в штаб дивизии, расположенный в городке Куре недалеко от Кульджи. Его принял Чжао, передал привет от Шэн Шицай, а потом сообщил, что есть очень важное дело, после исполнения которого Юнус получит почетное назначение. Юнус заверил, что выполнит любое поручение Шэн Шицай.

Они очень долго совещались полушепотом, после чего Юнус отбыл в Кульджу.

Он возвратился из Куре окрыленный доверием и не стал, как обычно, заниматься собственными торговыми делами. Юнус приказал созвать в свой сад тех подонков с базара, которые постоянно там обретались и которых он, потихоньку прикармливая, использовал для различных темных рыночных махинаций.

Разъяснив, что предстоит им делать в ближайшую пятницу на базаре, Юнус тщательно проинструктировал каждого.

Вернувшись к себе в кабинет, он вызвал Замана.

— Я слышал, вы поддерживаете знакомства с сомнительными людьми, это правда?

— Я не понимаю ваших слов, байвачча, — непринужденно ответил Заман, хотя начало разговора напоминало допрос.

— Вам ничего не удастся скрыть от меня, джигит!

Это сказано было тоном чиновника, ведущего дознание, а совсем не торговца, беседующего с секретарем. Тем не менее Заман оставался вежливым и невозмутимым.

— В чем вы сомневаетесь, байвачча? Я со всей добросовестностью отношусь к вашим поручениям.

— Добросовестность в работе — это хорошо! Однако... Однако, мне кажется, в политическом отношении вы не совсем безупречны.

— Значит, вы занесли меня в списки политически неблагонадежных, так?

— Вы зачастили в аптеку недавно появившегося в Кульдже весьма сомнительного человека...

— А где же покупать лекарства? — наивно спросил Заман, глядя в глаза Юнуса.

— Вы ведь здоровы, как камень.

— Мать болеет...

— Где это вы научились хитрить? Такой молодой... Вот полюбуйтесь: по стилю это очень напоминает ваши письма. — Юнус бросил перед Заманом несколько листовок.

Заман недоуменно пожал плечами.

— Зря притворяетесь — бесполезно. Ведь это вы спрашивали у Ибрагима о Пазыле...

Такого удара Заман не ожидал, но все-таки не потерял самообладания.

— Ибрагим сам заговорил о Пазыле, я только спросил у него, что это, мол, за человек. Вот и все.

— А не тот ли это Пазыл, с которым вы встретились по дороге из Цзяюйгуаня, а? — усмехнулся Юнус.

Замана обдало холодным потом.

— Или язык проглотили? — торжествовал Юнус.

— Байвачча, какая же вина в том, что на чужбине я встретил соотечественника?

— Как бы он не оказался вашим политическим соотечественником, а? Ха-ха-ха!

— Будь у меня вредные мысли, вы сразу бы меня раскусили!

— А вдруг вы ловко притворялись?.. Но все равно вам ничего не скрыть от меня! Самое лучшее — раскайтесь и расскажите обо всем.

— А в чем я должен раскаяться?

— Вот наглец! Да я раздавлю тебя, как муху! Он хочет меня перехитрить, глупец!

— Вы меня не оскорбляйте! Если я не нужен — увольте!..

— Думаешь, я не знаю, чем ты занимаешься? Будь умнее, джигит! Все я знаю и лишь даю тебе время: пока не поздно, покайся и назови сообщников, иначе сгниешь в зиндане. Иди подумай! Потом поговорим как следует.

Едва Заман скрылся за дверью, как в кабинете появилась старшая жена Юнуса.

— Что случилось? — встревожился он. Женщине было запрещено показываться в кабинете, и, если жена нарушила этот порядок, значит, произошло что-то необычное.

— Прочитай-ка вот это письмо... — проговорила она дрожащим голосом.

— Что за письмо? — зло огрызнулся Юнус, но листок развернул.

С первых же строк глаза его гневно округлились и, казалось, готовы были выскочить из орбит:

«Ты мой, Заман! Ты для меня вся вселенная, мой Заман! — так начиналось письмо Халидам. — Склонив колени и благоговев перед тобою, я повторяю: „Эй, Меджнун и Лейли! Эй, Фархад и Ширин! Эй, Гариб и Санем! Эй, Юсуф и Зулейха! Смотрите — это мой Заман!“...»

Юнуса чуть не хватил удар. Гордость байваччи была уязвлена, он застонал и покачнулся. Жена поддержала Юнуса и тут же затараторила:

— Нужно немедленно отдать Халидам за Керимбая, иначе накличем беду на голову!

Невыносимая обида жгла Юнуса, голова стала тяжелой и как бы чужой. Юнус сделал несколько шагов, опираясь на жену, и вдруг закричал:

— Собственными руками задушу этого мерзавца! Рози, Хамид, Заир! Приведите его!

Халидам, подслушивавшая из соседней комнаты разговор родителей, быстро накинула на себя паранджу и выскочила на улицу.

Юнус, ожидая появления слуг, корил себя: «Глупец! Пустил в свои объятия змею... И чего я ждал сегодня? Надо было вот сейчас, когда говорил с ним, связать по рукам и ногам и бросить и зиндан...»

— Байвачча, вы меня звали? — спросил появившийся в дверях Рози.

— Где вы все пропадаете? Приведи ко мне этого подлеца!

— Кого?

— Скотина! Свяжи и приведи Замана!

— Слушаюсь, байвачча!

Халидам добежала до первого извозчика и попросила везти ее как можно быстрее — куда, она укажет. Как назло, улицы были забиты тележками с фруктами, зерном, мукой, овощами — люди спешили на базар.

— Быстрее, быстрее, ака, поторопитесь, пожалуйста, — нервничала, Халидам.

— Тр-р-р-чу! Хоть сто раз ударь, быстрее не идет, бездельница! — отвечал извозчик, настегивая лошадь, но та нисколько не убыстряла шаг, а лишь ниже наклоняла голову.

Халидам хотелось сойти с тележки и бежать, но она боялась, что ее опознают. Прошла, казалось, целая вечность, и она тревожилась все больше и больше. Когда наконец добрались до дома Замана, ее охватила нервная дрожь. Расплатиться было нечем, Халидам сдернула с пальца золотое кольцо. Извозчик от удивления растерялся, потом воскликнул:

— Сам бог послал ее мне! — и, стегнув коня, быстро исчез из виду. На этот раз лошадка, видно, послушалась его.

Халидам открыла калитку.

— Заман дома, апа?^[23] — спросила она, приподнимая паранджу.

— Заманджан... — Женщина во дворе раскрыла рот от удивления, увидев, какая красивая девушка спрашивает Замана.

— Я спрашиваю, апа, где Заман? — повторила девушка.

— Заман? Заманджана нет дома...

Халидам исчезла так же быстро, как появилась. Она выбежала на улицу и теперь стояла, размышляя, что делать дальше. В это время появился на коне Роза.

— Вы видели Замана? — спросила Халидам, не открывая паранджи.

— Я ищу его, маленькая ханум, — ответил Роза, узнав ее по голосу. — В конторе его нет.

— Найдите его где бы то ни было, родной Роза-ака, и спасите... Отец хочет его выдать... торопитесь... быстрее...

— Идите домой, сестренка! Я найду, я сообщу ему! — И Роза пустил коня вскачь.

— Заман, мой Заман... — шептала бедная девушка. Голова у нее закружилась, и Халидам села прямо на дорогу...

Вдруг она почувствовала прикосновение ласковых рук и очнулась — перед ней была мать Замана. Женщина подняла девушку, завела во двор, дала воды. Халидам положила голову на плечо тетушки Раушанхан и расплакалась.

В это время Заман сидел у Лопяна, рассказывая о случившемся.

— Плохо, что ты выдал себя, — заключил Лопян, внимательно выслушав Замана, — нас сегодня же могут арестовать.

— Но ведь он только подозревает?

— Сегодня не показывайся нигде. И домой не ходи. Посмотрим, как развернутся события...

Лопян не успел закончить фразу — вбежал запыхавшийся Роза...

— Заман, тебе нужно бежать! Они хотят схватить тебя...

— Вот видишь... Немедленно скрывайся. — Лопян побледнел.

— Куда же скрываться? Будь что будет...

— Брось глупости! Повредишь делу, — оборвал Лопян и, подумав, добавил: — Вечером встретимся на китайском кладбище. Идемте, нужно торопиться.

Выйдя, они разошлись в разные стороны...

2

Как всегда в пятницу, кульджинский базар кипел с раннего утра, напоминая потревоженный муравейник. Расхваливали свой товар торговцы, озабоченно сновали взад и вперед или рядились до седьмого пота покупатели... Когда же в мечетях закончилась утренняя молитва, людей на базаре стало еще больше. В бурлившей толпе тут и там шныряли юнусовские прихвостни, разбрасывая какие-то листовки.

— Братья! — закричал кто-то во всю мочь с крыши ларька. — До каких нор будем терпеть? Гнет стал невыносим!

— С нас дерут по тридцать налогов! — вторил другой с арбы. — Неужели будем ждать, когда у нас вырвут душу?

Толпа ответила гулом. Торговля прекратилась, все смотрели на ораторов. Гнев и тревожное предчувствие охватывали людей. В толпе поползли слухи: «Прибыли люди Ходжанияза — освободят ислам!»

Ораторы сменяли один другого, и каждое выступление подогревало ненависть к гоминьдановцам. Толпа возбуждалась все больше и больше.

В своей коляске подъехал Юнус вместе с друзьями Садыком и Муталлибом. Они попытались пройти поближе к ораторам, но это не удалось. Тогда они вернулись к коляске и встали на нее, стараясь с возвышения рассмотреть, что творится.

— Конечно же, это дело красных! — заявил Юнус.

Муталлиб ответил:

— Это страшно. Народ способен на все... Если гнев его усилится...

— А вы станьте его вождем... — ехидно предложил Юнус.

Муталлиб отпарировал:

— Нам с вами никогда не удастся повести за собой народ!

— Если это превратится в бунт, будет плохо... Почему попустительствуют власти? — взволнованно проговорил Садык.

К ним донесся крик очередного оратора:

— Сколько еще угнетатели будут мучить нас?

«Молодец!» — одобрил его про себя Юнус, а Муталлиб толкнул Садыка:

— Да-а... Речи приобретают серьезный характер. Чем все это кончится?

Садык не успел ответить. Раздался крик:

— Люди! Пойдем к губернатору!

— Пошли!

Над толпой взметнулось знамя со звездой и полумесяцем, и люди двинулись по улице за знаменосцем, подобно тому как отара овец идет за козлом.

— Это уже лишнее. Может плохо кончиться, уедем отсюда, — начал тормозить своих друзей Садык.

Взмыла вверх и разлилась по толпе широко известная, запрещенная властями песня.

Мы сыны родины,
Народные барсы...

Неорганизованное вначале шествие на глазах превратилось в могучую, стройную, монолитную колонну, направлявшуюся к ямыню — резиденции военного губернатора. Юнус перепугался. «Как бы затеянная мной игра не обернулась бедой!» — подумал он в страхе. Друзья поспешили уехать.

А многострадальный народ, долго переносивший гомиьндановское иго, теперь как бы расправлял плечи, изливая свое возмущение в лозунгах.

— Долой гомиьндановских разбойников!

— Пусть убираются с нашей земли!

В колонне шли Зикри, Касым и их друзья, такие же молодые парни. Все они участвовали в распространении листовок Замана.

— Куда исчез Заман? — спросил Зикри у Касыма. Он был встревожен.

— Не знаю. Не видел его сегодня.

- Кто затеял все это?
- Клянусь богом, не понимаю.
- Не Заман ли, а?
- Нет. Но какие-то зачинщики тут есть.
- Одного из выступавших я узнал. Он человек Юнуса.
- А ты не ошибся?
- Кто знает... — покачал головой Зикри.
- Лучше найди-ка Замана.
- Попробую. — И, отделясь от толпы, Зикри побежал.

Тем временем колонна остановилась перед ямынем. Послышались крики:

- Пусть выйдет к народу губернатор!
- Пусть выйдет! Пусть выйдет!
- Губернатора!
- Сам не выйдет — выведем! — подстрекал кто-то.

Народ заволновался еще сильнее.

— Не будем упускать момент, — сказал друзьям Касым и взобрался на каменного льва перёд воротами. Его охватило такое волнение, что он не сразу смог заговорить.

— Дорогие соотечественники! — наконец крикнул Касым. — Во всех уголках нашего края поднимаются знамена освобождения... Если мы не будем сражаться за свободу сами, то никто нам ее не даст!

— Правильно говорит! — раздалось в толпе. Рядом с Касымом встали его друзья.

— До каких пор будем прятать голову? — продолжал Касым. — Так мы никогда не избавимся от рабства!

— Молодец! Настоящий джигит! — вновь раздалось голоса, и толпа всколыхнулась. Пламенные слова Касыма придали ей энергии. Откуда-то появились камни, ими начали бить в запертые ворота ямыня.

В эту самую минуту с крыш ударили по толпе заранее установленные там пулеметы. Раздались вопли раненых, люди в ужасе кинулись прочь, давя друг друга. Навстречу им из прилегающих улиц вынеслись вооруженные всадники, рубя шашками направо и налево, сбивая бегущих лошадьми. Ворота ямыня распахнулись, и оттуда хлынули с винтовками наперевес пешие солдаты. Они избивали и связывали всех, кто попадал им в руки...

В этой кровавой трагедии десятки людей были убиты, сотни ранены, многие схвачены. Среди арестованных оказались Касым и его друзья.

Так Шэн Шицай «предотвратил» назревавшее в Кульдже народное

восстание.

Глава восемнадцатая

1

Черные клубки облаков словно гнались друг за другом. Казалось, им не хватает места на небе и они вот-вот продолжат погоню на земле, где померкли все краски, кроме навевавшей грусть желтизны. Листья на деревьях и кустах пожелтели, малейший ветерок срывал их с веток, и, покружившись в воздухе, они падали на землю, устилая ее слой за слоем. Вершины гор окутались, будто чалмой, белыми облаками. А у берегов горной речки искрились прозрачные горошинки льдинок. Все напоминало о том, что скоро наступит хмурое зимнее безмолвие.

Таким же хмурым и безрадостным было настроение Замана и его друга Розы, уже несколько дней пробиравшихся по безлюдным тропам.

— Мы не сбились с пути, Розы-ака? — спросил Заман, когда вдали зачернели кустарники.

— По этим дорогам я пройду даже с завязанными глазами, — шутливо похвастал Розы, хотя дорога измучила и его. — Мы идем правильно: видите, справа — горы Богдо, а слева степи Идигуша. А эти темные кусты впереди расположены под небом Турфана.

За прошедшие несколько дней Заман и Розы добрались от Кульджи до Турфана. Они миновали Аралтюбе, прошли долиной Юлдуза, перевалили через горы и вышли к Турфану. Они торопились в Кумул, к восставшим: пусть будет, что будет, лишь бы оказаться рядом с Пазылом, пусть смерть, но после того, как удастся выпустить по врагу хотя бы пулю...

Заман думал о том, что произошло в Кульдже: «Был бы я рядом с Касымом и друзьями, может, и не случилось бы такой беды... Что с ними будет? Эх и дурак же я!.. Так сглупил... Сам все испортил. Как посмотрю в глаза Пазылу-ака? Из-за кого пострадали невинные люди, из-за кого, безмозглый Заман?»

— Эй, джигит, погрузившийся в реку дум! — ткнул Замана концом кнута Розы. — Ну зачем так! Теперь хоть о камень бейся головой, не сможешь!

— Если б выдали меня Юнусу, легче было бы, чем сейчас.

— Зачем молоть такой вздор? Розы человек неученый, но и он отличит

черное от белого.

— Вы ведь тоже терпите из-за меня...

— Бросьте, говорю, молоть! Кто у меня есть, кроме вас? Что видел я хорошего от баев, хотя всю жизнь проливал пот и прислуживал? Если б я не вас, а луну с неба поймал для Юнуса, все равно заслужил бы лишь сто проклятия.

— Но ведь вы только что женились, а теперь пустились из-за меня по горам и степям.

— Опять не то... Устроив мою жену прислужгой в своем доме, Юнус думал превратить нас в своих вечных рабов... Да что мне скрывать от вас? Она, бедняжка, любит другого... Теперь, без меня, может быть, найдет свое счастье...

— Так, значит...

— Я же сказал, что ее, горемыку, насильно выдали за меня.

— А почему вы не говорили мне об этом раньше?

— А если бы вы сказали мне о Халидам-ханум, мы могли бы взять ее с собой!

У Замана при имени возлюбленной сжалось сердце. Перед глазами возник грустный образ Халидам. Вспомнилась последняя встреча в саду. Она сказала ему тогда: «...Буду стоять на своем, даже если мне грозят все муки ада!..»

— Я, похоже, сказал лишнее, не обижайтесь, мой ходжа, — проговорил Рози, взглянув на побледневшее лицо Замана.

— Нет, на что обижаться, Рози-ака? Если бы вы и не напомнили, все равно Халидам и во сне, и наяву со мною.

— Давайте я вернусь и привезу Халидам. Да-да! Не удивляйтесь, мой ходжа! Рози теперь ничего не боится!

— Спасибо, Рози-ака. Освободим родину, тогда и Халидам станет свободной.

— Дай бог... Пусть придут времена, когда и бедняки вздохнут свободно...

Оба замолчали, думая каждый о своем. А уставшие кони, словно почуяв душевное состояние седоков, пошли совсем медленно.

Было еще сравнительно рано, однако улицы Турфана словно вымерли. Ни из-за плотно прикрытых окон, ни из-под дверей не пробивалось ни единой полоски света, Кругом стояла могильная тишина, иногда нарушаемая редким лаем собак.

Обычно гостеприимно открытые, постоянные дворы и чайханы на этот

раз были заперты наглухо. Не найдя места для ночлега, Заман и Рози стали стучаться в двери, но никто не открыл им. Путники решили переночевать в мечети — доме аллаха, но ни один мулла не растворил ворот.

— Пожалуй, так мы кроме как в кяризе^[24] нигде не найдем пристанища, — сказал Рози.

— Неужели народ до того напуган?..

— Люди пережили ужасы погрома и потому ночью дверей не открывают.

— А почему не видно солдат?

— Не будем искушать судьбу, уедем поскорее отсюда, мой ходжа. Мне что-то становится не по себе...

Они выехали из города и свернули с дороги на боковую тропинку. Рози, как видно, отлично знал эти места, потому что уверенно привел к выходу одного из кяризов между Турфаном и селением Сингим.

— Вы подождите тут, и лошади пусть отдохнут, а я скоро вернусь.

Рози отдал поводья Заману и скрылся. Разнуздав коней и спутав передние ноги, Заман пустил их пастись на ровную лужайку, а сам улегся на спину.

На почти всегда безоблачном небе Турфана и сегодня не было ни облачка. Ярко светились бесчисленные Звезды. Тишина. Все спало кругом, лишь слышно было, как кони рвут траву да изредка пофыркивают. Вот упала звезда, ее хвост, длинно протянувшись, постепенно исчез. А прямо над головой мерцало созвездие Весов... Как-то раньше, дома, они поздно вечером ели во дворе суп с лапшой, мать тогда указала ему на это созвездие и сказала: «На этих весах взвешивают грехи людей перед тем, как отправлять грешников в ад». Зандан вздохнул, вспомнив о близких: «Даже попрощаться не удалось... Как мать, наверное, тревожится! Все время плакать будет. А младшие? Неужели Юнус будет их притеснять?» Сердце Замана сжалось. Он вскочил, в смятении огляделся кругом к начал ходить по поляне. Нежность, любовь к матери, брату и сестре, разлука с любимой терзали его душу...

— Вы шагаете, как на прогулке в саду, мой ходжа! — сказал появившийся Рози. — Идемте, я нашел в кяризе одинокого старика.

К приходу Рози и Замана старик разостлал одеяло, нарезал дыню и сидел в ожидании.

— Входите, дети мои. У меня нет клевера для ваших лошадей, покормите их кукурузными листьями.

— Спасибо, отец. — Устроив лошадей, Заман и Рози уселись рядом со стариком.

— Я не решился кипятить чай: огонь может привлечь солдат. Ешьте дыню.

— Почему вы один, отец? — спросил Заман, жуя дыню вместе с хлебом, испеченным по-турфански.

Старик вздохнул.

— Один мой сын ушел с повстанцами, другой прячется в горах вместе с семьей. А со мной, стариком, что сделать могут?

— Судя по всему, Турфан потерял много людей? — осторожно спросил Рози.

— Больше половины... — Старик дрожащими руками обхватил бороду и начал изливать переполнявшее душу горе. Он рассказал, что восставшие жители, предводительствуемые Махмудом, захватили Турфан и Токсун и через Сингим собирались напасть на гоминьдановцев. Но появился отряд Папенгута и принудил их к отступлению. Когда восставшие оставили Турфан, папенгутовцы устроили в городе погром. Те, кому удалось бежать, спрятались в кяризах, остальные были уничтожены.

— То, что мне довелось увидеть, не в силах вынести сердце, — закончил старик свой рассказ и заплакал. На глаза мягкосердечного Рози тоже навернулись слезы. Заман сидел в тягостном молчании. — Нет, аллах не оставит без наказания этих палачей! — простонал старик.

— Мы едем из далекой Кульджи, чтобы отомстить ненавистным угнетателям и освободить родину, — сказал Заман.

— Пусть удача сопутствует вам, дети мои. Пусть ни одна пуля не заденет вас... Пусть дадут вам силы молитвы наши, дети мои! — Старик обеими ладонями провел по лицу и бороде.

Штаб командования фронтом против повстанцев — так называемым восточным фронтом — обосновался в Гучене. Чжан Пейюань был намерен окружить Кумул и уничтожить Ходжанияза.

Однако Ходжанияз оставил Кумул и сохранил в неприкосновенности свои силы. Чжан Пейюань легко занял незащищенный город, зато в горных районах прочно утвердились повстанцы.

Ходжанияз был недоволен: ему не хотелось покидать город, оставлять на произвол судьбы его жителей, он согласился сделать это лишь под давлением Пазыла и его сторонников и вот теперь между руководителями восставших начались разногласия. Хатипахун не мог упустить такого

случая.

— Наглость этого пришельца из чужого края перешла все границы. Он будет таскать вас по горам, пока не выдаст капирам — неверным... Вот увидите, так и будет, — нашептывал он Ходжаниязу. — Собрав вокруг себя таких, как Асылкан, он думает занять ваше место...

— Бросьте болтать вздор, ахун! — вспыхнул Ходжанияз. Он хоть и бывал иногда недоволен Пазылом, все же не позволял говорить о нем плохо, потому что любил его и верил в его безукоризненную честность.

— Это не вздор, Гази-ходжа! Мы хотели объявить вас главой мусульман — шейх уль-исламом... Почему вы нам не верите?

— Кто это — мы?

— Ахуны, духовные пастыри...

— Не морочьте мне голову, ахун! — оборвал муллу Ходжанияз. — Не смейте говорить мне о нем такое! Чем нести чепуху, занимайтесь своим делом!

— Нявузям билла... О аллах, ты свидетель искренности моих намерений, — поднял глаза к небу Хатипахун. — Когда мы хотели обратить в мусульманство пленных китайцев, этот пришелец заступился за них и не позволил... А вот в Турфане капиры вырезали всех мусульман...

Вошел Пазыл, причитания Хатипахуна оборвались на полуслове. После долгой паузы мулла обратился к Пазылу:

— По вашим настояниям мы оставили Кумул. Теперь так и будем бродить по горам, афандим? Исламские войска опозорены отступлением! Достоинство Гази-ходжи унижено перед лицом всего мира!

Пазыл ответил не сразу. Хатипахун давно уже подбивал Ходжанияза провозгласить «исламият», и Ходжанияз как будто стал склоняться к этой мысли. Он меньше прислушивался к советам Пазыла, в некоторых случаях уступал напору религиозных фанатиков. Пазыл даже начал подумывать о том, как бы избавиться от Хатипахуна. Он внимательно посмотрел на муллу и наконец ответил:

— Победа заключается не в том, займем ли мы Кумул или оставим его. В войне закономерны и победы, и поражения. Если бы мы приняли бой с превосходящими силами противника, Кумула все равно не удержали бы. Повторилась бы трагедия Турфана.

— Значит, вы предпочитаете бежать, афандим?

— Это не бегство, это временное отступление! Мы сберегли свои силы...

— А теперь с этими силами будем прятаться в горах? — с иронией спросил мулла.

— Почему прятаться? Зимой будем партизанить, а с наступлением весны двинемся на юг и поднимем народ там...

— Партизанить? Что это за слово?

— Да, партизанить! Мы уже советовались с Ходжой-ака. А вас, Хатипахун, я бы попросил не вмешиваться в военные вопросы.

— Когда капиры... — опять забубнил мулла, но вдруг спохватился: — Как бы время молитвы не упустить, ходжа...

Он взялся за Коран. Беседа прервалась.

Пазыл вышел от Ходжанияза рассерженным. «Проклятая темнота! Ты опаснее, чем вооруженный враг, — думал он, шагая по дороге. — Не изгнав из своих рядов таких, как Хатипахун, победы над врагом не добиться...»

Едва Пазыл вошел к себе, как двое джигитов с криком: «Пазыл-ака!» — бросились к нему. Это были Заман и Роза. Пазыл заключил их в объятия, как самых близких, родных людей, появившихся так неожиданно, словно с неба. От радости у всех троих навернулись на глаза слезы.

— Настоящие джигиты... Как же вместить мне в сердце мою радость? Заман мой, — Пазыл обнял джигита, — как вы доехали? Намучились в пути! Как почернели, а!

Когда закончились приветствия и немного улеглась радость от встречи, Заман рассказал обо всем происшедшем в Кульдже. Его рассказ огорчил и встревожил Пазыла.

— Я ждал от Кульджи большего. Не получилось, поддались на вражескую провокацию...

— Я виноват...

— Не о тебе, Заман, я говорю. Ты еще молод, неопытен. Что с Лопяном?

— Он должен был уехать в Урумчи. А за его аптекой стали следить... На последнее свидание он не пришел...

Пазыл прикусил губу и молчал долго. Наконец поднял голову.

— Да, борьба обостряется, — заговорил он. — Сейчас подлецы в собственных рядах становятся опаснее, чем откровенный враг. При наступлении они путаются в ногах, во время боя хватают за руки...

— Привет джигитам, преодолевшим степи и горы! — воскликнул появившийся Моллахун. За ним показались Асылкан, Сопакун, Бато.

— Входите, входите, — пригласил Пазыл. — Это тот самый Заман, о котором я говорил.

— Молодец! Хорошо, что приехали! — Моллахун похлопал Замана по спине. — С такими джигитами мы не ударим лицом в грязь! Все дело в

пашем единстве.

— Правильно, Моллахун-ака! — подхватил Пазыл. — Без единства мы ничего не добьемся. Враг побеждает не потому, что он сильнее, а потому, что у нас нет единства. Не обезвредив скрытых врагов, не победим, в открытом бою...

— Да. Мы все должны быть как одно тело, одна душа! — горячо сказал Асылкан.

— Моллахун-ака! Что же это? Так и будем потчевать гостей речами, да?

— Нет, почему же? У меня все готово. Пусть помоются с дороги. Пойдемте. — Моллахун встал, пропустил вперед себя приехавших и задержался на пороге. — А этот Рози, пожалуй, мне подойдет. Я возьму его в помощники, хорошо?

— Я не против, Моллахун-ака. Лишь бы бойцы были сыты и одеты, — разрешил Пазыл.

Глава девятнадцатая

1

Едва опустились на Урумчи вечерние сумерки, как закрылись ворота городской цитадели. На улицы вышли военные патрули, они останавливали и обыскивали всех прохожих, стараясь найти спрятанное оружие. На стенах цитадели еще днем были установлены пулеметы. Группы вооруженных солдат, казалось, ждали лишь команды. Жители города в страхе затаились...

Когда совсем стемнело, к воротам ямыня председателя провинциального правительства подъехала коляска, сопровождаемая полусотней охраны. Из коляски вышел Папенгут и, припадая на правую ногу, прошагал в ямынь.

Вопреки обычаю, Цзинь Шужэнь принял его немедленно.

— Прошу, генерал, садитесь, — указал он на кресло.

— Благодарю вас.

— Вы проявили похвальное усердие при подавлении турфанского мятежа. Надеюсь, так же усердно будете действовать и против. Ходжанияза...

— Простите, ваше превосходительство, но я к вам по другому делу.

— Что вы сказали? — растерянно переспросил Цзинь Шужэнь.

— Прочтите. — Папенгут протянул красный конверт.

У перетрусившего Цзинь Шужэня от недоброго предчувствия затряслись руки. Он развернул письмо. Это был ультиматум, подписанный Цзинь Чжуном от имени «группы патриотов».

«Ваша власть, как прогнивший халат, трещит по всем швам. Не пытайтесь залатать дыры — вы обречены. Оставить Синьцзян в Ваших руках — значит потерять Синьцзян. Пока не поздно, уйдите сами. На размышление — два часа».

Цзинь Шужэнь растерянно уставился на Папенгута.

— Вы окружены, ваше превосходительство...

— Окружен?

— Да. Цзинь Чжун объявил военное положение и окружил вашу резиденцию.

— Подлецы! — обессиленно захрипел Цзинь Шужэнь. — Они воспользовались отсутствием Шэн-цаньмоучжана!

— Сопротивление бесполезно. В руках Цзинь Чжуна вся пятнадцатая бригада.

— Нет, нет! Я не допущу, чтобы меня сожрали волки, которых я сам вскормил... Я их накажу!

Папенгут усмехнулся и направился к двери. У порога он сказал:

— Подумайте хорошенько, ваше превосходительство. Чтобы потом не раскаиваться! — и вышел.

«Безродный пес... советует сдаться... Нет, нет! Это тяжелее смерти...» Цзинь Шужэнь вызвал начальника охраны и приказал готовиться к отражению штурма ямыня.

Через два часа части Цзинь Чжуна открыли огонь по ямыню.

С каждой минутой перестрелка усиливалась. В бой вступила артиллерия. Первые снаряды разорвались во дворе резиденции. В окнах спальни Цзинь Шужэня посыпались стекла, а само здание вздрогнуло от разрывов. Председатель забился в угол и, обхватив руками фигурку медного божка, жалобно причитал.

Маузеристы его охраны в это время старались отразить натиск частым огнем из-за стен, но превосходящие силы наступавших подбирались все ближе к резиденции. Наконец один из снарядов угодил в западные ворота ямыня и разнес их. Пулемет на воротах замолк, маузеристы в панике побежали. Наступавшие начали взбираться на стены, как вдруг прозвучала

команда о прекращении огня и отступлении. Прекратились оружейные залпы, утихли пулеметы и винтовки. Наступила гнетущая тишина.

Через четверть часа двое верховых остановились перед северными воротами резиденции.

— Откройте! — закричал один из всадников. — Я с письмом от Шэн Шицая!

Начальник охраны подошел к воротам и, удостоверившись, что прибывший действительно адъютант Шэн Шицая Лю Бин, впустил его. Лю Бин прошел в кабинет Цзинь Шужэня. Тот молился медному божку:

— Ты всемогущ... Сжался над нами... дай моей охране силы продержаться до рассвета, пока прибудет Шэн-цаньмоучжан!

— Шэн-цаньмоучжан прибыл! — Лю Бин не смог удержаться от смеха при виде напуганного правителя.

— Шэн-цаньмоучжан? — сразу оживился Цзинь Шужэнь и радостно сжал руки Лю Бина. — Где мой защитник?

— На северных холмах.

— Почему не входит в город?

— Он окружил части Цзинь Чжуна, вынудив прекратить штурм резиденции.

— Немедленно передайте мой приказ Шэн-цаньмоучжану: пусть в пух и прах разнесет Цзинь Чжуна!

— Я попросил бы вас сначала ознакомиться с этим письмом...

Прочитав письмо, Цзинь Шужэнь в изнеможении опустился на диван. Там было написано:

«Не пытайтесь удержать подпорками развалившееся здание. Немедленно отдайте правительственную печать. В противном случае — пеняйте на себя!»

— Лучше сдайтесь по-хорошему, другого выхода нет! — тоном приказа заявил Лю Бин. Потерявший все в эти несколько минут, лишившийся речи Цзинь Шужэнь показался ему жалким.

— Шэн-цаньмоучжан, — продолжал Лю Бин, — обещает полную неприкосновенность вашего личного имущества. Я гарантирую вам жизнь и безопасность до самой границы...

— Хе... — вздохнул Цзинь Шужэнь. В этом вздохе прозвучали безысходное горе, обида, сожаление. Он обессиленно махнул рукой в направлении стола.

Лю Бин выдвинул ящик, достал обернутую в белое большую, как

копыто лошади, печать.

— Готовьтесь в путь, Цзинь Шужэнь! — С этими словами он покинул кабинет.

Шэн Шицай через свою агентуру заранее узнал о намерениях Цзинь Чжуна. Он тайно прибыл из Гучена с верными ему войсками, обосновался в непосредственной близости от Урумчи и внимательно следил за развитием событий. Когда Цзинь Чжун начал штурм резиденции Цзинь Шужэня, Шэн Шицай приказал окружить мятежные части и потребовал прекратить «враждебные действия против главы провинциального правительства».

Появление Шэн Шицай Оказалось неожиданным для Цзинь Чжуна. Он растерялся, не зная, что предпринять, приостановил штурм ямыня и отправил на переговоры с Шэн Шицаем Папенгута.

— Я вас вооружил, поставил на ноги, а вы бросились в объятия Цзинь Чжуна... — холодно встретил Шэн Шицай Папенгута.

— Мне пришлось пойти на временное соглашение с ним, потому что...

— Понятно. Теперь вы готовы пойти на соглашение со мной, так?

— Я всегда с вами, я ценю и храню нашу прежнюю дружбу, уважаемый каньмоучжан.

Шэн Шицай, разумеется, не обманула эта наивная попытка выкрутиться из неловкого положения, он лишь подумал про себя: «Теперь будешь служить мне, а появится более сильный соперник — переметнешься к нему, двурушник», — и бросил на Папенгута полный ненависти взгляд.

Вошел Лю Бин и положил на стол печать.

— Перетрусил старик. И все же мне его жаль, — проговорил Шэн Шицай, взяв в руки печать.

— Страшно перепуган, — подтвердил Лю Бин, изобразив трясущегося Цзинь Шужэня.

Шэн Шицай улыбнулся:

— Пусть теперь живет спокойно. Нажитого добра ему хватит. Отдайте приказ войскам — пусть занимают город.

— Слушаюсь! — Лю Бин вышел.

— Создам новое правительство, начну работать по-новому, — заявил торжественно Шэн Шицай. И подумал: «Пришло время уступок. Что ж, поиграем в демократию...» Мгновенно мелькнули в памяти Шанхай, комната, обставленная во французском стиле, слова министра: «Да, да,

именно отойти и вернуть...»

Папенгут вряд ли заметил, как дрогнули губы Шэн Шицая в мимолетной ехидной усмешке, — во всяком случае, не должен был заметить.

— Поздравляю с большой победой! — высокопарно произнес бывший белогвардейский офицер.

— Если Цзинь Чжун и Тао Минью не хотят междоусобного пролития крови, пусть присоединяются ко мне. Они уже не извлекут выгод из политической игры.

— Я берусь уладить это дело, ваше превосходительство, — заверил Папенгут.

2

12 апреля 1933 года город Урумчи преобразился. Общественные здания, ворота городской цитадели, магазины — все было украшено флагами, а перед резиденцией правительства красовался огромный портрет Шэн Шицая. В людных местах города были развешаны объявления. В них сообщалось о низвержении Цзинь Шужэня, о том, что Шэн Шицай принял звание дубаня — верховного комиссара, генерал-губернатора Синьцзяна — и создал провинциальное правительство во главе с председателем (чжуси) Ли Шучженем. В новое правительство вошли сорок представителей различных национальностей, населяющих Синьцзян. Эта новость была необычайной — некитайцев допустили к управлению провинцией. Необычно и то, что объявления были написаны на двух языках — уйгурском и китайском.

Другие объявления призывали население приступить к мирному труду, в них приводились восемь пунктов правительственной декларации — о равенстве всех национальностей, свободе вероисповедания, местном самоуправлении, борьбе со взяточничеством и коррупцией, об улучшении условий жизни трудового люда, о культурно-просветительных мероприятиях...

Ознакомившись с этими громогласными и торжественными заверениями и обещаниями, население города высыпало на улицы, как в большой праздник. У всех было радостно-возбужденное настроение, люди ликовали, поздравляли друг друга:

— Вот и наступил светлый день!

— Это и есть свобода!

— Старый режим пал! Гнету пришел конец!

В толпе здесь и там появлялись шэншицаевские агитаторы, они выкрикивали лозунги, объявляли о конце векового угнетения, провозглашали отмену налогов, приветствовали новую жизнь и призывали народ отдать силы осуществлению «Декларации из восьми пунктов».

Пока никто еще не знал, чем на самом деле обернется этот «светлый день»: грандиозным обманом, временной уступкой народу или же реальностью, радостной действительностью на-долгие времена...

Многие искренне верили в перемены, радовались, ликовали, на стихийно возникавших митингах направляли поздравления и подарки Шэн Шицаю, дубаню — верховному комиссару, генерал-губернатору провинции. Для вручения поздравлений и подарков тут же избирались депутаты, в состав которых, как правило, входили уже известные нам Турсун-баба, Назар-кази и подобные им представители высшего сословия.

3

— Ну что ты все торопишься, Шицай! Ты уже который день толком ничего не ешь! — Шэн-тайтай преградила дорогу мужу..

— Сегодня у меня очень важное дело...

— Опять? И что это за нескончаемые дела?

— Необходимо закрепить! Упрочить власть!

— Но ты же стал дубанем! Все в твоих руках...

— Все решится сегодня...

Правительственная резиденция, в течение ста пятидесяти лет называвшаяся «цзяньцзюнь ямынь», теперь именовалась более демократично: «дубань гуншу» — «канцелярия дубаня».

Изменилось не только название — заменена обстановка, охрана... На кирпичной стене у центрального входа установлены пулеметы. У главных ворот раньше стояло четыре часовых, по двое справа и слева, — теперь их шестнадцать. Войти можно лишь по пропуску, и то после самой тщательной проверки. Наиболее подозрительных посетителей проверял сам начальник охраны. Сегодня их много — в канцелярию дубаня вызваны все сколько-нибудь значительные чиновники и офицеры. В специальной комнате им предложили оставить оружие и только после этого пропустили в зал. Там вызванные удивленно переглядывались друг с другом.

Собравшиеся с тревогой ожидали появления Шэн Шицайя. Тревога

возросла, когда заметили, что застекленная веранда, через которую можно пройти в сад, заполнена вооруженными солдатами.

Никто не посмел поинтересоваться, для чего вызваны солдаты. Только Цзинь Чжун сказал сидевшим вокруг единомышленникам::

— Не пахнет ли заговором?.. — Его обычно бледное лицо стало еще блее.

— Если ты, начальник штаба, ничего не знаешь, откуда нам знать? — Тао Минью снял очки и растерянно заморгал глазами.

— Чему тут удивляться — новый правитель стремится к неограниченной власти, вот и пугает.

— Да, такой ввергает в беду прежде всего окружающих, — заявил Тао Минью.

Лю Шаотен возразил:

— Но у него же нет оснований...

— Оснований? Какие основания нужны авантюристу? — обозлился Цзинь Чжун. Теперь он горько каялся в том, что поверил Шэн Шицаю.

Тем временем появился адъютант Шэн Шицай Лю Бин с десятком солдат.

— Господа! — крикнул он. — Цзинь Чжун, Лю Шаотен, Тао Минью пытались совершить государственный переворот!

— Ты что мелешь? — вскипел Цзинь Чжун. Рука его потянулась к поясу, но он вспомнил, что оружие у него отобрали, и до крови прикусил губу.

По знаку Лю Бина солдаты накинулись на трех «заговорщиков» и связали их.

— Пусть выйдет палач Шэн! — выкрикнул Цзинь Чжун.

— Где этот негодяй? Чего же вы молчите, господа? Нас обвиняют ложно!..

Никто не пошевелился в ответ.

— Выводите! — приказал солдатам Лю Бин.

Солдаты выволокли всех троих в уголок сада и тут же расстреляли на глазах присутствующих.

Шэн-дубань, наблюдавший сверху — из окна второго этажа — за происходящим, свободно вздохнул и облизнул губы.

В зале установилась гнетущая тишина.

— Сидите спокойно! — прогремел голос неожиданно появившегося Шэн-дубаня. Этот голос заставил вздрогнуть сердца сидевших. — Подлецы хотели расправиться не только со мной, но и с лучшими нашими людьми во главе с Ли-чжуси...

Все молчали. Только Папенгут решился произнести:

— Собакам собачья смерть!

Шэн Шицай, взглянув на него, продолжал:

— Среди вас есть последователи Цзинь Чжуна, я знаю. Их вина не так значительна. Если они раскаются, никто их преследовать не будет...

Головы сидевших чиновников в страхе опустились еще ниже.

— Если приспешники Цзинь Чжуна не напишут подробно о своем раскаянии, будут приняты крутые меры! — Прокричав это, Шэн-дубань удалился так же неожиданно и стремительно, как и появился.

Перепуганные чиновники и офицеры долге еще не смели пошевеливаться. Им было страшно от мрачного вида Шэн Шицай, от его грозных слов. Кто знает, какая участь ждала каждого из них...

Так в Синьцзяне началась «новая эра».

Глава двадцатая

1

Ма Чжунин вновь вступил на территорию Восточного Туркестана. Его дивизии заняли Кумул, без всякого сопротивления дошли до Гучена и взяли его.

Шэн Шицай в это время больше заботили «внутренние враги», для борьбы с ними он сосредоточил все силы в Урумчи. Путь для Ма Чжунина был открыт.

Создалось положение, при котором главную роль на военно-политической арене Восточного Туркестана стали играть два пришельца — Шэн Шицай и Ма Чжунин и стоявшие за ними силы. Ходжанияз — третья реальная сила — не примкнул ни к тому, ни к другому, он готовился к походу на юг. Шэн Шицай верно оценил смертельную угрозу со стороны Ма Чжунина и попытался перетянуть Ходжанияза на свою сторону. Он вызвал Юнуса и поручил ему отправиться к Ходжаниязу для переговоров. С караваном подарков Юнус прибыл в Пичан, где Ходжанияз разбил временный лагерь.

— Говорите с ним вы, афандим. Боюсь, что он такой же лжец, как приезжавший раньше Турсун-баба, — сказал Ходжанияз Пазылу.

— С ним вместе сам Назар-кази, это могут расценить как невежливость. Примите вы их, Гази-ходжа, — заговорил Хатипахун.

Ходжанияз покосился на него, но ничего не сказал.

— Вы, Хатипахун, не политик и лучше не вмешивайтесь, — оборвал муллу Моллахун.

Пазыл вышел вместе с Заманом и Сопахуном.

— Пришло время встретиться лицом к лицу со своим заклятым врагом. Готовься, Заман! — пошутил Пазыл во дворе.

— Это хорошо, Пазыл-ака!

— Не растеряешься?

— А чего теряться, Пазыл-ака?

— Вы с Сопахуном оденьтесь как следует, не забудьте об оружии, — посоветовал Пазыл.

Когда все было готово, он послал за приехавшими.

— Пожалуйста, Юнус-байвачча, я давно мечтал встретиться с вами, — приветливо начал разговор Пазыл...

Юнус поздоровался с Пазылом, Сопахуном, протянул ладонь и Заману, не узнав его, но вдруг отдернул руку и даже отступил на шаг. Новый, по фигуре, бешмет, зеленые брюки, сапоги с высокими голенищами и перекрещивающиеся на груди ремни о маузере и саблей — так выглядел Заман. «Вот где он, подлец...» — подумал Юнус, пораженный встречей. Однако взял себя в руки, поздоровался с Заманом.

— Гази-ходжа уполномочил нас говорить с вами обо всем, — сказал Пазыл после того, как гости расселись.

Презрительно покосившись на Сопахуна и Замана, Юнус ответил:

— Как и полагается, вначале мы хотим вручить письмо Шэндубаня. — Он протянул письмо.

— Читай вслух, Заман, — Пазыл передал письмо Заману.

Тот начал читать:

— «Виновник тяжелого положения народов Синьцзяна Цзинь Шужэнь ниспровергнут. Цель нынешнего правительства — создание счастливого Синьцзяна. Объявленная политическая декларация из восьми пунктов полностью отвечает чаяниям народа.

Большинство членов нового правительства — представители местных национальностей. Если бы вы, господин Ходжанияз, прибыли в Урумчи, мы вместе трудились бы на благо народа, которому нужна мирная, спокойная жизнь. Я сторонник мира. Не желаю враждовать с вами. Ма Чжунин обманул вас. И теперь в надежде овладеть Синьцзяном бросился в кровавый поход. Если

мы, объединясь, изгоним этого пришельца, народ будет доволен нами. Верьте мне, я не обману вас, подобно Ма Чжунину. Я сторонник народовластия...»

— Народовластие — слово священное, — заметил Пазыл, когда письмо было прочитано.

— Шэн Шицай разрабатывает проект соответствующих реформ. Широких прав для народа можно добиться и без пролития крови. Верьте мне, Пазыл-афанди, — сказал Юнус.

Заман вмешался в разговор:

— Как верить человеку, организовавшему кровавую провокацию в Кульдже?

Юнус побледнел.

— Заман правильно сказал. Шэн Шицай, Ма Чжунин и их приспешники многому научили нас. И теперь мы знаем, кому верить и кому не верить...

— Вы, — прервал Юнус Пазыла, — опьянены пролитой кровью. Вы закрываете глаза на народные бедствия.

— Да, мы проливаем кровь в боях, зато не пьем кровь жертв, как Шэн-дубань. Мы понимаем, что без борьбы не добиться освобождения родины.

— На что вы надеетесь, Пазыл-афанди?

— Мы надеемся на силы народа и на победу правого дела! — резко ответил Пазыл.

Юнус помолчал, прежде чем ответить:

— Безрассудно говорить о победе, не опираясь на Шэн Шицай или Ма Чжунина!

— Напротив, безрассудно ждать чего-либо хорошего от этих двух палачей! И те предатели, которые будут искать опору у пришельцев, стремящихся поработить наш край, несомненно, предстанут перед судом народа!

Каждое слово Пазыла попадало в цель, как пуля. Юнусу было нечего ответить. Гордый бай, известный на весь Синьцзян, был жестоко посрамлен и горел от стыда и обиды. Он горько раскаивался, что взял на себя столь неблагоприятную миссию. Досадно было и то, что свидетелем его позора оказался Заман.

— Шэн-дубань послал нас, чтобы предотвратить кровопролитие. Если вы не согласны, вам придется ответить перед богом за кровь правоверных, — проговорил Назар-кази.

— Если Шэн-дубань не желает пролития крови, пусть уходит из

Синьцзяна, — ответил Соплахун.

— Мы проводим его с почестями, — добавил Заман.

— И Ходжанияз думает так?

— Да, почтенный байвачча, мы высказали мнение Ходжи-ака, — подтвердил Пазыл.

— Нам хотелось бы встретиться с Ходжаниязом.

— Мы сообщим ему о вашем желании.

— Шэн-дубань прислал подарки, примите их, пожалуйста.

— Как можно принимать в качестве подарков то, что награблено у народа?

На этом беседа завершилась.

От встречи с Ходжаниязом Юнус тоже ничего не добился. Делегация в тот же день отбыла обратно.

2

«Мы оба охотники, пришедшие за добычей. Вначале поборемся. Кто окажется сильнее, тот и займет почетное место» — таков был смысл ответа Ма Чжунина первым посланцам Шэн-дубаня. Шэн Шицай отправил новое посольство с предложением мира и союза против Ходжанияза. Ма Чжунин ответил:

«Ты предлагаешь мне Южный Синьцзян. Я не верю твоим обещаниям, но попробуем договориться. Мои условия: дубанем в Синьцзяне буду я, а ты — председателем провинциального правительства. Если согласен — решайся».

Соперники пытались поймать друг друга на удочку, но оба оказались одинаково хитры — ни тот, ни другой не клюнул. Остался один исход — померяться силами на поле боя...

Шэн-дубань собрал в кулак свои силы, в составе которых был и полк Папенгута, и двинулся из Урумчи к селению Сантай, где объединился с частями из Гучена и Турфана...

Как картежник, пошедший ва-банк, Шэн Шицай бросил в предстоящее сражение все, что имел. В центре расположилась пахотная дивизия, на правом фланге — конный полк Папенгута, на левом — специальный конный полк. Еще два полка стояли в резерве в семи километрах, у холма Караташ.

Ма Чжунин тоже готовился к сражению тщательнее, чем раньше. Перед ним был сам Шэн Шицай, с которым давно уже искал он встречи в открытой схватке. Эта схватка решит судьбу!

Га-сылин тоже разделил свои войска. В центре он поставил бригаду Ма Шимина из местных дунган, на правом фланге в засаде находился конный отряд. Главный удар было решено нанести в конце сражения силами левого фланга, где и сконцентрировалась основная масса конницы.

Ма Чжунин со своими войсками стоял восточнее селения Сантай, Шэн Шицай — западнее. На юге тянулись цепи Тянь-Шаньских гор, на севере — непроходимые болота Уркут. Путь для Ма Чжунина был только один — с востока на запад. Обе стороны приготовились к сражению...

Ма Чжунин вскочил на коня, вынул саблю, направил ее острие в сторону противника, грозно крикнул:

— Ша!

Тысячи голосов бригады Ма Шимина подхватили:

— Ша! Ша! Ша! — Как черная буря, рванулась в атаку дунганская конница.

В своем яростном рывке она могла смести с пути все. Но едва дунгане приблизились к противнику, как их встретил шквал огня из винтовок, пулеметов и орудий. Пали наземь лошади, люди, в ужасающий адский шум слились гром пушек, выстрелы, ржание коней, крики людей...

Поняв, что бригаде Ма Шимина не сломить врага, Га-сылин бросил в бой конницу правого фланга. С обнаженными саблями вихрем налетела она, и специальный конный полк Шэн Шицай дрогнул под ее напором. Спасая положение, дубань приказал полку Папенгута вступить в бой. Опытные, прошедшие фронты первой мировой и гражданской войн, конники Папенгута вклинились сбоку в ряды дунган. Удача склонилась на сторону Шэн Шицай.

Га-сылин решил нанести последний, решающий удар. Взяв в обе руки по сабле, с криком: «Ша! Ша! Ша!» — ринулся он вперед, в гущу боя, увлекая за собой всю конницу левого фланга.

Сам Шэн Шицай не сдержал восхищения воинственным видом Ма Чжунина. Удар мачжуниновской конницы был неотразим. Оправясь от потерь, полуразгромленные части правого фланга и центра дунган, воодушевленные атакой Га-сылина, вновь вступили в бой. Перевес оказался на стороне дунган, оставалось лишь закрепить победу. Тогда Шэн Шицай, чтоб сохранить хоть какие-нибудь силы, приказал отступать. Уже густели сумерки, пошел дождь. Это помешало дунганам развить успех.

Отлично зная местность, части Шэн-дубаня под прикрытием темноты перегруппировались и пропустили конницу Га-сылина мимо себя — на засадные полки, которые со свежими силами встретили дунган. Когда завязался бой, перегруппировавшиеся части Шэн Шицай ударили по Ма Чжунину с тыла и взяли его в кольцо.

Га-сын кое-как, вырвался из окружения и с остатками войск ушел к Турфану.

Так Шэн Шицай одержал важную для себя победу.

Глава двадцать первая

1

Ходжанияз, узнав о поражении Ма Чжунина, сказал:

— Вот, предал меня, а теперь получил по заслугам.

— Пакостник попадает в беду сам — говорят в народе, — ответил Моллахун.

— Ма Чжунин и Шэн Шицай — наши враги, один ненавистнее другого. Теперь они будут собирать силы и, несомненно, схватятся еще не раз. Нам надо использовать создавшееся положение, — заговорил Пазыл. — Мы должны набрать новых бойцов, обучить их военному делу, создать регулярные воинские части. Восставшие районы необходимо объединить и централизовать управление повстанческими силами. Сейчас каждый сам себе хозяин: в Аксу — Томур, в Кашгаре — Осман, в Хотане — Шамансур. Бывает и так, что они враждуют друг с другом. А это на руку врагам. Мы можем рассчитывать на победу лишь в том случае, если объединим все силы и возглавим их.

Все согласились с Пазылом. Назавтра двухтысячный отряд во главе с Ходжаниязом направился к городу Кур-ля. Через два дня выступил отряд Пазыла в пятьсот человек. Он шел к Курля кружным путем — через долину Юлдуза, где должен был соединиться с Бато, уехавшим туда заранее — пополнить ряды повстанцев монгольскими джигитами.

Будто серебряные купола, сверкали снежные вершины Тянь-Шаня. Солнечные лучи, отражаясь от ледников, как от зеркал, слепили глаза. Бойцы, спешившись, с трудом карабкались вверх по кручам. Уже три дня подряд не отдыхали они, и лошади едва держались на дрожащих от усталости ногах. Достаточно было одного неверного движения — и

навьюченный конь, соскользнув, летел вниз со скал, а через короткое время снизу, со дна ущелья, доносилось гулкое эхо...

Отдохнув на перевале, начали спуск.

— До наступления темноты нужно выбраться из ущелья, — торопил Моллахун, хорошо знавший эти места.

Во избежание неожиданностей Пазыл направил вперед дозор из двадцати конников. Примерно через час примчался связной:

— У выхода из ущелья замечен вооруженный отряд!

— Наверное, карашарские дунгане. Видимо, хотят прямым путем через Токсун выйти к войскам Ма Чжунина, — предположил Моллахун.

— Ничего хорошего от этой встречи ждать не приходится. Ты, Заман, беря две сотни людей и иди вперед. Если пропустят, не трогайте их! — приказал Пазыл.

— Хорошо! — Заман с двумя сотнями джигитов поспешил вперед.

— С этого склона можно свалиться дунганам прямо на головы, — сказал, Моллахун.

— Вы, Моллахун-ака, вместе с грузом идите вслед Заману, — распорядился Пазыл. Сам он с оставшимися людьми начал карабкаться на склон, указанный Моллахуном.

Моллахун не ошибся. Около двухсот вооруженных дунган двигались навстречу отряду Пазыла через перевал на Токсун. Завидев впереди небольшой дозор, они решили прибрать к рукам легкую добычу и приготовились к бою. Когда люди Замана подъехали ближе, дунгане открыли огонь. От первого же залпа около десяти бойцов свалились с коней.

— Спешиться! — скомандовал Заман, и бойцы заняли оборону, укрываясь за камнями.

Дунгане занимали господствующие высоты, потери в сотнях Замана росли — нельзя было оторвать голову от камней, так метко вел огонь противник.

— Вперед, братья! — крикнул Заман и, встав во весь рост, бросился в атаку.

Бойцы ринулись за ним, но вновь вынуждены были прижаться к скалам, ибо дунгане спокойно расстреливали их. Еще какое-то время вражеская цепь вела огонь, потом человек пятьдесят с криком: «Ша! Ша! Ша!» — двинулись вперед. Но когда они, шурша камнями, подобрались близко к бойцам Замана, на вершине склона появились люди Пазыла. Своим огнем они нанесли дунганам большие потери. Дунгане в панике побежали.

— Не выпускайте живыми этих убийц! — крикнул сверху Пазыл, и тут вражеская пуля свалила его с коня.

— А-фан-дим! — бросился к нему ехавший рядом Розы.

Когда, разгромив врага и взяв в плен около полусотни дунган, бойцы во главе с Заманом вернулись обратно, Пазыл был без сознания. Моллахун сидел у изголовья и пытался напоить его. У Розы по щекам ползли слезы.

Увидев все это, Заман замер, застыл, как изваяние. Пазыл открыл глаза. Узнал Замана, взглядом попросил подойти. Только теперь Заман, упав к ногам Пазыла, зарыдал.

— Н-не плачь, З-за-ман, — ясным голосом проговорил Пазыл. — Слезы н-не к лицу борцу... — Он снова закрыл глаза. По его лицу было заметно, что хочет сказать еще что-то. — Пить!

Отхлебнув глоток из фляги, он сжал руку Замана.

— Я ошибся... Нужно было... создать трудовую партию... для руководства... восстанием... — Он ослабел, умолк и опять отпил воды. — Заман, помни, что я сказал... Не п-пов-то-рряйте эту ошибку...

Пазыл еще раз пожал руку Замана, закрыл глаза. Его лицо было спокойно: он, казалось, был уверен, что освобождение, за которое он отдал жизнь, обязательно придет...

Предприимчивостью, энергией, решительностью Шэн-дубань превосходил всех (не считая, конечно, Ма Чжунина), кто оказался на арене борьбы в Синьцзяне. Он понимал, что имеющихся у него сил для победы мало. Поэтому переворот 12 апреля был не просто сменой правителей — он привел к резким переменам во внутренней и внешней политике. Основная цель Шэн Шицая заключалась в том, чтобы любой ценой сохранить Синьцзян как часть Китая, упрочить свое положение всеильного владыки в провинции. Ради этого он готов был использовать любые средства.

Он провозгласил принцип «равноправия и сплочения национальностей» и даже предпринял ряд маневров в этом направлении. Но положение в провинции еще не стабилизировалось, оно находилось в том крайне опасном и неустойчивом состоянии, когда необходимо действовать очень осторожно, учитывая каждую мелочь, в одних случаях принимая решительные меры, а в других — терпеливо выжидая.

Шэн Шицаю, помимо мелких противников, противостояли три силы:

Ма Чжунин, захвативший Турфан, Токсун, Карашар, повстанцы Ходжанияза и, наконец, Исламская республика в Кашгаре. Шэн Шицай стремился не допустить их сплочения, искал среди них союзников для себя и лихорадочно проводил военные приготовления. Были значительно укреплены важнейшие стратегические пункты провинции — Урумчи, Гучен, Шихо, Чугучак, усилена деятельность разведывательных органов. Но о спокойствии думать не приходилось. Мало, очень мало еще точек на карте Синьцзяна, где осуществляется его власть...

— Разрешите, господин дубань? — Вошедший Лю Бин прервал размышления Шэн Шицая над картой провинции.

Дубань резко обернулся, спросил:

— Что известно о Ма Чжунине?

— Пополнил свои войска за счет местных дунган Турфана, Токсуна, Карашара, готовится к боям.

— Что еще?

— Произошли стычки дунган с отрядом Ходжанияза, который отошел к югу.

— Да. В стычке на горном перевале убит Пазыл. Это хорошая весть. Мы избавлены от одного из самых опасных врагов. Но положение все еще ненадежно... Что делает Чжан Пейюань в Кульдже?

— Я не получил сообщений...

— Начальник штаба должен знать обо всем. По моим данным, Ма Чжунин сговорился с Чжан Пейюанем, и они хотят наступать на Урумчи с двух сторон — от Турфана и Кульджи.

— Не может быть! Неужели Чжан Пейюань предаст нас дунганам?

— Очевидно, личная неприязнь для него превыше нашего единства. Это очень опасно.

— Конечно... Внутренние разногласия всегда опасны...

— С сегодняшнего дня, Лю Бин, вы возглавляете оборону Урумчи.

— Слушаюсь, господин дубань!

— Нужно укрепить оборону Шихо, Манаса, всех важных пунктов по Кульджинской дороге.

— Слушаюсь!

— Чжао прибыл?

— Ждет.

— Пусть войдет.

Лю Бин вышел. Появился Чжао, молча склонил голову с отметиной.

— Думаю назначить тебя на очень ответственный, пост...

Глаза Чжао ликующе блеснули. Вместо ответа он склонил голову еще

ниже.

— Будешь руководить управлением государственной безопасности.

— Слушаюсь!

— Подожди. Я назначаю тебя на эту должность потому, что ты выдержал испытание...

— Я оправдаю ваше доверие, господин...

— Ты знаешь о разногласиях между руководителями восстаний в Аксу, Кашгаре, Хотане.?

— Да. Они спорят о том, кто будет главным.

— Правильно. Но теперь их объединил Сабит-дамолла и объявил Исламскую республику. — Шэн Шицай достал из шкафа листок, исписанный по-уйгурски и по-китайски. — Читай!

Чжао начал внимательно читать. Это была программа правительства Исламской республики. В ней говорилось, что Исламская республика является государством религиозно-политического характера с центром в Кашгаре. Премьером правительства из восьми министров объявлялся Сабит-дамолла, Ходжанияз заочно провозглашался президентом.

Было легко догадаться, что программа эта составлена отнюдь не профаном в политике, что автор ее человек грамотный и умный.

— Удивительно... Неужели за ними кто-то стоит? — проговорил в задумчивости Чжао.

— Утверждают, что Сабит-дамолла образованный человек, обучавшийся в Египте. Как бы там ни было, надо вбить клин между ними. Понял?

— Понял!

— Я вызвал в Урумчи Юнуса. Поручим ему выполнить это дело. Объясни ему все, что нужно. Через час я приму его.

— Слушаюсь, господин дубань!

— Да, подожди. Ты мне докладывал, что арестовал Лопяна. Освободи его... Да, да, не удивляйся. До поры до времени коммунистов трогать не будем, даже привлечем их к культурно-просветительным мероприятиям... Понимаешь? Но глаз с них не спускать!

Через час Шэн Шицай принял Юнуса.

— Как думаешь, правительство Сабита поддержат народы Синьцзяна? — спросил дубань.

— По-моему, — как старательный ученик на уроке заговорил Юнус, — Исламская республика — это мыльный пузырь, который в нынешней обстановке должен очень скоро лопнуть.

— Нет, — поморщился Шэн Шицай, — Сабит-дамолла не простой человек... Он начал с организации, мысль о которой не приходила Ходжаниязу в голову в течение целых трех лет.

— Может, и не совсем так, — заявил Юнус, понявший свой промах в начале разговора.

— До сих пор я был спокоен за юг, ибо главари мятежников в Кашгаре, Аксу, Турфане никак не могли договориться. Томур требовал должности главнокомандующего, Осман грабил Кашгар, Шамансур хотел стать хотанским эмиром, а Ма Чжунин пытался подчинить себе всех. Борясь между собою, они развязывали мне руки. А теперь, друг мой, нельзя быть безразличным к Сабиту-дамолле, объединившему их.

— Я уверен, что конфликт между Ходжаниязом и Ма Чжунином будет продолжаться, — сказал Юнус.

— Нельзя строить планы на такой уверенности. Если Ма Чжунин объединится с Сабитом-дамоллой... Во что бы то ни стало надо усилить вражду между ними.

— Правильно.

— Если правильно, то выполни это.

— Я? — Юнус удивился, даже испугался.

— Поедешь в Кашгар. Ты должен взять в свои руки Сабита-дамоллу. А Ходжаниязу я беру на себя. Я его опутаю в Курля...

— Очень трудная задача...

— Я уверен, что мы с тобой справимся. — Дубань похлопал Юнуса по плечу.

Тот не смог отказаться от поручения. Еще некоторое время они уточняли детали, а потом Юнус собрался уходить. Дубань, улыбаясь, спросил:

— Ты помнишь барышню Чжу? Хочешь увидеть ее?

— Чжу-шожа? — Глаза Юнуса заиграли.

— Она здесь. Вчера прибыла из Шанхая.

— Да ну?

— Только тебе одному могу разрешить ее видеть...

Глава двадцать вторая

Январь 1934 года был холодным: от стужи околевали собаки, замерзали на лету птицы. В такой жестокий мороз войска Ма Чжунина прошли через перевал Даванчин и обложили Урумчи. Город был отрезан от внешнего мира, Шэн Шицай не мог теперь надеяться на помощь извне, и Ма Чжунин предвкушал скорую капитуляцию своего противника. Загнанный в городскую цитадель, Шэн Шицай, однако, сдаваться не спешил, яростно огрызался, отбивал атаки дунган, хотя артиллерийский обстрел наносил обороняющимся большой урон.

В эти лютые морозы дунгане дни и ночи находились на открытом воздухе. Чтобы как-то обогреться, они рубили на дрова все окрестные постройки и скотные дворы. Когда по ночам зажигались их бесчисленные костры, казалось, что горит вся земля вокруг города.

Однако сам Урумчи все-таки еще не был взят, и на восьмой день осады разъяренные дунгане начали решительный штурм. В пылу сражения, когда наступавшие уже достигли крепостных стен, в тыл им ударили подошедшие на помощь части... Ма Чжунин, казалось, уже схватил врага за горло, но вдруг этот неожиданный удар с тыла свел на нет все его успехи...

Взбешенный Га-сылин, как раненый зверь, бросился в атаку, принудил подошедшие части отступить до Санджи, уничтожив целый полк. Однако противник успел перегруппироваться и, воспользовавшись превосходством в технике, нанес Ма Чжунину мощный контрудар.

Потерпев поражение, Ма Чжунин вынужден был отступить, и его отступление скорее походило на бегство. Больше половины хорошо обученной десяти тысячной дунганской армии осталось лежать в глубоких снегах на пути к Токсуну...

Огонь маленького дымного очага едва освещал камышовый потолок крохотной комнатухи. Га-сылин еще несколько дней назад, когда готовился расположиться в «дубань гуншу», чтобы править оттуда Синьцзяном, никак не мог предположить, что очутится в этом жалком курятнике. Удрученный поражением, огромными потерями, он погрузился в мучительные, путаные думы. Ему хотелось все понять, распутать, но это ему не удавалось. По молодости своей он еще не осознал, что в этой запутанности отражаются сложные законы жизни, которых он раньше и знать не хотел: просто верил в свою звезду, стремился к ней и теперь был жестоко наказан. Он проиграл не потому, что был молод или бездарен. Он ошибся, и ошибка его заключалась в том, что он не понял сложившейся в Синьцзяне обстановки, не знал, как повести себя в создавшихся условиях, да и не стремился узнать, ибо не сумел подняться выше дунганских

узконациональных устремлений. Только сейчас, сидя перед дымящимся очагом, он начал понимать все это и терзался жестоким раскаянием.

— Разрешите? — Ма Шимин приоткрыл едва державшуюся на петлях дверь.

Га-сылин наклонил голову.

— Посланец от Шэн-дубаня.

— Посланец? — поднял голову Ма Чжунин.

— Посланец...

— Что он хочет сказать?

— Если мы решим уйти из Синьцзяна — дорога открыта.

— Нет. Теперь соглашаться на это тяжелее смерти... — Ма Чжунин достал из нагрудного кармана блокнот, быстро написал: «Дубань, ты выиграл. Возможно, это судьба. Я не могу простить себе ошибки в выборе сил, на которые можно было опереться...» Протянул листок Ма Шимину:

— Отдай посланцу.

— Слушаюсь!

— Сколько с нами людей?

— Около тысячи... Но все очень устали...

— Ничего. Мы пришли сюда воевать. И будем воевать...

— Когда тронемся в путь? — спросил Ма Шимин.

— Подождем два-три дня известий от Чжан Пейюаня...

Не видя в командующем прежней решительности, Ма Шимин тяжело вздохнул.

— Разрешите доложить? — на пороге появился адъютант. — Прибыли двое из Кульджи.

— Пусть войдут.

Адъютант ввел двух дунган, одетых в тулупы и лисьи шапки.

Пришельцы рассказали следующее. Илийские дунгане, взяв Кульджу и объединившись с войсками Чжан Пейюаня, собрались было в поход, чтобы присоединиться к Га-сылину, как вдруг появились отряды противника. Они взяли Куре, затем двинулись на Кульджу и разбили дунган наголову. Чжан Пейюань покончил с собой...

— Это рок! — пробормотал Ма Чжунин.

Все погрузилось в гнетущую тишину, лишь в очаге время от времени трещали дрова. Наконец командующий поднял голову:

— Готовьтесь, тронемся в путь!

Заман пришел в штаб с небольшим опозданием против назначенного срока. Почтительно поздоровавшись со всеми, он устроился рядом с Моллахуном. Ходжанияз сидел, скрестив ноги, на толстых одеялах на почетном месте и то и дело гладил руками бороду. Можно было заметить, что он пал духом, хотя старался не показать этого. Появление Замана прервало разговор, и Ходжанияз подал знак сидевшему рядом человеку, которого Заман видел впервые:

— Продолжайте.

— Господина Гази-ходжу давно ждут в Кашгаре уважаемые люди во главе с Сабитом-дамоллой. Когда его высокопревосходительство займет пост президента, мусульманский народ достигнет своего, иншалла!

«Откуда взялся этот умник?» — подумал Заман и шепотом спросил Сопакхуна, но Сопакхун лишь подмигнул ему — слушай, мол, поймешь сам. И действительно, понять было нетрудно, Сабит-дамолла, назначивший себя «премьер-министром», давно приглашал Ходжанияза прибыть в Кашгар и стать «президентом», но под влиянием Пазыла Ходжанияз упорно отклонял эти приглашения. А теперь Пазыла нет...

— Дорогой всем нам Кашгар должен стать центром ислама, — поддержал незнакомца Хатипакхун.

— Вот! — подхватил его слова «умник». — В Кашгаре под руководством Гази-ходжи мы создадим мощные исламские войска. И тогда сумеем отразить натиск Шэн Шицая и Ма Чжунина и победить их.

— Другого пути нет, — подвел итог Хатипакхун.

Но Ходжанияз продолжал молча теревить бороду. Возникла продолжительная пауза, и Заман, хоть это считалось неприличным перед старшими, нарушил молчание:

— Мы без боя отдали Ма Чжунину Курля. А теперь, значит, должны оставить Кучар и отступить в Кашгар...

— Вы еще младенец! — прервал Замана Хатипакхун. — Ничего не понимаете!

— Пусть я младенец, зато наши бойцы не младенцы!

— Что могут знать ваши бойцы? Все знает только Гази-ходжа! Вы...

— Заман правильно сказал, — вмешался Сопакхун. — Бойцы недовольны: если мы уйдем в Кашгар... — Сопакхун виновато посмотрел на Ходжанияза и замолк.

Но тут, окрыленный поддержкой, заговорил Заман:

— Отдать свой народ в руки врага...

— Подожди, Заман! — Обозленный Хатипакхун поднял четки. — Хорошо, допустим, мы остановим уже разбитого Ма Чжунина... А что

делать с Шэн Шицаем? Он силен, с ним не сладить.

— Мудрые слова, — подхватил незнакомец. — Прежде всего, нужно позаботиться о силах, которые можно противопоставить противнику, а потом уже действовать...

Ходжанияз был мужественным, отважным человеком, но как руководитель и политик он был слаб и плохо разбирался в хитросплетениях лжи и коварства. Поэтому после: смерти Пазыла он, растерявшись, стал следовать советам Хатипахуна и ему подобных. По их настоянию он сдал без боя Курля. Сейчас, прислушиваясь к спору, он должен был принять важное решение. И как никогда он вдруг понял всю тяжесть утраты Пазыла. Ему так не хватало сейчас надежного, умного друга!

— Что думаешь, Моллахун, ну-ка, говори! — повернулся он к Моллахуну. В его голосе можно было услышать просьбу о помощи.

— Что могу я сказать, Ходжа-ака? — Моллахун поднял голову, помолчал. — Вы наш вожак. Куда поведете, туда и пойдём...

— Бог даст хороший конец... Собирайтесь. Отправимся в Кашгар, посоветуемся... — сказал Ходжанияз, сам еще не придя к выводу, правильно ли это решение.

По приказу Ходжанияза последними покидали Кучар бойцы Замана. Народ провожал их за ворота города. Кучарцы совали бойцам узелки с хлебом и фруктами, напутствовали добрыми словами, плакали. Седобородые старцы не удерживались от упреков:

— Когда пришли вы к нам, души наши достигли рая... Что же теперь вы уходите, оставляя нас в руках врагов?

Слова эти ранили душу Замана, болью отзывались в сердце. «Сам не понимаю, куда мы бежим. Бежим от своего народа... Кому поверил Ходжа-ака? Ведь посоветоваться можно было и в Кучаре... Зачем ехать для этого в Кашгар?..»

Заман ехал среди бойцов, не замечая сказочной красоты цветущих фруктовых садов, их чистого белого наряда, он ехал, погруженный в тяжелые думы о прошлом, о настоящем, пытаясь проникнуть за черную завесу тайны будущих лет...

— Что-то не по душе мне этот поход! — прервал его мысли Розы.

— Думаешь, мне он по душе?

— А может, повернем коней обратно и сами начнем газават, мой ходжа?

— Нет, нельзя...

— Значит, как говорят в народе, конь рысит впереди, за ним трусит

овца, за овцой ползет змея: Шэн Шицай ползет за Ма Чжунином, а тот — за Ходжаниязом. А что будем делать мы, мой ходжа?

Заман горько рассмеялся. Рози просто, но точно истолковал положение. Те, кто пристально наблюдал за событиями со стороны, вскоре поняли, что борьба закончится победой Шэн Шицайя, и потому поспешили встать на его сторону — помочь расчистить от препятствий путь к победе. И кто знает, может, уже определились судьбы Ходжанияза, Сабитадамоллы, Ма Чжунина и даже выкопаны их могилы, кто знает. Эти тайны откроет только время...

— Я вспомнил слова, которые как-то сказал Пазыл-ака!

— Повторите их, — Рози приблизил своего коня.

— Он сказал, что социальный облик Восточного Туркестана изменят не твердолобые ходжи и муллы, находящиеся в плену предрассудков, не ученые афанди с их узким национализмом, не одинокие руководители, появляющиеся извне, — не на них нужно возлагать надежды. Историю, общество может изменить только сам народ и те люди, которые сумеют организовать его на борьбу и повести по правильному пути...

— Гм... — Рози не уяснил сразу полностью смысл этих слов, но, произнесенные искренне и горячо, они запали в его душу.

— К сожалению, — продолжал совсем тихо Заман, окидывая взором необозримые просторы Таримской долины, — к несчастью моему и моего народа, у нас пока не вырос такой руководитель... Когда он появится? Наверное, это тайна годов...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая

1

Солнце только-только поднялось над горизонтом, а городские улицы уже наполнились людьми. В море голов по обеим сторонам главных магистралей через каждые сто шагов выделялись своей неподвижностью украшенные полумесяцем со звездой малихаи — особого покроя шляпы с загнутыми кверху и разрезанными по бокам полями. Это стояли, очевидно для порядка, вооруженные солдаты — уйгурские парни; ладно сидела на них военная форма — бешметы и штаны из местной ткани, чекменя, и кожаные сапоги.

С пештаков — порталов — главных мечетей-медресе, Хейтка, Ханлик и других гремели барабаны и литавры, напоминая о днях больших праздников. Под их звуки кружился в торжественном шествии нескончаемый людской водоворот с бело-зелеными, красными флагами и плакатами: «Да здравствует Восточнотуркестанская республика!», «Изгоним злейших врагов нашей родины!», «Да здравствует Гази-ходжа!»

Народ из Когана, Тугменбеши, Самана, Пахтака и других пригородных селений Кашгара вливался в цитадель через Решетчатые ворота на востоке, Песчаные — на юге, Новые — на западе и Ярбагские ворота на севере и впадал в городскую толпу, как реки в море.

— У-у... Можно ли верить глазам своим? Кто бы знал, что в Кашгаре столько народу! — растерянно ахал Турди.

— А что вы, приятель, когда-нибудь хотели знать, кроме своего золота-серебра? — усмехнулся Юнус-байвачча.

Турди огрызнулся:

— Да и вы, байвачча, мало что знаете, кроме как путаться с красотками! — И сам засмеялся своей шутке.

Вслед за ним рассмеялись окружающие. Уязвленный Юнус собрался ужалить в ответ Турди, но из толпы кто-то окликнул их:

— Эй вы, купцы! Спускайтесь сюда, если не прикованы к своей повозке!

— Сам сюда иди, чудак господин! — крикнул Турди.

Плотный, коренастый человек, держа под руку товарища, протолкался к коляске. После взаимных приветствий Турди предложил:

— Забирайтесь сюда — с коляски хорошо видно.

— Спасибо, Турди-ака! Но что интересного — торчать колом на одном месте? Идемте в толпу! Или вам трудно таскать свое брюхо? — улыбнулся коренастый.

— Попали в точку. Наш приятель из тех, что и в сортир верхом на лошади ездят, — вставил Юнус. Все расхохотались, и Турди тоже. — А кто они? — спросил Юнус, когда все замолчали.

— Это поэт Шапи, — ответил Турди. — Берегитесь, байвачча, как бы не попасть вам в его стихи!

Юнус слышал кое-что об этом человеке. Шапи было под сорок, он слыл одним из тех новых кашгарских интеллигентов, которых на одежде европейского покроя прозвали «короткополыми господами». Его считали первым из поэтов, чьи сердца посвящены родине.

— Мне говорили о вас, — сказал Юнус, внимательно разглядывая Шапи.

— А этот вот, что прижмуривает глаз, как голубенок, — Аджри, — Турди показал на юношу лет восемнадцати, маленького, щупленького, с раскосыми глазами. — Он тоже не из прилизанных сладкозвучных поэтов.

— Изучает усердно арабский и персидский языки и литературу, — добавил Шапи, словно гордясь спутником.

Один из солдат, наблюдавших за порядком, преградил коляске путь и сказал, что дальше ехать не разрешается.

— Идемте, Турди-ака. Мы вас поведем! — пригласил Шапи.

Вчетвером, взяв друг друга за руки, чтобы не потеряться, они двинулись вперед. Толстякам вроде Турди, конечно, было трудно протискиваться в толпе.

— Вы, наверное, целый год не переступали порога бани. Вот и попаритесь бесплатно, — не переставал дурачиться Юнус.

— Я и вправду вымотался, — взмолился Турди.

— Потерпите, Турди-ака, Хейтка совсем близко, — начал уговаривать Шапи.

— Неужели все эти люди собрались сами по себе? — спросил Юнус.

— Готовились-то давно. А кроме того, разве кашгарцы не падки на новости и перемены? В таких случаях кто усидит дома? Не слышите, у всех на устах «Гази-ходжа»?

— Но скажите, братец, что же хорошего принесет жалкому народу желанный «Гази-ходжа», который у всех на языке? — Юнус внимательно

посмотрел на Шапи.

— Народ не жалок. Жалок тот, кто не умеет верно оценить его мощь, — отозвался Шапи.

— Люди как овцы, — настаивал Юнус. — Был бы хороший пастух...

— Нет! — перебил его Шапи. — Вы повторяете старые предрассудки, дорогой! Народу нужно просвещение, про-све-ще-ние! Вот тогда он не будет ничьей овцой.

— Народ не виновен в том, что на него обрушены все беды и несчастья, что его судьбами торгуют сидящие на его шее! — вступил в спор Аджри.

— Вдвоем вы, похоже, готовы меня съесть. Придет еще время поспорить с вами поодиночке, — попытался отшутиться Юнус, а Турди ухмыльнулся: «Предупреждал же, что язык поэтов — шило. Вот и колется...»

С большим трудом протолкались они до площади Хейтка. Здесь людская масса, казалось, не имела ни конца ни края. По шариату женщинам запрещено участвовать вместе с мужчинами в каких бы то ни было собраниях, однако на площади среди темных мужских шапок бросались в глаза и пестро-зеленые женские паранджи. Музыканты загремели сильнее в барабаны и литавры, соперничая между собой, в лад им застучали бубны, призывая певцов и танцоров. На крышах строений, лавок, столовых становилось все больше и больше женщин и детворы. Ребятишки, как галки, облепили все деревья вокруг. На площадь стало уже невозможно втиснуться. Однако людской поток, вливавшийся через четверо больших ворот, не прерывался...

Один из трех военачальников с крыши перед куполом мечети помахал флагом с изображением звезды и полумесяца. Это был сигнал. По нему воинские подразделения четким строем двинулись к Ярбагским воротам, разрезая надвое людское море. Грянула военная песня-марш, широко распространенная тогда в народе:

Мы славное воинство,
Знамя — знак достоинства.
За тебя, Уйгурстан мой,
Мы пойдем на смертный бой,
Цвети, цвети, край родной.
Славься, доблестный герой.

Песню подхватили люди, строем двинувшиеся за солдатами, — многие тысячи голосов...

Главный назир Сабит-дамолла вместе с другими вождями выехал навстречу Ходжаниязу. На северной Кашгарской дороге, ведущей в Урумчи, воздвигли сразу же за Ярбагским мостом шатер. Вокруг расставили охранников, а большой отряд наблюдал за порядком и спокойствием среди горожан, растянувшихся в две бесконечные шеренги от площади Хейтка до шатра.

Весна рано приходит на юг Восточного Туркестана. С начала марта установилась ровная погода, однако обычный для этого времени холодный ветер с гор Калпун начал пронизывать тех, кто был легко одет. К тому же в суматошной утренней горячке многие не успели позавтракать, и вот под воздействием голода и холода то тут, то там началась воркотня.

— Ехать так пусть едет этот самый Гази-ходжа! Ох, Хейтахун, ветер мне всю душу выдул, — пожаловался соседу пожилой человек.

— Если б даже с неба ему появиться — и то уже пора бы, — откликнулся кто-то.

— Наши великие выгнали нас на рассвете, как стадо коров! — Тот, кого называли Хейтахуном, спрятал продрогшие руки на груди, под одеждой.

— Меня-то, дурака, кто звал? — Сказавший натянул на уши шапку с белым мехом, сплюнул с досады на-свай. — Чем идти встречать безумца, продавал бы на базаре свою самсу!^[25]

— А я только золу из очага выгреб и манты на каскан^[26] разложил — Муса-фанатик торчит над головой, как цирюльник. Если бы не его плеть, ни к чему мне такой переполох, одинокий я, — сокрушался продавец манти, засунув руки в рукава замасленного чапана.

— У меня так и осталась недотканной половина холста. Если к полудню не закончу и не сдам хозяину, он не заплатит мне, — плакался продрогший ткач-наемник.

— Ну что вы скулите! — возмутился толстый торговец в бобровой шапке. — За час я зарабатываю столько, сколько вам всем не видать и за месяц. И вот... — Он вынул из кармана серебряные часы на цепочке, взглянул на них. — Уже четыре часа торчу здесь, а лавка закрыта. Зато,

говорят, Гази-ходжа везет добро на сорока мулах, половину поделит между такими, как вы.

— Опять же мы ни с чем останемся, бай. Разве золото-серебро проскочит мимо вас? — усмехнулся старик, у которого зуб на зуб не попадал от холода.

— Война пошла на пользу баям!

— Баи-ростовщики и господа цены все повышают, бедняков совсем придавить хотят.

— Вот прибудет Гази-ходжа... Эх, если бы он их проучил...

— Да, говорят, Гази-ходжа справедлив.

— В свое время увидим, — вступил в разговор молодой парень. — А от таких вот, — он показал пальцем на толстощекого торговца, — народ никакого добра не жди.

— И ты здесь, дебошир? — злобно глянул торговец. — Не удался ни солдатом у Томура-сычжана, ни посыльным у Шамансура, ни нукером у Юсупа-курбаши, так решил стать адвокатом голодранцев? — Торговец расхохотался, однако никто не поддержал его, все смотрели отчужденно.

— Верно, братец-бай. С каждым из красавчиков сыграл я разок. А теперь думаю пощупать таких, как вы, перекупщиков.

Торговец, названный перекупщиком, побледнел, потому что во время войны действительно скупал по дешевке награбленное у населения добро, которое перепродавал потом втридорога. Чуткий к слухам, он одним из первых узнал, что Ходжанияз выслал в Кашгар с надежной охраной ценности на сорока мулах, и надеялся «сторговать» хотя бы одного мула.

— Ходжанияз не грабитель, — продолжал молодой парень. — Добро на сорока мулах, о котором говорили, принадлежит правительству, и вам оно не по зубам. Собирайте на продажу подковы дохлых ослов — это доходнее.

— Вон! Вон! Знамя на повороте! — крикнул кто-то, и смех оборвался, все повернулись к северу.

Далеко впереди по дороге из Урумчи показалась из-за поворота темная лента. Шум в толпе стих, сидевшие встали, шеренги выровнялись. Учителя построили школьников. Темная лента, постепенно увеличиваясь, приближалась. Это был отряд конников, он несся, вздымая пыль.

Государственные мужи вышли из шатра. Впереди конного отряда на полном скаку выделился всадник на белом коне — в соответствии с народной приметой: «Белый конь — предвестник светлого пути».

— Гази-ходжа! Гази-ходжа! — прокатились крики над толпой, взволновавшейся, как река в половодье.

Всадник на белом коне — и с ним еще пятеро — оторвался вперед шагов на пятьдесят. А позади них стройно двигались по дороге сотня за сотней. В отчий дом уйгуров — в Кашгар — вступало войско, заслужившее в кровопролитных боях за освобождение родины название национального. Величаво восседает на белом коне Ходжанияз, как сказочный — богатырь. И люди, давно ждущие настоящего вожака, вождя, покровителя, кричат: «Добро пожаловать, Гази-ходжа, добро пожаловать!» Народ Восточного Туркестана, веками томившийся под ярмом маньчжуро-китайских властей, боровшийся против них при малейшей возможности, но не сумевший по тем или иным причинам отстоять свою свободу и независимость, почитал Ходжанияза как человека, зажегшего в Кумуле «факел освобождения», и называл его Гази-ходжой — полководцем священной войны. Народ Кашгара, Яркенда и Хотана искренне верил, что Ходжанияз и есть тот сардар — военачальник, который поведет к свободе и великим деяниям. Богачи, подобные Юнусу, и Турди, влезшие в толпу для изучения настроений, были удивлены и обеспокоены искренней преданностью простых людей Ходжаниязу.

— Ой-ой... Кашгарцы на руках готовы носить этого кумульца, — проворчал Турди.

— Сегодня темный люд поднимет на руки своего Гази-ходжу, а завтра об землю ударит, — съязвил Юнус-байвачча.

Сабит-дамолла встретил Ходжанияза шагах в ста от шатра. Трое высших офицеров выскочили вперед, один принял под уздцы белого коня, второй придержал стремя, третий помог Ходжаниязу спешиться. Именно в этот миг раздались голоса: «Добро пожаловать, Гази-ходжа!» Сабит-дамолла заключил Ходжанияза в объятия, а потом представил ему влиятельных лиц, почтительно стоявших по сторонам. При этом каждый из них подносил к своим глазам «благословенную» руку Гази-ходжи. Затем все двинулись к шатру.

— Привет Гази-ходже!

— Привет воинам!

Возбуждение нарастало, у многих от волнения выступили на глазах слезы. «Опять плач, — думал Заман, всматриваясь в лица и придерживая поводья коня. — Плач радости или страдания?». Заман на гнедом коне с белым пятном на лбу выделялся среди всех, даже рядом с рослым, плечистым Сопахуном, навесившим на себя крест-накрест два маузера и привлекавшим всеобщее внимание.

Юнус издали увидел своего врага.

— Узнаешь вон того ублюдка на гнедом со звездой? — Юнус

тихонько толкнул Турди.

— Еще бы! Это же Заман!

— Ладно, ладно, много не болтай, постарайся поскорей убрать его с глаз долой!

— Чего? — перепугался Турди.

— Тихо! Не услышал бы кто! Потом поговорим, — Юнус предостерегающе приложил палец к губам.

Ходжанияз вместе с Сабитом-дамоллой поднялся на возвышение перед входом в шатер, подумал немного и неспешно, четко заговорил:

— Почтенные жители Кашгара! Спасибо вам за то, что вышли встретить меня и воинов, прибывших со мной... Я простой солдат! Моя цель — освободить от угнетения наш многострадальный народ. Чудовища во главе с грабителями Шэн Шицаем и Ма Чжунином ворвались в наши родные края, чтобы отбирать наш хлеб, сделать нас своими рабами, они готовы проглотить нас живьем... И до тех пор, пока мы не изгоним их, нет и не будет нам ни покоя, ни мира, братья мои!

Опять загремели голоса:

— Очистим от врагов священную нашу землю!

— Смерть заклятым врагам!

— Братья! — продолжал Ходжанияз. — Мы желаем быть хозяевами земли, которую унаследовали от дедов и отцов. Мы хотим жить в мире. Мы готовы с почетом проводить тех пришельцев, которые пожелают добровольно покинуть наши земли. Но если они заупрямятся, мы будем драться до последней капли крови!

— Освободим родину!

— Да здравствует Восточный Туркестан! — прокатились громом людские голоса.

Глава вторая

1

Правительство Восточнотуркестанской республики размещалось в «даотай ямуле» (искаженное китайское «даотай ямынь») — бывшей резиденции губернатора Кашгарского округа, находившейся в Старом городе, — так называлась основная часть Кашгара, населенная уйгурами, в отличие от Нового города, где жили почти исключительно китайцы.

Пока что во внутреннем убранстве здания все оставалось как при китайцах: серые стены, низкие камышовые потолки, сырые, расположенные анфиладой комнаты. Мало света давали крохотные клетчатые, наподобие шахматной доски, оконца, заклеенные хотанской бумагой. Изменения выразились в том лишь, что за главными воротами ямыня снесли стену, преграждавшую путь злым духам, которые, по китайским поверьям, могут двигаться только по прямой линии.

Сегодня здесь Ходжанияз должен официально вступить в президентскую должность и принять назиров — министров — во главе с Сабитом-дамоллой. Кое-как прибрали приемную, кабинет, внутренние покои, застеклили окна, украсили занавесками. В комнатах разостлали ковры, расставили крытые плюшем кресла, стулья, столы. На противоположной от входа стене кабинета повесили большой ковер с изображением Мекки, на его фоне особенно красиво смотрелось похожее на трон большое кресло — президентское...

После утренней молитвы в мечети Хейтка Сабит-дамолла прибыл в сопровождении телохранителей в резиденцию и вызвал во внутренние покои секретаря.

— Сделано все, как вы приказывали, ваше превосходительство, — почтительно склонился тот.

— Я еду к Ходжаниязу-хаджи^[27]. К десяти часам всем назирам быть в приемной.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — снова склонился секретарь, спиной отступая к двери.

Сабит-дамолла не успел встать, как на пороге появился Гаип-хаджи.

— Разрешите, ваше превосходительство?

— Пожалуйста.

— Ассаламу алейкум — мир вам.

— Ваалейкум ассалам — и вам мир. Сделайте милость, — указал на стул Сабит-дамолла.

Гаип-хаджи сел, повернулся к вошедшему за ним парню лет двадцати, среднего роста, с плоским смуглым лицом и длинным носом — личному телохранителю в военной форме. Телохранитель замер с видом крайней преданности и неподкупности.

— Сайпи, подождите меня снаружи.

— Слушаюсь! — Сайпи немедленно вышел.

— Вы оказали любезность, посетив меня в столь ранний час. Что-нибудь важное? — спросил Сабит.

— Прошу простить, что беспокою с утра, — привстал Гаип-хаджи.

— Сидите, сидите, ничего особенного.

— Дело вот в чем, — заговорил, немного подумав, Гаип. — Если судить по настроениям простонародья, мы, кажется, подняли имя Ходжанияза несколько выше, чем следовало.

— Но разве имя и влияние главы правительства не одно из важнейших условий управления государством?

— Поймет ли правильно наше уважение безграмотный человек? А вдруг мы посадим себе на голову дикого упрянца, а потом не сможем удержать поводья?

Сабит пристально посмотрел на Гаипа-хаджи.

— Нужно использовать влияние Ходжанияза, чтобы поднять народ на борьбу с врагами. А держать покрепче поводья и привести его к месту стоянки — ваша и наша забота.

— Это все верно, ваше превосходительство. Однако былая деятельность Ходжанияза, да и сегодняшняя встреча... Невежд легко вести за собой. Но я подозреваю, что этого уведут другие. — Гаип-хаджи высказывался уверенно, не оставляя места для сомнения.

Лицо Сабита выразило удивление и крайнее беспокойство. После некоторого размышления он с присущей ему живостью произнес:

— Доверие человека к человеку порождает искренность. Если делать выводы, опираясь на подозрения, можно ошибиться. Сейчас нет ничего более важного и великого, чем стремление к единству. А для единства прежде всего необходимо доверие, а?

— Это верно, — согласился Гаип. — Ваши доводы бесспорны. Но ведь не одно только стремление к единству решает все? Я не могу поверить, что Ходжанияз человек твердых убеждений.

— Выводы делать пока еще рано. Жизнь покажет, — Сабит поднялся с места. Гаип в знак уважения к нему тоже вскочил и сложил руки. — Поедемте-ка вместе к Ходжаниязу.

Третий день нескончаемым потоком тянулись посетители в Назербаг, к одному из домов крупнейшего кашгарского богача Ахунбаева, где остановился Ходжанияз. Люди разных сословий спешили не только оказать ему почтение, но и хотели донести собственные просьбы и пожелания. Купцам нужны были более широкие возможности и снижение торговых сборов и пошлин, муллы-ишаны просили новых привилегий для религиозных деятелей и увеличения числа мечетей и медресе, представители прогрессивной интеллигенции предлагали по возможности пристроить в школы детей, повысить народное самосознание посредством

развития культуры и просвещения. Те, кто надеялся получить должность от Гази-ходжи, жаловались на назиров, намекая на необходимость сместить их всех.

Сироты — дети погибших в боях, бедняги, подвергшиеся ограблению, крестьяне, задавленные поборами, горемыки, обреченные на изгнание из родных мест, кустари-ремесленники — толпились у дверей Гази-ходжи, не имея возможности попасть к нему.

Хатипахун, вышедший проводить знатных ахунов с огромными чалмам на головах, презрительно оглядел столпившихся и сказал толстому мулле:

— И чего тут нужно этим, а?

— Наверное, подаяния пришли просить? — предположил вполголоса толстый мулла.

Хатипахун поднял вверх руки, проскрипел, как крупорушка:

— Эй, народ! Вы дадите наконец отдохнуть его превосходительству ходже или нет?

— И мы люди, как другие. Разве плохо, что мы хотим сами высказать Гази-ходже свои просьбы? — ответил белобородый ремесленник.

— Вот, мы ограблены, остались без крова...

— Зарботки низкие, цены высокие, прокормиться стало трудно, — проговорил наемный ткач.

— Верно говорит! — выступил вперед поденщик, обутый в легкие драные башмаки на босу ногу. — Господа прибрали к рукам хлеб, и вышел застой.

— Кто же, как не ходжа, войдет в наше положение?

— Увязли в войнах, когда займемся мирными делами?

Хатипахун приготовился прочитать наставление людям, но его заслонил Заман:

— Отцы, матери! Гази-ходжа обязательно войдет в ваше положение. Но у него не хватит времени принять каждого из вас. Если я выслушаю и все запишу, а потом сообщу Гази-ходже — что вы скажете?

— Вот это уже дело! А кто ты, сынок? — спросил седобородый ремесленник.

— Я один из помощников Гази-ходжи.

— Спасибо тебе, сынок, пусть будет по-твоему, — согласился белобородый.

— Нам всего-то и нужно, чтобы просьбы дошли до Гази-ходжи!

Расстроенные пренебрежительно-грубым обращением Хатипахуна, люди начали было озлобляться, но теперь, удовлетворенные, окружили

Замана. Те, у кого были заготовлены прошения, вручили их, а остальные, оставив четырех человек для изложения жалоб Заману, разошлись по домам.

— Этот безбородый, видно, не из добропорядочных? — тихо спросил у Хати́па толстый мулла.

— Именно так, господин, — ответил Хати́пахун, провожая злобным взглядом Замана. — Он выкормыш красного по имени Пазыл. Смерть избавила нас от того мерзавца, а время избавления от этого никак не приходит.

— О всевышний! Красный, говорите? — Толстый мулла вытаращил глаза.

Стук запряженной парой лошадей коляски оборвал их разговор. Оба склонились почти до земли перед Сабитом-дамоллой.

2

Вечером того дня, когда Ходжанияз вступил в Кашгар, было устроено большое пиршество. Каждому из окружения Ходжанияза — в соответствии с его положением — были преподнесены подарки, однако никаких бесед ни о внешних, ни о внутренних делах не было. Они частично начались лишь сегодня после завтрака.

— Когда ваше высокопревосходительство сражались за освобождение северной части родины, — начал Сабит-дамолла, — мы тоже отважно боролись за изгнание врагов из Алтышара^[28] и вот, всевышнему было угодно, создали Восточнотуркестанскую республику.

— Так, — качнул головой Ходжанияз.

— Мы наладили отношения с Турцией и Афганистаном. А теперь считаем необходимым установить связи с соседом — Советским Союзом, Индией, а также с Англией и даже с Китаем.

— А они дадут нам винтовки? — вдруг спросил Ходжанияз.

Сабит удивился неожиданному вопросу и растерялся, не зная, что ответить, но на помощь пришел Гаип-хаджи:

— Дело, наверное, не только в том, ваше превосходительство, чтобы брать винтовки. Нам сейчас, как осиротевшему козленку, нужно сосать тех, кто дает молоко...

— Говорите яснее, что хотите сказать! — перебил его Ходжанияз.

— Надо принимать любую помощь. Без поддержки какого-нибудь большого государства мы не сможем обеспечить освобождение, — резко

ответил Гаип-хаджи.

— Не скроем — мы получили от англичан оружие и готовы взять еще, если будет необходимо. Братская Турция — наш верный союзник. А с красной Россией... — Сабит чуть помолчал. — С красной Россией мы думаем ограничиться лишь торговыми отношениями.

— Говорят, у русских открытая душа, без коварных замыслов, как у других, а, дамолла? — спросил Ходжанияз.

Гаип-хаджи тут же ответил:

— Возможно, их душа открыта для других, не для нас.

В разговор вступил молчавший до сих пор Махмут Мухит:

— Мы больше занимались военными действиями, у нас не было времени определять внутреннюю и внешнюю политику. Теперь это время настало.

— Конечно, конечно. Сегодня я заговорил об этом лишь в порядке сообщения, — смутился Сабит-дамолла.

— Шамансур так и остается в стороне, с вами не объединяется? — снова задал каверзный вопрос Ходжанияз.

— Я положил все силы на укрепление единства. Республика — плод моих стараний. А Шамансур держится в стороне. Хочет создать отдельное Хотанское падишахство, — тяжело вздохнул Сабит.

Да, Шамансур очень на это рассчитывал. В недавнем прошлом Томур, присвоивший себе китайское звание «сычжана» — командира дивизии, занял Кашгар и обвинил Сабита-дамолла в заговорщических связях с Шамансуром. Заключил в тюрьму. После убийства Томура дунганями Сабит вышел из заключения. Десятого июля 1933 года Сабит-дамолла, Шамансур и старший его брат Махамматимин (Бурга) объявили о создании в Хотане и Яркенде Восточнотуркестанской исламской республики под их управлением, о чем была опубликована декларация. В том же году, 12 ноября, управление республикой перешло в Кашгар и официально оформилось здесь. Вот о чем коротко поведал сейчас Сабит.

— И этот пройдоха посмел так вознестись? — разозлился Ходжанияз.

— Как только ваше превосходительство сядет на президентский трон, мы сможем в совершенстве решать вопросы укрепления внутреннего и внешнего единства, — иронически заговорил Гаип-хаджи.

Сабит, прикрывая его насмешку, повел речь о другом:

— Мы готовы сегодня провести церемонию вашего вступления на президентскую должность и официально объявить об этом.

Он рассказал о порядке церемонии, ее политическом значении, о том, как торжественно она проводится в других странах, а затем кратко изложил

суть политической программы республики.

— Зачем такая пышность? Все равно нам не сравняться с большими государями. Я привык вершить дела на коне, — возразил Ходжанияз, а Гаип-хаджи злорадно подумал: «Не говорил ли я, что из дикого дехканина президента не сделать?»

— И это верно, — согласился Сабит, — но высокие государственные должности захватывать не полагается.

— Когда полностью освободим родину, говорите о «троне» или еще о чем хотите, и пусть будет по-вашему. А сейчас надо бросить все силы на разгром врага! — стоял на своем Ходжанияз, не очень любивший официальные торжества.

— Мы должны объявить народу, что ваше превосходительство стали президентом, — упорствовал Сабит. — Вам необходимо официально принять эти обязанности.

— Ну хорошо, только без излишних торжеств, не беспокойте народ.

— Пусть будет по-вашему, — согласился Сабит-дамолла.

3

Назиры во главе с Сабитом-дамоллой хоть и не стали, по желанию Ходжанияза, устраивать пышных торжеств, однако все вышли на улицу, встретили его с почестями и ввели в президентский кабинет.

— Ваше превосходительство хаджи, — обратился Сабит, когда все сели, — от имени присутствующих деятелей, а также всего народа поздравляю вас с сегодняшним благословенным днем, когда вы заняли президентское кресло!

— Будьте благословенны... благословенны! — встали все, поздравляя.

— Восточнотуркестанская республика с благотворного дня своего возникновения готова была принять ваше высокопревосходительство на почетный президентский пост. И вот сегодня мы достигли наших мечтаний. Да будет эта радость вечной...

— Аминь! — оборвал речь Сабита Хатипахун.

Более известные и более высокие по званию знатные ахуны с ненавистью посмотрели на него и сморщились.

— Если его высокопревосходительство господин президент позволит, — продолжал Сабит, — я представил бы опору нашей республики — министров-назирова.

— Хорошо, дамолла, пусть будет по-вашему, — разрешил Ходжанияз.

— Вот этот господин — назир внутренних дел, — Сабит показал на низкорослого хмурого человека.

— Знаю этого турфанца. Садись, брат, — улыбнулся Ходжанияз вставшему Юнусбеку.

— А вот наш военный назир Оразбек, — с особым ударением произнес Сабит-дамолла.

Оразбек вскочил, отдал по-военному честь. Вроде не было в нем ничего особенно примечательного, но лицо выражало какую-то бесстрашную удаль.

— Сколько у вас солдат? — Ходжанияз очень внимательно взглянул на Оразбека.

— Регулярных более трех тысяч, а если добавить добровольцев, то дойдет до шести тысяч, — четко ответил Оразбек.

— Маловато. Нужно больше. У Шэн Шицая и Ма Чжунина много солдат, и оружие хорошее.

— Под руководством вашего превосходительства мы конечно же создадим национальное войско, способное противостоять любым врагам. — Сабит-дамолла выразительно посмотрел на назиров.

— Да, так будет. За это нужно взяться всеми силами, — заключил Ходжанияз.

— Али-дамолла — назир финансов.

— Новые деньги выпускаете? — обратился Ходжанияз к Али, растерянно захлопавшему глазами.

— По указанию его превосходительства главного назира, господин.

— А дороговизна, я слышал, растет?

— Мы только начинаем заниматься финансовыми делами, — пришел на выручку Сабит-дамолла. — Условия военного времени подорвали наше хозяйство, и трудности с материальным обеспечением в самом деле большие.

— А господа пройдохи вздувают цены? — веско добавил Ходжанияз.

«Вай-вай! Вот это припечатал! — возликовал Заман. — На хаджи-ака нужно воздействовать народными жалобами». И он подтолкнул стоявшего рядом Сопахуна. А Гаип-хаджи злился: «За самое слабое место ухватил, бешеная борода! Кто его подучил?» И назирьи пришли в удивление от таких вопросов.

— Нужно покарать обманщиков народа, несущего бремя войны! — подал голос Махмут Мухит.

— Есть еще поганцы, для которых личная выгода дороже свободы родины. Они замышляют даже вывезти свои богатства в Индию и

Афганистан. Мы разрабатываем меры пресечения подобных нарушений и осуществим их после утверждения вашим превосходительством. — Главный назир сумел смягчить и этот вопрос. — Вот его святейшество — наш назир по делам религии и наследования имущества, — Сабит представил человека в длиннейшем халате, с огромной чалмой на голове.

— Мям-мям, — нарочито по-кумульски промычал Ходжанияз, — если все муллы начнут наворачивать на свои головы по такой чалме, то у нас не останется полотна на саваны покойникам!

Назир по делам религии, смутившись, опустил голову и съежился, будто весь ушел под чалму. А остальные назирь, одобряя простоватую, но острую насмешку Ходжанияза, многозначительно переглянулись. Гаип-хаджи беспокойно посмотрел в сторону президента: «Не так уж наивен этот горец, как прикидывался!» Заман склонился к Сопахуну: «Правильно поддал!» Хатипахун, с самого Кумула грезивший о должности назира по делам религии, думал: «Вот-вот, выкинуть бы этого тупицу с большой чалмой и малым умом да меня, бедного раба, туда бы с божьей помощью...»

— Гаипа-хаджи вы знаете сами. Он наш главный советник.

— Вот оно как, дамолла? — Ходжанияз пристально посмотрел на Гаипа: нос с горбинкой, красноватые глаза, грудь колесом, высок, по отношению к другим держится свободно, говорит легко. «Уйгур ли он?» — усомнился Ходжанияз.

— Садитесь, эфенди. Откуда вы родом? — деликатно спросил он, хотя до этого подобных вопросов никому не задал.

— Отец прирожденный кашгарец, мать из Диярбакри^[29]. Отец женился, когда совершал хадж — паломничество в Мекку, — быстро ответил Гаип-хаджи.

— Хорошо...

— Я горд тем, что являюсь воспитанником и помощником Сабита-дамоллы, — перебил Ходжанияза Гаип.

А в соседней комнате умилялся Сайпи: «Мой хозяин не то что прочие!»

— Остальных представлю вам позднее... А сейчас, если вас не утомит, я хотел бы осветить общее положение...

— Не к спеху, дамолла, — остановил Сабита Ходжанияз. — Я сегодня думал посмотреть на солдат...

Уже много суток подряд Заману никак не удавалось выспаться. Сегодня он направился в спальню пораньше. Его постоянный друг и спутник Розы куда-то ушел, разложив фрукты на низеньком круглом столике и оставив зажженную восковую свечу. Розы, похоже, ушел давно, потому что свеча расплавилась с одного бока и стала совсем коротенькой. В комнате сделалось дымно и пахло копотью. Заман поправил фитиль и задумался, стоя посреди комнаты. Кашгар для него был священным не потому, что он уйгур, а потому, что представлял доказательства исторической древности родной земли и обладал присущими уйгурскому городу особенностями. Со времени приезда сюда Заману некогда было даже голову почесать: помимо выполнения секретарских обязанностей, он читал народные прошения и жалобы, спешил довести их содержание до сведения Ходжанияза или Махмута и, получив ответ, передавал просителям. Когда в промежутке между делами выкраивалось свободное время, Заман торопился осматривать улицы, а в особенности памятники старины. И сейчас вот вдруг расхотелось спать, Замана потянуло на улицу, но, вспомнив о Розахуне, он остановился. «Странно, чем он занимается? Никогда не уходил, не предупредив...»

Заман прилег, не раздеваясь, но опять вскочил, увидев на подоконнике книги в старых переплетах. Взял одну из них, положил на столик, сел на корточки, начал перелистывать. Книга, похоже, долго хранилась в неподобающих условиях: переплет замаслился, побурел, страницы пожелтели и покрылись пятнами. На первом листе, прямо посередине, каллиграфически четко выведено: «Тарихи Рашиди» — двумя отдельными строчками, все еще не потерявшими сверкающей ясности.

— Чагатайский язык... — вздохнул Заман. — Многих слов не пойму. Эх, тупица, почему не изучал я как следует уйгурский язык? Как смогу узнать прошлое уйгуров, если содержание таких исторических книг не будет мне полностью понятно? Стыдно. Для чего я, как навозный жук, собрал столько книг, если не смогу прочесть их? Нет, нет! Как бы ни было, но надо изучить и чагатайский, и древнеуйгурский языки, освоить их письменность...

Заман по приезде в Кашгар приобрел через Розы десятка полтора сочинений. Среди них были «Всеобщая история», «Записи по истории тюрок», «Тарихи Рашиди», «Тарихи амнийя» и другие. Он сожалел, что не может свободно читать их, кроме, разве, «Тарихи амнийя» Мусы Сайрама

— «Истории спокойствия», написанной в самом конце девятнадцатого века и повествующей о прошлых владениях Кашгарии... Эта книга еще сильнее разожгла в нем интерес к историческим трудам, особенно таким, как «Тарихи Рашиди» мирзы Мухаммед-Хайдера Дуглата, обстоятельно изложившего историю Восточного Туркестана.

— Не привиделся ли вам джинн в кашгарских развалинах? Что-то вы сами с собой говорите. Берегитесь, мой ходжа! — пошутил незаметно вошедший Рози.

— Как хорошо, что ты пришел, Рози-ака!

— Или вообразили себя в медресе на молитве — диковинную книгу раскрыли?

Заман блаженно рассмеялся:

— Не диковинную, а историческую. Ты же сам мне ее купил.

— Для меня они все одинаковы, мой ходжа.

— Куда ходил?

— Зерно в закромах не провеивать — гниль нападет, а вам — в щели сидеть будете — мозги паутиной затянет...

— Каким же ветром хочешь ты меня провеять?

— Ветром каймачного^[30] базара. Идемте! — Рози взял Замана под руку. — Там, в улочке по соседству, у меня родня живет.

Они отправились узкими закоулками, где обычно селятся бедняки. Рози уверенно шагал в ночной тьме, а когда они попали в тесный тупичок, остановился, огляделся по сторонам. Однако в темноте ничего не было видно.

— Пришли, что ли, Рози-ака?

— Тут стояло дерево — джида, куда же она делась, а? Верно, кто-то на дрова срубил.

Рози прошел шагов на десять вперед и, согнувшись, начал шарить по земле руками.

— Что ты делаешь?

— Помолчите, говорю. — Рози продолжал искать. В конце концов он, должно быть, что-то нашел под глиняным забором: — Слава богу, хоть этот пенек уцелел...

— Какой пенек?

— Из моего детства! Турап — его прозвали Динкашем из-за бровей вразлет — любил по вечерам сидеть на нем и курить травинку.

— Ты и через тысячу лет ничего не забудешь, Рози-ака!

— Что делать, если на другое умение бог поскупился? Хоть в этом повезло.

Рози уверенно ввел Замана в узкий дворик без ворот. Заман в удивлении остановился, стесненный низкими стенками дворика. Рози тотчас же проговорил:

— Идите, не удивляйтесь. Завтра при свете еще насмотритесь на лачуги, которые будто сидят одна на другой. Это улица обездоленных.

И вправду, в Кашгаре есть кварталы с такими узкими «улицами», что там едва может пройти один лишь человек. Если попадетя встречный, приходится протискиваться...

— Земля, хозяйство в руках баев, ходжей. А бедные, живут в такой тесноте-обиде. Мир неравенства, скажете. — Рози осторожно постучал в низенькую дверь на разболтанных петлях. — Выходи, Динкаш, родня пришла!

За дверью послышались мужской и женский голоса, зажегся свет.

— Ну-ка, подойди поближе! Какая такая родня у меня объявилась? — Мужчина шагнул через порог. Рози бросился его обнимать. — Что за выходки? Брось шутить! — вскричал тот.

— Я же это! Я! Ты забыл меня, единственный брат мой? — Голос у Рози дрожал.

Турап всхлипнул.

Они стояли, обнявшись, после двадцатилетней разлуки, и Турап, словно ребенка, чуть приподнимал Рози над землей и опускал, потом поднимал вновь...

У Замана защемило сердце. «Встретят ли так меня, когда вернусь в Кульджу?»

В дверях появилась обеспокоенная женщина. Разглядев, как муж не то борется, не то обнимается с кем-то, вскрикнула:

— О алла! Что за шутки?

— Розахун приехал! Братец мой Розахун! Слышишь, Данахан?

— Розахун? Твой старшой? Ой, господи! Проходите же в дом, в дом пройдите!

Женщина распахнула дверь. Пока мужчины входили, она успела в свободном уголке разостлать ватное одеяло.

— Проходите, проходите вперед... — Она не знала, как разместить гостей в тесной комнатухе. — Дети заснули, сейчас я их разбужу.

— Не беспокойтесь, пусть спят. Мы потревожили вас ночью... — виновато проговорил Заман.

— Ради такой встречи... Садитесь, пожалуйста. — Турап ухватил Замана, потянул вниз.

Заман сел, огляделся. В тесной комнатухе в ряд, будто уложенные

дыни, спали восемь ребятишек. Там, где сидели сейчас Заман и Рози, была постель хозяев, Данахан завернула и сдвинула ее в самый угол. В крохотной переполненной клетушке не оставалось свободного места, чтобы, как говорится, иглу воткнуть. «Вот она, нищета... У Керимахуна восемьдесят тысяч му^[31] земли, а здесь восемь детишек лежат вповалку и из-за тесноты ног согнуть не могут. Тяжело в Кашгаре с землей... — размышлял Заман, не сводя глаз с детей. — А какие сердечные муж и жена! Дети для них, наверное, дороже всяких богатств...»

Турап и Розахун оживленно расспрашивали о чем-то друг друга, а Данахан тем временем разостлала скатерть и поставила перед Заманом глиняную чашу с вымытыми грушами.

— О, кашгарские зеленые груши! — Рози взял одну, полюбовался. — Чем дольше хранишь, тем слаще делаются. Ешьте — глаза станут острее, сердце помолодеет. Берите, Заманджан.

— Не обессудьте, родные, время позднее, иначе мы приняли бы вас по-другому, — извинялся Турап.

— А это? Это что? — Заман указал на чашу. — Чем плохое угощение? Разве у нас в Кульдже сохранишь груши до этих дней? По-честному говорю — каждая стоит барана!

— Лишь бы гости были не в обиде... — отозвалась Данахан.

Трудно было поверить, что этой женщине уже за тридцать, что она мать восьмерых детей: здоровьем было налито тело, на лице ни морщинки, ладно сидело на ней скромное бязевое платье.

— Садитесь, сестра, ноги устанут стоять, — Рози потеснился. — Турап, Данахан, большого подарка я вам не принес. Вот, пусть дети полакомятся. — Рози развязал платок на поясе и высыпал на скатерть сладости.

— Это, это... излишне. Я увидел тебя целым-невредимым, и душа моя достигла неба, — Турап прослезился.

— Как заботливы вы, Рози-старший, — растрогалась Данахан. — Ешьте груши, порадуйте нас.

— Заман мне как брат, мы будто сроднились с ним. — Рози не терпелось похвалиться другом.

— Да, — подтвердил Заман, — мы делим поровну и горе, и радости, мы прошли через испытания товарищества и братства.

— Эх, будь у меня баран, заколол бы сейчас в честь вашей дружбы! — воскликнул Турап.

— Вон на стене равап^[32], сыграйте на нем да спойте свои газели, это

будет лучше, чем закололи бы верблюда, ака, — предложил Заман.

Брови Турапа от удивления прыгнули вверх.

— Роза... обманул вас! — Он взглянул на брата.

— Не хитри. Я так истосковался по тебе, по твоим детям, по твоим газелям, что притащился среди ночи, — притворно обиделся тот.

— Розикам никогда не обманывает. Сыграйте, если вам не трудно, — повторил просьбу Заман.

— Только б не сплеховать перед гостями, — заскромничал Турап, настраивая инструмент. — Мои газели оставим на другой раз, а сейчас, может, послушаете песни удалого Саита-ночи?

Как определяют по первым шагам скакуна, так по манере держать равап нетрудно было угадать в Турапе искусного музыканта. Едва заиграл он традиционный для равапа напев маргул, как сразу же привлек внимание слушателей. Быстрые движения гибких его пальцев напомнили Заману игру Зикри на дутаре, и мысли сами собой понеслись в далекую Кульджу, на Или... А Турап играл уже другую мелодию, и к трогательному звучанию равапа присоединился голос певца:

Стонет, стонет край родной —
И душой рванулся в бой,
Бросил эхом громкий клич
Саит-ночи удалой:

— Уч-Турфан, родной приют,
Насмерть за тебя стою!
За твой хлеб, воду, соль
Жизнь свою отдам в бою!

Уч-Турфан, услышь меня!
За простых твоих крестьян
В бой пошел лихой Саит,
С ним плечом к плечу друзья.

Переняв врагов в пути,
Справа-слева охватив,
Прочь прогнали — далеко
От полей родных и нив...

Турап умолк. Все сидели, не шевелясь, будто не замечая, что не звучат уже ни музыка, ни пение. Печальная мелодия унесла слушателей в неведомую даль, и они витали там, не смея возвратиться. Даже дети замерли. А может быть, их слух привык уже к грустным напевам, и они покойно наслаждались ими сквозь сон.

— Очень, очень благодарен вам, Турап-ака, — чистосердечно произнес Заман. — Вы настоящий исполнитель, большой мастер!

— Чему не научишься, скитаясь по столовым, пекарням, сапожным будкам. В моей игре, конечно, много промахов, я ведь не учился у больших мастеров...

— Не скромничайте, Турап-ака. Вы жемчужина, затерявшаяся в куче мусора.

— В Кашгаре умелых рук немало. И, говоря по-вашему, они похоронены в здешней пыли, мой ходжа, — вздохнул Рози.

— С вашего разрешения мы пойдем. — Заман поднялся.

— Да куда же вы ночью... Наверное, недовольны угощением! — заговорили чуть не вместе жена с мужем.

— По-моему, большего удовольствия не бывает. Спасибо вам еще раз.

И как ни упрашивали хозяева остаться ночевать, гости распрощались и ушли.

Глава четвертая

1

Трое лазутчиков долго переругивались друг с другом, как старые сплетницы. Чжу-шожа, направленная в Кашгар под видом свояченицы Турди по линии жены-дунганки, которой он обзавелся еще в Шанхае, проклинала Шэн Шицая за непосильное задание:

— Ну подумай, Юнус, разве легко проникнуть к Ма Цзыхуэю, осажденному в цитадели Нового города?

— Пусть так! — Юнус раздраженно поднял вверх короткие усы. — А ты думала, Шэн Шицай прислал тебя сюда для развлечений? — Он схватил бутылку коньяку, налил себе и выпил, не предложив собеседникам.

— Не злитесь, байвачча, конь не пал, бык не сдох, еще ничего страшного не случилось. Что нам, умирать ради Шэн Шицая? Работаем в меру сил, не так ли? — Турди налил две рюмки коньяку. — Пожалуйста,

милая шожа.

Но та сидела насупившись.

— Время идет, а мы уселись, как наседки, ничего не делаем. Думаете, Шэн Шицай не поручил присматривать за нами? — Юнус зло, уставился на Турди.

— Ладно! — Чжу-шожа, раздраженная упреками Юнуса, покраснела от злости. — Что, по-твоему, надо делать, а? Я-то не знаю здешних условий!

— Твоя главная задача — прибрать к рукам Ма Цзыхуэя. Знаешь сама, чего ж меня спрашивать?

— Знаю. В таком случае не ваша ли с Турди задача — создать мне условия для работы? А что вы сделали? Важничаете, будто У Сунь, убивший свирепого тигра... — не осталась в долгу Чжу-шожа, сравнив перетрусивших лазутчиков с храбрым героем романа «Речные заводы».

— Зачем спорить? — остановил ее Турди. — И так на столе все остыло. Давайте поедим, а потом решим что-нибудь. — Он проглотил одну за другой две рюмки коньяку и занялся фаршированными легкими.

Чжу-шожа и Юнус к еде не притрагивались, курили и осуждающе смотрели на обжору Турди. «Соломенное брюхо, — морщилась шожа. — Да и я тоже дура, закрутилась с этими чаньту. Как жаль Шанхая...» И она мысленно перенеслась в далекую двадцатиэтажную шанхайскую гостиницу, где ей было так весело.

— Послушайте, байвачча, мне пришла в голову одна мыслишка, — заговорил Турди, успевший уплести добрую половину фаршированных легких, целую жареную курицу и приступивший к запеченной утке. — Если мы втянем в наше дело этого осла Масака... — Турди поперхнулся, закашлялся и выхаркнул на Чжу-шожу плохо прожеванный кусок мяса.

— Эй-я! — вскричала китаянка и бегом выскочила из комнаты.

Юнуса тоже затошнило.

— Да-а, приятель, вы наловчились выплевывать мясо, как из пращи, — презрительно заметил он, предчувствуя, как будет стыдно перед шожей.

— Мало ли претерпел я из-за проклятого кашля, — начал без зазрения совести изворачиваться Турди.

Он вытер хотанским полотенцем блестящее от жира лицо, выпил две чашки кислого молока, блаженно выдохнул. «Ну и обжора! — мысленно укорял его Юнус. — И как можно заниматься вместе с тобой таким тонким делом? Ты же куча свежего навоза!»

— А тот Масак...

— Оставьте, приятель, своего осла! Тут не знаешь, как избавиться от других ишаков!

В этот момент появилась Чжу-шожа со скрещенными на груди руками. Она спросила:

— Есть у вас надежный дунганин или человек, который среди дунган сумеет сойти за своего?

— А тебе зачем? — удивился Юнус.

— Замуж выйти...

— Что? — Юнус подпрыгнул как ужаленный, он ревновал свою красотку ко всем и каждому.

— Другого выхода нет, — жеманно произнесла шожа и игривой походкой, будто впервые показывая себя Юнусу, подошла к столу, подняла рюмку вина.

— Ну, скажи, зачем тебе понадобилось выходить замуж? — серьезно спросил Юнус.

— Вместе с мужем я «убегу» к Ма Цзыхуэю, — торжественно произнесла Чжу-шожа, довольная тем, что оказалась хитроумнее толстопузых чаньту и взяла над ними верх.

— А поверит твоему «бегству» Ма Цзыхуэй?

— Чтобы поверил, придумай что-нибудь убедительное. Это твое дело, не то какой же ты нам начальник, Ю-шангун! — улыбнулась она Юнусу.

— А у нее мозги на месте, байвачча! — воскликнул Турди, начавший новое наступление на утку.

— Вы, приятель, обо всем судите так же легко, как жрете готовое!

— Придумаете что-то более подходящее — еще лучше. А я устала. — Чжу-шожа, покачиваясь, ушла к себе.

Юнус, хоть и понимал, что ее предложение наиболее разумное, не хотел ни при каких обстоятельствах отпускать красотку от себя и потому решил найти какой-то другой выход из положения. Лишь в самом крайнем случае мог он временно отказаться от своей любви. И тут вспомнил, как один из руководителей шэншицаевской разведки — Чжао Ян — сказал перед отправкой в Кашгар, что при необходимости Юнус может воспользоваться услугами агента по имени Ма Лин, и дал пароль для связи. «Вот его-то и надо завтра найти! — решил Юнус. — Это нетрудно, у него заведение, где делают сладости из патоки».

— Завтра я буду у Сабита-дамоллы. — Юнус выпил три рюмки вина и облегченно вздохнул. — А к моему возвращению, приятель, ваш Масак должен быть здесь!

— Ладно.

— Через перекупщиков нужно побыстрее скупить продовольствие, и не только в Кашгаре, а в Яркенде, Хотане, Аксу.

— Что за шутки? — вытаращил глаза Турди.

— Если мы завладеем продовольствием, Ходжанияз и все прочие окажутся в наших руках. Питание солдат будет зависеть от нас...

— Вот это да-а-а! Вы оказываетесь наравне с Чжу-шожей по уму!

— Вонючие слова летят от вас, приятель!..

— Но ведь в самом деле так. — Турди, не обращая внимания на грубость Юнуса, выбрал два самых крупных граната, выжал из них сок, выпил.

Вбежала Чжу-шожа с телеграммой в руке:

— Новое задание!

— От дубаня? Самого?

— Да-а!

— Что там?

Китаянка пересказала содержание зашифрованной телеграммы:

— «Ма Цзыхуэем займутся другие, вы не вмешивайтесь. Усиливайте разлагающую работу среди его наемных китайских солдат...»

— Хм... Что-то новое, — заметил Турди.

— «В отношении Ходжанияза и Сабита изменений не будет».

— Изменений не будет, — повторил Юнус слова телеграммы. Это означало, что Шэн Шицай хочет перетянуть Ходжанияза на свою сторону, а оставленному в одиночестве Сабиту-дамолле нанести удар. «Кто знает, как бы и меня не сегодня завтра не обрекли на одиночество». Задумавшись, Юнус вздрогнул от этой внезапной мысли.

— У вас озноб, жар, наверное, начинается, байвачча. Выпейте-ка вот гранатового сока — на сердце легче станет, — Турди протянул пиалу.

Юнус с отвращением глянул на Турди и обратился к Чжу-шоже:

— Передай Шэн-дубаню: «Поняли» — и отдыхай.

Поднявшись на заре, Ма Цзыхуэй понаблюдавал за военной подготовкой солдат, а потом взобрался на стены крепости — осмотреть состояние оборонительных сооружений. Цитадель кашгарского Нового города, можно сказать, окружила себя баррикадами. На четырех углах возведены башни-паотай с тремя пулеметными гнездами каждая, у всех четырех ворот по бокам установлены пушки. Вокруг цитадели построено новое ограждение высотой в рост человека, с бойницами для стрелков, а перед ограждением вырыт и заполнен водой широкий ров. Сколько раз уйгуры пытались взять цитадель штурмом, но все попытки разбились о прочность укреплений и неустрашимость дунганских солдат. Распорядившись добавить на стене еще мешков с песком, Ма Цзыхуэй остановился над южными Воротами прощения и приставил к глазам бинокль.

Солнце уже поднялось над хребтами Куньлуня и залило бескрайний оазис. Далеко-далеко виднелись крошечные фигурки дехкан, взмахивавших кетменями. «У нас тоже появилась первая зелень, тоже началась пахота... Эх, где те дни, когда я просто выращивал овощи?» — вздохнул Ма Цзыхуэй. Отец его был искусным огородником. Их зелень созревала дней на десять раньше, чем у других, и не его ли отца уважительно называли Ма-сифу — мастер Ма? Не думал Ма-сифу, что, дав образование единственному сыну, лишится его... «Что мне здесь надо, для чего я покинул родину, а? — затосковал Ма Цзыхуэй. — Ведь не учили же меня родители обречь на лишения таких же тружеников, разорять их жилища, нарушать покой и даже убивать? Где то самое освобождение? С каждым днем я все больше погружаюсь в кровь...»

Ма Цзыхуэй, когда-то не вникнув в суть происходящего, сделал рискованный шаг, а теперь раскаивался, что стал одним из виновников резни и погромов, и жестоко осуждал себя и Ма Чжунина за это. Совесть терзала его из-за того, что стал он препятствием в борьбе за свободу уйгурского народа, который так же, как и его народ, страдал от произвола китайских притеснителей. «Мы ошиблись. Нужно было объединиться с уйгурами. Наши судьбы одинаковы. А теперь поздно, время упущено, и вражда зашла слишком далеко... — Глаза Ма Цзыхуэя затуманились, он сел на мешок с песком. — Эх, Га-сылин... Преклоняюсь перед твоим умом, отвагой, но мальчишеская заносчивость и строптивость мне не по душе. Будь ты вдумчивее, серьезнее, мы не оказались бы в таком положении...»

— Господин командующий! Прибыл связной от Га-сылина!

Ма Цзыхуэй спустился в бывшее военно-административное управление в Новом городе, превращенное в штаб обороны. Здесь его дождался Ма Шоу — в недавнем прошлом китайский губернатор

Кашгара.

— Где связной?

— Измучился в дороге. Я приказал ему отдохнуть. Вот письмо Га-сылина, — Ма Шоу протянул запечатанный удлиненный пакет.

Ма Чжунин сообщал о своем намерении прибыть в Кашгар в конце марта и требовал ни в коем случае не сдавать Новый город. Он советовал беречь основные силы, сеять раздоры между Ходжаниязом и Сабитом-дамоллой, предлагал попытаться хотя бы временно сблизиться с Шамансуром. Ма Чжунин собирался накопить после прибытия в Кашгар силы и перейти в контрнаступление против Шэн Шицая.

Ма Цзыхуэй передал письмо Ма Шоу и, дождавшись, когда тот прочтет, спросил:

— Что вы на это скажете?

Хитрец Ма Шоу уловил по тону, что командующий чем-то недоволен, и ответил двусмысленно:

— Слишком сложные задачи. Но в любом случае против желаний Га-сылина идти не стоит.

— А как по-вашему, господин губернатор, почему Га-сылин не остановился ни в Карашаре, ни в Аксу и продолжает отходить к югу?

— Трудно что-нибудь сказать. Все-таки, по-видимому, это проявление слабости, — опять уклончиво ответил опытный чиновник.

— Он понял, что не остановит Шэн Шицая ни в Карашаре, ни в Аксу. И что же — теперь собирается возложить на нас эту еще более трудную задачу? Мы и так еле-еле держимся в Новом городе, словно кусок ваты в море огня! — Ма Цзыхуэй раздраженно вскочил и начал ходить по комнате. — Хоть какую-нибудь бы помощь выслал...

— Шэн Шицай превращается из кошки в тигра. У него тыл крепче, — вздохнул Ма Шоу.

— Перепугались, господин губернатор? — преобразился Ма Цзыхуэй. — Может, уже мечтаете сговориться с Шэном?

— Когда Шэн Шицай отдавал Га-сылину Южный Синьцзян, надо было брать. А теперь, я думаю, он не даст даже одного села. — Ма Шоу в первый раз высказался решительно и открыто.

Ма Цзыхуэй удивился этому:

— Тогда, может быть, нам заключить соглашение с Ходжаниязом и Сабитом?

— Кхе... — задумался Ма Шоу. Он побаивался вспыльчивости Ма Цзыхуэя и потому слова свои тщательно взвешивал. И только все обдумав, он решил сейчас сказать то, к чему давно пришел в душе: — Полезнее

всего заключить соглашение не с Сабитом-дамоллой, а только с Ходжаниязом. Если его не перехватит проворный Шэн Шицай.

— А почему не с Сабитом?

— Он человек большого масштаба. Ему придется подчиняться.

— А Ходжанияз нам не верит. Мы насторожили его.

— Он зауряден и простодушен. К нему можно подобрать отмычку.

Они долго обсуждали, что можно бы предпринять, но конкретно ничего не решили, условились поступать только по указаниям Га-сылина.

«Почему Ма Шоу не дал мне такого совета раньше? — спрашивал себя Ма Цзыхуэй. — Тут что-то кроется...»

3

Повозка Турапа, запряженная черным мулом, миновала «ореховый дворец», проехала по улочке через каймачный базар и остановилась возле узенького тупичка.

— Жди меня у водоема Турумтай, — бросил седок, вылезая из повозки.

— Ненадолго, байвачча?

— Чем дольше прождешь, тем больше получишь.

— Хорошо, байвачча. — Турап хлестнул мула.

Человек, сошедший с повозки, смотрел ей вслед до тех пор, пока она не скрылась за поворотом. Потом вошел в тупичок и условленным стуком постучал в третьи ворота. Ворота приоткрылись, впустили его и опять закрылись.

— Хозяин дома?

— Только пришел.

Привратник пошел вперед. Он провел гостя через внешний двор во внутренний, а там — к домику с приземистой верандой.

Во всех четырех стенах комнаты, как исстари заведено в Кашгаре, устроены были ниши, сверху донизу загроможденные одеялами или заставленные фарфоровой и глиняной посудой. Юнус сидел у стола, еле-еле, освещенного лампой, и вглядывался в бумажку, испещренную мелкими буквами. Вошедшего Турди он, наверное, не заметил, головы не поднял.

— Вы не завещание свое читаете? — пошутил Турди, смеясь, как обычно, к месту и не к месту.

Слово «завещание» обидело Юнуса всерьез:

— У вас, приятель, сочувствия ни на волос. Наверное, и в могиле будете скалиться.

— По-нашему — ешь плов, даже если небеса обрушатся!

— Садитесь! — приказал Юнус.

— Почему перебрались сегодня сюда?

— Нужно чаще менять место, чтобы не мозолить людям глаза. Очевидно, через несколько дней опять придется переходить. Позаботьтесь о подходящей квартире.

— На этот счет будьте спокойны. Не преувеличу, если скажу: почти половина Кашгара наша.

— Хватит болтать! Скажите, что сделали.

— Сегодня я обрадую вас, байвачча.

— Ну-ка, ну-ка?

— Ходжанияз согласен принять нас с вами завтра вечером.

— Вот это дело! — обрадованный Юнус налил в рюмки коньяку.

Однако от следующих слов, которые Турди произнес почти шепотом, радость его улетучилась:

— Я долго ломал голову, как это устроить. И если бы не Моллахун-ака, ничего бы не вышло. Ходжанияз подозревает, что вы человек Шэн Шицая, будьте осторожны.

— Вот как? А вы?

— Я вне подозрений. Не я ли еще в Кумуле подарил ему «для дела ислама» товаров на пятнадцати верблюдах?

— Он прослышал о моем приезде?

— Они тоже не дремлют. Я объяснил, что вы приехали по торговым делам и для проверки своего здешнего имущества.

— Замана видели?

— Нет.

— Не влез бы этот поганец.

— Я говорил с Моллахуном. Хатипахун и его единомышленники отдаляют Замана от Ходжанияза. Сейчас только Сопахун поддерживает его.

— Вот... — Юнус взял со стола бумагу. — Первое распоряжение Ходжанияза: изъять зерно у перекупщиков и распределить среди дехкан на семена. Второе — призвать под ружье добровольцев. Завтра нам прежде всего надо пожертвовать Ходжаниязу все свои запасы продовольствия, опередить, пока их у нас не отняли.

— Сколько денег пропадет! — Даже в полумраке стало заметно, как побледнело обычно красное лицо Турди.

— Не беспокойтесь приятель, убытки вернем иными путями.

— Делать нечего, будь по-вашему... — вздохнул Турди.

— С другой стороны, надо распространить листовки о том, что Ходжанияз враг баев, встал на путь красных, отбирает добро у зажиточных. Пусть усилится недовольство баев!

— Это вы как знаете. С какими хлопотами собирал я продовольствие! Как жалко! Да сейчас бы цены поднять, сколько прибыли сразу было бы... — снова вздохнул Турди.

— Следующее... — Юнус раскурил сигарету и продолжал: — Надо отпечатать тысячу листовок, в которых очернить Ходжанияза и Сабита-дамоллу.

— Пирим... — ужаснулся Турди, взывая, по обычаю уйгуров, в тяжких случаях к помощи духовного покровителя.

— Оставьте свои «пирим-мирим»! Подошло время определить к делу и тех двух, которых вы откармливаете как на убой.

— Ибрагим готов.

— Он, по-моему, труслив. Скажи: «Заман пришел» — и засеменит прочь, как перепелка в траве.

— Пусть так, но знаменитого Пазыла он все-таки провел!

— Не провел, а предал. Как бы и с нами не обошелся так же. За ним глаз да глаз нужен. А тот человек когда придет?

— Уже должен ждать во внешнем дворе.

— Зовите, поговорим.

— Во рту пересохло, промочить бы! — Турди взглянул на коньяк, облизал губы.

— Дело завершим — и жажду утолим.

— Глотку хоть смазать... — Турди отправил в рот два жирных куска баранины, вышел.

Пока он ходил за Масаком, Юнус еще раз просмотрел подготовленные для отправки Шэн Шицаю секретные телеграммы — о численности исламских солдат, их вооружении, местах расположения, с данными о Командном составе. Кое-что дополнил.

Вошли Турди с Масаком. Не поздоровавшись, Масак приткнулся к косяку, замер у входа, как кривой куст.

— Садись! — показал место Юнус.

Тот, не поблагодарив, опустился, словно верблюд, на колени. Грубость, соединенная с тупостью и слабоумием, так и выпирала из него.

— Хочешь разбогатеть и жениться на хорошенькой вдовушке?

— Хи... чего ж не хотеть? — не задумался Масак и показал в улыбке

желтые зубы.

Юнусу стало противно, он приподнял край ковра и сплюнул.

— А человека убить сможешь?

— Чего ж не убить? — Теперь Масак посмотрел на Турди, который знал, что еще в Кульдже во время ссоры из-за денег Масак придушил сестру и пырнул ножом брата, потом бежал в Кашгар, где убил товарища и присвоил его имя. Турди не раз пользовался его услугами.

— Если мы сейчас пошлем тебя убить человека, пойдешь?

— Чего ж не пойти?

Удивленный его ответами, Юнус взглянул на Турди: «Тварь в своем уме?»

Турди понял его взгляд.

— Объясняться с ним бесполезно. Но если получше втолковать поручение, исполнит в точности.

— Чего ж не исполнить? — Масак по привычке глядел в сторону.

— Смотри сюда, Масак, — начал внушать Юнус, поймав его бегающий злобный взгляд. — На этот раз нужно убить не какого попало человека. Не будешь осторожен — поймают. Понял?

— Чего же не понять?

— Не говорите ему лишнего. Растолкуйте, что делать, и все, — вмешался Турди, знавший Масака.

Юнус уже несколько дней обдумывал план убийства Замана. Слово за словом он вдолбил свой план Масаку. Юнус пообещал убийце в случае удачи тысячу саров^[33] серебром, молодую женщину и переброску в любой город, по выбору.

Глава пятая

1

Как путник, поднявшись на высокий перевал, осматривает окрестности, так и Шэн Шицай, достигнув известных ступеней в походе к вершинам власти, огляделся вокруг. Он последовательно придерживался одного из правил китайской политики — «ловить зайцев на двуколке», то есть натравливать на сильных соперников более могущественных, превращая в свою добычу и тех, и других. И преуспел во многом. Еще три года назад пресмыкался перед властителями, хотя был не из

профессиональных прихлебателей, что сгорбились в постоянных поклонах, но неуклонно продвигался к своей затаенной цели — стать вершителем судеб народов Синьцзяна. «Я отнял власть у Цзинь Шужэня. Устранил соперников: Цзинь Чжуна, Лю Шаотена, Тао Минью, грозного генерала Чжан Пейюаня — избавился от возможных опасностей. Постоянно угрожавших Ма Чжунина и Ходжанияза отбросил в Южный. Синьцзян. Что дальше? Руки теперь длинные, сил достаточно, можно сделать все. Ма Чжунину нанести решающий удар, „республику“ Сабита-дамоллы уничтожить — вот главные задачи!» — уверенно заключил Шэн Шицай и, вызвав секретаря, приказал немедленно созвать военно-административное совещание.

Членами совещания были наиболее близкие и преданные Шэн Шицаю люди: генерал Цю-сылин — тесть, начальник штаба Ван-цаньмоучжан — свояк, вновь назначенные генерал-губернаторы Илийского, Алтайского, Тарбагатайского и других важнейших округов Лю Бин, Яо Шун, Цай Хин, руководитель разведки Чжао Ян. Здесь же присутствовал Лу Юлун, которому впоследствии было доверено вести протоколы тайных совещаний. Мышиные глазки, плоский подбородок, всегда поджатая нижняя губа — при улыбке обнажались только верхние, похожие на лошадиные зубы — таков был этот двадцатитрехлетний любимец Шэн Шицай, самый преданный его приверженец, участвовавший в «разоблачении» группы Цзинь Чжуна, Тао Минью, Лю Шаотена и в умерщвлении ее участников. В награду за оказанные услуги Шэн Шицай усыновил его. Превосходно владея уйгурским языком, он легко втирался в доверие к мусульманам, а потом осведомлял своего «родителя» обо всем важном, что удавалось разузнать. Сейчас Лу Юлун сидел насторожившись, чтобы не пропустить ни одного слова, сказанного на совещании.

— ...мы имеем полное превосходство. Поэтому я считаю, что время нанесения окончательного удара пришло, — закончил свое выступление Ван-цаньмоучжан, облизал по привычке губы, поправил ремень и сел.

Шэн Шицай еще несколько мгновений не поднимал прикрытых, опухших от бессонных ночей век, потом бросил взгляд на Цю-сылина. Старый генерал, тощий, длинный — на пол-аршина выше прочих поднималась его голова, похожая на голову кобры, — непоколебимый упрямец с тонким голосом кликуши, считал себя мудрее и дальновиднее остальных и потому обычно много и охотно советовал. Однако сегодня он почему-то сидел молча, будто в полусне. Возможно, его мучил застарелый геморрой... Лю Бин собрался было что-то сказать, но Шэн Шицай резко поднялся с места, быстро подошел к карте Восточного Туркестана на

стене. Остальные, как выслушивающие урок подмастерья, выстроились за спиной дубаня.

— Сейчас отряды Ма Чжунина сосредоточились в Аксу, — Шэн Шицай ткнул пальцем в кружочек на карте. — Очевидно, неприятель намеревается привести в порядок свои силы и подготовиться к контрнаступлению. Надо не позволить встать на ноги ослабленному противнику...

— Шэн-дубань прав, — прозвучал голос Цю-сылина. Словно дрофа, важно переставляя длинные ноги, генерал приблизился к карте и продолжал: — Если мы, не давая передышки Ма Чжунину, загоним его в Кашгар и столкнем с Сабитом, то одной палкой легко уьем двух зайцев.

Цю-сылин прошествовал к столу и сел на место. Всем своим видом он, казалось, высокомерно призывал: «Делайте, как я говорю!» Шэн Шицай с ненавистью взглянул на тестя, бесцеремонно прервавшего его речь и произнесшего именно то, что собирался сказать он сам. «Я еще припомню твою „мудрость“, старый черт, устрою тебе родник на месте носа, — злобно подумал он. — Тешься пока...» И, будто ничего не произошло, заговорил:

— В любом из двух случаев — в Аксу ли, в Кашгаре ли — ударим по Ма Чжунину. Мы уберем его со сцены, и в этом деле нашим союзником станет Ходжанияз. Но нельзя считать противника слабым. Ма Чжунин опытный и боевой командующий. Поэтому требуется делать все быстро и основательно. И самое главное — любыми средствами не допустить союза Ма Чжунина с Сабитом-дамоллой!

Последние слова Шэн Шицай произнес с особой силой и внимательно посмотрел на начальника разведки. Чжао Ян понимающе склонил голову: «Я так и действую».

— Если, — продолжал Шэн Шицай, — Ма Чжунин приберет к рукам Сабита-дамоллу, он получит в распоряжение пять миллионов уйгуров Наньшаня. Это очень опасная угроза для нас, смертельная! — Глаза Шэн Шицай гневно сверкнули на почтительно молчавших слушателей. Сделав круг по комнате, дубань снова остановился возле карты. — К зиме нужно очистить от врагов Южный Синьцзян и навести там порядок! Для этого, во-первых, Лю Бину немедленно выехать в Кульджу и наладить работу военно-административных учреждений; бывших белых русских под командованием Па-сылина^[34] и военные отряды местного населения отправить через перевалы Муздаван и Юлдуз-таламат на Аксу; богатый Илийский округ сделать материальной базой, обеспечивающей передовые отряды. Во-вторых, Ван-цаньмоучжану наступать с главными силами через

Карашар и Курля на Аксу — поход против Ма Чжунина важнейшая из задач.

Закончив говорить, Шэн Шицай обвел взглядом участников совещания, словно спрашивая: «Еще какие есть предложения?» Предложений не было, все единодушно согласились с дубанем, потому что Шэн Шицай прочно утвердил свою военную власть в большей части Синьцзяна — в Илийском, Тарбагатайском, Алтайском, Урумчинском, Кумульском и Карашарском округах — и вместе с тем с помощью «чистки» от настоящих и возможных соперников укрепил административный режим. Его слово стало законом. И прошедшее «совещание» было лишь видимостью, на деле оно имело цель узаконить намерения Шэн Шицайя. Так начинались первые шаги на пути становления нового «вождя».

2

На одной из заселенных китайцами улиц появилось новое учреждение. Высокие серые стены с натянутой поверху колючей проволокой ограждали его от любопытных глаз. Через боковую калитку днем время от времени входили и выходили люди в военной форме. Черные же, окованные железом ворота были закрыты всегда. О загадочном учреждении простые горожане толковали по-разному:

- Это склад пороха и военного снаряжения...
- Нет, здесь золотая казна.
- Мало того, что ворота крепкие, так в башнях-паотаях пулеметы поставили...
- А я думаю, и не золото там. Для него есть банк, верно? Сюда, я слышал, будут сажать убийц...

Что бы там ни говорили, но перед черными воротами прохожие вздрагивали, как бы опасаясь самих себя.

Однажды вечером черные ворота распахнулись, и во двор въехали четыре крытых грузовых автомобиля. Урумчинцы привыкли издавна лишь к слабому тарахтению двуколок и запряженных ишаками тележек зеленщиков, поэтому оглушительный грохот четырех моторов и нестерпимо яркий свет фар были восприняты как необычное происшествие, привлекающее внимание всех, кто оказался поблизости. Было видно через окна и раскрытые двери домов напротив, как из кузовов машин высаживали людей с обмотанными головами и связанными за

спиной руками. Никто из наблюдавших не знал, что это за люди и почему их постигла такая участь...

Черные ворота снова открылись через несколько дней, ночью, и в освещенный двор рысью въехало больше десятка всадников, каждый с двумя маузерами на перекрещенных ремнях. Они окружали верхового в накидке, с серебряными шпорами на гладких сапогах, восседавшего на великолепном коне, сурового и, похоже, жестокого. Он быстро соскочил на землю, бросил повод сопровождающим и направился к дому. Четверо маузеристов остались во дворе с лошадьми, остальные пошли за своим начальником.

У входных дверей здания, состоящего по китайскому обыкновению только из проходных комнат, так что в следующую можно было попасть лишь из предыдущей, приехавших ждал человек с отметиной на лбу. Он приложил руки к груди, наклонил голову в изысканно-церемонном поклоне:

— Добро пожаловать, господин дубань.

Дубань сбросил накидку на руки телохранителям и вошел внутрь. У наружных дверей осталось двое, а у каждой из внутренних по мере продвижения замирало на посту по одному маузеристу.

— Завершили? — спросил дубань, перед тем как сесть.

— Канцелярию и кабинеты закончили, теперь...

— Оставь эти «теперь»! Тюрьма готова?

— Готова-то, можно сказать, готова...

— Отвечай точно! — Шэн Шицай устремил взор на Чжао, и тот, настороженно поймав гневные огоньки в глазах дубаня, начал заикаться:

— Я с-ста-арался... к-как толь-кко... м-мог...

— Даю два дня сроку. Чтоб все было готово!

— Слушаюсь, господин дубань.

Обрадовавшись, что обошлось без нахлобучки, Чжао взял термос, намереваясь предложить чаю, но Шэн Шицай жестом остановил его.

— Что дали допросы Ян Цзиншаня?

— Продолжает отрицать связь с Ма Чжунином...

— Хе! — Шэн Шицай, как юла, метнулся по комнате, опять сел на место, вынул, скрывая нервную дрожь в пальцах, сигарету, поднес ко рту. Чжао тут же ловко чиркнул спичкой. — Делай что хочешь, — Шэн затянулся два-три раза подряд, — но чтобы признание Ян Цзиншаня в связях с Ма Чжунином у меня было! Добейся любыми способами, понял?

— Понял, — склонил голову Чжао, а про себя подумал: «Для чего могут понадобиться такого рода измышления?»

— Ты, — продолжал после минутного молчания дубань, — начальник управления безопасности. Иначе говоря, мои глаза и уши. — Смутная угроза послышалась Чжао в этих словах, в душу начал заползать страх, однако он старался ничем не выдать своего состояния и продолжал слушать. — Не буду скрывать, мы начинаем новую «чистку общества». Тебе будут созданы все условия. Организуешь тщательно засекреченные школы по подготовке агентов и начнешь готовить кадры, которые станут нашей опорой. Вся эта работа должна сосредоточиться только в твоих руках, понял?

— Понял, — покорно произнес Чжао, сознавая, что истинные замыслы Шэн Шицая темны для него. Будучи достаточно опытным в шпионских делах, Чжао все-таки крайне удивлялся тому, что дубань, едва сформировав правительство, уделил много внимания увеличению количества тюрем, начал подозревать в заговоре против себя всех сколько-нибудь выдающихся деятелей, даже тех, кто был с ним в самые трудные дни, а особенно местных интеллигентов и почитаемых в обществе людей. Все это привело к взаимному отчуждению и холодности и никак не укладывалось у Чжао в уме. «Для чего? — временами спрашивал он себя. — Конечно, преследовать врагов, преступников, смутьянов необходимо. Но сомневаться в тех, кто с самого начала был вместе с тобой, кто положил все силы на то, чтобы помочь тебе прийти к власти... Для чего преследовать их? Во имя чего? Кого оберегать? Куда мы движемся?..» Подобные мысли тревожили душу начальника разведки, но он и подумать не смел повлиять на Шэн Шицая и потому стоял стиснув зубы, чтобы ненароком не вылетело ни одного лишнего слова.

— Эта работа — подготовка будущего. Сведения об указанных мной людях собраны?

— Собраны, — Чжао открыл сейф, достал большую книгу. — Доложить о каждом в отдельности?

— Нет. — Шэн Шицай открыл книгу, стал просматривать ее.

Чжао безмолвно возвышался рядом. Дубань, любивший в каждом деле выпятить себя, подчеркнуть превосходство своего мышления, обошелся на этот раз без замечаний. Внимательно прочитал краткие сведения об интересовавших его людях, перевернул последнюю исписанную страницу и поднял взгляд на Чжао:

— Как ты думаешь, насколько влиятельны эти люди?

Чжао не решился ответить сразу, стоял, почесывая лысину.

— Как бы это сказать... — Он не мог угадать, что задумал Шэн Шицай, и замолчал: ошибочный ответ грозил разносом, а то и суровым

наказанием — «за нерадивость».

— Презираю тех, кто мямлит! — Дубань даже отвернулся, словно гнушаясь. — Говори смелее!

— Ваш покорный раб того же мнения, что и господин дубань. Относиться к этим людям нужно сообразно с их влиянием среди местного населения.

— Сообразно с их влиянием, говоришь? — Шэн Шицай задумался, глядя уже не на Чжао, а на окно, напоминавшее шахматную доску.

Чжао, окрыленный удачным ответом, два-три раза глотнул чая.

— Объединяясь, бороться, вот как надо поступать, — изрек дубань и глянул на Чжао. — Сейчас объединимся с местными заправилами вроде кумульского Юлбарса, князей Люкчуна и Турфана, карашарского князя монголов Манха-вана, алтайского казаха Шарипхана, кульджинских Хакимбека-ходжи, Турдахуна и Мусабаевых, тарбагатайских Чанышевых, урумчинского Турсуна-баба и им подобных. Даже дадим им высокие звания, титулы, посты...

— Конечно. — Чжао был доволен, что усвоил смысл шэншицаевского политического термина «объединяться». — Кое-что стало понятно. А дальше?

— Хорошо, — одобрил Шэн Шицай. — «Объединяясь, бороться» означает дальше, что когда мы достигнем определенных целей — уберем Ма Чжунина и Сабита-дамоллу, закрепим власть, — то место обитания всех подозреваемых будет здесь! — дубань вытянул руку в сторону тюрьмы.

Чжао, руководившего конкретным осуществлением секретно-политических операций, нельзя было назвать чувствительным. И все-таки сердце его сжалось. «Как знать, не станет ли тюрьма, которую я построил, в будущем и моим кровом?..» — подумал он.

Взошла луна. Сад в лунном сиянии сделался сказочным. Влюбленные в розы соловьи заливисто щелкали возле цветников. Отдельные веточки чуть-чуть шелестели под волнами легкого ветерка, словно шептали что-то. Но кто мог слышать их шепот? Только один человек — он бродил по саду. Не для него ли сияли волшебной лунной красотой деревья? Не для него ли звучали чарующие трели соловьев? Не для него ли поднималось от цветов сладкое благоухание? Нет, он далек был от наслаждений — он находился в плену тяжких, запутанных мыслей.

Человек присел на перекинутом через арык мостике. Будь сейчас дневной свет, стало бы заметно, что у него короткие руки, большая — не по маленькому росту — голова, на которой недоставало правого уха. Недостатки эти возмещались покоряюще внимательным взглядом задумчивых глаз. Однако сейчас, при луне, выражение глаз рассмотреть невозможно, а если бы и удалось, то все равно ничего, кроме мучительных раздумий, нельзя было бы увидеть.

«Мы одолели в каракашском и хотанском сражениях, мы даже отвоевали Яркенд... Но что же дальше? Почему мы не можем продвинуться ни на шаг? — Он встал и пошел по саду, не слушая соловьев. — Почему мы словно спутанные лошади?» Он сел на скамью у водоема, у ног плескалось лунное отражение.

Он вспоминал сейчас, как гнали из Яркенда китайских солдат, как Томур-сычжан занял Кашгар и пригласил на переговоры Шамансура и Сабита-дамоллу, как потом объявил их «приверженцами Хотана» и заточил в темницу Сабита-дамоллу, а Шамансуру удалось бежать, как обманутый Ма Цзыхуэем Осман помог дунганину убрать Томура. Эти воспоминания будто холодными пальцами сдавили его сердце. Он вскочил и, ничего не видя перед собой, быстро зашагал к дому.

— Что с сиятельным господином? — беспокойно спросил выступивший из тени слуга. В его речи четко прослушивался хотанский выговор.

— Они пришли? — спросил Бугра.

— Пришли, господин.

- Кушанья готовы?
- Все готово, сиятельный господин. И ханум ждет.
- Скажи Амине-ханум, пусть готовит дастархан.
- Хорошо, сиятельный господин.

Бугра вступил в гостиную, и ждавшие его мгновенно встали с мест. Прозвучали по-хотански церемонные вопросы о самочувствии, хотя все виделись днем, совсем недавно.

В этот поздний час у него собрались основатели и руководители Хотанской исламской республики, возникшей два года назад в городе Хотане: Махаммат Нияз-алам — эмир-ил мулюк — глава правительства, Шаман-сур — эмир сахиб — военно-административный правитель, Рози Махаммат-ахун — духовный глава и еще двое почтенных людей. Не было среди присутствующих лишь Сабита-дамоллы, пребывавшего в звании «шейх уль-ислама» в Кашгаре.

Разнесли душистый чай. Бугра заговорил первым:

— Наша Хотанская исламская республика простирается на запад до Кашгара — Ташкургана, на север до Черчена — Чарклыка, на юг до Согута и на восток до мрачных гор Тибета. Остаться ли нам в достигнутых пределах или воссоединиться с Восточнотуркестанской исламской республикой в Кашгаре? Следует обдумать это и прийти к окончательному решению.

— Возникновение Восточнотуркестанской исламской республики для нас, конечно, благоприятно и отвечает нашим общим целям, — проговорил всегда державший себя важно Махаммат Нияз-алам, ученый толкователь шариата, один из самых авторитетных людей Хотана. — Лично я верю Сабиту-дамолле и одобряю избранный им путь. Но тревожит назначение сомнительного горца Ходжанияза главой республики, — принимать исполнение высоких обязанностей можно лишь при совершенном доверии, а я опасюсь: в будущем этот темный, невежественный тюрк ввергнет нас в состояние удрученности и растерянности.

Алама тут же поддержал Шамансур:

— Томур-сычжан, пригласивший меня в Кашгар, чтобы заточить в тюрьму, был, без сомнения, ставленником Ходжанияза. Хафиз-туаньчжан, командир полка, помогавший в яркендском бою китайцам, был человек Томура. Так почему же мы должны верить Ходжаниязу и повиноваться ему?..

— Зачем ворошишь прошлое? Зачем хочешь всколыхнуть старые обиды и споры? — остановил брата Бугра. — Мало ли у нас проблем в настоящем?

— Его превосходительство эмир сахиб Шамансур видел во сне светлую дорогу, открывшуюся в почитаемую всеми Мекку. Это доброе предзнаменование: прокладывая путь к Мекке и Медине, мы совершим новые завоевания, да поможет аллах нам, правоверным... — Рози Махаммат-ахун поднес ладони к лицу.

С трудом сдерживая смех от столь произвольного толкования сна, Бугра резко сказал:

— И когда мы перестанем увлекаться подвигами богатырей из выдуманных сказок и преданий? Вот до наших дней дотянулась вера в сказочных героев вроде Джемшида и Зухакмарана, Рустама и Исфандияра, Кайкавуса и Абумуслима. Нет, время требует отказаться от красивых, но уже обветшавших представлений. Время требует иных, присущих именно ему действий. — Собеседники, впервые услышав от Бугры столь непривычные слова, будто онемели, не зная, соглашаться или возражать. А Бугра, выпив еще чашку чая, продолжал: — Не гадать, не просить помощи у призраков, не мечтать о несбыточном — действовать, действовать нужно! Перед нами сильные и опасные враги — захватчик Шэн Шицай и сбившийся с пути Ма Чжунин. Чтобы устоять против них, необходимо объединить все наши силы.

— Одно-единственное скажу, — произнес на хотанский манер Махаммат Нияз-алам, — Ходжанияз первый поднял оружие против неверных. Этого отрицать нельзя и забывать нельзя. И не мы ли отправили ему навстречу в Аксу Нияз-ахуна с золотыми и серебряными дарами? Но, повторяю, я сомневаюсь, что этот темный невежда может быть президентом.

— Сам Сабит-дамолла считает, что — может, достоин быть президентом, а мы противимся. Разве не вредит это нашему союзу? А в нынешнем положении объединение — снова и снова подчеркиваю — крайне необходимо!

— Хорошо, брат, пусть будет по-твоему, — положил Бугре руку на колено Шамансур. — Но среди назиров вновь созданной Восточнотуркестанской республики нет ни одного нашего хотанца. Что ты на это скажешь?

— Пусть кто угодно будет назиром, лишь бы проявил сейчас самоотверженность, — ответил Бугра, глядя брату в глаза.

— За родину и народ мы самоотверженно проливали кровь, это известно всем! — с обидой сказал Шамансур, и остальные в знак согласия склонили головы.

Махаммат Нияз-алам собирался что-то сказать, но Бугра опередил его,

воскликнув:

— На смертном одре нет времени для ужимок!

— Мы владеем Хотанским и Яркендским округами, иначе говоря, нас более двух миллионов душ под знаменем отдельного царства, — сказал, поглаживая поредевшую бороду, Махаммат Нияз-алам. — А потому признать кашгарское правительство и объединиться с ним мы можем лишь на известных условиях.

— Да, это очень верно, — подкрепил слова алама Рози Махаммат. — По-моему, на время объединения все богатства казны необходимо оставить в наших руках.

— Усилим войско, но чтобы оставалось под нашим командованием, так? — произнес эмир сахиб Шамансур.

— Ладно. А что скажете вы, господа? — обратился Бугра к тем двум, что с самого начала сидели, не проронив слова, не подняв головы от дастархана. Тот, что почернее, был хотанским муфтием, а второй, помоложе, с совершенно черной бородой, — старшим писцом духовной канцелярии. Будучи приверженцами Нияза-алама, оба опасались сказать что-либо прежде своего покровителя.

— Как скажет наш господин, великий Нияз-алам, так и мы, — ответил муфтий, и старший писец подтвердил:

— Так и я.

— Сегодня-завтра прибудет посланец Ходжанияза. Давайте выслушаем его и тогда придем к окончательному решению, — предложил Бугра. — Согласны?

— Это разумное соображение, — одобрили собеседники.

С высокого хотанского минарета зазвучал азан, призывающий прихожан к предутренней молитве.

Посланцы Ходжанияза во главе с Махмутом Мухитом достигли Хотана ночью. Шамансур со свитой встретил их в уездном городке Каракаше и с почетом препроводил в Хотан, в заранее подготовленную резиденцию. Неутомимый Махмут, несмотря на усталость, предложил начать переговоры завтра же, сразу после утреннего чая, но Шамансур осторожно выразил несогласие:

— Как говорят, дорожные муки — смертные муки. Отдохните денек, к тому же завтра священная пятница...

— Тогда давайте встретимся после пятничных молитв. Вечером мы должны выехать обратно. Передайте сиятельному Маматимину Бугре привет и мое высокое уважение.

— Хорошо, господин, с полной готовностью. — Шамансур пожелал прибывшим приятных сновидений и распрощался.

Махмут приказал Заману встать пораньше, прочел отложенную из-за дороги вечернюю молитву и лег спать.

Бессонница на новом месте уже вошла у Замана в привычку. Два дня постоянной тряски-машину на-неровной дороге бросало из стороны в сторону, и не то что заснуть, спокойно посидеть было невозможно — измучили его. Теперь бы отдохнуть, выспаться, но сон не приходил. Заман тихонько встал, зажег свечу и вышел с ней в соседнюю комнату, где расположился постоянный его друг и спутник Розы.

Никогда не упускавший возможности поспать, тот и сейчас блаженно посапывал, словно насытившийся младенец.

— Вы посмотрите, как он спит, будто на коленях у матери, — с завистью пробормотал Заман.

Захотелось выдернуть нитку из бахромы хотанского ковра, украшавшего переднюю стену, и пощекотать ею ноздри друга, но Заман, чуть постояв, пошел к себе. Вслед ему раздался притворный кашель и голос:

— А вы, мой ходжа, сойдете за крадущего сны. Как заклинатель-бахши, бродите со свечой... Вам бы еще веревку с потолка, чтобы вертеться вокруг нее...

— О алла! Только что лежал, как мертвец, и вдруг проснулся. С чего бы?

— Даже сквозь крепкий сон я чую шорох змеи, мой ходжа. — Розы встал с постели.

— Бессонница меня мучает, Розы-ака.

— Хм... А не Халида-ханум припомнилась вам? — лукаво спросил Розы. Он знал, что Заман порой целыми днями бывал печальным, не спал по несколько ночей кряду, и одной из причин такого уныния было отсутствие вестей из Кульджи — от Халиды.

— Нет, Розы-ака, на этот раз ты не угадал. У меня на сердце... Да что там говорить! — махнул он рукой, ставя свечу на выступ стены.

— Если мрачно на душе, пошепчитесь с мусаллясом — виноградным вином. Грусть ваша, как облако, развеется.

— А где он, ваш мусалляс? Я не отказался бы.

— Подождите чуть-чуть. — Рози, накинув бешмет, вышел во двор.

Заман был уверен, что расторопный и аккуратный Рози вернется не с пустыми руками, и потому спокойно вернулся к себе и сел на постель.

Чистая ледяная палочка свечи едва разгоняла подступивший со всех сторон мрак. Комната внутри поражала обилием уступов и ниш во всех четырех стенах, украшенных разноцветными узорами, по которым можно было судить о необычайной искусности строивших ее мастеров. Особенно бросалось в глаза разнообразие орнаментов на потолке.

«Снаружи посмотришь — сарай для соломы. А внутрь войдешь — образец орнаментального искусства. Верно говорят, что хотанцы рождены для искусства...» Взгляд Замана упал на посуду в нише. Он встал, взял свечу и начал осматривать чашки одну за другой. Его внимание привлек сделанный в форме вазы кумган — сосуд для омовения. Свободной рукой он извлёк кувшин из ниши. Кумган из местного, хотанского мрамора при свете свечи отливал то слабо-розовым, то голубым цветом. Его бока украшали зеленые ветки базилика с цветами и листьями, на одной из них матово белели среди листьев два соловья, готовые вот-вот запеть. От цветов к шейке кумгана, напоминавшей лебединую, расправив яркие крылья, летели две бабочки... «Выставить бы его перед глазами тех, кто не признает или не Понимает уйгурское искусство, — вздохнул Заман. — А ведь в этом городе — средоточии искусства — можно найти тысячи вещей еще прекраснее!..»

— Приехал в Хотан — станешь кумганщиком, не так ли говорят? — с этими словами в комнату вошел Рози, держа поднос с едва начавшим поспевать урюком.

— Это тебе не глиняный горшок, Рози-ака! — улыбнулся Заман.

— А не превращает ли он холодную воду в мусалляс?

Заман рассмеялся, поставил кумган на место и сел за круглый столик, который Рози уже успел накрыть.

— Где же ты в полночь урюк нашел?

— Попусту не спрашивайте, ешьте. — Рози налил в две пиалы мусалляса. — Выпьем за того, кто создал вино.

— Нет, выпьем за того, кто не спешиваясь друга отыскивает и тут же на верный путь наставляет, — за Рози-ловкача!

— Да здравствуют такие слова! За сколько лет дружбы первая похвала! — Рози взял пиалу Замана, подал ему свою и выпил, не переводя дыхания.

Вино было приятное, напоминало сироп жидкого варенья, но, похоже, крепкое, потому что после двух пиал друзья пришли в благодушное

настроение.

Рози по должности был телохранителем Замана, но различия в положении между ними не чувствовалось. Они уважали друг друга и говорили обо всем, как сегодня ночью, в уютной комнатке в далеком Хотане.

— Хотите еще, мой ходжа? — Рози кивнул на поднос, где уже не осталось урюка... — Сад рядом...

— Хватит, Розии-ака, спасибо.

Рози принялся раскалывать урючные косточки зубами и складывать ядрышки на поднос.

— Зубы побереги, Розии-ака.

— Ничего. Нижние зубы у меня как ступка, верхние — пестик. Господь наградил меня крепкими зубами, стройными ногами-руками, только голову обузил да ум укоротил...

— Ошибаешься, Розии-ака. Ты всем наделен сполна, даже красивой речью. Жаль, не посчастливилось тебе с учебой.

— Вот, точно... Вы сказали то, что у меня на душе. Все — в счастье! — воскликнул Рози. — Этого самого счастья не мне одному — всем уйгурам недостает, не потому ли они стонут под пятой угнетателей?

Рози всегда говорил просто, но в его словах звучала горькая, умная правда.

— Я, мой ходжа, давно ждал такого случая, как сегодня...

— Ну-ну... Что там у тебя на душе накопело, говори откровенно, Розии-ака.

— Давайте сначала глотнем, а потом уж будем слово к слову вязать.

Они выпили понемногу, положили в рот вместо закуски по урючному ядрышку.

— Куда мы идем? Скажите сначала это, мой ходжа.

— А по-твоему — куда?

— Вот-вот! Разве не правда, что эти ученые афанди, эти господа — похитители народного слова!

Раздражаясь, Рози доставал табакерку, отсыпал, потряхивая, на ладонь щепотку насвая, языком отправлял ее за нижнюю губу и придавливал. Все это он проделал сейчас. Заман впервые видел друга рассерженным. Всегда темно-песчаное, лицо Рози на этот раз покраснелось — от гнева или от мусалляса, — черные круглые глаза сверкали. Со времени приезда в Кашгар из-за всяких неотложных дел они ни разу не поговорили задушевно. Заману даже казалось, что друг и не нуждается в таких беседах: в родном краю Рози расцвел, посвежел, с лица не сходила безмятежная

улыбка...

— Я удивлен, Рози-ака, что ты причислил меня к господам, — улыбнулся Заман. — Как ни крути, а ты больше повидал и передумал немало, так что не ты у меня, а я должен у тебя спрашивать.

— Выходит, не вы меня, а я вас обидел, — улыбнулся Рози, не умеющий долго злиться. Он вышел в прихожую, сплюнул табак, ополоснул рот, вернулся на место и с расстановкой проговорил: — Если бы на этот вопрос отвечал я, то сказал бы, что с тех пор, как приехал в Кашгар, чувствую себя лапшинкой в кипящем водовороте.

— В водовороте? — повторил Заман. Рози высказал то, о чем он сам размышлял давно. После смерти Пазыла он внимательно приглядывался к Ходжаниязу, к разнообразным взаимоотношениям, возникшим вокруг него, к запутавшимся в паутине корыстных противоречий «отцам республики» — назирам. «Выходит, и Рози-ака сомневается в нашем будущем, — с тоской подумал он. — Наверное, и остальные разуверились в блестящем исходе начатого дела и предались отчаянию. А сам я? Скитаюсь, как парус одинокий в неведомом море, и не знаю, где к берегу пристать...»

— Если вас не затруднит, — нарушил паузу Рози, — я задал бы всего три вопроса.

— Ладно, Рози-ака, задавай свои вопросы.

— Первый из них: прочно ли то, что мы называем Восточнотуркестанской исламской республикой, и можно ли ее считать, ну, живой водой, что ли, для нашего народа, или же, как это сказать, боюсь, не так выйдет...

— Не пена ли на воде, хочешь сказать?

— С ваших губ слетели точные слова, мой ходжа. Из опасения перед вами я не сказал именно этого.

— Мы с Сопахуном тоже ломали над этим голову, но пока не нашли ответа, созвучного сердцу.

— Созвучного сердцу, — повторил Рози, и в голосе его послышалась затаенная боль.

Заману захотелось искренне ответить на вопросы друга.

— Эта республика слаба в основе и напоминает дом на песке. Покойный Пазыл говорил: «Никакое восстание или революционное движение не победит, если не будет поддержано всем народом». Сам видишь, исламская республика признает права только верхнего слоя — баев, шейхов и хаджи, мулл, ахунов, она защищает только их выгоды. Потому эта «республика» не может обеспечить общие интересы всего

народа и не сможет привести его к настоящему освобождению. — Заман облегченно вздохнул, высказав то, что давно таил в себе.

— Я слышал, Сабит-дамолла принял помощь англичан? — Розы подсел поближе к Заману. — Это хорошо для нас?

— Англичане помогли немного оружием и теперь приманивают обещаниями, стараясь закрепиться в Восточном Туркестане. Возможно, попытаются даже создать послушное себе правительство. Но они не хотят независимого Восточного Туркестана и бескорыстной помощи не окажут.

— Кое-что прояснилось, но...

— Что «но»?

— Если все так, почему не переложить дело из старых ножен в новые?

— Хм... — Заман затруднялся толково ответить на вопрос. То, что он сказал, было общей оценкой положения, усвоенной от Пазыла и подобных ему людей. — Вопрос вот в чем. Чтобы изменить состав правительства, нужно поставить во главе отвечающих этому делу людей. Где они, те, что смогут провести нужные изменения? Ты, я, Сопахун? Еще несколько таких? Что можем мы — малочисленная группа неопытных?

— Так, по-вашему...

— Так, Розы-ака, так. Нужен полководец — сардар, который сможет встать впереди. Сардар!

— Теперь второй вопрос. Пошли слухи, что наш бородач, — так за глаза иногда называли Ходжанияза, — стал «баоань-сылином»^[35] — по-нашему командующим по защите. Кто дал ему эту должность?

— Ты где слышал такое? — чуть не вздрогнул Заман: совсем недавно ему говорили, будто Шэн Шицай предлагал Ходжаниязу звание командующего по охране спокойствия населения Южного Синьцзяна. Но точных сведений не было, и Заман тогда не придавал значения слуху. Теперь, услышав то же самое от Розы, он встревожился.

— От Турапа-Динкаша, — ответил Розы.

— От Турапа? — еще больше удивился Заман. — А Турап где услышал?

— Не знаю, мой ходжа. — Голос Розы дрогнул: обычно, услышав мало-мальски интересную новость, он выспрашивал все до мелочей. Единственный раз не сделал так и теперь горько упрекал себя. Произошло это в прошлую пятницу на базаре, где торгуют насваем. Турап подскочил к нему и тихонько спросил: «Знаешь, что Гази-ходжа стал баоань-сылином?» Розы ответил: «Нет», — и Турап тут же уехал на своей повозке, запряженной черным мулом.

«Не зря распространился этот слух, — рассуждал Заман. — Вдруг

Ходжанияз заключил тайное соглашение? Нет! Нет! Как можно сговариваться с Шэн Шицаем? А если сговорился, то Восточнотуркестанская республика не устоит... А Ходжанияз? Представитель и Шэн Шицаю, и республики? Надо выяснить — любым способом...» Помолчав немного, он вновь обратился к Розе:

— Ну, а третий вопрос?

— Он, мой ходжа, какой-то смутный. Может, не нужно...

— Мужчина не должен попусту языком трепать. Спрашивай.

— Зачем мы, как спросонок, вдруг приехали в Хотан? — Роза задал свой вопрос тихо, почти шепотом.

— По правде говоря, я и сам толком не знаю, — смутился Заман. — Мне сказали: «Поедешь с Махмутом», — я и поехал. Больше ничего не знаю.

— Мям, мям! — по-кумульски произнес Роза, сильно вытянув губы. «Далеко в сторону они тебя отодвинули, после того как погиб Пазыл-ака. С носатой птицей Хатипахуном я еще позабавлюсь, если цел останусь», — чуть не сказал он, но сдержался.

— Завтра начнутся переговоры. Наверное, я понадобится, чтобы записывать. И тогда станет ясно, для чего мы приехали. А теперь пора к подушкам, а?

Роза убрал со стола, пожелал Заману спокойной ночи и ушел в свою комнату.

Строение, обнесенное высокими стенами — глинобитными снизу, саманными сверху, — походило на небольшую крепость и стояло особняком, скрываясь за тузовыми деревьями, так что снаружи не было видно жилых помещений: ни гостиной с балконами, ни столовых комнат, ни спален. Но люди там жили: крепостца переходила по наследству в семействе Маматимина Бугры от дедов к отцам, — невзрачная внешне, блистающая красотой внутри. Состояла она из внешнего и внутреннего дворов, между которыми был разбит цветник, а по бокам — сад. Ночью Заман не заметил ничего — пышность и великолепие строений, цветника и сада открылись ему только утром.

Здесь сразу же после завтрака и начались переговоры — в обширной гостиной, застланной хотанскими коврами. От хотанцев в них участвовали эмир-ил-мулюк — правитель по хозяйственным вопросам — Махаммат

Нияз-алам, командующий войсками — эмир-ил-аскер — Маматимин Бугра и эмир-владелец — эмир сахиб — Шамансур. Кашгарцев представляли Махмут Мухит и Хатипахун.

Перед началом поговорили о том, нужен ли протокол. Согласившись с предложением Бугры, послали за Заманом и Гаппаром — хотанским писцом. Оба молодых человека учтиво поклонились старшим, прошли в сторонку к круглому столику, где лежали приготовленные тростниковые ручки, и, соблюдая установленный этикет, замерли. Среди сидевших на почетном возвышении, застланном поверх ковра ватными одеялами, выделялось грубо вытесанное, всегда хмурое лицо чернобородого Махмута. Рядом с ним — громадным, суровым — маленький, мальчишески нежный Бугра казался крошечным. Он, ничуть не смущаясь, пристально рассматривал Замана с момента появления того в гостиной. Отметил про себя высокий рост, светлое лицо, чистый лоб, большие открытые глаза. «В нем светится смышленость. Держится свободнее Гаппара, наверное, горд», — подумал он и ласково сказал Заману, с трудом преодолевшему неловкость от назойливого внимания:

— Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, господин. — Заман продолжал стоять.

— Беда на нашу голову — невоспитанность, — проворчал, ненавидяще посмотрев на Замана, Хатипахун, — куда ни попадет, везде напакостит.

— Садись, братец, — разрешил Махмут.

Заман только теперь сел возле столика на корточки.

— Говорят, время — золото, не будем тратить его впустую, приступим к делу, — начал Бугра, и Хатипахун, горя желанием опередить Мухита, будто поддерживая Бугру, изрек:

— Поистине верно. — Махмут и рта раскрыть не успел, как Хатипахун продолжал: — Прошу высоких господ принять привет и искреннее уважение Гази-ходжи.

— Благодарим, — ответили хотанцы, и Махмуту в их ответе послышалось что-то деланное, неискреннее.

Наступила неловкая пауза.

— Мы долго ждали, что приедете вы, — заговорил Махмут, — но вот в конце концов приехали сами.

— Выражаем большую признательность за то, что вы оказали нам честь, — ответил, глянув на Махаммат Нияза, Бугра. — Во всяком случае, хуже не станет, если вы увидите положение в Хотане собственными глазами.

— Конечно. Встреча и беседа с каждым из вас может принести пользу общему делу. Потому что основа наших намерений — выражение дружбы, направленной к единству.

— Единство и наше заветное желание...

— Однако, — перебил Бугру Махаммат Нияз-алам, почесывая похожую на козлиный хвост бороду, — для нас и по сию пору скрыты во мраке истинные цели Ходжанияза-хаджи.

— Цели Ходжанияза ясны как дважды два — совместно противостоять жестокому врагу...

— Об этом нужно сказать не общими словами, а откровенно, ничего не утаивая. Мы, хотанцы, привыкли называть вещи своими именами. — Последнюю фразу Нияз-алам произнес на хотанский манер.

— Когда существует единая Восточнотуркестанская республика, вы подняли в Хотане знамя отдельного правительства. Разве это не раздвоение единого целого, господа? — резко спросил Махмут.

Хотанцы переглянулись. В разговор вмешался разозлившийся Шамансур:

— Выходит, вы нам советуете — разбредайтесь и бросайте оружие, — так?

Бугра, смущенный, что брат распалился, бросил на него осуждающий взгляд.

— Зачем так, братец? — ответил Махмут. — Пусть сольются солдаты с солдатами, правительство с правительством. Не это ли будет единением сил?

Стало пронзительно тихо. Лишь писцы нарушали тишину скрипом камышовых перьев по хотанской бумаге.

— Мы совсем не против объединения, — подал наконец голос Бугра, — но сможет ли ваша подкрепленная объединением республика обеспечить освобождение Восточного Туркестана?

— Исламская наша республика — путеводная звезда для всех правоверных, — начал было Хатипахун, но Махмут хмуро глянул на него: «Довольно болтать!» — и тот будто язык прикусил.

— Мне кажется неуместным сомневаться в том, что возникшая под руководством Сабита-дамоллы республика не сможет обеспечить освобождение родины, — заявил Махмут и добавил: — И вам, беспокоящимся об этом хотанцам, невозможно оставаться в стороне.

— Мы не в стороне! — возразил Нияз-алам. — Мы искренне верим Сабиту-дамолле — не только как главному назиру, но и как шейх уль-исламу, главе наших мусульман. Однако у нас есть основания сомневаться

в способностях Ходжанияза.

Шамансуру хотелось воскликнуть: «Справедливые слова!» — но он промолчал, побаиваясь брата. А Бугра укоризненно смотрел на Нияза: «Слишком резкие, неподобающие для этого места слова говорите, ученый алам!..»

— Вы не признаете способностей Ходжанияза и Сабита-дамоллы тоже, что ли? А ведь, объединившись, мы все дела решали бы совместно. Недоверие к себе и к своим всегда губило нас и погубит теперь... До каких пор мы будем сгибаться перед чужаками? Когда-то предки наши создавали могучие государства и умело управляли ими! А мы не устаем охаивать свое и восхищаться чужим!

Махмут умолк. Молчали и хотанцы — им нечего было возразить. Они уважали Махмута, потому что много слышали о его храбрости, самоотверженности, преданности родине. Бугру, по образованию ученого-историка, покорили его слова: он тоже твердо стоял за создание Уйгуристана, за объединение уйгуров. А Нияз-алам, желая смазать впечатление от слов Мухита, сказал, пристально глядя ему в глаза:

— У нас есть сведения, что Ходжанияз тайно сговаривается с неверным кафиром Шэном...

Бугра обозлился на Нияза: к чему обсуждать здесь непроверенные слухи? Только накануне он внушал аламу и другим, что, не имея веских подтверждений, нельзя придавать значения этим разговорам.

Темное лицо Махмута побагровело, но он сдержался и внешне спокойно ответил:

— Шэн Шицай не раз присылал послов для переговоров, это правда. Однако речи о расположении Ходжанияза к Шэн Шицаю несовместимы с истиной.

Ответ Махмута хотанцев не удовлетворил. Заман сейчас был особенно настроен. Ему казался уместным упрек Нияза-алама, он хотел, чтобы мучившая его загадка разрешилась. Но хотанцы не стали вдаваться в обсуждение этого вопроса. Лишь Бугра веско проговорил:

— По-нашему, доверяться коварному Шэн Шицаю, идти на соглашение с ним — все равно что связать родину и народ по рукам и ногам. Молю аллаха, чтобы слухи эти оказались ложными!

— Да ниспошлет аллах могущество исламу! — Военный муфтий Ходжанияза, его доверенный секретарь, до сих пор сидевший как истукан, не принимая участия в обсуждении, предпочитавший, видимо, произносить лишь общеизвестные утверждения и призывы, оказался верным себе и на этот раз.

Пререкания длились долго. В конце концов обе стороны договорились совместно противостоять общему врагу, однако хотанское правительство сохранило свое особое положение.

В тот же вечер после пира с подношением подарков в честь Шевкета — Доблестного (как его прозвали) — Махмута Мухита и его людей делегация отбыла в Кашгар.

Глава седьмая

1

Когда Ма Чжунин оделся и вышел; его любимец белый конь был уже заседлан. Увидев хозяина, конь ударил копытом о землю, запрядал ушами и тихонько заржал. Ма Чжунин быстро подошел к коню, погладил его лоб, расчесал ровно подстриженную, как у девочки, челку, ласково похлопал по высокой красивой шее, легко вскочил в седло и в сопровождении одного лишь телохранителя двинулся по улице.

Было еще темно, только-только начал светлеть восток, предвещая, что скоро из-за гор появится золотое блюдо солнца. С Тянь-Шаньских гор подул прохладный предутренний ветерок, пошевеливая хвост и гриву белого коня.

Ма Чжунину нравились ранние прогулки верхом — они приносили успокоение душе. Запутанные, неразрешимые думы терзали его всю ночь. Сейчас он будто убежал от них, торопясь уехать подальше от города, и вот уже белый конь взмок и начал выплевывать пену, — он всегда, разгорячившись, выплевывал, словно играя, в обе стороны пену изо рта.

Миновав кладбище на северной окраине Аксу, всадники выехали на развилку дороги, ведущей к уездному городку Баю. Здесь Ма Чжунин легко спешился, похлопал по мокрой шее коня, протер платком его лоб и глаза, передал поводья телохранителю, а сам пошел в сторону, к холму.

Когда он взобрался на холм, со стороны оставшегося вдалеке города донесся звук сигнала, по которому солдаты строились на утренние занятия. Обычно Ма Чжунин сам присутствовал на учениях и в нужных случаях показывал, как выполнять то или иное упражнение.

Яркие лучи взошедшего солнца осветили долину и начали слепить глаза. Утренняя тишина нарушалась лишь журчанием ручья да шелестящим полетом диких уток.

Ма Чжунин долго стоял на холме, не отрывая взора от бескрайней долины. «Чарующий край, — пробормотал он, вглядываясь в затуманенные равнины Такламакана, — но я вступил сюда, не постигнув его тайн...» Да, Га-сылину, «юному командующему», как его прозвали, не достало времени осмыслить историю сложной многовековой борьбы за независимость, которую вел восточнотуркестанский народ, некогда было вникать в суть раздиравших край противоречий. Наступая с войсками на земли уйгуров, он напоминал задиру-петуха, озабоченного только дракой. Не приняв во внимание внутреннее положение в крае, он начал терпеть поражения и только теперь принялся осмысливать ошибки.

«Нет, меня одолели не потому, что я был слаб или непредприимчив... Все-таки я беспрепятственно, как нож в масло, врезался в синьцзянские земли и дошел до Урумчи, — думал он, вспоминая свое победное продвижение в начале войны. — Если бы Шэн Шицаю не помогли техникой и вооружением, я поставил бы его на край могилы, да!» Он вспомнил, как в январе 1934 года в ожесточенных боях у города Урумчи потерпел поражение от войск Шэн Шицая и отступил через перевал Даванчин к Карашару, оставив под снегом большую часть отборных своих солдат. Сердце сжалось, Ма Чжунин зашагал по склону. Телохранитель повел было к нему коня, но командующий взмахом руки остановил его, спустился к ручью, напился из пригоршни.

Чуткий Сяо Ма — малый Ма, — не первый год служивший при командующем, стиравший ему белье и стлавший постель, везде и всюду тенью следовавший за ним, научившийся по лицу угадывать душевное состояние хозяина, понял, что Ма Чжунин чем-то мучается, и попытался отвлечь его внимание:

— Нынче, наверное, урожай хороший будет: журавли низко летят, — тихо, но достаточно четко произнес он.

Га-сынлин посмотрел в небо. Стая журавлей, выстроившись за вожаком в форме гусяного крыла, летела к востоку. Вдруг, нарушив строй, они закружились, как в водовороте, крылья их заработали часто и беспорядочно, и протяжное «кру-кру-кру...» всколыхнуло небо. Потом из скопления птиц снова вырвался вперед вожак, и вся стая полетела за ним дальше. Взмахи крыльев опять стали равномерными, журавли выстроились в ряд и теперь походили на растянутую нитку с янтарными бусинами. Бусины, удаляясь, все уменьшались и уменьшались. Ма Чжунин провожал их взглядом до тех пор, пока журавли не превратились в серебристые точки, а потом и совсем исчезли из виду.

Опустив голову, Ма Чжунин пошел к коню. В седле он немного

приободрился: «Еще не все потеряно. Пробуду какое-то время в Аксу, пополню войска, приведу их в порядок. Двинусь на Кашгар, возьму его, потом Яркенд и Хотан. В моих руках окажутся Курля, Кучар, Аксу, Кашгар, Яркенд, Хотан. Там до пяти миллионов уйгуров. Приручу их, создам сильное войско и пойду на север...» У Ма Чжунина прибавилось сил после принятого решения, и белый конь, будто не касаясь земли, понес его вперед, торопясь доставить к победной цели.

Поодаль показались солдаты, вышедшие на утренние учения за стены городской крепости. Га-сылин стал наблюдать, не слезая с коня. Настроение его опять испортилось: солдаты-новобранцы и те, кто их учил, двигались вяло, нехотя.

— Наемные попрошайки! — воскликнул в сердцах Га-сылин, но его восклицание никто, кроме Сяо Ма, не расслышал. В урумчинском бою он лишился лучших своих офицеров-дунган, им самим подготовленных. Те, что их заменили, были малоопытными наемниками из провинций Ганьсу и Цинхай. Эти подонки готовы душу и тело прозакладывать за трофеи, за добычу, они ринулись в богатый край Синьцзян, словно притянутые магнитом. Способные обобрать даже покойника, они после недавних поражений лишились наживы и, не находя никаких возможностей для «коммерции», день ото дня все более падали духом. Потому-то они обучали новобранцев так лениво, считая каждый свой шаг.

«Где былой воинский порядок? Задор? Где? Где?» — думал Га-сылин, прищипывая коня.

Былого воодушевления не замечалось и среди дунган. Убедившись в несбыточности намерения стать хозяевами Синьцзяна, прославленные военачальники, составлявшие опору Ма Чжунина — Ма Шимин, Ма Хусян, Бэйда, — стали жалеть, что так опрометчиво пошли за ним. «Уже нет смысла воевать ни с Шэн Шицаем, ни с Ходжаниязом, — думали они. — Хватит, с остатками сил нужно выходить в Цинхай, домой». Другие считали: «Шэн Шицай выигрывает. Как бы там ни было, нужно прийти к согласию с ним...» Третьи шептали: «С самого начала не нужно было ссориться с Ходжаниязом. Если бы мы сохранили единство, то раздавили бы Шэн Шицаю в лепешку. Да и сейчас еще не поздно. И уйгуры, и мы — мусульмане, есть возможность найти общий язык». И только Бэйда, более других близкий к уйгурам, оценивал положение глубже и вернее, считая главной ошибкой Ма Чжунина то, что он не выступил в защиту местного населения: «Уйгуры, как и наш народ, заточены в железной клетке китайских захватчиков. Вместо того чтобы помочь им выбраться, мы подняли против них оружие и помешали правому делу. Надо думать о том,

как стереть это черное пятно нашей истории...» — и несколько раз пытался объяснить свою мысль Ма Чжунину.

Га-сылину стало известно, что Шэн Шицай собирается наступать большими силами через Карашар и из Кульджи через Муздаван. Он подозревал, что Шэн Шицай и Ходжанияз уже сговорились совместно действовать против него, и сомневался, хватит ли у него сил противостоять сразу двум противникам. Свои опасения он от соратников скрыл, однако до него дошло, что многие знают и думают об этом. Тогда он созвал высших офицеров своей армии на военный совет. Присутствовавшие высказались не таясь. Заключительные выводы Га-сылин сделал сам:

— Необходимо добиться соглашения с Сабитом-дамоллой. Пусть Бэйда завтра же отправляется в путь. Но, дожидаясь соглашения, мы не будем сидеть сложа руки. Надо скорее взять Кашгар. Ма Шимин и Ма Хусян, вы отвечаете за усиление боевой подготовки!

— Ши!^[36] — встали с места генералы.

2

Ноша была крайне тяжелой для его молодости, для недостаточного жизненного опыта, и теперь Ма Чжунин совсем лишился сна. Он и ел кое-как, наскоро: нужно было то спешить в штаб, то провести учения с новобранцами, то дать наставления офицерам, то посетить казармы, то проверить, как кормят солдат.

И когда сегодня, измотанный нескончаемой, непрерывной, начавшейся с раннего утра работой, он поздно ночью вошел к себе, его ждал на столе ужин — куриный бульон, две паровые булочки-момы, тушеная рыба под острым соусом. Сняв с помощью слуги Чжоу Дайяна верхнее платье, вымыв руки в поставленном на стул тазу с водой и вытерев влажным горячим полотенцем лицо, Ма Чжунин сел за стол. Проглотив две-три ложки бульона, положил в рот два кусочка рыбы, коротко бросил Чжоу Дайяну:

— Убери!

— Ши! — ответил тот, но не двинулся с места, всем своим видом как бы говоря: «Ну зачем голодать? Ешь! Ведь целый день ничего не ел...»

— Чего ждешь? Убери! — Га-сылин понял слугу и приказал без гнева, но решительно.

Чжоу Дайян начал собирать посуду, однако опять остановился:

— Говорят, водка вызывает аппетит...

— Вон ты какой! Пьяницу из меня сделать хочешь? — Тронутый заботой слуги, Га-сылин обмакнул мому в бульон, съел, улыбнулся. — Теперь доволен, сяогуй?^[37]

— Ши. — Тот наклонил голову, собрал на деревянный поднос посуду со стола и вышел. Через короткое время он вернулся с маленьким чайником без чашки: командующий любил пить крепкий чай прямо из чайничка. — Урюк принесли...

— Не нужно, иди спи, сяогуй, — опять улыбнулся Га-сылин.

Сяогуй поклонился три раза и вышел. Напившись чаю, Га-сылин прилег на походную кровать.

Он вспоминал родных редко — не хватало, наверное, времени. Однако сегодня, когда сяогуй заставлял его поесть, вспомнилась мать, Ма-тайтай, как ее называли.

«Давно не пробовал материнской танмомы — сладких булочек...» В детстве он очень любил тантому, и мать почти каждый день баловала своего любимца. Озорной Сяо Ма (маленький Ма — Мухаммар) набивал сладостями карманы и бежал на улицу. Там он раздавал сладкое ребятишкам с условием, что те будут возить его на своих спинах... Они часто играли в войну, он всегда был командиром, распоряжался всласть... «Мать, наверное, была бы недовольна мной, — вздохнул Га-сылин. — Эх, если бы вернуть беззаботные детские годы...» Вспомнились родные края, родственники, друзья — все, с кем играл, с кем рос, не припомнилась лишь милая сердцу подруга, потому что не было ее у него.

Однако мысли его постепенно переключились на солдат, офицеров, на предстоящие сражения. «Вот будет у меня тридцать тысяч солдат, да добровольцев тысяч десять наберу — тогда задам взбучку Шэн Шицаю! Оружия, правда, маловато...»

Он нащупал на столике сигареты, закурил, часто затягиваясь. «Те обманщики обещали сделать меня вождем исламского мира... Чему верил я, дурак? Посулам? Где их обещанная помощь? Кто скажет, как теперь сложится моя судьба — из-за того только, что когда-то так легко поверил Японии, находящейся на краю земли?.. Чтобы не попрасть прах павших соратников, не отречься от них, чтобы не сгорать со стыда перед памятью любимой матери, перед своими товарищами, я должен идти дальше... Но — не смогу. Уже поздно. Даже былой славы не вернуть...»

В дверь тихонько постучали.

— Кто?

— Я, — ответил сяогуй.

— Чего тебе?

— Сато...

— Что?! — воскликнул Га-сылин, вскочил с кровати и, как подстреленный зверь, заметался по комнате.

Бесцеремонный гость уже стоял на пороге, улыбаясь:

— Гимнастикой занимаетесь перед сном? — Он протянул остановившемуся посреди комнаты командующему руку, тот сделал движение убраться свою, потом все-таки ответил японцу рукопожатием.

— И здороваться не хотите, друг...

— Садитесь, раз приехали, — через силу пригласил Ма Чжунин.

— Уже три дня, как приехал...

— Что? — удивился Га-сылин. «Настоящий черт, исподтишка подкрался, следит, вынюхивает», — подумал он.

— Не удивляйтесь, дорогой. Я, как ангел-хранитель, всегда кружусь около вас.

— Ангел-хранитель! — зло повторил командующий. Ему не терпелось отвесить пощечину притворщику, и только сумрачный вид Сато удержал его, он спрятал руки в карманы.

— Конечно. Если мы не протянем руку помощи сегодня, ваша гибель будет predetermined завтра.

— Где ваша помощь?

— Мы в обещаниях крепки, в уговоре строги. Мы много вам — помогли, поставили на ноги, а что вы дали взамен? — Сато говорил требовательно, будто взыскивал долг с несостоятельного должника.

— А что я должен был вам дать? — Голос командующего задрожал от злости, мысленно Га-сылин упрекнул себя за это: «Поразительно! Этот мерзавец всегда выводит меня из равновесия...»

— Вы должны были занять Синьцзян. А что сделали? Мы вас не на заячью охоту сюда направляли, в конце концов! — Сато будто читал наставления ребенку.

— А что бы сделали вы на моем месте?

— Я? — Сато осекся в поисках подходящих слов, Га-сылин попал в самое слабое место. Однако опытный шпион быстро нашелся: — На вашем месте я для вида принял бы предложение Шэн Шицая и овладел обещанными Кумулом, Баркулем, Люкчуном — в общем восточными воротами Синьцзяна. Тогда гораздо легче было бы получать от нас оружие и помощь... — Он обвинил Га-сылина в поспешности, в стратегически неоправданном углублении в южные районы, в непрерывном перемещении с малыми силами.

Га-сылин возмутился:

— Вы кормили меня пустой грудью! Вы лишили меня помощи в самое тяжелое время! — И хотел добавить: «А теперь не путайтесь! Предоставьте меня самому себе!» — но смолчал.

Сато опять словно угадал его мысли:

— Успокойтесь, мы от вас не отказываемся. Начатую игру закончим вместе. Надлежащую помощь получите.

— Помощь?

— Хе-хе... помощь, — хрипло рассмеялся Сато: он уловил, как изменилось выражение лица Га-сылина. — Только вы слишком отделились. Доставлять вам оружие очень непросто...

— Так где же ваше оружие? — Га-сылину остро не хватало военного снаряжения. Услышав столь своевременное обещание, он готов был отказаться от решения порвать с японцами.

— Мы хорошо осведомлены. Даже о соглашении с Сабитом-дамоллой...

— Кто сообщил вам?

— Не нужно об этом спрашивать. Ладно, мы не против, если у вас на время станет одним врагом меньше. Но думаю, что ваш план едва ли осуществится. У Са-бита-дамоллы есть свои ангелы-хранители, без их откровений он ничего не предпринимает.

— Скажите лучше об оружии. — Га-сылина раздражали бесконечные назидания Сато.

— Оружие идет через Черчен — Чарклык.

— Только еще идет? Как бы это опять не оказалось пустой приманкой...

— Нет, Кашгар и Хотан пас интересуют не меньше, чем вас. Оружие получите в Маралбаши. Просил бы отправить сегодня же вечером сотню надежных кавалеристов навстречу каравану.

Га-сылин облегченно вздохнул, в голове зароились новые воинственные планы. Сато поднял руку.

— Не думайте, — сказал он, — что это поистине золотое оружие мы дадим вам просто так. Теперь мы будем контролировать все ваши действия. Кстати сказать, мы не считаем правильным отправлять к Сабиту Бэйда одного.

— Почему?

— Не будьте ребенком. — От ехидной улыбки Сато Га-сылину стало не по себе, он даже отвернулся. — Вреда не будет, если вы приставите к Бэйда преданного вам человека. Пусть они следят друг за другом.

— Ладно. — Га-сылин с ненавистью взглянул на коротконового Сато.

Сабит-дамолла сидел в своем кабинете, служившем ему одновременно и жильем, просматривал журнал «Яш Туркстан», издававшийся в Берлине.

Среднего роста, невзрачный — круглое, как лепешка, лицо со слегка раздутыми щеками, будто ущемленный нос, негустая борода, — он по виду ничем не отличался от обыкновенных людей. Накидка из грубой ткани, какие носят учащиеся из прихода, на голове намотана небольшая чалма. Даже став главным назиром, дамолла не изменил своей заурядной одежде.

В начале двадцатого века Сабит был известен как религиозный ученый не в одном только Восточном Туркестане. Его знали на всем арабском Востоке, он посещал известные медресе и соборные мечети, где постигал символ веры и философию ислама, написал несколько духовных сочинений, среди них — книгу «Ширин калам», в которой разобрал жизненный путь и священные войны благословенного Мухаммеда и даже осмелился указать на некоторые недостатки пророка. Не в пример многим своим современникам из высшего уйгурского духовенства, он не был фанатиком, выступал против голых суеверий, стараясь совместить религию с научным знанием, приспособить религиозные догмы к веяниям времени. Его деятельность была пронизана стремлением создать в Восточном Туркестане независимое правительство и объединить всех мусульман под знаменем ислама. Хотанское исламское правительство в июле 1933 года и Восточнотуркестанская исламская республика в ноябре того же года в Кашгаре возникли под его непосредственным влиянием. Однако в этой республике, сформировавшей в «единый строй» людей различных мировоззрений, разных политических убеждений, религиозных толков, приверженцев и Англии, и Японии, и Китая, необычайно обострились внутренние противоречия, подогреваемые стоявшими на страже собственных интересов «внешними покровителями».

Сабит-дамолла предложил Ходжаниязу пост президента, чтобы, опираясь на популярность Гази-ходжи среди народа, развернуть под его знаменем борьбу с главным врагом — Шэн Шицаем, а после победоносного завершения ее покончить с внутренними противоречиями. Ма Чжунина, поскольку тот был мусульманином, Сабит врагом не считал,

даже намеревался привлечь на свою сторону и использовать его военные дарования.

В последнем номере журнала, который он сейчас просматривал, бросилась в глаза статья Мустафы Чокаева, бывшего вождя ферганских басмачей. Он с большим интересом прочел ее и повторил некоторые фразы вслух:

— «Восточный Туркестан стал независимым. Теперь очередь за Западным Туркестаном! Да, конечно, как только укрепим восточнотуркестанское государство, останется недолго ждать учреждения исламской республики и в Западном Туркестане — да будет на то воля аллаха!»

Маниакальная уверенность Чокаева окрылила Сабита, укрепила надежды на будущее. Обнаружив живительный источник поддержки, дамолла снова уткнулся в журнал и прочел с восторгом, полустышиями:

— «...От Алтая до Хотана власть перешла в руки тюрок — в Восточном Туркестане создано национальное правительство, объявлена республика...» — Слово «республика» Сабит подчеркнул. — Хм... О, если бы сбылись слова твои, Чокай! — Он подумал немного. — Весь север до Алтая в руках врага, но, даст бог, станет нашим...

Рассматривая слово «Алтай», Сабит предался мечтаниям. Главный назир вообразил будущее Восточного Туркестана, построенное по его политическим представлениям, установление дипломатических отношений с зарубежными государствами. Он как будто продумал и знал все... Ему неизвестны были лишь намерения предоставившей помощь старой Англии. Сабиту и во сне не могло присниться, что Англия намеревалась впоследствии посадить на «исламский трон» принявшего мусульманство прожженного пройдоху шпиона Шилдрейка и создать подчиненное себе правительство. Не знал он и того, что еще с двадцатых годов рыщут по Кашгарии и Кульджинскому у краю японские шпионы вроде Сато, Нагаи и им подобных, ставшие сейчас «советниками» Ма Чжунина, что японцы хотят провозгласить в Восточном Туркестане государство по типу Маньчжоу-го и посадить на трон живущего на содержании в Токио турецкого принца Абдулмеджида. Сабиту-дамолле было неизвестно, что Англия и Япония борются между собой за влияние в Восточном Туркестане, стремятся превратить его в плацдарм для подготовки удара по Советскому Союзу. Он связал себя с Англией, доверился ей — и все тут! Он хоть и знал, что Советский Союз протянул руку помощи народам

Турции, Афганистана и другим, поддержал их стремление к независимости, но, очевидно под влиянием своих хозяев, не верил Советскому Союзу.

— Встав на ноги, хорошо бы найти общий язык со всеми, — пробормотал он, обдумывая внешнюю политику. — Турецкие братья не в состоянии помочь нам, пусть они будут идейной опорой. В наше время турецкий поводок опять-таки в английских руках...

— Прошу прощения, господин главный назир, — прервал размышления Сабита Гаип-хаджи, замерший у порога в своей обычной подобострастной позе. — Если отнимаю ваше драгоценное время, то уйду.

— Нет, пожалуйста, садитесь, — сделал приглашающий жест Сабит.

Выразив благодарность, Гаип неуклюже сел, бросил взгляд на раскрытый журнал.

— Мустафа Чокай! — вскрикнул он и вытаращил глаза. — Это же наша духовная основа! Он пропагандирует нашу деятельность перед мировым общественным мнением.

— Мне кажется, нужно написать письмо, выразить признательность...

— Чокай — молодец! — по-турецки произнес Гаип-хаджи. — Наши самоотверженные усилия, эфенди, уже высоко оценили в японской «Йени япон эхвалити» («Положение новой Японии») и в турецкой «Йени Туркстан» — «Новый Туркестан». Зато наша собственная газета «Восточный Туркестан» в смысле пропаганды работает из рук вон плохо.

— Не только газета, наше положение вообще не заслуживает похвал... — Сабит сокрушенно вздохнул, недоговорив: «И внутренние дела, и военные силы — в жалком состоянии...»

Гаип кивнул. Оба они, резко отличаясь от прочих, мыслили и действовали одинаково и понимали друг друга с полуслова, с полунамека, будто составляли некое единое целое. Окружающие даже считали Гаипа мозгом, и устами Сабита.

— Восточный Туркестан... — Гаип почесал указательным пальцем взмокший нос, — переживает сейчас сложное и тяжелое время, но будущее обнадеживает.

— Что вы имеете в виду, эфенди?

— Друзей. Друзья ни в коем случае не оставят нас в беде, помогут.

— Уйгуры говорят: «Пустой мешок не стоит». Наше теперешнее положение требует действенной поддержки — оружия и материальной помощи.

— Не будем отчаиваться, эфенди. Англия сдержит обещание, поможет и впредь.

— Где ее помощь? — жалостно сказал Сабит. — Чуть-чуть оружия да несколько советников — разве этим разрешишь наши трудности?

— Я сегодня говорил с Шилдрейком. Он утверждает, что караван уже у Ладакха.

— Мой опыт показывает, что с англичанами предпочтительнее работать по принципу «из рук в руки». Поэтому есть основания сомневаться, что мы получим оружие.

— Не слишком ли легкомысленно говорить так, уважаемый назир? — спросил встревоженный словами Сабита Гаип.

— Скажите-ка, — тот перевел разговор в другое русло, — а каких отношений придерживаться нам с Ма Чжунином?

— Генерал Ма приверженец ислама, потому не должен стрелять в нас.

— Это общее рассуждение. А на деле — для блага, когда положение заставит выбирать?

— Что-то я не совсем понял вас, эфенди, — Гаип снова почесал нос.

— Предположим, что Ма Чжунин захочет создать в Восточном Туркестане дунганское государство...

— Он хочет этого, я знаю. Но его намерения далеки от действительности, и осуществление их весьма сомнительно. Генерал Ма, после того как получил, простите, по морде от Шэн Шицая, вынужден спуститься на землю. Есть сведения, он ищет союзников.

— Ох, едва ли, — покачал головой Сабит. — Он пока еще молодой, самоуверенный, своевольный и очень упрямый. Будь он с нами, большие дела можно бы делать...

— Ваша оценка весьма верна, эфенди. Такие, как генерал Ма, командиры нам очень нужны. Не будет преувеличением сказать, что он стоит ста басмаческих отбросов, простите меня, вроде нашего «полководца» Оразбека.

— В этом деле благословение Ходжанияза-хаджи решит все! — Сабит глубоко вздохнул, как сильно уставший человек.

Представителей Ма Чжунина — их было двое: Бэйда и войсковой имам Малин (Малик) — Сабит-дамолла принял с особенной почтительностью и вниманием, приказал подать чай и кушанья. Сидя на толстых плюшевых одеялах, Бэйда и Малин с любопытством разглядывали распростертое на стене знамя Исламской республики. На большом

шелковом полотнище небесного цвета сияли золотом звезда и полумесяц, их обвивали искрящиеся серебром слова, сплетенные арабской вязью: «Исламская республика».

Послы по установленным правилам вручили Сабиту-дамолле скрепленное печатью командующего послание Ма Чжунина и передали его устный привет и заверения в уважении. Сабит-дамолла принял пакет, осведомился о здоровье Га-сылина, засвидетельствовал свое особое уважение к нему, пригласил послов к чаю, а сам, вскрыв продолговатый красный конверт, начал читать каллиграфически исполненное послание на арабском языке. Оно начиналось именем аллаха и содержало следующее:

«...Ваше сиятельство шейх-уль-ислам и главный назир Сабит-дамолла, примите в добрый час привет и мое почтение. Вы, Ваше превосходительство, как и мы, радея о религии и нации, пошли священной войной против насилия и притеснений нечестивцев, и Аллах свидетеле тому, сколько лет истекаем кровью и сколько принесли жертв. Моя цель — выволить мусульман Восточного Туркестана из рабства у притеснителей-нечестивцев и утвердить на счастливой мусульманской земле знамя ислама, для достижения этой священной цели я не остановлюсь ни перед какими страданиями и трудностями, ни даже перед смертью своей. В совпадении Ваших высоких стремлений и моих желаний я совершенно уверен. Единство священной цели — защитить честь и достоинство ислама — побуждает нас объединиться и дать священный бой злобным нечестивцам, и прежде всего Шэн Шицаю. Если же мы не учтем уроки прошлого и не положим конец продолжающимся между нами соперничеству и разладу, то должны быть готовы превратиться в добычу коварных врагов...»

В заключительной части послания шли славословия в честь Сабита-дамоллы, его энергичной деятельности и подробно излагалось, как в результате взаимных ошибок возникла распря между Га-сылином и Ходжаниязом, разрушившая их союз, и как этой распрей воспользовался Шэн Шицай.

— Очень хорошо, — одобрил Сабит, внимательно прочитав послание. — Возможно, у господ послов есть какие-нибудь добавления или предложения к написанному? Пожалуйста!

— По-моему, — учтиво ответил Бэйда, — в послании Га-сылина все

изложено исчерпывающе ясно. Мы станем счастливыми, достигшими желанных стремлений в том и этом мирах, если наше странствие завершится успешно и мы удостоимся чести послужить мостом, соединяющим обе стороны.

— Да осуществит аллах ваши честные намерения, господа! Вы измучились в долгой дороге. Отдохните. Завтра, даст бог, поговорим подробно и, надеюсь, достигнем решения, да будет на то воля аллаха.

3

Несмотря на поздний час, Сабит поспешил к Ходжаниязу.

— Простите, пожалуйста, хаджи, потревожил вас ночью...

— Пустяки, дамолла. Не случилось ли чего? — обеспокоился Ходжанияз.

— Прибыли послы Ма Чжунина.

— Мям... мям... Как вы сказали?

— Да, мой хаджи. Вот его послание. Прошу прочесть.

— Нет надобности. Будет достаточно, если перескажете, чего захотел этот пройдоха.

Утонченно-вежливый Сабит никак не мог привыкнуть к резкой прямоте Ходжанияза. Он мельком глянул на собеседника и пересказал содержание письма.

— Следовало бы оценить значение обращения Ма Чжунина к нам, — добавил от себя дамолла.

— Как проникли в город так называемые послы?

— Под видом торговцев.

— Что сами вы скажете, дамолла?

— Отвергать стремление врага стать другом святотатственно, хаджи. Разве не сам пророк радушно встретил врага, пожелавшего стать другом?

— Чтобы стал другом этот пройдоха? — В тоне **Ходжанияза** выразились ненависть и недоверие к Ма Чжунину.

Сабит отважился на решительный разговор:

— И Шэн, и Ма обнажили против нас сабли, оба точат зубы на нас. Их военная мощь превосходит наши силы. И вот в таких трудных обстоятельствах один из противников пожелал перейти на нашу сторону — так почему не воспользоваться этим, мой хаджи?

— Это так, дамолла, по предателю Га-сылину поверить никак не могу. Я однажды попадал в его капкан, По сравнению с ним нечестивец Шэн

Шицай надежнее, поверьте.

— Хм... — Сабит-дамолла не верил своим ушам: «Странно... Бредит он, что ли? Или и вправду установил отношения с Шэн Шицаем, как говорил недавно Гаип-хаджи?»

— Мы, — продолжал побледневший Сабит, — подняли знамя священной войны, чтобы перед всем миром утвердить честь и достоинство исламского вероучения... Как можно в то же самое время злейшего врага, непримиримого нечестивца Шэн Шицай предпочитать детищу мусульман Ма Чжунину — это ли не усугубление ошибки, мой хаджи?

— Га-сылин не держит слова, он предал меня. Как можно называть его мусульманином, если он убивал мусульман? — Лицо Ходжанияза покраснело от злости. Он готов был поверить во что угодно, даже в то, что солнце взошло с запада, но только не в то, что Ма Чжунин может быть искренним.

— Га-сылин молод, горяч. Возможно, кто-то совратил его дурными советами. Сейчас он признал свою вину, раскаялся. Аллах прощает раскаявшихся грешников. А мы, люди, почему не можем простить? — начал убеждать Сабит, а Ходжанияз, ухватившись за свою густую и жесткую, как иглы ежа, бороду, задумался. Сабит рассуждал убедительно, однако Ходжанияз чувствовал свою правоту и лишь не мог выразить ее словами. Дамолла, приняв его молчание за согласие со своими доводами, увещевающе сказал:

— Если откровенно — мы ведь плохо подготовлены к войне. И не навели порядок в нашем государственном устройстве, ощущаем трудности в обеспечении, экономике. Нужно воспользоваться соглашением с Ма Чжунином...

— Дамолла! — закричал Ходжанияз, не вникая и не желая вникать в доводы Сабита. — Не морочьте мне голову! Договорюсь с нечестивцем, но объединяться с лжецом Га-сылином нет моей воли!

«Господи... Не сошел ли он с ума? Или не может сдержать неистовство от ненависти к Ма Чжунину?» — подумал Сабит. Он испытующе посмотрел на собеседника. Густые сросшиеся брови Ходжанияза, показалось ему, выражали совершенную беспечность. «Сидит как истукан! Как, какими словами убедить этого упряма?»

После длительного молчания Сабит наконец заговорил:

— В истории, мой хаджи, часто бывали случаи, когда во имя интересов родины и народа начинали считать другом вчерашнего врага. По какой причине мы не берем в пример исторический опыт, не вникаем в уроки борьбы наших предков? Хорошо подумайте, мой хаджи. Внутренние

и внешние задачи нужно решать на основе верной оценки собственного положения...

— Глава правительства — я! — оборвал Сабита Ходжанияз. — И свое слово я сказал!

— Ведь безусловно целесообразно и благоразумно было бы использовать возможности и военную силу человека, склонившего перед нами голову! Как бы потом не пожалеть... — произнес на прощанье Сабит-дамолла.

Глава девятая

1

По возвращении из Хотана Заман и Рози помылись в бане и в тот же вечер отправились к Турапу, но встретили его на площади Хейтка. После радостных приветствий Рози спросил:

— Удивляюсь: ты — и вдруг разгуливаешь по улицам?

— Душа затосковала. Я не работал сегодня. Шел проведать вас.

— И мы соскучились по вас, Турап-ака, — сказал Заман.

— Как хорошо! — обрадовался Турап. — Идемте ко мне, овцу предложить не смогу, но на курицу рассчитывать можете.

— Ты не огорчайся, Динкаш, — остановил брата Рози. — Может, лучше посидим где-нибудь, поблаженствуем, а? Как вы, мой ходжа? — подмигнул он Заману.

— Это дело, — поддержал Заман. — Вдруг Рози-ака расщедрится сегодня и мы попадем в столовую!

Однако Рози предпочел отделаться шуткой:

— Не взыщите, но гостям Кашгара хозяева не позволяют вытрясать свои карманы.

— Не беда, если разок и вывернешь их наизнанку!

— А они у него дырявые! — ввернул Турап, и Заман расхохотался.

— Нет, давайте испытаем сегодня друг друга на щедрость, — не растерялся Рози.

— Столовые, пожалуй, уже закрыты. Может, на самсу сходим?

— И там тоже, наверное, огни потухли, — взглянул Рози на Турапа.

— Идемте. Мне по силам заставить затопить тонур, — пригласил Турап.

Низко нагнувшись, они вошли в комнатушку, тускло освещенную коптилкой. Здесь никого не было. Коптилка на тонуре — круглой печи — густо чадила. Из дальнего угла вдруг послышался голос:

— Кто пришел?

— Что-то ты раньше кур улегся спать, мастер? — откликнулся Турап.

— Динкаш, что ли? Входи сюда.

Турап сделал знак Заману, и они проникли во вторую комнатку, дверь в нее была еще ниже, так что пришлось сгибаться вдвое.

— Твое заведение, мастер Тохтахун, снаружи похоже на гробницу, но эту комнатушку нельзя сравнить даже с могильной нишей! — промолвил Турап, поздоровавшись.

— Верно говоришь, Динкаш, приучаюсь с этих пор лежать в могиле, — отшутился, вставая, Тохтахун-уста — мастер по выпечке самсы.

— Твои могилы в том и этом мирах не отличаются друг от друга. Вот, — Турап показал на Замана, — привел к тебе гостя из Кульджи. Не ударишь лицом в грязь?

— Хорошо сделал, Динкаш. Добро пожаловать, дорогие гости. — Он набросил на низенький настил ватное одеяло и усадил Розы и Замана.

В узкой комнатушке, служившей и гостиной, и спальней, и столовой, он зажег «светильник-джинн». Мальчик-подмастерье лет четырнадцати замесил в углу тесто и накрыл его влажной тряпкой.

Еще до того, как мастер поручил ему это, Турап спросил:

— Зачем ты вызвал мальчика?

— Ух! Эти твои вопросы... Ты когда-нибудь в моей лавке оставался голодным? Сейчас будут слоеные лепешки.

— Нет, нет. Не беспокойтесь. Мы придем лучше завтра...

— Посидите чуть-чуть, Заманджан. Как только его руки коснутся теста, тут же услышите запах готовой самсы.

По тому, как вел себя Турап, видно было, что они с мастером в тесной дружбе, когда, как говорится, между друзьями не пролезет и волосок.

— А что будете делать из теста, мастер? — спросил Заман. Ему хотелось обратить внимание хозяина на замершего в томительном ожидании мальчика.

— Артушскую лапшу, — сразу ответил мастер. — И самсу испечем. Скажу прямо, спасибо Динкашу, что привел таких милых гостей. — Уста подмигнул подмастерью правым глазом, и тот исчез.

— Зачем отослал ребенка?

— Не в службу, Динкаш, побудь за хозяина с гостями. — Мастер

разостлал скатерть, разложил на ней теплые лепешки, фрукты, поставил снятый с огня чайник с заваренным чаем. — А я слоеные лепешки замешу. — Надев фартук, он вышел наружу.

— Наделали хлопот, Турап-ака, — смущенно сказал Заман.

— Что сделано, то сделано. Еще бы мусалляса и... — Рози причмокнул так громко, словно камень шлепнулся в колодец.

— Наш холостяк не просыхает от мусалляса. Придержи вздохи, Рози, пусть самса поспеет.

— Турап-ака, где мусалляс, там и равап бывает ведь?

— И он бывает, Заманджан. По-моему, в этой лавке равапу обучены, — ответил Турап, пробудив в душе Замана предвкушение радости. И, пока пили чай, он поведал историю Тохти.

Мастер был родом из Яркенда. С малых лет увлекся игрой на бубне и, играя на пирушках, постепенно стал признанным музыкантом. Когда над верхней губой юноши обозначилась темная полоска усов, он влюбился в дочь своего учителя, они объяснились и заручились взаимным согласием. Однажды учитель, склонный к азартным играм, спустил все, что у него было, и сгоряча продал дочь старому баю. Беззащитный и бесприютный Тохти не вынес горя, отряхнул, как говорится, прах родных мест со своих ног и приехал в Кашгар. Здесь он сменил профессию и стал самсипезом.

— Так сложилась судьба этого сорокалетнего парня — он дал зарок не жениться. Заработанным делится с друзьями. Его лавка — прибежище для таких, как мы, — закончил повествование Турап.

— Он и сейчас на бубне играет? — спросил Заман.

— Бубен вон на стене висит. С той поры Тохти ни разу не брал его в руки. Но внимательно слушает, когда играют другие.

— Выходит, еще не угасла обида на учителя?

— Выходит, Заманджан. О бубне при нем упоминать не будем. Он не может оставаться там, где говорят об этом. — Турап опасливо посмотрел на дверь.

В это время мастер, поторапливая ученика, раскатывавшего скалкой круглые сочни, сбрызнул соленой водой раскалившийся тонур.

— Ух, как самсой запахло! — втянул в себя воздух Рози.

— Твой нюх, Рози-ака, получше собачьего.

— Еще бы. Даже находясь здесь, могу распознать вонь кульджинского Юнуса-байваччи, — похвастался Рози, а Турап удивленно поднял брови, будто вспомнил что-то.

— Юнуса-байваччи, ты сказал?

— Да. Наши спины сгорбились под тяжестью грузов этого скряги, —

уже не шутя ответил Рози.

— Ваш Юнус сейчас в Кашгаре...

— Что? — в один голос вскрикнули Заман и Рози.

— Вы испугались?

— Не испугались. Вы точно знаете, Турап-ака, что Юнус в Кашгаре?

— Своими глазами я не видел. Слышал от одного человека.

— От кого, Турап-ака, от кого?

— От Турди-байваччи.

— И он здесь?

— Турди известный кашгарский бай. Мне ли его не знать? А вы знакомы?

— Знакомы, Турап-ака, хорошо знакомы. — И Заман рассказал о том, как познакомился с Турди еще в Шанхае.

— Паршивца Турди я вожу по ночам. В последние два месяца он взял в обычай ездить больше ночью, чем днем. Заедет в какую-нибудь узенькую улочку и исчезнет, а я стой и жди.

— По части распутства они с Юнусом одной породы, — презрительно заметил Рози.

— Забредет на улицу продажных красоток — ничего от меня не скрывает. А в последнее время стало по-другому. Недавно велел привезти придурковатого Масака, увел его в какой-то тупичок. А Масак из тех, которым нипочем человека убить, а потом газели распевать.

— По-другому, говорите, стало, Турап-ака? — Заман заподозрил неладное. «Для чего приехал в Кашгар Юнус? Торговать? Нет. Он скрывается, не для того перенес дорожные мучения. Путешествует? Развлекается? Тоже нет. Такой осторожный, как Юнус, в смутное время ни за что не отправится в путь. Посланец? Стой, стой... Когда мы с Сопахуном уезжали распределять обмундирование солдатам, какие-то двое, я слышал, побывали у Ходжанияза. Не эти ли стервятники? Но хаджи сказал бы... Какой смысл прятать послов?»

— Что? Все слова, похоже, проглотили? — прервал Рози размышления Замана.

Заман не ответил. Он собрался поподробнее расспросить Турапа о Юнусе, но в это время вошел Тохти-уста, держа в руках полное блюдо только что испеченных, горячих пирожков.

— Спешил я, наверное, не получились. Прошу, дорогие гости, пожалуйста, — пригласил уста. Он подкрутил усы и примостился с краю скатерти.

Подмастерье, знавший, чем сдобрить угощение, приподнял в углу

шкуру, прикрывавшую отверстие в полу, извлек глиняный кувшин высотой с ребенка и поставил перед мастером. Затем достал из ниши в стене четыре глиняные чаши, расставил их на скатерти и тихонько вышел.

Наблюдая за ловкими движениями худенького паренька, Заман вдруг вспомнил своих младших — брата Азиза и сестренку Азизу, — сердце у него дрогнуло, он глубоко вздохнул.

— Первым делом пропустим по одной, — предложил мастер и разлил по чашам вино. Всегда унылое лицо его вдруг засияло улыбкой. «Похоже, он создан для дружбы», — подумал Заман. — А теперь очередь за самсой, — пригласил мастер, когда гости выпили.

Пирожки оказались отменного вкуса, Заман в жизни не ел таких: и посолены в меру, и черным перцем хорошо приправлены, и сало курдючное в фарш добавлено... Все ели с удовольствием.

Тохти-уста опять наполнил чаши. Вино, изготовленное из особого сорта зеленых груш, быстро проявило свою силу: лицо и уши Замана покраснелись, начало разогреваться тело. Однако перед глазами, терзая сердце, продолжала стоять угрюмая фигура Юнуса. «Что нужно в Кашгаре шэншицаевскому прихлебателю?» Рози, сидевший рядом, заметил, как померкло лицо друга. «Чем расстроен Заман? Не Юнус ли причиняет ему боль?» — пробормотал он, чувствуя, что и сам сегодня не сможет отдаться веселью.

— Пусть эта горбатая конура станет для вас просторной гостиной! Больше веселья, дорогие гости! — призвал Тохти, разливая в цветастые чаши крепкий чай, принесенный подмастерьем.

— Спасибо за угощение, Тохтахун, мы признательны вам больше, чем если бы вы даже верблюда закололи, — поблагодарил Заман.

— А мне, когда ел самсу, вспомнилось детство в Кашгаре, вся душа перевернулась, и плакать захотелось.

— Э-э, Рози, не верится что твои глаза способны пролить слезу, — возразил Турап.

Все улыбнулись.

— Этот шайтан, — Тохти щелкнул по кувшину, — попав внутрь, чего только не заставит делать. Потому особо принуждать не буду, пусть каждый пьет по душе.

— Вина уже достаточно, — сказал Заман.

— Я не сражаюсь, как вы, с винтовкой в руках, но готов быть с вами, — заявил изрядно покрасневшийся Тохти. — Хотя по правде сказать, будь у меня винтовка, не знаю, в кого стрелял бы...

Заман спросил:

— Как же так, Тохтахун-уста? Враг, в которого надо стрелять, известен, не так ли?

— Если бы я взял винтовку, то в первую очередь перестрелял бы своих «кафиров», которые среди нас...

— Что-что? — скрытый смысл слов Тохти заинтриговал Замана.

— Эта башка, — Тохти постучал по своей голове, — хотя и задыхается в провонявшей копотью и закваской лавчонке, она все-таки знает, мой господин, что происходит вокруг. — Он принял еще одну чарку вина и продолжал: — Не в обиду будь сказано, но дастархан перед вами я разостлал не потому, что вы служите Гази-ход-же, а потому, что уважаю вас как людей.

— А что значат слова о своих «кафирах»?

— Грабители чиновники... муллы... оболванивающие таких сирот, как мы, призывами открыть... путь исламу... Не пугайся, Динкаш! Чего скрывать? — У Тохти, видимо, горело на сердце, он расстегнул рубаху, обнажил мохнатую, напоминающую шкуру барашка грудь, похлопал по ней.

— Верно, — произнес Заман, заражаясь настроением хозяина, — нельзя сказать, что среди нас нет злонамеренных людей.

— Вот уже три года стервятники, что не могут добыть и жабу, морочат горожан, устроили кашу в наших головах! — Тохти придвинулся к Заману. — Важные, надутые, шагают, выпятив брюхо!.. Всякие Оразбеки, Юсупы-курбаши, Османы, Джанибеки — что они принесли нам, кроме грабежей? Эти басмачи, бежав от своего народа, искали у нас убежища, а теперь они наши освободители! — Тохти рассмеялся так, что не удержался от улыбки и подмастерье.

— Они не упустят случая снять саван даже с мертвого...

— Слова твои — как сахар с уст, Динкаш! — обрадовался поддержке Тохти. — Вот и говорю, что если возьму в руки винтовку, так их прежде всего раскатаю! — Он облизал пересохшие губы, и подмастерье сейчас же налил ему чаю.

«Тохти прав. Говорят же, что народ видит зорко, слышит тонко. Только от бестолковости и глупости можно утверждать, что ничего не видит и не ведает Тохтахун-уста, живущий в норе, куда не попадают лучи солнца, день-деньской задыхающийся в темной клетке, как и тысячи других бедных мастеров. Да, да, от глупости...» Заман снова прислушался к Тохти.

— Ты, Динкаш, говоришь: «Поберегись». Не буду беречься! Если чиновничьей тени боишься — прочь из лавки! — Глаза Тохти налились

кровью от вина и ярости. — Так о чем я говорил? Да! Я грыз бы зубами этих басмачей!.. Теперь эта, как ее называют? А, республика! Что она сделала для нас? Как прибитая гвоздями обуза: парней в солдаты дай, налоги дай. Люди обозлены... Всякие происшествия, ссоры не прекращаются! — Тохти жадно допил остывший чай, пригладил усы. — А Гази-ходжа, как вы его зовете, звучит громко, да мало толку, разве не так?..

— Эй, ты из рамок не выходи! — протянул руку Турап.

Заман остановил его:

— Ничего, говорите, Тохти-ака, вреда в этом нет.

— Знай, Динкаш, это не те слова, которые придумывают, шлепнув себя по заднице. Не мои слова. Это сердечная скорбь всех униженных нашего времени.

Турапа покоробило грубое выражение, он спросил:

— Если тебе Исламская республика не по нраву, какой же ты власти хочешь?

— Какая нужна власть — спроси у своей совести, у большинства народа спроси — скажет, Динкаш!

«У народа спроси — скажет, — повторил его слова Заман. — То же самое говорил и Пазыл-ака! Потому-то мы и называем мудрые выражения народными — их творит народ-созидатель».

— Что толку от черни, скажи мне! — возражал между тем Турап. — Куда ее поведут, туда идет и знать ничего не знает! Бараны!

Тохти раздраженно замахал руками:

— Вот-вот! Потому и дожили до такого, что были баранами... А теперь нужно найти способ не быть баранами, понял, Динкаш?

— У нашего соседа — в Советском Союзе, — вмешался Заман, — трудовой люд объединился, сбросил царя и народ сам управляет государством. И все свободны, равны, живут в достатке.

— А мы почему так не можем? Или мы у бога пасынки? — Турап не понял Замана.

— Нет, Турап-ака, все мы одинаковые люди. И если бы свободу распределял аллах, то прежде всего предоставил бы ее богобоязненным уйгурам. Но свободу на блюде не преподносят. Мы достигнем ее, если пойдем по пути, проложенному советским народом.

— Вот-вот! Слова Заманджана вонзаются в сердце, как гвозди. Если будем смиренными, как бараны, то станем добычей первого встречного. Мы нищенствуем...

Тохти не договорил — раздался стук в дверь. Мастер вышел, о чем-то переговорил с пришельцем и вернулся обратно.

— Кто? — с беспокойством спросил Турап.

— От хозяина лавки, по поводу платы за аренду, — зло ответил уста. — Ростовщик проклятый! Душу готов вытянуть!

— Придет время, Тохти-уста, и исчезнут ростовщики вместе с властителями, что их поддерживают, обязательно! — Заман встал. — Наш угнетенный народ поднимется со своими требованиями...

Мастер поднялся прямо перед Заманом:

— А где тот, кто крикнет: «Вперед!» — и поведет наш народ? Предводитель где, предводитель?

— Предводитель не падает с небес, он рождается на родной земле, по которой ходим мы с вами!

Заман и Розы распрощались с хозяином, пообещав навестить его еще раз...

Они возвращались молча.

«В словах Тохтахуна заключена истина, — размышлял Заман. — У людей низших сословий день ото дня нарастает недовольство правительством. А почему? Правительство — национальное, руководители — национальные, армия — национальная, все дела ведутся на национальном языке... Все построено на национальной основе, а народ недоволен. Затянувшаяся война, ухудшение жизненных условий вызывают раздражение уставшего народа. Но главная причина не здесь — она в баях, духовной знати, притеснителях, вельможах ханской кости, чиновниках... Вот где источник народной ненависти!»

Размышления Замана прервала печальная песня, прозвучавшая невдалеке:

В Кашгаре сироты за баней в золе
Привыкли лежать.
Им, неухоженным, только и знать
Куриль анашу, в асыки играть...

— Слыхали, Заманджан? Кто сложил эту песню, высказал правду.

Заман шел, опустив голову, молча, будто не слышал друга. «Эта песня из четырех строк заменяет целый дастан о положении в Кашгаре, о том, что бросается в глаза на каждом шагу». Заман вспомнил, что недавно на большом банкете познакомился с двумя поэтами — Шапи и Аджри, и сейчас ему захотелось повидать их.

— Рози-ака, — остановился он, — не сходить ли нам в одно место?

— Вот как... Не вернемся ночевать, а вдруг нас будут спрашивать?

— Ночью не будут. Хотелось бы сходить к Шапи.

— Шапи известный в Кашгаре человек. Его найти легко, любой укажет дорогу. Вы чуточку отдохните, я узнаю. — Рози почти бегом кинулся к пекарне у торгового ряда, где горел свет.

Заман нашел укромное местечко, закурил. Со стороны Ярбага быстро проехала запряженная парой лошадей коляска, повернула к Заману. В коляске важно восседал Гаип-хаджи, а рядом красовался куклой безбородый личный секретарь Сайпи. «Не понять, что за человек. Связи его сомнительны. А эта черноглазая куколка держится за него, прислуживает... Гаип недавно долго о чем-то шушукался с нашим Хатипахуном. И не узнаешь, кто он, — то ли курд, то ли афганец, то ли турок, то ли уйгур...»

Внезапно кто-то сдавил плечо. Рослый мужчина, приблизив голову к лицу Замана, всматривался в него.

— Хи... хи... — произнес он, и сразу пахнуло перегаром вонючей китайской водки.

Заман отпрянул:

— Кто ты?

— погоди! — Тот нашарил рукой нож, висевший в ножнах на поясе.

Заман поспешно расстегнул кобуру пистолета.

— Эй! Шевельнешь рукой — застрелю! — закричал подоспевший

Рози, направив маузер на мужчину.

Мужчина попятился, заворчал:

— Не этот ли сводник в базарный день заигрывал с моей женой?

— Раскрой глаза, дурак!

— Кто в Кашгаре не знает распутника Сайпи? — негодуяще развел руками мужчина.

— Прочь с глаз! Я не тот, кому ты грозишь! — крикнул Заман.

— Ну, если ты не Сайпи, ладно! — Масак, пошатываясь, как пьяный, побрел в сторону. Чтобы отвести подозрения, он забормотал: — Жаль, не попал мне в руки мерзавец Сайпи...

Откуда друзьям было знать, что Масак пытался выполнить поручение Юнуса — убить Замана? И что Юнус подучил Масака прикинуться в случае неудачи пьяным ревнивцем...

— Если бы ты опоздал, Рози-ака, он мог ударить меня ножом.

— Не догнать ли его? Я чую неладное. Ведь Юнус здесь...

— Да ну его, пьяного ревнивца, Рози-ака!

— Тогда оставим всяких Шапи-папи, уйдем побыстрее. В наше смутное время нужна осторожность, мой ходжа, осторожность!

В пригороде Когане, в плодовом саду, не уступавшем лучшим садам кашгарских богачей, готовились к пиршеству. Дорогу за версту от сада чисто подмели и полили, расставили слуг для встречи гостей. По обе стороны огромных ворот замерли, опираясь на посохи, два аксакала в чалмах, в легких белых халатах, с белыми опахалами в руках. От ворот к застолью проложили ковровые дорожки шириной в три шага. Много молодых проворных джигитов готовы были принимать у гостей верхнюю одежду и развешивать ее в установленном-порядке, расставлять калоши, помогать гостям совершать омовение рук из специальных серебряных с чернью кумганов — кувшинов, держать наготове полотенца, разносить закуски и кушанья, разливать чай.

В просторной, способной вместить в ширину две арбы, виноградной беседке настлали циновки, на них — цветные кошмы, на кошмы — ковры, а поверх всего — толстые узкие одеяла. Дастарханы были уставлены всевозможными яствами — на любую прихоть. Чтобы придать кушаньям сладостный вкус, пригласили особо искусных поваров Кашгара. Для утоления жажды приготовили кумыс и еще напиток из верблюжьего молока. Десятками кололи годовалых ягнят и жеребят-сосунков.

Три входа в беседку должны были распределить гостей на три группы. Средний вход — для Ходжанияза и его ближайшего окружения, правый — для офицеров в ранге пятисотников — полковников, а также уездных администраторов, левый — для богатых купцов, знатных имамов, мулл.

Из расчета на двести гостей, если им станет прохладно, сложили в беседках парчовые халаты, полосатые полушелковые и темные — из грубой ткани — мантии.

Перед воротами сада привязали белого верблюжонка, обреченного на заклятие в честь Ходжанияза. На верблюжонка навьючили два сундука — один с белым шелком, другой с чаем. Сундуки предназначались для благочестивого подношения от имени Гази-ходжи к гробнице почитаемого святым Аппака-ходжи, управлявшего Кашгарией в XVII веке.

Настоящим устроителем торжества был не Турди, а Юнус-байвачча. Это он поручил Турди пригласить гостей, дал деньги и, оставаясь в тени, занимался подготовкой торжества.

Едва окончилась пятничная молитва в мечети Хейтка, к Когану, где находился сад Турди, потянулись приглашенные. Сабит-дамолла и его назирь покатали в колясках, баи и духовная знать в крытых двух- и четырехколесных экипажах, офицеры верхом, а склонные любоваться природой интеллигенты и поэты вроде Шапи — пешком. Всех приезжавших и приходивших принимали соответственно их достоинству.

Так уж заведено у уйгуров, что самый почетный гость появляется после того, как все давно собрались и ждут его. Ходжанияз приехал на час позже всех остальных. Не в его обычае было ездить в коляске. И сегодня он показался в конце улицы верхом на своем буром с белым пятном на лбу коне, а позади — Сопакун с четырьмя-пятью джигитами. Гостеприимный хозяин Турди-байвачча с несколькими аксакалами вышел навстречу — далеко вперед за ворота. А гости во главе с Сабитом выстроились в два ряда и ждали.

Ходжанияз спешился, подошел к воротам, и двое аксакалов, оказывая ему уважение, обмахнули опахалами пыль с Гази-ходжи и дружно провозгласили:

— Добро пожаловать, высочайший!

Ходжанияз прошел в ворота, и тут представительный человек, державший за повод белого верблюжонка с дарами, склонился до земли:

— Есть просьба к уважаемому Гази-ходже!

Не поняв, чего он хочет, и слегка опешив, Ходжанияз взглянул на ряды гостей и приподнял полусогнутую руку.

— Что вы хотите?

— С мольбой о благополучии Гази-ходжи прирезать здесь, как купительную жертву, этого верблюжонка.

— Да будет благословенна ваша молитва! — Ходжанияз просиял, слезы невольно навернулись ему на глаза. Любуясь белым, как облако, верблюжонком, он погладил его по голове. — Верблюжонка не убивайте! Вместе с этими сундуками отправьте к гробнице Аппака-ходжи! — распорядился Ходжанияз и зашагал по ковровой дорожке к беседке.

Когда он, Сабит и все гости расселись на отведенных местах, прислуживавшие джигиты помогли им совершить омовение рук, а потом по знаку Турди подняли белые полотнища, которыми были накрыты яства.

Гости выпили по одной-другой чашечке чая, и перед беседкой замер, заискивающе сложив руки, Турди.

— Ходжа-ата, — сильно заикаясь, промолвил он, — у меня две просьбы... Вы позволите высказать их, прежде чем подадут кушанья?

— Ну, говоришь, так говори! — разрешил Ходжанияз.

— Наши солдаты, проявляющие самоотверженность в борьбе за освобождение родины... должны быть сыты... должны быть хорошо одеты... — Турди запнулся, помедлил, вспоминая заученную накануне речь, и продолжил: — Я не могу сражаться с оружием в руках. Поэтому хочу принести в дар нашим солдатам три тысячи пудов пшеницы, тысячу чекменей, три тысячи штук бязи...

— Спасибо за заботу, Турди-байвачча! — поблагодарил Ходжанияз.

— Будет очень неплохо, если и другие баи последуют примеру Турди, — поглядел по сторонам Сабнт.

— При нынешних трудностях с продовольствием и обмундированием поступок Турди-байваччи особенно значителен, — произнес Махмут Мухит.

В беседе после этих слов началось волнение.

— Турди-байвачча ошеломил и пиршеством, и подношением, — заметил Шапи.

— Надо завтра же напечатать в газете призывную заметку об этом, — предложил кто-то.

— Наш толстопузый скряга сегодня так расщедрился, что нет границ моему удивлению, дорогой Кадирбай, — осторожно подтолкнул соседа купец.

— Ладно, выдрали у свинки всего-навсего одну щетинку. Сидите и помалкивайте, Хетабай!

— Так ведь теперь не отмолчишься. Придется и нам...

— Да, воззвав к господу... — вздохнул Кадирбай.

— Вторая моя просьба, — воодушевленный Турди повысил голос. — В знак того, что Ходжа-ата не отверг приглашение ничтожного подданного и оказал мне честь своим посещением, позволено ли будет мне поднести сарпай^[38] каждому из-гостей?

— Эй, ты так все нажитое понапрасну размотаешь! — вытаращил глаза Ходжанияз.

— Ради чести хаджи-ата мне и жизни не жаль, почтенные господа. — Турди наклонил голову, выказывая свою преданность. «Жаль, нет здесь межеумка Юнуса! — думал он. — Я превзошел его наставления. В хитрости мы от него не отстанем...»

— Уважаемые! Нечеловечно отклонять благое намерение! — воскликнул Хатипахун, опасаясь лишиться подношения.

— Хорошо, пусть будет по-твоему, — разрешил Ходжанияз.

— Прекрасно, дорогие мои! Спасибо! — Турди готов был сделать знак слугам, но Сабит-дамолла перенес церемонию подношения на конец

пиршества.

И гости, запивая кумысом, принялись за острый шашлык, искусно обжаренные со специями кусочки легких, сердца, печени... Но даже тонкая, обильная, разнообразная еда не могла улучшить настроение купцов. Недовольные щедростью Турди, они втихомолку поносили его. А муллы и ахуны с нетерпением ждали конца пиршества: так хотелось им поскорее получить обещанные одежды — сарпай.

Гости, должно быть, утомились от еды, питья и долгого сидения — они начали прогуливаться по саду. Несколько человек о чем-то спорили — далеко от виноградной беседки, устроившись среди зарослей инжира. Заман, обходя заросли, приблизился к ним, его увидел Шапи и тут же выскочил навстречу.

— Как хорошо, дорогой, я с каких пор хочу с вами поговорить!

Заману и самому этого хотелось. Многого в нем Заман не понимал и потому хотел основательно потолковать с Шапи наедине.

— Вы так удобно расположились — не стану ли я лишним?

— Ни в коем случае, дорогой мой, ни в коем случае не станете. Я познакомлю вас с приятелями! — И Шапи почти силой потащил Замана.

— Я, возможно, побеспокоил вас, прошу прощения. — Заман смущенно обменялся приветствиями с приятелями Шапи.

— Наоборот, мы рады знакомству, — ответил бородатый парень.

— Сейчас я представлю вам каждого из этих черноглазых...

— Нет, Шапи-эфенди, о глазах не будем, нет! — шутливо воскликнул Аджри, один его глаз чуточку косил.

— Тогда начнем разбирать по носам, — уступил Шапи, и все со смехом повернулись к тому, чей нос напоминал баклажан.

— Не по носам, а по ногам, — отшутился тот, намекая на Шапи, у которого правая нога была короче левой.

— Этот — Адил, — показал Шапи на владельца баклажаньего носа, — учитель истории в школе «Ирфания». Наш дорогой Маруп окончил открытую в 1914 году школу «Джадидия»^[39] и сейчас преподает в ней. Тихоня в очках — вон в стороне — Ислам, старший писец ведомства по делам религии, довольно силен в философии. А птенца-поэта можно не представлять — вы узнаете его по глазам, — он показал на Аджри, и все рассмеялись снова.

— По словам Шапи, — заговорил Адил, — вы в кумульском восстании с самого начала...

— Нет, Адил-ака, я принял участие позже, — немедленно поправил Заман.

— Пусть так, но ведь, в конце концов, вы были в числе тех, кто переполз с севера на юг? В этом, как бы выразиться, в этом...

— ...Приключении! — подбросил Ислам.

— Ладно, назовем приключением. Когда же, по-вашему, будут результаты этого приключения?

— Как можно называть приключением движение за народное освобождение? — задал Заман встречный вопрос.

Адил, похоже, смутился, вместо ответа сорвал ягоду инжира и положил в рот.

— А почему нет? Борьба за власть, напоминающая игру в мяч. Назвав ее приключением, и верно отмерим, и точно отрежем. — Старший писец Ислам поправил очки, скрывавшие его узкие глаза.

Заман не спешил с ответом. Он взглянул на Шапи, на остальных, надеясь, что они одернут старшего писца, но все молчали, как бы испытывая Замана.

— Какое содержание вкладываете вы в понятие «приключение», господин? — Заман с особым ударением произнес последнее слово.

Старший писец, будто готовясь к схватке, распрямился, поддернул рукава до локтей, облизал скривившиеся губы:

— Известно, что у возглавляемой Ходжаниязом кучки смутьянов нет ни общего плана, предрешающего будущее народа, ни, по меньшей мере, хотя бы проекта его. А вы, черноногие, увлечены только военными подвигами...

— Довольно, — произнес Шапи, — запрещаю! Ты, старший писец, хватил через край. Заманджан не безропотный школяр, которому ты мог бы вдалбливать свою религиозную философию!

— Не беспокойся, поэт! — воскликнул рассерженный Ислам. — О религии я говорю там, где это к месту, а пораженных «красной болезнью», вроде Заманджана, обращать не собираюсь.

— Кучка смутьянов?.. Вы пытаетесь унижить тех, кто с оружием в руках поднялся против врагов. Это вы, что ли, печетесь о будущем народа? Нет, те самые, по-вашему, «черноногие» люди! А вы и вам подобные ученые господа, что делали вы? Наверное, вы и свиста пули не слышали, забившись поглубже в жилую келью при медресе? — Заман уже не мог совладать с собой.

— Одно грамотное, точное слово против врагов сильнее ста пуль! — Старший писец самодовольно оглядел окружающих.

— Деды и отцы учили нас. «Пустыми словами города не берут», — пренебрежительно махнул рукой Заман.

— Ладно! — Ислам насмешливо скрестил на груди руки. — Вы проявили «героизм». Пусть. Но вот уже три года вы не можете сладить с этим сосунком Ма Чжунином и бегаєте от него поджав хвост!

Он думал сразить этим доводом Замана, но, кажется, его нападки ни у кого сочувствия не вызывали.

— В борьбе неизбежны и отступления, и наступления, — возразил Заман. — Народно-освободительное движение — это совсем не то, что в медресе, когда прогоняют одного имама и ставят другого.

— Суждения Замана основаны на древнем опыте народа, — вмешался в спор Адил. — Без поддержки народа разве образовалось бы в тысяча пятьсот четырнадцатом году в Яркенде уйгурское государство Саидия под управлением Саидхана? И держалось сто семьдесят лет! А Якуббек-Бадаулет? Что мог бы сделать он в Кашгаре, если бы весь народ не восстал?

Наступило молчание. Заману хотелось обнять Адилу и поцеловать в короткую черную бороду, украшавшую его круглое лицо. Воодушевленный поддержкой, он сказал:

— Настоящий сын своей родины вовсе не тот, кто разглагольствует на каждом шагу: «О мой народ! О моя родина!» — и, прикрываясь пылкой болтовней, остается в стороне от настоящей борьбы!

— Верно говорите, Заман, — поддержал его и Аджри. — А ведь эти кликуши еще и отвергают сделанное другими, и...

— Ну, если и ты, поэт, пошел против меня, то мое дело кончено, — сморщился старший писец религиозного ведомства.

— Я говорил обобщая. К этому общему я причисляю и себя, — произнес Аджри.

— Повторяю предупреждение: не будем выходить за рамки, друзья, — примиряюще сказал Шапи. — По-моему, сейчас самая важная проблема — это национальный единый фронт.

Ислам, почувствовав свое одиночество, спросил с озлоблением:

— Единый фронт? Что ты имеешь в виду?

— Объединившись, все передовые силы должны возглавить страну и выработать политическую программу на будущее. Вот тогда мы не заблудимся: перед нами будет светоч, освещающий путь к цели, — закончил Шапи подчеркнуто наставительным тоном.

Его мысль пришлась Заману по душе. Но... «Поднимать трудовой народ на неорганизованную революцию, без руководящей и направляющей партии — преступление», — вспомнил он слова Пазыла. А «единый фронт» Шапи? Что это? Нынешним условиям действительно мог бы

соответствовать единый фронт «передовых слоев». В любом случае нужно обстоятельно поговорить с ним, уточнить его цели...

— Не будем с первого же раза нагонять тоску на нашего гостя Заманджана. Прекратим лучше препирательства, Шапи-эфенди! — призвал Маруп.

— Давайте подсластим прогорклые слова инжиром, — и Шапи сорвал с дерева ягоду.

На сегодняшнее пиршество приглашены были прославленный знаток двенадцати классических мелодий — «двенадцати мукамов» — Турдахун, музыканты, среди них известные Розак-баши и Сематахун, а также танцоры.

Перед виноградной беседкой соорудили низенькие подмости. Музыканты, чтобы не утомлять слух высоких гостей беспорядочным тирликаньем, заблаговременно настроили инструменты.

Турди прижал обе руки к груди, согнулся в поклоне:

— Высокопревосходительный хаджи-ата, не соблаговолите ли разрешить немного музыки?

— Ладно, хорошо! Не так ли, мой дамолла? — учтиво наклонился к Сабиту Ходжанияз.

— Конечно, мой ходжа! Музыка — духовная пища. Среди музыкантов, я заметил, сидит особенно искусный — Турдахун-аннагма. Турдахун! — громко крикнул Сабит.

— Слушаю вас, дамолла! — Турдахун вскочил и в знак уважения сложил руки. Лет пятидесяти, приземистый, на круглом лице короткая бородка и веселые ласковые глаза, открытый лоб, — этот человек хранил в памяти все двенадцать мукамов и все богатство газелей и сверх того в совершенстве владел струнными инструментами. Народ прозвал его почетным, славным именем — «Турдахун-аннагма» — как живую сокровищницу искусства.

— Надеюсь, вы доставите нам удовольствие, Турдахун?

— Постараемся, дамолла!

Заскользил смычок по струнам сатара, возник грустный, разрывающий сердце звук. Турдахун-аннагма склонил, как обычно, набок голову, будто стараясь прижать левое ухо к сатару, пробежал пальцами по грифу и запел мукам «Ошак». Певец обращался к возлюбленной. Вдохновение поэта, нашедшего прекрасные слова, навсегда запечатлело облик красавицы, и теперь она предстала перед затаившими дыхание слушателями. Четырьмя сияниями светилась она: сиянием Луны уходящей, светлого Солнца, Луны

в новолуние, Луны полнолунной. Изяществом стана с ней сравниться не может никто из четырех: ни кречет, ни сокол, ни голубка, ни уточка дикая. С вереницей ресниц, остро ранящих сердце, не сравнится ничто из четырех: ни стрела, ни кинжал, ни нож колдовской и ни сабля. По сладости с ней несравнимо ничто из четырех: ни сахар, ни мед, ни амбра, ни шафран. «О всевышний, — продолжал певец, — из всех имен твоих лишь к четверем я приспособил язык свой и их перебираю, как четки: ты Аллах, ты Величайший, ты Милосердный, ты Прощающий; а Навои стал беспечным в мечтах о красавице, и только вздохами по ней мироздания книгу заполнить готов...»

«Какая трогательность, какое чувство в голосе, — замирал Заман. — Поистине мы, уйгуры, рождены для искусства...»

Тем временем Турдахун подал знак Розаку-баши. Медиатор Розака замелькал над струнами равапа. Быстро проскочив через дастан мукама «Ошак», Розак заиграл маргул (вступление) к следующей части, называемой машрапом — пирушкой. Теперь под управлением Турдахуна дружно зазвучали смычковые — девятиструнный сатар, двухструнный дутар, напоминающий скрипку гиджак, пятиструнные щипковые — большой тамбур и изящный равап, дапы-бубны и флейта-най. Заставляя трепетать сердце, мелодия маргула поднималась все выше и выше, до предела. Музыканты искусно переходили от напева к напеву.

По традиции сейчас нужно было исполнить дастан нагма. Но, как говорится, лучше меньше, да лучше — Турдахун-аннагма решил пропустить дастан и кивнул своему сыну Таливахуну, в ожидании сидевшему с бубном наготове. Таливахун, достойный ученик отца, рассыпал по бубну частую, мелкую дробь.

Погляжу — в этом мире у всех страданий не счесть,
В каждом сердце хоть капля заботы, но есть.
Разве можно беспечных найти среди людей?
Мне душа говорит: очень мало их есть.
Погляжу — для себя хоть и сад, хоть дворец ты создал,
Но покойное место ты только в земле отыскал.
Хувейдо в этом мире веселья почти и не знал,
В его сердце лишь стон унижений звучал...

Машрап — одна из самых почитаемых танцевальных мелодий. И двое танцоров в легких белых широкополых халатах с просторными рукавами

выскочили, на сцену, поклонились Ходжаниязу и остальным гостям, а потом вытянулись кверху, приподняв руки. Под четкие, отдельные удары бубна: дум, так, дум, так-так; дум, так, дум, так-так — руки и ноги танцоров, у каждого по-своему, но одновременно и плавно, пришли в движение. Вначале мерные, по-мужски медлительные, эти движения постепенно убыстрялись в такт музыке, и вот танцоры часто-часто засеменяли ногами и вдруг мгновенно замерли — затаились, заиграли бровями и глазами, чуть покачиваясь из стороны в сторону.

Напев переменялся:

В мир придя, я немало несчастий, обид пережил.
Бесконечные беды достоинства могут лишить.
В бренной жизни своей никаких я богатств не скопил —
Тебя ради, машрап, свое сердце от благ отвратил,
Одержимым я стал, от земного себя отрешил...

Мелодия, как бы обрисовывая движения танцоров, поднималась все выше, заставляла их то кружиться, распустив полы халатов наподобие павлиньих хвостов, то время от времени поочередно касаться земли локтями или коленями.

— Молодцы! — в восторге вскричал Ходжанияз и, не в состоянии сдержать радость, добавил: — Играйте еще!

Молодежь в едином порыве бросилась на подмостки...

Глава десятая

1

Замана разбудил громкий стук в дверь.

— Заман, Заман! Откройте, говорю!

— Кто? — Не очнувшись ото сна, Заман не в силах был поднять с подушки голову.

— Я, да я же!

Узнав по голосу Сопахуна, Заман быстро вскочил, распахнул дверь.

— Одевайтесь! — Сопахун был взволнован.

— Что случилось? Куда пойдём?

— Ма Чжунин наступает...

— Это точно?

— Точно. Прибыл нарочный от полковника Амата из Астин-Артуша. Да одевайтесь же скорее!

Заман заторопился.

— И что же делать? — спросил он.

— Не знаю. Хаджи-ата вызвал Сабита, Оразбека, Махмута Мухита, еще нескольких. Мы должны быть на месте до их прихода.

— Выходит, Ма Чжунин выступил раньше, чем предполагалось?

— Да, так случилось, вай дова! — вздохнул Сопакун, по привычке употребив кумульское многозначно-выразительное слово «довва». — Как думаете, что будет?

— Не знаю, брат, — Заман разделял его тревогу. — Во всяком случае, положение наше хорошим не назовешь. Два месяца потратили на всякие мелочи. И военной подготовкой не занимались, как нужно бы. Но об этом и заикнуться нельзя.

— Чего же ждать, если у хаджи-ата любимый советчик Хатипахун, ох, дова... — Сопакун прикусил нижнюю губу. Неунывающий рослый силач, добросердечный, открытой души человек, он был беззаветно предан Ходжаниязу, пользовался его доверием, но, несмотря на это, временами изливал Заману свои переживания, вызванные поведением Гази-ходжи, которое он никак не мог одобрить. Вообще, если бы не заступничество Сопакуну, кляузники давным-давно расправились бы с Заманом, а то и устранили совсем. Всего лишь два дня назад Хатипахун доносил: «Пьет вино. Не молится. Не почитает духовных пастырей...» Сопакун не выдержал: «Зачем вы так, Хатипахун? Что плохого он сделал? Где мы найдем другого такого же честного и рассудительного работника?» Ходжанияз, доверяя суждениям Сопакуну, пресек ябедника: «Нехорошо, ахун, грызть человека дела!» Однако после этого Заман не получил ни одного важного поручения.

— Я готов! — Заман прицепил к поясу девятизарядный пистолет.

Подняв с постели спавшего в соседней комнате Розы, они вышли на улицу. Со стороны «Ханской медресе» донесся призыв на предутреннюю молитву.

В это же утро, когда Заман и Сопакун шли к резиденции главы республики, Чжу-шожа, ругаясь на чем свет стоит, еле-еле растолкала недавно уснувших после кутежа, храпевших Юнуса и Турди.

— Ой-ой, что за напасть... — Юнус очнулся, и сердце его от страха ушло в пятки, а глаза испуганно обшарили комнату.

Турди, чуть приподняв веки, захрапел снова.

— Телеграмма, говорю! Телеграмма! — кричала Чжу-шожа.

— Эй, скотина, вставай! — крикнул Юнус.

Турди протер глаза, зевнул, широко раскрыв огромный, как печное отверстие, рот.

— Не перевернулся ли мир? Что за шум?

Юнус, не обращая внимания на его слова, вчитывался при свете лампы в расшифрованный текст:

«Ма Чжунин готов наступать на Кашгар. Действуйте энергичнее. Сообщайте положение каждый день».

Турди, не умыв лица, потянулся к еде..

— Хочу успеть съесть, что предназначено, пока не погиб от шальной пули. — Турди напихал в рот урюка и шумно выплевывал косточки.

— Ма Чжунин двинулся на Кашгар...

— Что вы сказали? — Турди, несмотря на многопудовый вес, слетел с постели легче пушинки и подскочил к Юнусу. Дрожащими руками схватил телеграмму, хотя не знал ни одного китайского иероглифа.

— Ма Чжунин собирается выступить.

— О, горе мне! О, где ты, совершенный пирим-хранитель? — запричитал Турди. Он страшился и дунган и сражений.

— Оденьтесь, приятель!

— Куда пойдём?

— Приведите Ибрагима!

— Да как я его сейчас найду? Этот блудливый осел сидит на месте?

— Где бы ни был, найдите и приведите. А что подельывает Масак? Никакого толку от вашего придурка! Опять упустил Замана!

— Если поручений нет, я выйду, — проговорила шожа, сощутив веки.

— Иди.

Чжу-шожа вышла, покачивая бедрами. Она не проявляла ни страха, ни беспокойства.

— Заман на небо не улетит! — проворчал Турди, одеваясь.

Юнусу стало смешно, оттого что «приятель» никак не может попасть ногой в штанину, от его сиплого — спросонья — похрюкивания, но он сдержался, возразил Серьезно:

— На небо, говоришь? Теперь этот ублюдок постоянно будет вместе с солдатами!

— Потерпите немного, — едва смог произнести Турди.

— Только из-за вашей неповоротливости его до сих пор не убрали с глаз.

— А может, теперь он погибнет в бою от какой-нибудь дикой пули? И чего постоянно печалиться об этом Замане! — Турди как будто решился высказать свое недовольство Юнусу.

— Не ворчите, как баба, ведите Ибрагима!

— Ладно, хозяин, — Турди встал с места. У порога обернулся: — А о себе позаботиться не нужно?

— А какая забота? — не понял Юнус.

— Деньги, ценности... — Он приблизился к Юнусу: — Как бы Ма Чжунин не загреб все.

— Не беспокойтесь, как-нибудь изловчимся. Делайте свое дело. Вот бы, — Юнус задумался немного, — прощупать как-нибудь Сабита-дамоллу: что он ответил мачжуниновским послам?

— Ладно. — Турди вышел. Бесконечные поручения Юнуса обозлили его.

«Пусть с конскую голову золота потрачу, но Замана проучу! — думал Юнус, одеваясь. — Отомщу и за себя и за дочь...» Юнус ненавидел его и чего только не предпринимал, но до Замана пока не мог дотянуться. Придурковатый Масак дважды выследил Замана, но оба раза тот был не один. Заман вообще редко появлялся на улице, да и то с неразлучным Рози. К тому же оба при оружии. Юнус попытался через Турди прибрать к рукам Хатипахуна и с его помощью отстранить Замана от Ходжанияза, а потом — расправиться. Но и эта затея провалилась. «Пусть в могилу торчком попаду, но из Кашгара не двинусь, пока не напьюсь твоей крови, ублюдок...» — прошептал Юнус и направился в комнату Чжу-шожи.

2

Только-только рассвело, когда Заман и Сопакун дошли до резиденции Ходжанияза, однако там, во внешнем дворе, увидели больше десятка солдат, державших в поводу оседланных коней. «Карательпеками» называли этих одетых во все черное воинов за их круглые, похожие на береты шапки, отороченные по краю мехом. Вместо кушаков они подпоясывались поясами с серебряными наборами, а вооружены были карабинами.

— Оразбек приехал! — догадался Заман.

В это время открылись главные ворота, и во двор въехали три коляски.

В первой сидел Сабит-дамолла с неизменным своим Гаипом-хаджи, во второй и третьей — назирь торговли и земледелия Касым-хаджи и Гопур-хаджи. Заман и Сопакун приветливо и по достоинству встретили их.

— Хаджи приехал, сын мой? — обратился Сабит к Сопакуну.

— Да, хаджи-ата здесь, — почтительно ответил Сопакун. Он знал, что сегодня Ходжанияз прибыл прежде всех и приказал немедленно вызвать некоторых назиров.

Сабит взглянул на Замана, хотел что-то сказать, но вместо этого по-обычному ласково обратился к Сопакуну:

— Проведи нас к нему, сын мой.

— Хорошо, дамолла, — Сопакун пошел впереди. Заман следовал позади всех.

После памятной размолвки Сабит редко, лишь при крайней необходимости, встречался с Ходжаниязом. Ходжанияз в свою очередь перестал с ним советоваться, как прежде, вершил дела единолично и обращался с дамоллой жестко. Если бы не умиротворяющее влияние Махмута Мухита, сдерживавшего Ходжанияза, размолвка могла бы углубиться и перерасти в соперничество, а то и в острую вражду между сторонниками Сабита и Ходжанияза. Когда сегодня, еще до рассвета, Ходжанияз пригласил его к себе, Сабит предположил, что это не к добру.

У Ходжанияза сидели постоянные его собеседники — Махмут Мухит, караванщик Моллахун, Хатипахун и несколько полковников: Алат, Курбан, Самсакнияз, Хамут-хаджи. Ходжанияз оделся по-военному: на голове широкий тельпек, на плечах пепельно-серый, похожий на макинтош бешмет, на ногах черные хромовые сапоги, маузер он повесил не сверху, а под бешметом.

Президент хмурил брови, казалось, что его воинственная злость вот вот разразится неудержимым гневом. Окружающие, словно подделываясь под настроение Гази-хаджи, тоже сидели напряженные и суровые.

— Садитесь, дамолла, — пригласил он Сабита, едва тот с назирями вошел и поздоровался. — Дунганин-пройдоха, с которым вы рассчитывали договориться, пошел на нас войной. — Сабиту в его словах послышался горький упрек. — Не говорил ли я, что нельзя ему верить?

— Конечно, — многозначительно ответил Сабит, — такому необычному человеку, как Ма Чжунин, можно и верить и не верить. Но если бы мы нашли с ним общин язык и договорились, по меньшей мере выиграли бы время.

— «Так сделать лучше, этак сделать было выгоднее», — оставим пустые разговоры, дамолла. Пришло время думать о войне с Га-сылином!

«Этот дикарь — ворона с медвежьей хваткой: вцепится — не выпустит...» — подумал Сабит.

— Впереди тяжелые бои, возможно, предстоит испытание войной, которое решит нашу судьбу, — сказал Махмут Мухит. — Поэтому нужно собрать и привести в готовность все наши силы.

— Не к чему преувеличивать военную мощь Ма Чжунина. Его основные силы разгромлены, — подал голос военный назир Оразбек.

— Не годится считать врага немощным, господа! Известно, что Ма Чжунин получил от японцев оружие, — вступил в разговор Гаип-хаджи.

— Что за речи? Помогли ему японцы, да? У вас с языка не сходят фаранги^[40] и им подобные! — упрекнул Ходжанияз.

— Управляя государством, необходимо придавать одинаковое значение внутренней и внешней политике, господин Гази-ходжа, — начал разъяснять назир торговли и внешних сношений Касым-хаджи. — Без использования внешних сил одержать победу над врагом, будет затруднительно.

— А где же те, кто чистосердечно и бескорыстно протянет нам руку помощи? До каких пор будем, мы легкомысленно верить пустым обещаниям? — спросил Махмут Мухит. — Появись сейчас, в трудное время, искренний помощник, мы готовы держаться за него обеими руками.

— Господа, не надо забывать о помощи англичан, когда началось хотанское восстание и когда создавалось Хотанское государство. И сейчас путь не заказан — можно вновь обратиться за помощью, — предложил Касым-хаджи. Приверженец Англии, он был связан с Шилдрейком и действовал по его указаниям. Поддерживая «хотанцев», Касым-хаджи намеревался сделать военным назиром Шамансура вместо Оразбека, чтобы в конце концов самому взобраться на вершину власти.

— Не морочьте мне голову, — отмахнулся Ходжанияз. — Давайте действовать, надо преградить путь Га-сылину. Хватит говорить, будем — готовиться к бою.

— Мы отклонили мир, — наставительно произнес Сабит-дамолла, — теперь вынуждены проливать кровь. Если бы поступили по-моему...

— Еще что-нибудь хотите сказать, дамолла?

— Хочу сказать, мой хаджи, — ответил Ходжаниязу Сабит, — что нужно отправить послов к Ма Чжунину — отказаться от войны. В крайнем случае выиграем время.

— Нет! — отрезал Ходжанияз. — С Га-сылином вместе не буду!

Все остались недовольны резкостью ответа. Даже ближайший его сторонник Махмут Мухит не произнес в поддержку ни слова, Сабит-

дамолла сожалел, что Ходжанияз, не имеющий опыта ведения государственных дел, поверхностно подходит к рассмотрению насущных вопросов. И решил, что молчание лучше открытой ссоры. Возразив Ходжаниязу, он поставил бы под угрозу дрогнувшее единство, и тогда положение еще больше осложнилось бы. Поэтому он проглотил нанесенную при всех обиду. Гаип-хаджи вознамерился было дать отповедь «дикарю», но предвидевший это Сабит сделал знак — «нет надобности». Сторонники Сабита-дамоллы Касым-хаджи, Гопур-хаджи и Оразбек, подлаживаясь под настроение главного назира, тоже сидели молча, но в каждом кипело раздражение.

Наконец Махмут Мухит прервал затянувшееся молчание:

— Положение дошло до той степени, когда не остается ничего, кроме как воевать...

Совещание длилось долго. Выработали такой план: Ходжанияз с войсками выйдет к Маралбаши навстречу. Ма Чжунину, Оразбек и Шамансур со своими отрядами, обеспечивая тыл Ходжанияза, совместно атакуют осажденного в крепости Нового города Ма Цзыхуэя, не позволяя ему соединиться с Ма Чжунином.

Создали «комиссию обороны» во главе с Сабитом-дамоллой, Махмутом Мухитом и Бугрой, которая должна была мобилизовать население Кашгарского, Яркендского и Хотанского округов на борьбу с врагом, на обеспечение фронта, а в районах, занятых противником, поднять народ на восстание...

3

Замана отправили в редакцию газеты — доставить обращение правительства ко всему народу Восточно-туркестанской республики. Выполнив поручение, Заман собрался уходить. Шапи-вышел с ним. Подойдя к Розе, ожидавшему на улице, Заман, перед тем как сесть на коня, обратил внимание на то, что люди, загрузив пожитками арбы, навьючив скарбом лошадей и мулов, с шумом и гамом спешили куда-то.

— Что это они на ночь глядя? — спросил Заман.

— Известно что — хвосты поджали. Не видите, бегут... — ответил Розе.

Когда «кочевники» приблизились, им навстречу выскочил Шапи. Он остановил высокого, навьюченного тремя парами тюков мула и обратился к сидевшему поверх вьюков:

— Доброго пути, дядя. Что за кочевье?

Всадник ответил вопросом:

— А вы из тех, кто следит?

— Удираете? — спросил подошедший Заман.

Всадник оробел, увидев человека с оружием, однако все-таки спросил:

— Свобода передвижения еще не отменена?

— Нет, конечно. Но куда вы едете с поклажей, с женами, детьми? Какие беды, какие несчастья обрушились на вас? А? Нехорошо пугаться ни с чего!

— Не мы одни, — вмешался какой-то конный позади всадника на муле, — и большие люди бегут...

— Кто эти большие люди? — строго спросил Заман.

— Богатые торговцы! — ответил всадник на муле. — И мы, прежде чем придут дунгане, решили убраться от греха подальше.

— Дунгане в Кашгар не придут. Наши солдаты выйдут им навстречу и дадут достойный отпор. Возвращайтесь по домам и спокойно занимайтесь своими делами.

— Вы не можете задерживать нас! Мы не подневольные! — прозвучал из арбы чей-то молодой голос.

Шапи он показался знакомым. Поэт подошел к арбе.

— Да это ведь Бахти, сын имама нашей мечети! Взгляните-ка! Бежит, чтобы не попасть в ополчение!

— А что такого? Моя воля...

— Скажи-ка правду, имамский сын, — подошел Заман, предварительно наказав Рози не пропускать никого, — кто тебя подучил бежать из города?

— Да чего тут подучивать? Мало мы бед от войны натерпелись? — ответил Бахти, продолжая недвижно сидеть в арбе. И — то ли сами, то ли детишек умышленно ущипнули — три-четыре младенца заревели в голос.

— Сынки, — обратился с мольбой старый дед, — не задерживайте нас, будем вечно за вас молиться...

— Возвращайтесь по-хорошему. За городом вас переловят солдаты и все равно вернут обратно. Только зря намаетесь, — уговаривал Заман.

— Пусть будет что будет, мы согласны, только пустите нас.

Кашгарцы, измученные войнами и грабежами, услышав о приближении мачжуниновских солдат, всполошились. Далеко бежать они не собирались, намереваясь отсидеться в считавшихся тихими горных районах. А сынки имамов, ахунов, купцов, баев бежали — от призыва в солдаты.

— Рози-ака! — Заман решил прибегнуть к угрозам. — Приведи солдат!

— Есть! — Рози вскочил на коня.

— Повремените немного, — вмешался Шапи, поняв Замана. — Эти граждане по незнанию введены в заблуждение ложными слухами. Пусть возвращаются по домам. Как думаете, братья?

— А что солдаты, расстреляют, что ли? — продолжал упрямыться Бахти.

— Отведем вас в следственное управление и проверим! Похоже, среди вас есть злостные подстрекатели! — громко прокричал Заман.

Его слова вроде бы подействовали. Тот, что сидел на муле, сказал жалким голосом:

— А через два-три дня бросите нас на разграбление, и опять мы виноваты будем?

— Нет! Что бы ни случилось, мы будем вместе с вами, — ответил Заман.

— В тяжелый для родины и народа час вы заботитесь только о своей шкуре, бежите прятаться — разве это человечно, разве это честно! — воскликнул Шапи.

— Отцы и матери! — воодушевился Заман. — Не стыдно ли вам бежать, бросив насиженные места, когда мы, солдаты, защищая покой и привольную жизнь тысяч, миллионов, таких, как вы, подставляем себя под пули врагов?

Многие бросились бежать из города, поддавшись темным слухам. Они согласились возвратиться по домам. Бахти и всадник на муле тоже перестали упрямыться.

— Нужны подробные разъяснения в газете, — сказал Заман, когда «кочевники» разбрелись. — Возвратив бежавших, мы сделали хорошее дело. Но сегодняшней случай, Шапи-эфенди, показывает, что нужно, помимо действенных статей, поднимающих патриотический дух народа, возбуждающих ненависть к врагу, обратиться к живому воздействию на людей, к слову устному.

— Очень верно, Заманджан. К делу надо привлечь и тех, у кого быстрое перо, и тех, у кого острый язык.

— Я пойду, Шапи-эфенди. Дела...

— Давайте чаще встречаться, Заманджан. Честное слово, я как-то привязался к вам. Пойдете в бой?

— Да. Я с винтовкой, а вы, Шапи-эфенди, с-пером, — Заман вскочил на коня. — Всего доброго, Шапи-эфенди. Увидимся в лучшие времена.

— Счастливого вам пути, Заманджан!

«Светлая голова у этого парня. Стремится все знать. Без сомнения, в будущем станет крупным человеком, — подумал, глядя вслед Заману, Шапи. — Какой путь выберет его горячее сердце?»

В редакции Шапи внимательно прочел обращение правительства Восточнотуркестанской республики к народу. В нем неоднократно повторялись выражения вроде «священная родина», «светлая вера», «правоверное отечество». «Тысячи и тысячи раз готовы твердить религиозные заклинания, дескать, мы, мусульмане, последователи пророка Мухаммеда, — подумал он. — Ладно, пусть и это, но ведь у нас есть много других имен, способных вдохновить народ на борьбу, пробудить его национальную гордость! Почему мы не говорим о месте уйгуров в истории, об их высоком вкладе в сокровищницу мировой культуры? По какой причине не взываем к гордым именам Махмута Кашгари, Юсупа хас Хаджипа (Баласагуни), Ахмета Югнаки, Абдураима Низари, Залели, Новбати, Билала Назыма, Садыра Палванз, Ипархан и сотням других, славных и героических, не зовем следовать по немеркнущему пути наших предков, не призываем перенять у них беззаветную преданность родине и народу, смелость и самоотверженность? Нет, нет! Пришло время

отказаться от бездушного, не утоляющего народной жажды пустословия — предрассудков ислама с его „небесными“ доказательствами. Пусть себе старший писец религиозного ведомства и похожие на него преклоняются перед подобными обветшавшими древностями — это их дело. Мы больше не пойдем по их пути...»

Шапи захотелось дополнить обращение своими мыслями, однако рука с пером остановилась: перед глазами предстали печати и подписи Ходжанияза и Сабита-дамоллы.

Когда Заман и Розы выехали за Решетчатые ворота и достигли мельницы, они увидели Турапа, ехавшего в своей повозке по дороге от гробницы Аппака-ходжи. Они придержали лошадей.

— А я собирался ехать к вам. — Турап спрыгнул с повозки.

Заман уловил в его голосе смятение, спросил:

— Что-то произошло?

— Нужно кое-что сказать. Слезьте с коня. — Турап оглянулся по сторонам.

Заман спешился, подошел.

— Будьте осторожны, — прошептал извозчик. — Вас хотят убить...

— Что? Кто? — заволновался Заман.

— Турди-байвачча...

— Турди?

— Да. Я только что отвез в Коган полоумного Масака.

— Расскажите сперва о Турди, Турап-ака!

— Не спешите, все по порядку расскажу. — Турап, будто ему сдавило легкие, прерывисто вздохнул и продолжал: — Пьяный Масак всю дорогу поносил Турди. Я говорю — не ругай ни за что человека, отвечать придется. А он: «Чего ж не ругать? Подлец Турди даже убить человека велел!» — У меня в сердце щелкнуло. Спрашиваю: «Кого же ты должен убить?» А он: «Сам не знаю. Зовут вроде Заманом...» У меня сердце чуть не разорвалось, Заманджан.

— Что ж ты не придушил его на месте, Динкаш? — вскричал Розы.

— Я начал допытываться: «Зачем убивать Замана, если ты зла на него не имеешь и даже не знаешь?» А Масак рукой махнул: «Чего ж не убить? За деньги и мать убью». Вот он какой...

— Больше ничего не говорил?

— Нет. У дома приятеля своего вылез из повозки.

— Спасибо за предупреждение, Турап-ака. Теперь буду осмотрительнее. Попробуйте расспросить его еще.

— Об этом не беспокойтесь, Заманджан. Я и сам начал подозревать подлеца Турди.

— Но на след их, Турап-ака, нужно выходить очень осторожно. Тут дело не в том, что им нужно убить меня, нет, это наверняка шайка крупных подстрекателей и убийц. Не будем долго задерживаться здесь. Всего

доброе, Турап-ака!

— Ой, подождите! — воскликнул Турап. Он достал из-за пазухи свернутые бумажки и протянул Заману: — Вот, прочтите, я собрал их у гробницы Аппака-ходжи.

Заман взглянул — это были подстрекательские, листовки. Он сунул их в карман.

— И за это большое спасибо, Турап-ака! — И, попрощавшись, вскочил на коня.

«Вот и показался конец веревочки, — думал Заман, скача во весь опор, словно преследуя врагов. — Теперь пора распутать тугой узелок. Юнус, Юнус... Ты не только политический преступник, ты отъявленный убийца, — Заман вспомнил о листовках, ощупал карман. — Наверное, того же содержания, что и утренние. Подстрекатели, без сомнения, из одного гнезда с Юнусом. Но как объяснить все Ходжаниязу? Турди и Юнус жертвовали деньги и продовольствие, он им верит... Вот сложное дело...»

Листовки, вроде тех, о которых думал Заман, распространялись в Кашгаре шпионами всех мастей и всех видов. Шэншицаевские агенты стремились вызвать в народе панику и запугивали: «Ма Чжунин — головорез. Он захватит Кашгар и перебьет весь народ. Люди! Позаботьтесь о своих жизнях и имуществе!» Японские же шпионы вели агитацию в свою пользу: «Ма Чжунин — главный защитник всех мусульман. Люди, он несет вам мир и благоденствие. Встречайте Ма Чжунина, идите к нему навстречу. Уклоняйтесь от призыва в войска продажного Ходжанияза! Ходжанияз — злейший враг мусульман. Он сговорился с грязным нечестивцем Шэн Шицаем и хочет, связав народ по рукам и ногам, выдать неверным. Будьте бдительны, братья мусульмане!..» Сторонники Англии гнули свое: «Ма Чжунин — японский прислужник. Не идите за этим перекаати-полем без корня! Ма Чжунин — злодей, пришедший из провинции Цинхай для того, чтобы сделать вас рабами японцев. Не пускайте его в Кашгар! Эй, братья-мусульмане! К свободе, к лучезарной жизни вас приведет только один-единственный человек — шейх уль-ислам Сабит-дамолла! Сыны милого Кашгара, блистательного Хотана, любимого Яркенда, проявите самоотверженность во имя веры, во имя нации! Вставайте на священную войну под высоким знаменем ислама, тесно сплотившись вокруг Сабита-дамоллы!..»

Противоречивые призывы сбивали людей с толку, не давали объединить их.

В разгар такой неразберихи войска Ма Чжунина двигались из Аксу на Кашгар.

На площади Хейтка рядами выстроены войска. Перед военным походом, согласно установлениям ислама, необходимо прочесть «кутби зафар» — молитву о даровании победы. Потому-то воинов при полном снаряжении собрали на площадь до призыва к утреннему богослужению.

Когда Ходжанияз-хаджи вместе с назирами и высшим духовенством пожаловал в мечеть, муэдзин взшел на минарет и прокричал азан — призыв к молитве. Сегодня напутствуют на священную войну, будут снова и снова просить о даровании победы, и голос муэдзина звенел и дрожал от волнения. Тысячи солдат в глубоком, молчании слушали его, словно боевой приказ командира. Только короткое ржание застоявшихся коней время от времени нарушало утреннюю тишину.

На молитвенном обряде из четырех ракаатов — стояния, поясного и двух земных поклонов — имамом-предстоятелем был сам главный муфтий Кашгара. Затем последовала «кутби зафар», а после нее длиннейшая проповедь, в которой воины призывались добыть победу отвагой и дерзаниями, не жалея жизней: «погибнете — святые, уцелеете — священные подвижники»...

Частые заклинания муфтия — «илляхи амин» — подхватывали и повторяли многочисленные служители-помощники и войсковые имамы в зеленых чалмах, стоявшие перед каждой сотней. Их призывные голоса перекачивались так, что кони в рядах вздергивали головы и прядали ушами. В заключение, испросив высшего благословения во имя правого дела пророка, во имя победы, во имя безмятежного спокойствия и добродетельности граждан, выделили ради благополучия воинов милостыню нищим и странникам — двадцать коров и сто пятьдесят овец. На этом моление о победе закончилось.

Когда Сабит-дамолла, назиры и почтенные люди, провожавшие Ходжанияза, показали в главных воротах мечети, заранее взобравшиеся на портал глашатаи прокричали:

— Желаем победы Гази-ходже!

Многokrатно повторенный громкий клич волнами расходился по Кашгару и слышен был далеко-далеко.

Сопахун, постоянный войсковой знаменосец, и сегодня замер под зеленым стягом с изображением звезды и полумесяца. Его чуть удлиненный лоб закрывал малихай с раздвоенными по бокам полями, и как раз посередине малихая был прикреплен серебряный полумесяц,

отражающий сияние утренней зари.

Перед строем появился Ходжанияз, со словами: «Аллаху акба-ар» — «Велик аллах!» — поднес к глазам край «знамени победы» и без чьей-либо помощи вскочил на бурого коня с белым пятном на лбу, верного друга еще с кумульских боев.

Высоко подняв голову, повел он взглядом по сторонам. Его вид и взор были величавы и внушительны. На голове, несмотря на лору, шапка из куньего меха, на плечах бешмет зеленого сукна, на ногах ичиги с короткими голенищами. По бокам висели на перекрещенных ремнях два маузера. Собираясь в бой, он всегда навешивал на себя пару маузеров, а в бою, отпустив поводья, метко стрелял с обеих рук. Люди, равнодушные к своему национальному воинству, страстно желавшие видеть страну независимой, восторженно любовались трепетавшими на утреннем ветерке флагами, замершими в колоннах всадниками при винтовках и саблях, в одинаковых малинах, в одинаковых темно-малиновых бешметах и желтых кожаных сапогах.

— Видал, Аджри, — Шапи толкнул приятеля в бок, — какие они, а! Уйгурским парням издревле к лицу и военная форма, и оружие. Взглянуть бы, как затрепещут сердца врагов при виде наших джигитов, сидящих на конях, словно ловчие соколы на рукавице!

— Сегодня я убедился, что Ходжанияз прирожденный воин, — сказал Аджри. — Жаль только, нет возле него образованного рассудительного военного советника!

— Ты прав, — подтвердил Шапи. — А эти соколы, если их получше содержать да закалить, и орла возьмут.

— Мы народ, который не сумел проявить своих сил и одаренности и растерялся...

Слова Аджри прервал голос Ходжанияза:

— Сопакун, вперед!

Один из офицеров скомандовал:

— Марш!

Команду повторили сотники. Сопакун двинулся впереди войска. Сотники в свою очередь тронулись с мест, и зазвучал военный марш:

Руки наши цепкие, острые глаза,
Душой и телом крепкие, мы для врагов гроза.
Марш, марш на войну, юные бойцы!
За отчизну, за народ встаньте, храбрецы!

Века под гнетом деспотов нам пришлось прожить,
Нашей милой родине мы не могли служить.
Марш, марш на борьбу, юные бойцы!
За отчизну, за народ встаньте, храбрецы!

В свое время этот боевой марш воодушевлял людей, волновал их сердца. И Кашгар всколыхнулся. Возбужденные кашгарцы от мала до велика пошли проводить своих воинов в бой. Глаза Аджри наполнились слезами. Не отрывая взгляда от волнообразно покачивающихся уходящих колонн, он воскликнул дрожащим голосом:

— О мой народ! Судьбу твою я в мире разделю. Сто тысяч мук перетерплю, но от тебя не отрекись...

6

Деятельный и расторопный, своевременно и безупречно исполняющий поручения, овладевший искусством сжато и содержательно составлять важные бумаги, Заман после хотанской поездки пришелся по душе Махмуту Мухиту. Махмут оставил юношу при себе и, возвратившись с проводов Ходжанияза, вызвал его.

— По решению правительства республики, — начал он, усадив Замана рядом с собой, — руководимые Ходжаниязом-хаджи войска, оставив в тылу Аргу и Астин-Артуш, должны занять у Маралбаши оборонительный рубеж против Ма Чжунина. — Чуть подумав, Махмут продолжал: — Наши предположения и добытые сведения сходятся на том, сынок, — слово «сынок» он произнес с таким выражением, будто высказал что-то заветное, и Заман почувствовал к нему душевное расположение, — что запертый у нас под боком в Новом городе Ма Цзыхуэй, возможно, попытается ударить нам в тыл, чтобы помочь Ма Чжунину овладеть Кашгаром.

— Это неизбежно! — воскликнул Заман и покраснел за свою несдержанность.

— Соображаешь верно, сынок. И что же теперь делать? — Махмут Мухит, прежде чем объявить свое решение, захотел услышать мнение Замана.

— Создать линию обороны, отбить его вылазку и, не ограничиваясь этим, разбить наголову.

— Пра-а-вильно, — одобрил довольный Махмут. — И мы так решили,

сын. Но чтобы наше решение претворить в жизнь, необходимо как можно скорее перевести в Янгисар войска Шамансура.

— А солдаты Оразбека? — спросил Заман. Лицо его выражало удивление.

— Части Оразбека будут в резерве в Старом городе Кашгара.

— Они не будут сражаться против Ма Цзыхуэя? — еще больше удивился Заман. По его разумению, части, подчинявшиеся непосредственно Оразбеку (Ходжанияз приведенных с собой «кумульских солдат» оставил под своим отдельным командованием, не подчинил их военному назирю), в нынешнее напряженное время должны были вступить в бой бок о бок с шамансуровскими.

— В случае необходимости, — как бы подтверждая предположения Замана, сказал Махмут, — военные отряды Оразбека примут участие в бою. Теперь ясно, сынок? — Он улыбнулся.

Заман впервые увидел, как заиграла улыбка на молчаливо-хмуром, почти черном, на первый взгляд грубом и некрасивом лице этого скрытного человека, и подумал: «Улыбка украшает и уроды».

— Ясно.

— Тебя, сынок, мы решили отправить с тайным посланием к Шамансуру. Ты согласен?

— Душой и сердцем, — без промедления ответил Заман и хотел по военному вскочить, но Махмут жестом удержал его на месте.

— Благодарю, сынок. Мы верим тебе, считаем, что ты подходишь для этого поручения. Когда ездили в Хотан, ты видел Шамансура и его брата Бугру. Сказать правду, ты произвел на них очень хорошее впечатление. Выбирая тебя, мы имели в виду и это обстоятельство.

— Спасибо, — Заман смутился от похвал.

— Послание напишет собственноручно Сабит-дамолла. Ты был на переговорах в Хотане, сынок, и знаешь — доверие к нему среди хотанцев велико.

— Да, господин, — ответил Заман, а сам подумал: «Почему он так откровенен, не изменилось ли у нас что-нибудь? Или хочет, чтобы я хорошо выполнил поручение, и потому чистосердечен?»

— Сейчас пойдешь к Сабиту-дамолле, возьмешь письмо. За это время твои спутники будут готовы — и немедленно отправляйтесь в путь.

— Слушаюсь! — Заман встал.

— Хочу пожелать тебе счастливого пути, сынок, — Махмут тоже встал, проводил Замана. Глядя вслед быстро скачущему на коне юноше, Махмут произнес: Очень мало у нас таких парней...

...У Сабита-дамоллы Заман застал горячо споривших Шапи и Адила. Сам Сабит сидел в своей всегдашней чуть-чуть припачканной чалме, намотанной немного на лоб, в наброшенной на плечи, несмотря на жару, мантии, а перед ним распластался на столе оттиск только что отпечатанной газеты. Дамолла внимательно слушал Адила, время от времени хмуря брови. Он кивнул на приветствие Замана и предложил ему есть.

— Учащихся в школе осталось мало. Баи забирают детей и бегут, а по их примеру и остальные дети не посещают школу, — жаловался Адил.

— Еще не видя врага, они уже засуетились. Такие настроения, развившись, создадут гибельную угрозу, не так ли, ваша милость? — произнес Шапи. — Торговцы закрыли лавки, господа прячут припасы. Разве это само по себе не ведет к падению духа?

— Надо разъяснять народу, принимать меры, чтобы сохранить спокойствие, Шапи-эфенди, ведь ваша газета, — Сабит-дамолла оттолкнул оттиск подальше, — к этому и призвана.

— По возможности стараемся: призвали литераторов и поэтов, публикуем статьи и стихи... Только наши голоса не доходят до всех из-за того, что большинство народа неграмотно.

— Полезнее было бы, чтобы звучало живое слово, надо отправить на улицы, на площади наших людей, — предложил Адил.

Сабит одобрил:

— Нужно, и немедленно... Шапи-эфенди, пусть редакция возглавит это дело.

— Хорошо, ваша милость, только...

— Что «только»? — тихо, но строго спросил Сабит-дамолла.

— Назиры, вместо того чтобы служить примером для народа...

— Говорите, говорите, Шапи-эфенди. Мы должны привыкнуть говорить обо всем откровенно и не стесняясь.

— Если судить по сатирическим стихам, статьям и сообщениям, приходящим в газету, некоторые назиры через меняльные лавки скупают золото...

— Кто? — вскричал Сабит-дамолла, и его похожее на лепешку лицо побледнело.

— Шамуса, Абдулла Хелилхан, Али-дамолла.

— О всевышний! — простонал Сабит, руки его задрожали.

Шапи стало не по себе: не ко времени, сказанными словами он расстроил главного назира. «Может, я нарушил приличия, пожаловавшись на назиров? Нет, самое время!»

— Не считите за неучтивость, господин главный назир, — произнес

Заман, боясь упустить подходящий момент, — но при таких действиях высокопоставленных лиц чего будут стоить самые возвышенные наши слова, хоть написанные, хоть произнесенные!

— Вы рассуждаете безукоризненно, дети мои, — сказал Сабит, тяжело вздохнув. Он верил сидящим перед ним трем молодым людям, верил их откровенности, их правоте. Он и сам вот уже сколько времени мучился теми же муками, чувствуя свое бессилие. Быстро и обстоятельно все обдумав, он сейчас решил посоветоваться с надежными людьми и, заканчивая разговор, обратился к Заману: — Тебя сынок, наверное, доблестный Махмут прислал?

— Да, ваше превосходительство! — Заман приложил обе руки к груди.

— Вы, эфенди, извините меня, — Сабит посмотрел на Адила и Шапи. — Если будет возможно, встретимся завтра.

— Благодарим. — Оба они, пятясь, вышли.

Пригласив Замана сесть, Сабит вставил ключ в стальную шкатулку, служившую ему сейфом. Шкатулка, хоть и небольшая, открылась медленно и со звоном. Сабит вынул из нее плотный запечатанный пакет и вновь закрыл шкатулку на ключ.

— Тебе сказали, в чем смысл твоего поручения? — спросил Сабит, сев рядом с Заманом.

В его слабом, но требовательном голосе было что-то такое, что действовало на всех. Заман, приложив правую руку к груди, почтительно ответил:

— Сказали, ваше превосходительство.

— Послание во что бы то ни стало нужно вручить только тому, кому оно предназначено. Случалось тебе прежде выполнять подобные ответственные поручения, сынок?

— Не один раз... много раз.

— Молодец! Ты меня успокоил, сынок. — Сабит был доволен.

— Благодарю вас.

— Правду ли говорят, что ты был близким учеником покойного Пазыла-афанди?

— Пазыл-афанди для меня был не только учителем, но и самым доверенным наставником, — горячо ответил Заман.

— Сможешь ли ты четко ответить, сынок, в чем состояли политические убеждения твоего учителя Пазыла-афанди? — Сабит-дамолла впился взглядом в глаза Замана.

— Прошу прощения, ваше превосходительство, я не совсем понял смысл вашего вопроса. — Заман не смутился под его взглядом, продолжал

смотреть в лицо Сабиту.

Дамолле, возможно, понравилось, что юноша держится свободно, не унижается. «Не скован, хоть и молод. Не из одного ли теста замешены он и Пазыл? Они представители нового времени...» — мелькнуло в голове Сабита.

— Не поборник ли он... народа, хотел я узнать, — произнес главный назир. Ему хотелось спросить: «Не поборник ли он материализма?» — однако задать прямо такой вопрос он не нашел нужным.

— Поборник народа, поборник родины, поборник человеколюбия! Не будет преувеличением, если я скажу, что до сих пор не встретил такого же волевого человека, равного ему по силе этих черт характера! — Заман произнес эти слова отдельно, подчеркнуто, с ударением. Одно лишь «до сих пор» показалось ему излишним перед лицом дамоллы.

Сабит-дамолла думал в это время: «Вы посмотрите, как он не стесняясь прославляет передо мной своего наставника! Это великое достоинство, когда человек может постоять за свою веру и убеждения. Усопший Пазыл не защитит Замана, Заман в наших руках, в нашей власти, но восхваляет не нас — превозносит мертвого Пазыла! Это проявление воли, убеждений, веры. Есть ли у меня такой же ученик или приверженец, который решится от чистого сердца возвеличивать меня так же, как Заман Пазыла? Шапи? Адил? Шамансур? Кто знает...» Сабит, словно обвиняя себя в чем-то, тихонько вздохнул.

— Не буду задерживать тебя, сынок, — сказал он задумчиво. — Если поручение выполнишь, порадуешь нас.

— Обещаю, ваше превосходительство!

— Аминь! — Сабит простер обе руки, воздел их кверху, бормоча сохранную молитву, провел ладонями по лицу, после чего разрешил Заману идти.

Глава одиннадцатая

1

Войска Ма Чжунина, выступив из Аксу, двигались быстро до самого Маралбаши, не останавливаясь на отдых. Кавалерийские части сделали первый привал на западной окраине этого селения, среди невысоких холмов. Надо было подождать отставшие пехотные отряды.

На лишенных растительности, словно опаленная баранья голова, склонах выросли ряды белых палаток — будто среди пустынного пейзажа возник жилой квартал — махалля. Вмиг навесили котлы, разожгли костры.

Особенной белизной выделялась среди прочих большая палатка. Еще с цинхайских краев служила она Ма Чжунину во всех походах — и спальней в бесприютных степях, и залом для совещаний. Сейчас в ней стоял посередине походный стол, а на нем распласталась карта Кашгарского округа. При свете подвесной лампы Ма Чжунин склонился над картой. Несмотря на усталость от сделанных без передышки нескольких переходов, «мальчик-командующий» выглядел по-обычному напряженно-суровым.

Разгневанный тем, что его предложение о союзе с Восточнотуркестанской республикой отвергнуто, Га-сылин решился на «ожесточенное наступление». Он не винил Сабита-дамоллу. Он понимал, что главное препятствие к объединению — в Ходжаниязе, и горел к нему ненавистью. «Я помочусь на это соломенное брюхо!» — поклялся Ма Чжунин. Сейчас, у карты, он пытался представить, как нанесет решающий удар Ходжаниязу. «Не вылезать мне из дерьма, если не осрамлю его!» — скрипнул зубами Га-сылин.

— Ма Хусян просит разрешения войти, — сообщил с порога палатки адъютант.

— Пусть войдет! — ответил Га-сылин, не поднимая головы от карты.

Ма Хусян, войдя, замер. Он не посмел отвлечь внимание занятого картой Га-сылина. Командующий слышал, что Ма Хусян вошел и сопит, как корова, однако поднял голову не прежде, чем сделал на карте какие-то пометки:

— Новости есть?

— «Языка» привели.

— А? — вскрикнул Га-сылин, и Ма Хусян не разобрал, испугался командующий или обрадовался.

— С вражеской стороны привели «языка», — повторил он.

— Допросили? Что он сказал?

— Ходжанияз решил преградить нам путь...

— Ну, соломенное брюхо, мы тебя потрясем! Это нам на пользу. — Га-сылин ласково похлопал Ма Хусяна по плечу и, прикусив кончик указательного пальца, словно замышляя что-то, принялся ходить вдоль стен палатки. — Где же войска соломенного брюха? — Га-сылин остановился перед Ма Хусяном и посмотрел ему в глаза.

— Основные силы Ходжанияза в Аргу и Астин-Артуше.

— Подожди! — Га-сылин снова уткнулся в карту. Он нашел Аргу и вонзил в это место палец, как шило. — Вот здесь я нанесу соломенному брюху сокрушительный удар!

Офицеры, отдышавшие по соседству, вздрогнули от пронзительного возгласа Га-сылина.

2

Если Ма Чжунин никогда не расставался с военной палаткой, то Ходжанияз взял в обычай возить с собой в походах кучарскую ханум. Однако сегодня спавшего в укромном местечке Гази-ходжу пришлось разбудить, конный, нарочный привез перед рассветом важные сведения от передового отряда.

— Кто? — спросил Ходжанияз, не поднимая головы с пуховой подушки.

— Га-сылин приблизился...

— Эй! Что ты мелешь, — мям-мям! — Ходжанияз сам не заметил, как вскочил с постели при одном лишь имени Га-сылина.

Гази-ходжа занимал дом одного из артушекских баев, где в гостиной устроили приемную. Пока Ходжанияз одевался, Сопахун зажег в приемной свечу и ждал наготове.

— Приблизился, говоришь, этот ломода? — Ходжанияз называл Ма Чжунина своим презрительным словечком «ломода» — пройдоха. Вопрос был задан с порога. Сопахун услышал, как дрогнул голос хаджи-ата.

— Остановился у Маралбаши. А отряды разведчиков замечены совсем близко. — Сопахун и сам отвечал растерянно.

— Ох, ломода... — Ходжанияз ухватил в горсть бороду, будто собирался оторвать ее. Он долго молчал. Наконец поднял голову, посмотрел на Сопахуна и вяло приказал: — Полковник Аамат пусть продвигается вперед! Мы тронемся за ним.

Он не поинтересовался ни картой, ни сведениями, добытыми разведчиками с передовой линии.

Сопахун, оценивший серьезность положения, не удовлетворился сделанным спросонок приказанием. По его мнению, следовало созвать на совет военачальников. Потому что первоначально было намечено занять Маралбаши, этот «мост» на середине дороги Кашгар — Аксу, раньше Ма Чжунина и таким образом овладеть выгодными военно-стратегическими позициями. Однако Ма Чжунин опередил Ходжанияза, и теперь надо было

сообща подумать и обсудить, как защититься от Ма Чжунина, где принять бой и как заставить отступить. Вместо всего этого сказано лишь: «Полковник Аамат пусть продвигается вперед...» К какому приведет это исходу?

— Иди, пусть выполняют, что я сказал! — разозлился Ходжанияз на Сопахуна, который все еще медлил, не уходил из приемной.

— А другого совета у вас не будет?

— Какого еще совета?

— С военачальниками...

— Будет! Завтра в дороге посоветуемся.

— Слушаюсь. — Сопахуну ничего не оставалось, как выйти.

3

Хотанцы только формально, для вида, были объединены с кашгарскими властями, а на деле сохраняли свое особое положение. Если бы не предприимчивость Маматимина Бугры, не было бы и такого «единства». Надежды на отдельное хотанское падишахство еще теплились. Шамансур не смог противостоять напору Бугры и принужден был согласиться передать военные силы в распоряжение Исламской республики. Однако сам во главе трех тысяч солдат оставался в Яркенде. Шамансура дважды приглашали в Кашгар, чтобы поставить под общее командование три отдельные армии Восточнотуркестанской республики: пришедших с севера солдат Ходжанияза, местных кашгарских солдат Оразбека и хотанское войско. Шамансур не одобрял такое намерение и, прикрываясь всякими отговорками, тянул с приездом в Кашгар. А близким из своего окружения говорил: «Нет такого Шамансура, чтобы был под Оразбеком...»

Бугра, осведомленный о надвигавшейся с севера угрозе, в особенности о приготовлениях крупных военных сил Шэн Шицзя к наступлению на юг, на Алтышар, считал преступным отсиживаться в тихом Хотане. Он беспокоился, что в нынешней напряженной обстановке своевольный Шамансур откажется выполнять распоряжения Ходжанияза. Поэтому, оставив хотанские дела на попечение Нияза-алама, Бугра поспешил в Яркенд.

В тот же день в Яркенд прибыл и Заман. Бугра и Шамансур приняли его вместе. Бугра с большим вниманием прочитал послание Сабита и, прежде чем ответить, передал Шамансуру, Шамансур, скользнув глазами

по строкам письма, посмотрел на Замана так, будто тот один был во всем виноват.

— Значит, на меня взвалили обязанность выгнать Ма Цзыхуэя, залегшего, как медведь в берлоге? — со злостью спросил Шамансур. Он готов был разорвать послание в клочки и, только побаиваясь Бугры, не сделал этого, положил письмо на край стола.

— Я намеревался поехать в Кашгар, увидеться с Сабитом-дамоллой и Ходжаниязом-хаджи, — произнес Бугра, словно не замечая настроения брата. — Прошу вас, Заманджан, подробнее ознакомить нас с положением в Кашгаре.

Сказанный к месту и с присущей Бугре обходительностью слова пробудили доверие в душе Замана, и он ответил:

— По моему пониманию, положение очень тяжелое...

— Например, в каком отношении? — тут же спросил Бугра.

— Я имею в виду политико-экономическое и военно-административное положение, потому что...

— Подождите, подождите, Заманджан, — заволновался Бугра. Его хмурое лицо сморщилось еще больше. — Если я правильно понял вас, вы ожидаете, что может наступить развал?

— Противостояние отдельных личностей друг другу из-за политических позиций и взглядов наносит ущерб единству действий, — формулировкой, не слишком вдаваясь в подробности, ответил Заман.

— Разлад и наша застарелая болезнь. Сколько мук претерпели от нее... — вздохнул Бугра и повернулся к Шамансуру: — Сегодня же выводим солдат в Янгисар!

— Ладно, — ответил Шамансур.

— И мне нужно быстрее возвращаться в Хотан, — поднялся с места Бугра. — С вами, Заманджан, еще найдем время побеседовать обстоятельнее.

— Вам, брат, правильнее было бы остаться с нами вместе.

— Я не бегу от боя, — уставился Бугра на Шамансура. — В военное время очень важно укрепить тыл, обеспечивающий фронт. Необходимо ехать в Хотан, поднимать народ на врага. Для нас сейчас нет задачи выше, чем прийти к единству и совместно противостоять вражеским проискам.

— Разрешите мне, брат, идти готовиться, — сказал Шамансур.

Ма Чжунин, узнав, что войска Ходжанияза заняли оборону у Чокан-яра, решил, не давая врагу передышки, атаковать внезапно и выступил немедленно. Генерала Ма Шимина с пехотными частями он направил «прямо в лоб» — по новой Кашгарской дороге, кавалерийскую бригаду Ма Хусяна — за западные холмы, на правый фланг, полк Бэйда, пройдя после Маралбаши к востоку, через заросли кустарника, должен был занять позиции на левом фланге. Сам командующий в сопровождении частей охраны на пятнадцати автомашинах двинулся бок о бок с Ма Шимином. Ма Чжунин по числу солдат и по уровню их подготовки был сильнее Ходжанияза. Хорошо зная о своем превосходстве, он и разработал план предстоящего сражения. Но Из памяти Ма Чжунина не мог изгладиться сантайский бой, когда, тоже имея превосходство в силах, уверенный в собственной непобедимости, он недооценил Шэн Шицая и потерпел поражение. С тех пор он постоянно укорял себя в допущенных просчетах. Зато теперь Га-сылин был осторожен в каждом шаге и решил применить тактику «Атака — отступление, слова атака».

И Ходжанияз, несмотря на кажущуюся медлительность, подготовился к сражению несравненно лучше, чем прежде. Он предполагал вести в основном оборонительный бой и перейти в атаку лишь в благоприятный для этого момент.

Два военачальника — Ходжанияз и Ма Чжунин — вот уже в течение трех лет задевали друг друга лишь в мелких стычках. Ходжанияз, пятась как петух, уступал место Ма Чжунину, но в этот раз конечно же они, хочешь не хочешь, сцепятся решительно и бесповоротно.

Испытанный в боях полк Амата Ходжанияз поставил в центре, кавалерийский полк Курбана — на своем левом фланге, подоспевших позже «карательпеков» Решитама вместе с кавалеристами Самсакнияза поместил на правом фланге. «Кучарские добровольцы» Хамдуллы-бека были оставлены в резерве в тылу. Ходжанияз предполагал, что противник непременно ударит главными силами в центр, поэтому остался возле Амата руководить боем.

Впереди, с севера, показалось знамя — приближался враг.

Войсковые имамы в зеленых чалмах засуетились: наскоро прочитав молитву о спасении жизней уйгурских воинов, призвав аллаха им в помощь, они стали подыскивать для себя безопасное от пуль место.

— Дети мои! — громко крикнул Ходжанияз. — Не стреляйте, пока не выстрелю я!

Его облик и поза были мрачны, напряженны. Направив бинокль на север, он утомленно замер. Лишь по шевелящимся толстым губам можно

было угадать, что он что-то шепчет про себя, — возможно, читает стих Корана.

Авангард мачжуниновских войск подошел совсем близко, остановился и рассыпался в цепь. Ходжаниязу стало не по себе, когда он увидел, как вслед за пехотой подошли, подняв пыль, автомашины и с них начали быстро сгружать пулеметы и легкие пушки. «Мои ребята не видели таких штук, как бы не испугались!» — прошептал он, не отрывая глаз от бинокля.

— Аамат!

— Да, хаджи-ата!

— Предупредите ребят, чтобы не пугались машин и не оставляли своих мест.

— Слушаюсь, хаджи-ата! — Аамат побежал вдоль окопов и через сотников передал приказ.

Высовываясь из неглубоких окопов, воины внимательно всматривались, что делается у противника.

— Мы сегодня как те, что видели чудо, — заметил бородатый, старше других, боец. — Видите, как роятся белотюбетеечники?

— Их машины ползают, как черные жуки, мям-мям! — откликнулся солдат-турфанец. — Что будет, если такая штука наедет на нас...

— Вот именно, друг... Вон с крайней машины стаскивают что-то большое, о пирим! — воскликнул воин-кумулец.

— Не бойтесь, братец, пуля не возьмет! Бог не выдаст — ничего не случится, — успокоил бородатый.

— Мне не раз приходилось с белотюбетеечниками схватываться. На конях они не очень... Вот только черные жуки страх наводят, — проговорил турфанец.

Тем временем четыре-пять всадников дунган отъехали в сторону, взобрались на холм и спешили. Один поднес бинокль к глазам.

— Га-сылин! — воскликнул бородатый. — Этого пройдоху я запросто по походке различаю!

— Застрелить, что ли? Может, избавимся от хлопот и обретем наконец покой от разбойника? — Турфанец оттянул затвор винтовки.

Словно угадав его мысли, Га-сылин скрылся за холмом.

— Зарятся на наш хлеб... Откуда взялись они, эти грабители? Мусульмане ли они?

— Вот именно, друг!

— Вон Га-сылин! Рукой на нас показывает! — вскрикнул кумулец.

Действительно, Га-сылин вернулся и выпрямился на вершине холма,

поднял руку в белой перчатке, и тотчас же взорвали воздух яростные крики солдат: «Ша! Ша! Ша!» — и гулкие удары пушек. Снаряды просвистели в воздухе и ударили по обе стороны уйгурских окопов, взметнув к небу землю, заволакивая пылью все вокруг.

— О пирим... Что за напасть! Да уберезет от гибели! Да придаст нам бог силы и крепости! — бормотали, распластавшись на дне окопов, воины.

Иные снаряды попадали в окоп, и тогда в воздух взлетали вперемешку с землей разорванные на куски человеческие тела. Воины впервые видели такое и от испуга не имели сил стрелять.

Обстрел из пушек прекратился, над полем несколько минут стояла тишина. Пошла в атаку пехота Ма Шимина. Солдаты с обнаженными саблями заполнили поле, как саранча.

Мачжуниновцы шли уверенно, будто на гулянье, и когда они приблизились, Ходжанияз скомандовал:

— Стреляйте!

Воины открыли огонь. Передние ряды наступающих повалились, однако остальные, не обращая на это внимания, продолжали идти. Уйгуры обрушили град пуль на ряды приближающихся мачжуниновцев и в конце концов заставили залечь. Теперь вступили в дело снайперы Ходжанияза. Каждый их выстрел достигал цели. Оттого, что пехота натолкнулась на прочную преграду и вместо атаки перешла к обороне, Ма Чжунина охватила ярость, и он скомандовал:

— Кавалеристы, вперед!

Конники Ма Хусяна заиграли в воздухе клинками и с криками: «Ша! Ша! Ша!» — бросились в атаку.

— Курбан, по коням! — приказал Ходжанияз.

Без промедления схватились конники обеих сторон. Звон и скрежет скрещивающихся клинков, предсмертное ржание лошадей, остервенелые крики: «Ша! Ша!» и «Аллаху акбар!», смешавшись, закружились в столпотворении над полем боя. На другом фланге сцепились конники Решитама и Бэйда.

В кавалерийском бою ходжаниязовцы остановили противника и заставили попятиться. Пехота Ма Чжунина тоже не могла двинуться вперед.

— Молодцы, дети мои, молодцы! — кричал Ходжанияз, довольный, что берет верх.

Он вскочил на коня и с возгласом: «Аллаху акбар!» — ринулся в бой вместе со своей охраной. Отпустив поводья своего бурого с белым пятном на лбу коня, он мчался, стреляя сразу из двух маузеров. И его воины

бросились вперед, повергая и тесня противника...

Ма Чжунин увидел, как Ходжанияз ворвался в гущу схватки. «Восхищен твоим мужеством, — одобрил он. — Могу первой же пулей снять тебя с коня, но не сделаю так. Живым возьму...» И он направил коня на поле сражения. Шашки с серебряными эфесами в обеих его руках заискрились в лучах солнца. Солдаты, увидев приближающегося вскачь Гасылина, перестали отступать и перешли в контратаку. Сражение превратилось в ожесточенную резню. И если бы Ма Чжунин не пустил в дело автомашины с пулеметами, Ходжанияз мог выйти победителем из этого боя. Но, к сожалению, приближавшиеся с громоханием чудовища нагнали страх на «карательпеков» Решитама, они дрогнули, попятились, а потом побежали, за ними последовали остальные, бросая позиции, разбегаясь в разные стороны...

— Дети мои, не бегите! — заклинал Ходжанияз, перестав стрелять. — Бейте по машинам, не бойтесь!

Но ничего не смог сделать. Около него мало кто остался, поневоле и ему пришлось отступить. Они укрылись в зарослях кустарника неподалеку. Ма Чжунин войти в заросли не решился, он распорядился преследовать и уничтожать всех бегущих...

2

Ма Цзыхуэй доволен. Теперь он может выйти из окружения, в открытом поле лицом к лицу схватиться с врагом. В доставленной от Ма Чжунина секретной директиве предписывалось связать отряды Оразбека и Шамансура, не позволить им оказать помощь Ходжаниязу. Если бы поход Ма Чжунина на Кашгар задержался еще на месяц, гарнизону Ма Цзыхуэя после длительной осады пришлось бы под угрозой голодной смерти отважиться на вылазку из крепости Нового города и пойти на рискованный прорыв, грозивший полным уничтожением его сил. Зато теперь Ма Цзыхуэю представился удобный случай: руки самого опасного врага — Ходжанияза — связаны.

Ма Цзыхуэй разделил гарнизон на два отряда. Первый должен приковать к себе внимание Оразбека — со стен крепости обстреливать Старый город Кашгара. Второй отряд тем временем скрытно выйдет наружу через подземный ход под южными воротами и навяжет двигающемуся из Яркенда Шамансуру встречный бой.

Ма Цзыхуэй — в день, когда между Ма Чжунином и Ходжаниязом

завязалось сражение у Чокан-яра, — приказал начать обстрел Старого города.

«Они решили атаковать», — предположил Оразбек и привел войска в боевую готовность. Он занял оборону перед северными и западными стенами Нового города. Поднялась интенсивная перестрелка.

Этой же ночью Ма Цзыхуэй вывел через подземный ход второй отряд и двинулся в сторону Янгисара. Он стремился не пустить Шамансура в Янгисар, перехватить его в Хемитовой балке и разгромить. «Тебя, хотанец, — заочно обратился он к Шамансуру, — возьму в плен и выставлю голову твою на позор — только так удовлетворится моя месть».

Девятого августа 1933 года Ма Цзыхуэй, воспользовавшись уходом Томура-сычжана к Улугчату, захватил Кашгар. А шестнадцатого августа Томур и Шамансур, объединившись, прогнали Ма Цзыхуэя из Старого города. Потом Ма Цзыхуэй прибрал к рукам басмача Османа и поручил ему убийство Томура, положив этим начало своей мести. Однако до Шамансура дотянуться не смог, лишь мечтал об этом. И вот время пришло... Все рассчитано наперед: когда он, Ма Цзыхуэй, подойдет к Янгисару, туда же прибудет отправленное Ма Чжунином подкрепление — кавалерийский полк, который спешит сейчас по западной стороне Калпуна и Астин-Артуша. Надеясь на эту поддержку, Ма Цзыхуэй с большим воодушевлением двигался по направлению к Яркенду...

Возвратившись в отведенную ему комнату, Заман собрался отдохнуть, но его вызвали к Шамансуру. Солнце еще не скрылось, однако в расположенных анфиладой комнатах с узкими оконцами уже зажгли свечи. Шамансур сидел в верхней одежде, опираясь на громадные пуховые подушки, и лакомился ядрышками знаменитых янгисарских миндальных орешков, которые ему колол здесь же слуга.

— Входите, Заманджан, садитесь! — пригласил он, когда Заман появился в дверях.

Поблагодарив, Заман сел на сложенное вдвое ватное одеяло.

— Принеси горячего чая! — приказал Шамансур слуге.

— Слушаюсь! — Тот приложил правую руку к груди, поклонился и вышел.

— Есть неприятные, зловещие новости, — сказал с отчаянием Шамансур. — Ваш прославленный Гази-ходжа у Чокан-яра получил по

морде от такого вот, с локоток, — он протянул вперед длинную руку, — мальчишки-командующего и бежал без оглядки...

— Сражению присуще и отступление, это естественно, — ответил Заман, раздраженный словами Шамансура. — Но это отступление, конечно, не предвестник разгрома!

— Не знаю, — понурил голову Шамансур. — Судите сами — в войсках брожение, в народе начинается паника. В таких условиях и нам воевать очень затруднительно...

Заман взглянул на Шамансура так, словно хотел сказать: «При первых признаках боя приготовился бежать до Хотана!»

— Пока вас не было, — продолжал Шамансур, — мы советовались с военачальниками... — Он не договорил. Очевидно, посчитал неуместным открывать Заману, о чем совещался с наиболее близкими людьми, и потому закончил фразу вопросом: — Вам известно это?

— Известно. Я обошел базар и постарался узнать, что делается в народе, — отчетливо произнес каждое слово Заман.

— Ну-ну, что же говорят в народе? — спросил Шамансур после того, как слуга поставил перед ними две чашки горячего чая и по знаку хозяина вышел вновь.

— Когда воины с винтовками в руках, с саблями на поясах, верхом на хороших конях вдруг поддались страху, то уместно ли удивляться, если простой люд беспокойно бежит в горе и печали куда глаза глядят?

— Хм... — Упрек Замана попал в цель, и эмиру-сахибу нечего было сказать-. «Смотри, какое самомнение... На языке бахвальство, а услышит свист пули, с криком: „Мама!..“ — прятаться побежит, сопляк!» — отчитал он Замана про себя, а вслух спросил: — Знаете что-нибудь о схватке Оразбека с Ма Цзыхуэем, между Старым и Новым городом Кашгара?

— В этом случае не самое ли подходящее для вас — без промедления двигаться вперед? — произнес Заман.

Шамансур бросил на него быстрый взгляд, хотел сказать что-то, но промолчал.

— С вашего позволения, я хотел бы тоже пойти в бой с оружием в руках.

— Брат поручил вас мне. Поэтому я должен беречь вас.

— Я не могу стоять в стороне, быть только наблюдателем. Прошу разрешить мне возглавить сотню бойцов и отправиться вперед, — решительно проговорил Заман.

— Посоветуемся. Отдыхайте, Заманджан.

*Милые, оплакивать не перестанем
Происшедшее в Пичане и Турфане...*

Эта печальная газель широко распространилась в народе после резни в Пичане и Турфане. Если турфанцев истребляли шэншицаевские наемные головорезы — белобандиты-папенгутовцы, то население Пичана вырезали мачжуниновцы.

Задумчиво глядел Рози на мерцающее пламя свечи и, вспоминая об этом случившемся два года назад бедствии, без конца повторял скорбную газель.

— Грустишь в одиночестве, Рози-ака? — спросил Заман.

— Душа разрывается, и дышать мне нечем сегодня...

— Поразительно, — удивился Заман. — Не могу поверить, что вижу тебя в мрачном настроении, Рози-ака.

— Правду, видно, говорят: «Кто десять раз смеется — хоть раз да заплачет...» Все стоит перед глазами, не уходит старик, которого, помните, мы встретили в кяризе возле Турфана.

— А ты лучше встань и принеси чего-нибудь. Потолкуем... Завтра, может, в бой пойдем.

— В б-бой?

— В бой! Неужели испугался, Рози-ака?

— Нет... — замялся Рози и быстро вышел — смутился оттого, что действительно испугался слова «бой».

Заман, хоть и дивился странному настроению Рози, не стал выпрашивать. Его мысли были заняты предстоящим боем. «Тут одной смелости да дерзания недостаточно. А у меня ни мастерства, ни опыта... так что же, подставлять под пули джигитов, которых мне доверяют? Нет, лучше следовать правилу: „Десять раз схитри — один раз сразись“...»

— Все спят, — вошел Рози.

— Я сыт. Был в гостях у Шамансура. Хотел лишь с тобой посидеть, Рози-ака.

— За внимание спасибо. — Настроение у Рози с приходом Замана улучшилось. — Вот этот бурдюк, он потряс в руке забулькавший кожаный мех, — я выпросил у приятеля-монгола. — Рози примостил бурдюк на столе и высыпал из кармана две горсти орешков. — Мусаляс с миндалем, скажу я вам, в обнимку пойдут!

— Твой спутник и в пустыне с голоду не пропадет, а, Рози-ака!

Две пиалы со звоном встретились.

— Ух, вино с миндалем, Рози-ака, достойно прославления!

— Янгисарские орехи стоят гроши и на вкус хороши, так о них говорят. И сладки, и дешевы. Жив буду, Заманджан, столько садов вам покажу!

— Сладостные слова! — Заман налил еще.

Они обычно редко прикасались к спиртному. Чуть-чуть выпивали во время душевных бесед. А сегодня раз за разом чокались пиалами.

— Так, говорите, пойдём в бой?

— Пусть другие делают что хотят. А такие, как мы, пойдут биться за родину, за народ. Не ради ли этой высокой цели отправились мы из Кульджи, Рози-ака?

— На этот раз бой представляется мне тяжелым, черным и страшным...

— Мы с тобой будем сражаться бок о бок.

— Ладно! — улыбнулся Рози. — Рядом с вами не только белотюбетеечникам, но и самим дьяволам покажу Шакурову мать!

Заман беззаботно рассмеялся. В дверь постучали.

— Кто? — спросил Рози.

— Можно войти?

— Можно, входите, — ответил Заман.

Дверь отворилась, на пороге появился разряженный Сайпи. Он поздоровался, приложил руку к груди.

— Добро пожаловать. Пожалуйста, садитесь, Сайпи-эфенди.

— А вы уединились и наслаждаетесь в свое удовольствие, — сказал Сайпи. Его голос напомнил Рози и Заману жужжание осы, попавшей в пустую тыквянку. — Хотел бы поговорить с вами наедине. Ваш человек...

Заман перебил его:

— Между нами нет высшего и низшего. Можете говорить не стесняясь.

— Вы, Заманджан, оказывается, не знаете, что для одной беседы вполне достаточно четырех ушей...

— Подозрительность — это когда сомневаются не только в другом человеке, но и в самом себе. — Заман, однако, сделал Рози знак выйти.

— Вряд ли достойно, Заманджан, быть запанибрата со слугой, — Сайпи скосил глаза на дверь. — Начальник не должен отказываться от учтвого отношения к себе.

— Гаип-хаджи с вами тоже так обращается?

— Я — другое дело. Я отпрыск известной семьи, и не оскорбительно

ли равнять меня с поденщиком Рози?

— У вас ко мне важное дело? — спросил Заман.

— Только с коня — и пришел проведать вас... У меня много новостей.

— Мои уши наготове.

— Ходжанияз отступил...

— Знаю.

— Ма Цзыхуэй из окружения...

— И это знаю.

— Богачи, дорожа жизнью...

— Бегут. Некоторые назирьы скупают золото.

— Откуда вы все знаете? Вы же в стороне! — удивился Сайпи.

— Мы не такие глупцы, как вы предполагаете. — Заман налил в пиалы мусалляса, протянул одну Сайпи. — Выпьем за ваш благополучный приезд, за то, что вы не упали с лошади.

— Опять колкость. Высокомерный вы человек...

— Не будем переходить на резкости.

— Прекрасно...

— Скажите-ка лучше: зачем Гаип-хаджи приехал в Янгисар? — Заман налил еще вина раскрасневшемуся уже от первой пиалы Сайпи и заставил выпить.

— Вы что, до сих пор не знаете, что за человек наш Гаип-хаджи?

— Мы не смеем даже подойти близко к нему. — Заман притворно вздохнул.

— У нашего наставника корень прочный. Один его конец...

— Вы что-то замолчали, приятель?

— Это к вам не относится. Все равно не поймете, — махнул рукой Сайпи. Он хоть и опьянел, но старался держаться.

— Говорите, пришли задушевно побеседовать, посеCRETничать, а сами замкнулись, затаились, боитесь лишнее сказать, — начал допытываться Заман.

Он предложил еще пиалу мусалляса, но Сайпи покачал головой:

— Довольно! Если б анаша была...

— А-на-ша? — изумился Заман.

— Венец наслаждения в ней, приятель из Кульджи.

— «Водка царит, мусалляс правит, буза оскверняет, анаша ослепляет».

Вы из наслаждений выбрали самое грязное! — Заман засмеялся.

— Говорите, чт-то х-хо-тти-те. — Язык у Сайпи начал заплетаться, зевая, он вынул из внутреннего кармана золотые часы, посмотрел на них. — Позд-но... я не смогу... идти... один-н-н... — Глаза его сделались

томными, ласковыми, кокетливыми, он подполз к Заману и положил голову ему на колени. — Ух, как при-ят-но...

— Рози-ака! — вскочил с места Заман.

— Слушаю вас! — Рози возник как из-под земли.

— Этого вот, — Заман показал на притворившегося уснувшим Сайпи, — отведи домой!

— Ладно! — Рози схватил Сайпи, как волк ягненка, и выволок наружу.

«У нашего наставника корень прочный. Один его конец...» повторил про себя Заман слова Сайпи. Он хотел сказать, что у Гаипа-хаджи прочная поддержка и один конец его корня в Кашгаре, а другой в Стамбуле или Лондоне! Если так истолковать слова Сайпи, то, выходит, Гаип-хаджи иностранец или приبلудный уйгур... В таком случае не много ли в окружении Сабита-дамоллы зарубежных лазутчиков? Если корни их тянутся к Лондону, то наши поводки в руках Англии... Заман вспотел, горло пересохло, захотелось пить. «Значит, — прошептал он, — Ма Чжунин принимает помощь Японии, и давно ясно, что он пляшет под ее бубен. Юнус, Турди и подобные им — дубинки в руках китайских завоевателей. В итоге получается, что борьба за власть в Восточном Туркестане сводится к соперничеству трех колонизаторов. „Самостоятельная республика“, „независимый Уйгурстан“ — это слова для вида, для отвода глаз, пустая болтовня, и только?» У Замана потемнело в глазах, закружилась голова. «О несчастный народ мой!..» Он бессильно опустил на пол...

Безлунный мрак. Сквозь разрывы затянувших небо туч изредка проглядывают и вновь исчезают звезды. Уже за полночь, но люди в селе еще не спят. Старики и старухи не уходят с улицы, бродят вокруг дворов и пристроек. Собаки, усиливая ночные тревоги, непрерывно лают, а некоторые воют, уставившись в небо.

Уцелевшие после Чокан-яра уйгурские воины разместились в домах жителей селения Аргу. И если самые беспечные спали, то остальные, боясь, что противник вот-вот настигнет их, беспокойно ворочались.

Сопахун и Моллахун, разместив воинов, возвратились к дому, где остановился Ходжанияз. Оба были в подавленном настроении. Объездивший немало городов, много повидавший, караванщик Моллахун,

когда выдавалось свободное время, развлекал рассказами о своих приключениях. Сегодня у него не было сил говорить. Соплахун, почти всегда чуть слышно напевавший самые различные стихи на однообразные мелодии кумульских песен, тоже безмолвствовал. Лишь время от времени он скорбно стонал: «Вай довва! Ох, горе, горе!» — и ворчал на кого-то.

— Как страшное наваждение все это, Моллахун-ака! Что теперь будет?

— Не знаю, братец, не знаю. Лучших парней лишились!

— Жалко... — вздохнул Соплахун. — Погибло много кумульских, турфанских, пичанских бойцов. Они ли не соколы, закалившиеся в трехлетних боях...

— Делать нечего, приходится судьбе покоряться.

— Заячья душа Решитам навлек на нас беду! Затаился где-то, дрожит и вида не показывает!

— Многие его солдаты сдались. Другие побросали оружие, разбежались.

— Моллахун-ака, сначала они хорошо сражались. Они напугались машин и потому побежали. А сверх того Решитам удрал первым, так ведь?

— Об этом только начни говорить... — Моллахун достал из кармана табакерку, заложил за губу щепотку насвая. — Смятение, эта проказа, началось с Решитам, — Моллахун резко сплюнул, будто ястреб капнул на лету, — но в беду мы попали и по своей неопытности.

— Правду сказали, Моллахун-ака. Виновен не один только Решитам, все мы не без греха, вай довва...

— Гази-ходжа поговаривает об уходе в Яркенд.

— Присоединимся к Шамансуру.

— На все божья воля, братец. Давай чуть приляжем, а то поясница разболелась, измотался я, — Моллахун постлал постель.

Они долго не могли уснуть. Тревоги и опасения мучили этих двух людей, особо преданных Ходжаниязу сподвижников, не заметивших, как очутились они в гибельном водовороте...

Тан! Тан! Та-тат! — раздались звуки выстрелов. Что это? То ли мачжуниновцы расстреливают разбредшихся по степи беглецов, то ли первые выстрелы ворвавшихся в Аргу преследователей?

Ма Чжунин еще в Аксу мечтал взять Ходжанияза живьем и после сражения приказал преследовать его. Если бы Ма Хусян не охотился за попадавшимися в пути беглецами он, наверное, схватил бы Ходжанияза еще перед Аргу. Кавалеристы Ма Хусяна приблизились к селению только теперь, они обстреляли передовые дозоры. Начальник сторожевого отряда,

не разглядев в ночной тьме числа врагов, отправил к Ходжаниязу связного, а сам с пятьюдесятью бойцами встретил противника огнем и заставил остановиться.

Сопахун и Моллахун, выслушав связного, приказали собрать размещенных в домах солдат, разбудили спавших с винтовками в обнимку перед дверью Ходжанияза телохранителей и тихонько постучали. Ханум из Кучара то ли от страха, то ли по прихоти вскрикнула: «Ой, горе мне!» Ходжанияз спросонок поднял голову с подушки.

— Что, что случилось?

— Враги...

— Враги? — Услыхав голос Сопакхуна, хаджи выскочил в одних подштанниках из-за двери. — Где враги? Чего стоите? Выступайте!

Не слушая Сопакхуна, он вбежал в конюшню. Удивительно, что растерявшийся сардар не забыл прихватить из-под подушки маузер.

Телохранители уже выехали на конях за ворота. В это же время подоспели и остальные солдаты — кто на неоседланных конях, кто пешком. Мачжуниновцы тем временем ворвались в селение и приближались, не переставая стрелять.

— Сопакхун, в заросли! В заросли! — скомандовал Ходжанияз и на неоседланной лошади выскочил во двор, заорал: — Эй, ханум из Кучара, быстрее!

Не расстававшаяся с драгоценной своей сумкой ханум выбежала во двор, Ходжанияз схватил ее, как коршун цыпленка, положил перед собой и поскакал на своем буре прочь из селения...

Глава четырнадцатая

1

Солдаты Шамансура и Ма Цзыхуэя столкнулись возле селения Тазгун, в каменистой ложбине между Кашгаром и Янгисаром. Воины Шамансура залегли на восточном и южном откосах балки и ожидали подхода противника, приближавшегося с севера и северо-запада. От раскалившихся под южным знойным солнцем камней поднимался, словно жар из печи, горячий воздух. Лежавшие на солнцепеке бойцы исходили соленым постом, страдали от нестерпимой жажды. Заман со своей сотней расположился в самой первой линии. Кое-где здесь росли кусты барбариса,

которые давали хоть какое-то укрытие. Заман распорядился отрыть окопы, проверил место каждого бойца, укрепил камнями подготовленные для защиты от вражеских пуль бойницы. Заботы нового сотника расположили к нему бойцов. Перед сражением Заман выделил Розе двух солдат, и они доставили из Тазгуна на пяти ослах воду в бурдюках. Заман раздавал ее только для питья — по норме.

Откуда-то появился Сайпи, подскакал к Заману на коне. Из-под широкополой шляпы с темной окантовкой текли по его бледному лицу капли пота.

— Вы приобрели профессию продавца воды, приятель? — едко улыбнулся Сайпи.

— Да-а, — холодно произнес Заман.

— Тогда продайте мне бурдюк воды.

— За перстень с вашей руки дам глоточек.

Сайпи рассмеялся и, словно дразня, поднес к глазам Замана засверкавший в лучах солнца перстень с рубиновым камнем.

— Ваша вонючая вода обойдется дороже яйца сказочной птицы анка!

— На таком солнцепеке не дешевле...

— Выходит, вы с берегов Или приехали сюда не воевать, а наживаться. Смотрите, приятель, как бы карманы не прорвались от тяжести золота.

— Золото копить — только вам одному?..

— Чего-чего? — перебил Сайпи и сразу сник. — Какое золото я накопил? Глаза раскройте, а потом говорите.

— Не смущайтесь, — как бы утешая, проговорил Заман, — вы же знаете, что шила в мешке не утаишь.

— Чем попусту болтать, дайте лучше бурдюк воды. — Сайпи жалел, что завел разговор о золоте, потому что и так подозревали, будто он скупает золото для Гаипа-хаджи.

— Вода — для бойцов. Не могу дать ни капли.

— Для нашего наставника...

— Для Гаипа-хаджи? Нехорошо получилось. Чем пить воду из вонючего бурдюка, пусть его превосходительство слижет жемчужные капельки пота с вашего лица, жажда сердца его утолится, Сайпи.

Воины громким хохотом оценили последнюю фразу Замана. Сайпи не нашелся, что ответить, Хлестнул камчой коня и, только отъехав, пригрозил:

— Припомнятся ваши слова!

Он ускакал прочь.

— Вай-вай... вот так погладили красивую куколку, — произнес Розии, немного подумав, добавил: — Нажалуется Гаипу-хаджи, выйдет приключение...

— Пусть делает что хочет. Нигде от них покоя нет. Сами укрылись в тиши да в тени, а на поле боя хозяйничать лезут.

— Они, где вода сочится, язык подставляют.

— Взгляни, — кивнул на бойцов Заман. — Надо напоить их. Воду никому, кроме солдат, не давать.

— Хорошо, Заманджан. — Розии переполняло чувство собственного достоинства.

Враг приблизился. Шамансур приказал не отступать ни на шаг. Подобно волкам, обкладывающим овец в загоне, зажать врагов в этой горячей, как печь, балке и уничтожить. Вот и приходится терпеть мучения под раскаленным солнцем.

А Ма Цзыхуэй очень опасен. Он вышел из окружения и похож на зверя, вырвавшегося из железной клетки. Победа Ма Чжунина у Чокан-яра вдохновила его, придала воинственной уверенности. Перед началом сражения Ма Цзыхуэй убежденно сказал: «Время настало. Мы победим...»

— Прицеливайтесь, джигиты, не волнуйтесь, — обратился Заман к своим.

Солдаты Ма Цзыхуэя не стали занимать позиций, они с ходу пошли в атаку. Перестук кованых конских копыт по камням ложбины смешался с криками «Ша! Ша! Ша! Бей! Руби!» Полуголые, с повязанными вокруг голов голубыми лентами, солдаты Ма Цзыхуэя выглядели бесстрашными и грозными. Когда они достигли середины балки, раздался звонкий голос Замана:

— Стреляйте!

Застрочили — та-та-та-та-та! — удобно расположенные пулеметы, раздалась прицельные залпы из винтовок, и вражеские солдаты, как подрезанные прутья, повалились с лошадей. Падали друг на друга кони, загорали путь задним рядам. Наступавшие попытались пробиться вперед с обнаженными саблями, сгрудились в тесной балке, и воины Шамансура с высоких откосов повели такой губительный огонь, что, казалось, склоны обрушились на врагов, уничтожали их, и те, не зная, что делать — отступать или обороняться, — заметались в растерянности. Этим воспользовался эмир-сахиб Шамансур, он бросил в атаку конников резерва. Вырвавшись из зарослей кустарника и воздавая хвалу богу криками: «Аллаху акбар!» — они устремились на врага. Ма Цзыхуэй

увидел, что сейчас будут истреблены на дне ложбины даже те солдаты, которые не расстроили своих рядов, и дал сигнал к отступлению.

Шамансур, видимо, удовлетворился победой или посчитал ошибкой преследовать Ма Цзыхуэя — он вернул конников на прежние позиции. К тому времени село солнце. Прочитав над телами павших бойцов вечернюю и заупокойную молитвы, похоронив их, погрузив на лошадей захваченное в качестве добычи военное снаряжение, войско Шамансура с ликованием возвратилось в Янгисар.

— Мы добыли победу, — сказал за чаем Гаип-хаджи, — а Ходжанияз потерпел поражение.

— Не потерпел поражение, а отступил, — поправил его Заман.

— Отступает к Яркенду. Возвратиться в Кашгар его людям все равно что опоганиться, — ухмыльнулся Гаип-хаджи, еще сильнее выпятив грудь.

— Почему?

— Вам не понять. — Гаип-хаджи, как бы не считая Замана достойным собеседником, отмахнулся от его вопроса и повернулся к Шамансуру: — Возглавлять исламское войско нужно было поручить эмиру ил-сахибу вроде вас. Его превосходительство Сабит-дамолла и господина назиря впали в этом вопросе в заблуждение. Именно Ходжанияз привел нас к разгрому...

— Мой уважаемый брат Бугра тоже переоценил Ходжанияза, поверил ему — и вот последствия, — произнес Шамансур, с давних пор надеявшийся занять пост главнокомандующего. — Теперь этот человек бежит в Яркенд просить у нас приюта.

— Возможное дело, что президентский центр перейдет в Хотам...

— Непутевые слова, — отверг с досадой Шамансур. — У нас есть свое удобное аллаху правительство, которое управляет Хотаном и Яркендом.

В комнате воцарилось долгое молчание. Смысл высказываний Гаипа и Шамансура — оставить Ходжанияза в одиночестве, оттеснить в сторону — привел Замана в мрачное настроение. В Кумуле он думал, что всему противится Хатипахун, что если убрать завистника с глаз долой, дело наладится. Теперь он увидел, что Хатипахун по сравнению с Гаипом-хаджи, Касымом-хаджи и другими подобного типа «уйгурами» все равно что муравей перед слонами. Сомнение в этих людях с каждым днем у него усиливалось. Сейчас Заман больше страшился внутренней опасности, нежели внешней угрозы.

— Я заметил, — обратился к нему Гаип-хаджи, — что в сегодняшнем бою вы проявили отвагу. Во имя чего и для кого вы решились на такой риск?

— Не могу сказать, что я проявил отвагу, — ответил, подумав, Заман, — но я был готов отдать жизнь во имя родины.

— Конечно, это славно — пасть жертвой за родину. Но зачем же вы пытаетесь быть жертвой? — Гаип давно подозревал, что Заман подвержен влиянию материалистов, и постоянно присматривался к его житью-бытью. В черный список Гаипа было занесено и имя Замана. Сегодня, находясь в сторонке, он через бинокль наблюдал за боем и был даже восхищен доблестью Замана и его бойцов. «Вот такую отважную и усердную молодежь нужно склонить к себе. Стоит попытаться», — наметил он на будущее и пытался сейчас слегка прощупать Замана.

— Вам непонятны мои цели, господин, — Заман прямо взглянул на Гаипа. — Но это же несложно, как к двум прибавить два.

— Видите, эмир-сахиб, как выражается молодое поколение, — Гаип-хаджи словно призывал на помощь Шамансура. — Что ж, изложите ваши цели яснее, Заман-афанди.

— Я простой воин, и дуло моей винтовки направлено на врагов, которые попирают родину и сосут кровь из народа!

— Весьма изящно. — Гаип-хаджи бросил взгляд на Шамансура, но тот не особенно любил многословные препирательства и сидел молча, будто дремал. — Но я хотел бы знать-о ваших идейных убеждениях, Заман-афанди.

— Мое высшее желание — подлинная независимость народа Восточного Туркестана.

— Хорошо, и какое же административное устройство вы бы предпочли?

— Народную демократию.

— Весьма прекрасно. — Гаип-хаджи внимательно посмотрел на Замана. «И кто только тебя наставлял — залил уши свинцом! Раз демократия, то ты, безусловно, станешь опасным врагом. Нахватался поверхностно усвоенных положений и пережевываешь их в памяти, цыпленок...» — говорил его взгляд.

— Можно мне задать вопрос господину? — спросил в свою очередь Заман.

— Пожалуйста.

— Вы, господин, приехали из таких далеких краев и в наше дело...

— Не в ваше дело! — вскричал Гаип.

— Прошу прощения. В народное дело... вмешиваетесь. С какими целями?

Вместо ответа Гаип-хаджи вздернул вверх голову и вытаращил

красноватые глаза, казалось, они вот-вот выскочат из орбит. Вздогнули похожие на жука, как бы прицепленные к кончику горбатого носа, ухоженные усики, Гаип-хаджи криво посмотрел на Шамансура, тот, словно одобряя заданный вопрос, продолжал молчать. Сайпи дернулся, но вроде не смог вскочить с места. Пока Гаип-хаджи искал подходящие для ответа слова, вошел связной:

— Опять...

— Что случилось? — обеспокоенно спросил сахиб.

— Опять дунгане идут...

— Де-ла-а! — Гаип-хаджи вскочил прежде всех.

2

Словно брошенный оземь, потерявший много живой силы, Ма Цзыхуэй остановился в Тазгуне, собрал рассеявшееся войско. Взбешенный тем, что получил урок от недостойного Шамансура, Ма Цзыхуэй в припадке ярости изругал до седьмого колена солдат и надавал оплеух многим офицерам. Пока он мучился, не зная, что предпринять, подоспел отправленный Ма Чжунином кавалерийский полк. От радости Ма Цзыхуэй вознесся духом и, горя желанием отомстить, снова пошел в наступление.

...Шамансур, упоенный победой, не считал возможным ночное наступление противника, получившего тяжелый удар, и дал отдых бойцам. Это и привело к тому, что вражеские солдаты незамеченными подошли на подступы к Янгисару.

Уставшие от жары, перестрелки и сабельного боя, истомленные воины крепко спали. И часовых сморила ночная Духота, они заснули, зажав в коленях винтовки.

Шамансур, собрав бойцов, прикинул, что фронтом устоять против налетевших врагов не удастся, поэтому, оставив отряд прикрытия, попытался отойти, однако попал в окружение и принужден был укрыться в большой мечети.

Рози, ожидая возвращения Замана, все еще не спал. Он хорошо накормил воинов, устроил их на отдых в большом дворе, а перед воротами и со стороны сада поставил четырех дозорных. Когда Заман, задыхаясь, прибежал, Рози уже разбудил бойцов и выстраивал их при оружии в шеренгу.

— Кони где?

— В соседнем дворе.

В соседнем дворе заблаговременно отправленные туда пять солдат заседлали коней. Заман вывел своих уцелевших от дневного боя восемьдесят воинов на главную улицу, но она оказалась перекрытой врагом.

— Веди через сад на заднюю улицу, Рози-ака!

Они двинулись — впереди Рози, за ним Заман с солдатами. Обрушив две стены сада, вышли в тупик и тут наткнулись на вражеский отряд. В ночной тьме стрелять бесполезно, поэтому пошли врукопашную.

— Вперед! — Заман поскакал на врагов, загораживавших выход из тупика.

Бойцы ударили по вражескому заграждению, скрестились сабли, и короткая схватка закончилась. Малочисленный отряд противника подался назад. Когда выезжали из тупика на дорогу, Рози заметил, как возле головы Замана сверкнула сабля вражеского солдата. Он крикнул:

— Берегитесь, Заманджан!

Крик этот услышал дунганин, он повернулся, и удар сабли, предназначавшийся Заману, пришелся по голове Рози. «Алла...» — прозвучал стон, и Рози свалился с коня. Но и убийца не спасся — настигнутый ударом Замановой сабли, он слетел с коня...

На рассвете оставшиеся в живых воины собрались на восточной стороне Янгисара — у канала, уходящего в Яркенд. Командующего Шамансура и еще нескольких военачальников среди них не было.

Прижавшись к шее коня, одиноко стоял Заман. И не было рядом Розахуна — теперь уже никто и никогда не замерит ему такого друга... Один взмах сабли — и вот Рози нет...

Глава пятнадцатая

Кашгар окутан в траурные одежды. После расправы в городе тишина. Все еще не высохла кровь — темнеют на улицах бурые сгустки. Уже три дня висят наворотах Хейтка пригвожденные за уши четыре головы.

Расправа в двадцатом веке не уступала дикому разгулу, описанному в древних сказаниях. Кровопийцы, «пришедшие через перевалы» из чуждых стран, не удовлетворялись реками пролитой крови, они хотели заронить страх в сердцах уцелевших жителей, превратить их в Покорных рабов.

Четыре пригвожденные к воротам Хейтка головы — это головы Шамансура и его военачальников. Их умертвил в Янгисаре Ма Цзыхуэй,

игравший роль мачжуниновского жандарма на юге Восточного Туркестана. Тысячи кашгарцев прошли в трагические дни мимо пригвожденных голов. Сердца обливались кровью, а губы, безмолвно моля о помощи, проклинали палачей, призывали на них гибель...

Турап с тремя наиболее смышленными из своих ребят и присоединившийся в пути Тохти-уста с подмастерьем пришли на площадь Хейтка. Заполнившие пространство люди стояли в молчании. Вооруженная охрана никого; не подпускала близко к пригвожденным головам. Турап остановился шагах в двадцати, вывел вперед сыновей и скорбно, но четко произнес:

— Это — для нашего поношения. Никогда не забудьте, дети мои.

— Для чего кровенишь их сердца, Динкаш? — спросил кто-то рядом.

— Будь ты хозяином земли, которую попираешь, не говорил бы так, глупец, — возразил Тохти-уста. — Разбойники мало того что истребляют наш народ, они еще и надругаются над нами.

— Что посеешь, то и пожнешь, говорят. И им воздастся по делам их, дети мои, — проговорил опиравшийся на посох белобородый старик.

— О господи, ведь проклянешь эти дни... — донесся голос из группы женщин, лица их были закрыты белыми накидками.

Вдруг раздалась дробь барабанов, и на площади поднялась суматоха. Вот так же три дня тому назад загремели барабаны, а потом началось побоище, улицы заполнились трупами... О всевышний, неужели подкарауливали, когда уцелевшие выйдут наружу... Вон от Песчаных ворот несутся кавалеристы. И от Ярбага тоже солдаты идут.

Барабанщики достигли площади Хейтка. Дробь установленных на четырехколесных телегах барабанов оглушала. У ворот, где висели головы казненных, барабанщики остановились. Кавалеристы полукольцом охватили толпу на площади. Люди, утратив надежды на жизнь, читали молитвы, тихо просили друг у друга прощения.

Подкатила запряженная парой коней коляска и, взметнув пыль, остановилась в центре площади. В ней сидели кашгарский кази-калан — судья, рядом с ним офицер и двое людей в чалмах. Кази-калан поднялся, разгладил закрывавшую грудь черную бороду и низким голосом прокричал:

— Люди! В приволье, и безопасности занимайтесь с сегодняшнего дня своими делами...

Толпа, ожидавшая, что тишину вот-вот разорвут выстрелы и начнется поголовное истребление, уже склонившаяся перед неизбежным, после слов кази словно ожива, зашевелилась.

— Его превосходительство Га-сылин, — еще громче продолжал судья, — направил высочайшее повеление успокоить мирных граждан. Его превосходительство Га-сылин оказывает сверх того такую милость: разрешает этих вот, — кази-калан показал рукой на головы, — похоронить по обычаям шариата...

Люди облегченно заговорили между собой.

— Тише! — крикнул человек в чалме, стоявший рядом с судьей.

— Граждане, не говорите, что не слышали! — Кази поднял правую руку. — Сегодня его превосходительство Га-сылин намерен оказать нам честь — пожаловать в город. Население Кашгара должно выйти на торжественную встречу высокой персоны.

— Нас дурачат...

— Выведут за город и перебьют...

— Не пойдем, пусть здесь убивают!

Люди заволновались. Некоторые бросились бежать в боковые улочки, но кавалеристы перехватили их. Находившийся возле кази-калана дунганский офицер спросил у переводчика, что кричат в толпе.

— Они пререкаются о том, чего ждать от Га-сылина, — смягчил переводчик выкрики.

— Скажи народу: с того дня, как Га-сылин войдет в город, он будет делать только хорошее. Придет порядок, наступит покой. Все дела станут решаться по заветам ислама, — произнес офицер.

Переводчик перевел его слова. Но народ не поверил да и не мог поверить, потому что на протяжении трех лет Кашгар четыре раза переходил из рук в руки, обреченный на страдания от каждого нового властителя, а тот, кто сегодня намеревается прибыть как «великодушный отец», только вчера устроил бойню в Янгисаре и Кашгаре.

— Эй, люди! — еще громче прокричал кази. — Не зря говорят: «Кого брат возьмет, та и невестка твоя!» Га-сылин овладел Кашгаром, и теперь хозяин страны — он. Мы, как послушные подданные нашего господина, должны выполнять его повеления!..

— Этот круглый арбуз чуть перекатился и в дунганина превратился, — желчно проворчал Турап.

— Не оттого ли все беды, что среди нас появляется вот такая продажная пакость, — поддержал друга Тохти-уста.

— Похоже, достанется еще нам, несчастным!

— Вот именно, Динкаш. Никак наши дела на лад не идут, на удивление. Что ни предпримет народ, все болячками кончается.

Офицер в коляске понял, что на торжественную встречу Га-сылина

народ можно выгнать только силой — по доброй воле он не пойдет. Дунганин сказал что-то находившемуся рядом коннику, тот передал приказ командиру отряда. Кавалеристы двинулись на толпу и погнали ее, как стадо. Турап под предлогом, что ему надо увести детей, пытался выбраться из толпы. Кавалерист ударил его по голове тупой стороной шашки. Дети, увидев кровь на лбу отца, заревели в голос, солдаты, выпустившие было их, вновь оттеснили мальчиков лошадьми в толпу и погнали дальше.

Глава шестнадцатая

1

Как муравьи разоренного муравейника, уйгурские воины все еще не были собраны воедино. Разгром у Чокан-яра, отход Ходжанияза под прикрытием Яркенда, гибель Шамансура, переход метавшегося из стороны в сторону Решитама с «карательпеками» под покровительство Ма Чжунина — все эти события обессилили армию Восточнотуркестанской республики. Не было сил ни для контрнаступления против Ма Чжунина, ни для того, чтобы противостоять приближавшимся с севера, как наводнение, войскам Шэн Шицая. От «Восточнотуркестанской исламской республики» осталось одно название.

Если Касым-хаджи, Гаип-хаджи, Оразбек были приверженцами Англии в «исламском правительстве» Сабита-дамоллы, то ферганские и ошские басмачи — Джаныбек, Юсуп-курбаши и Осман — служили дубинками в их руках. Гопур-хаджи и его приверженцы — типичные гоминьдановцы прокитайского направления. Остальные назиры — фанатичные исламисты, все они защищали интересы только высших слоев населения, хозяйские и свои личные.

«Исламская республика», не заслужившая у народа доверия, не отвечавшая духу времени, стала рушиться, как дом на песке. Одержимый идеей панисламизма, Сабит-дамолла в Ходжаниязе увидел ту силу, которой хотел воспользоваться в условиях военного времени для осуществления своих намерений.

Ходжанияз уважал Сабита-дамоллу как религиозного ученого, считался с его советами, однако не мог примириться с окружившими Сабита пришельцами извне вроде Гаипа-хаджи, совавшими всюду свой нос и чувствовавшими себя хозяевами. Особенную неприязнь Ходжанияза

вызывали басмачи Джаныбек, Юсуп-курбаши, Осман, да и они платили Ходжаниязу тем же, относились к нему свысока — «с коня». Наивно-простодушному «президенту» оказалось не под силу уговаривать по любому поводу людей самых разных убеждений и взглядов, руководить ими. Не было ни единства мнений в руководстве, ни единства действий, не удалось собрать в один кулак и военные силы.

Три соперника сцепились в вооруженной схватке в Восточном Туркестане — Шэн Шицай, Ма Чжунин и Ходжанияз. Кто из них сыграет решающую роль?

Ходжанияз оказался в самом тяжелом положении, и перед ним встал неотвратимый вопрос — что делать? Он уединился с Махмутом Мухитом, не пригласив больше никого.

— Что дальше?.. Скажите хоть что-нибудь! — В его голосе прозвучали угрызения совести, раскаяние, скорбь и уныние. Ходжанияз с горечью обвинял себя в допущенных ошибках. «Вот к чему мы пришли. Неужели зря пролито столько крови, а?..» Он вздрагивал, и в глазах его сверкали огоньки исступления.

— Еще не все потеряно: у нас есть Хотан и Яркенд, — попытался утешить Махмут.

— Мы уступили Кашгар, наш оплот Кашгар! — простонал Ходжанияз, ухватив в кулак бороду. Казалось, он сейчас готов один врубиться в ряды врагов.

— Были ошибки и у нас, хаджи, — глубоко вздохнул Махмут Мухит. Последнее поражение сильно подействовало на него, темное лицо совсем почернело, однако Махмут крепился и напряженно старался найти выход из тупика. — Опыт подсказывает, — продолжал Махмут, собравшись с мыслями, — что в наших условиях недостаточно опираться только на собственные силы. Надо было с самого начала держаться за верных союзников.

— Где, где они, ваши союзники? Все они изворотливые и лживые пройдохи!

— Нет, хаджи. Ласковый теленок, говорят, нескольких маток сосет. Мы не сумели обращаться подобающим образом ни с другом, ни с врагом. Поверили куцым рассудком лишь в свои силы и остались в одиночестве... — Сколько дней он бродит, словно замороженный по лесу, а сейчас горькие доводы Махмута принесли облегчение. — Верно, многое делалось кое-как. Но давайте хоть что-то предпримем. Нельзя, чтоб кровь была пролита зря.

— Мне кажется, нужно собрать солдат, установить новую линию

обороны. И срочно создать отряды добровольцев. Если не опереться на поддержку хотанцев, то сделать ничего не удастся.

— Но пойдут ли они на это?

— Бугра — сторонник единства и союза. В нем я уверен.

— Тогда берите дело в свои руки. Я займусь солдатами.

— И еще, — сказал Махмут, — до того, как мы восстановим силы, надо попытаться заключить с противником хотя бы временный мир, это нам выгодно.

Предложению Махмута Ходжанияз не стал противиться, как в прежние времена...

Турап узнал о гибели Розы несколько позже, и от мысли, что потерял единственного оставленного отцом родного человека, сердце облилось кровью. «Розек, Розек-старший... куда ты ушел, родной? Убивать кротких, веселых, как ты, — у кого, безжалостного, рука поднимается?» — горестно повторял он. Наконец, поручив детей божьей воле, Турап завернул в кушак четыре-пять кукурузных лепешек и отправился в Янгисар, где нашел свое успокоение Розы. У Песчаных ворот его схватили разведчики Ма Цзыхуэя и еле-еле выпустили после трех дней заключения.

«Что за времена настали! — роптал Турап. — Горе в том, во-первых, что своей живой душе не хозяин, горе еще в том, что над останками близких погоревать не можешь!» Он жаловался всем встречным знакомым, растравляя душевную боль.

Когда Турап добрался до лавки Тохти, он зарыдал в голос. Мастер знал о горе друга, сидел тихо, давая Турапу вволю выплакаться.

— Предали земле? — спросил он, когда Турап умолк.

— Заманджан стоял над могилой, похоронили...

Друзья притихли, словно пряча друг от друга скорбь.

Тишину в лавке нарушало лишь царапание мышей да стрекотание сверчка, угнездившегося в сыром углу у сточного отверстия.

— У меня, — поднял голову Тохти, — есть немного горчичного масла. Возьми на поминки по духу усопшего.

— А я сколько мотался по городу, думал найти хоть каплю...

...Турап нес домой два цзиня масла и около десяти цзиней муки. Все-таки нашлась возможность прочесть отходную молитву и приготовить обязательные для обряда тонкие поминальные лепешки, которые жарят в масле. У самых его дверей торчал, как кривой столб, придурковатый Масак, он преградил дорогу:

— Где спер, Динкаш?

Турап обмер. Он в жизни своей не присвоил ни единого чужого гроша!

— Не бойся, Динкаш! Ты еще убедишься, что я любую тайну проглатываю, как котенка.

— Что по ночам шатаешься?

— А то, что топай со мной мелкой рысью! — приказал Масак.

— Да ты чего? — перепугался Турап. Он слышал, будто когда дунгане

вошли в Кашгар, Масак вертелся около них, помогал зарывать трупы и вообще сблизился с ними.

— Не виляй хвостом, шагай со мной, говорю, Динкаш!

— Скажи правду, Масак, ты поведешь меня убивать?

— Ты станешь богачом.

— Милый, не дурачь, скажи толком.

— Пойдешь — узнаешь. А по правде — я сам ничего не понимаю. Ну, идем со мной.

Турап безропотно занес поклажу домой и вышел.

...Когда Масак ввел Турапа, Турди ел пельмени, обмакивая их в кислое молоко. Он вытаращил глаза и махнул вошедшим рукой — туда, где можно сесть.

Поздоровавшись, Турап присел, подобрав под себя ноги. «Вот и увидел я уйгура, который не пригласил к столу человека, пришедшего во время еды. Ой обжора, да он глотает не жуя, будто кто отнимет!»

— Эй, придурок! Садись-ка, чем торчать кочерыжкой! — пробурчал Турди Масаку, тот не решился сесть без хозяйского дозволения.

Масак грузно, как верблюд, опустился на пол.

Турди, наверное, не в силах доесть оставшиеся несколько пельменей, взглянул на Турапа:

— Похоже, проголодался, подвигайся ближе, — наконец-таки оказал он внимание гостю.

— Спасибо, я, сыт, — ответил Турап. А сам, не в силах оторвать глаз от посыпанных черным перцем пельменей, проглотил слюну.

— Ну, тогда выпей чаю.

— С удовольствием! — Турап принял в руки пиалу.

— Ты знаешь тропу на Яркенд? — спросил Турди.

— Ха, — невнятно ответил Турап.

— Я верю тебе и потому говорю. Есть и другие, но я призвал тебя, потому что доверяю.

— Я не понял, о чем вы говорите, байвачча, — Турап прикинулся простачком.

— Покажешь дорогу. Но чтобы об этом не знал никто, кроме нас троих, понял?

— У меня восемь детей, байвачча, я не могу их оставить ни на день.

— Об этом не тревожься, твоим детям дам еды на год, — заверил Турди.

— Так это дело на целый год? — перепугался Турап.

— Да нет же, самое большое на неделю. За неделю ты добудешь

пропитания на целый год, чего тебе еще надо? Сверх того получишь одежду на семейство.

— Время тревожное, случится что-нибудь, и мои восемь деток...

— Хватит, Динкаш, не скули! — прикрикнул Масак.

— Там, где я, опасности для тебя ни на волосок не будет. На, потратишь на детей, а завтра в это же время придешь сюда, — Турди вынул из кармана горсть монет и положил перед Турапом.

— Байвачча, — Турап еще надеялся на избавление, — пусть деньги пока полежат, я с матерью детей моих...

— Слюнтяй! — Масак, подскочил, словно намереваясь придушить Турапа. — Разве мужчина ищет ума у бабы?

— Не болтай попусту, Турап. Не согласишься по-хорошему — отведаешь плохого, — припугнул Турди.

Турап не знал, как быть. «Подлец Турди, похоже, дунганский прихвостень. Не соглашусь — выдаст им...»

— Положи деньги в карман! — приказал Турди и сам засунул их Турапу. — Масак, возьми из кладовой мешок муки, бочонок масла и доставь к нему домой.

...Следующей ночью Юнус, Турди и Турап отправились в Яркенд.

Полночная луна заливает окрестности призрачным светом. В комнате светло от ее лучей. Ветерок колеблет ветви тутовника, и они словно веером обмахивают лунный лук. Заману не спится. Очувившись в одиночестве, он пытался связать в один узел все события своей жизни, начиная с детства, чтобы прийти к какому-то заключению, но, запутываясь в паутине бесконечных вопросов, терзался. «Как многие, кинулся я в водоворот, — шептал он, — и чего же добился? Водоворот вышвырнул меня на берег. Что делать теперь? Бросить оружие, вернуться в Кульджу, к прежнему ремеслу? Неужели так завершатся три года мучительной борьбы? Ох ты... вот тебе независимость родины, народная свобода...» Заман иногда ощущал в себе силы, способные преодолеть на пути любые преграды, потом вдруг чувствовал себя одиноким, жалким, безвольным, утратившим способность бороться, безнадежно отчаявшимся. «Был бы жив Пазыл-ака, что было бы? Наверное, создал бы партию, которая организовала бы народные массы и привела их к освобождению родины. Кто поведет народ по верному пути, который Пазыл-ака только указал? Сабит? Бугра?

Махмут? Ходжанияз? Или возникающие из неизвестности, таинственно появляющиеся нечистые руководители-пришельцы?»

У Замана перехватило дыхание. Он встал с постели, открыл окно. Полная луна светила с неба. Неподалеку в цветнике прозвучал голос соловья. На память пришла ночь в Кульдже, когда они вдвоем с Халидой слушали в саду соловья и светила такая же луна. «Халидам! — мысленно обратился к ней Заман, повернувшись туда, где пел соловей. — Если бы все стали свободными, то были бы свободны и вы. Я сейчас как одинокий журавль в пустыне, не знаю, куда лететь. И вы, быть может, покорились, потеряли надежду, что исполнятся заветные мечты... Одинок я. Не могу протянуть вам руки. И голос мой вас не достигнет. И лишился я своего Рози-ака, которого вы почитали, Халидам!..»

— Все еще не спите, Заманджан? — внезапно раздался голос Сопахуна.

Заман молча уставился на него.

— Ну как, головная боль утихла? — Сопахун подошел ближе, будто любящий старший брат положил ладонь на лоб Замана.

— Спасибо, голова болеть перестала.

— Идемте ко мне. Я заказал старухе кисло-сладкий рисовый суп с мясом.

Заман уступил уговорам. Комната Сопахуна была такая же тесная, как у Замана, и сырая.

— Садитесь ближе к столу, — пригласил Сопахун, он принес две глиняные чашки с супом.

— Вкусно, — похвалил Заман. — Старушка такая же мастерица готовить, как моя мама.

— Что может сравниться с едой, приготовленной материнскими руками? — вздохнул Сопахун. В его словах слышалась тоска, и Заман вздохнул. Но чтобы не растравлять Сопахуна, повернул разговор: — Какие новости?

— Похоже, что пока остановимся здесь. Махмут Шевкет уехал в Хотан.

— Вот как? — удивился Заман. — А зачем?

— Чего не знаю, того не знаю. Горячего примешь — вспотеешь и остынешь.

— Как меня оттерли в сторону, так и я ничего не знаю, что у нас делается, — раздраженно произнес Заман. — А вы все-таки постоянный спутник хаджи-ата и имеете отношение к тому, что они замышляют.

— Все еще не ясно, куда двинемся, где встанем. Ясно только: у хаджи-

ата голова пошла кругом.

— Конечно, такой разгром...

— Да. И все беды от раздоров и пакостей. Не вмешайся недавно мы с Моллахуном, и вас бы...

— Знаю. Изуверы вроде Хатипахуна тревожатся, что я материалист-безбожник. Если б я достиг этого — чего еще желать! Не боюсь злобных доносчиков, страшно, что все наши усилия впустую, милый Сопакун!

— И я не знаю, какой будет исход. До последнего времени следовал за старшими, верил в них...

Заману нравилось, что Сопакун говорит о себе без утайки. Прямодушный кумульский парень принял Ходжанияза за «духовного отца» и поверил — тот ведет по пути справедливости. Сопакун взял в руки оружие с самых первых дней кумульского восстания и был убежден, что борьба Ходжанияза против угнетателей принесет народу освобождение. Но в чем будет это освобождение, как оно осуществится, об этом он не задумывался. По представлениям Сопакун, достаточно уничтожить китайскую тиранию — и делу конец. Однако мало-помалу, погружаясь в водоворот событий, он начал понимать: путь до эпохи свободы не близок и усеян острыми колючками. У него открылись глаза и на то, что «духовный отец» Ходжанияз, которому он предан, оказался неспособным преодолеть преграды, и теперь Сопакун придирчиво пересматривал и действия Ходжанияза, и свое собственное прошлое.

— Выходит, мы уже не скрываем, что мы в тупике? — спросил Заман.

— Скрыли бы, да отовсюду выпирает.

— Поднимать народ на неорганизованную «революцию», без руководящей и направляющей партии, — преступление, — повторил Заман завещание Пазыла. — Вот потому-то мы ничего не добились. По этой причине мы привели народ не к свободе, а к пропасти, к угрозе еще большего угнетения, обрекли на напрасную резню!..

— Будь сейчас Пазыл-ака, мы, наверное, не попали бы в такое тяжелое положение, а?

— Сказанное им было лишь пожеланием, истиной, не воплощенной в жизнь. Мы знаем, что и сам он поздно пришел к такому заключению и высказал его перед смертью. Если бы партия была создана в начале восстания, мы не блуждали бы разобщенно, как сейчас...

— Правильно, Заманджан. По своему невежеству и неопытности мы с самого начала допустили ошибки — и немало...

— Как говорят, «битый будет осмотрительным». Мы еще окрепнем, мы найдем пути к свободе!

Эта надежда — и только она — давала им силу жить, и Заману, и Сопахуну...

Глава семнадцатая

1

Когда Сопахун вошел, Ходжанияз был одет и ждал его.

— Пришли? — коротко спросил он.

— Пришли. Сидят в приемной.

— Накажи джигитам: пусть никого не впускают. Сам от двери ни на шаг.

Ходжанияз вышел в приемную. Юнус и Турди вскочили на ноги, склонились в приветствии. Юнус поднес руки Ходжанияза к глазам, осведомился о здоровье и самочувствии.

— Садитесь! — произнес Ходжанияз, не выносивший излишней церемонности, и опустился на ватное одеяло. Юнус и Турди сели перед ним. — Слизь-скользь не разводите, говорите правду, зачем пришли, — хмуро сказал Ходжанияз.

— Мы не намерены, хаджи-ата, заниматься пустыми разговорами. Скажу прямо: мы представители Шэн Шицая.

— Знаю, что вы послы, вот и принял. Не тяните, говорите открыто.

— Шэн Шицай хочет заключить соглашение с вами, хаджи-ата.

— Хм... — Ходжанияз чуть подумал, ухватив, как обычно, кончик бороды. — А сдержит ли обещания нечестивый обманщик? — уставился он на Юнуса.

— На этот раз он пообещал подписать официальное соглашение при свидетелях.

— Что предлагает нечестивец? Или, как и прежде, дурачит пустыми посулами?

— Создать объединенное правительство на основе участия обеих сторон. Вам — пост заместителя председателя. Махмуту Мухиту — место командующего национальными войсками в Кашгаре, остальным — департаментские и окружные должности, смотря по положению...

— Только-то? Нет, я должен быть председателем. Не согласится — пусть пасет свиней этот нечестивец!

Юнус почуял склонность к соглашению, потому что его предложение

не было отвергнуто сразу. Он проговорил:

— Я уйгур. И считаю: продавать интересы уйгуров — тяжелее смерти...

— Не трещи много, говори о деле, — перебил Ходжанияз.

— Хорошо. Вы решили воевать. Как вы справитесь с Шэн Шицаем, если не устояли против Ма Чжунина? Кто не знает, хаджи-ата, что солдаты ваши разбежались, а от республики остался пустой звук? Можно при таких обстоятельствах выстоять и против Ма Чжунина, и против Шэн Шицай? — Вопросы Юнуса были предельно откровенны.

— Хотан и Яркенд в моих руках, солдат соберу заново... — Ходжанияз проглотил конец фразы, будто сам не верил сказанному.

— Мы не преувеличим, если скажем, что войско Шамансура разбито наголову. Да еще известно, что хотанцы не намерены объединяться с вами. — Слова Юнуса звучали уверенно и решительно, словно сказанные самим Шэн Шицаем.

Ходжанияз ухватил жесткую свою бороду, прикусил ее кончик, задумался. «Шэн Шицай знает о моем тяжелом положении. Почему же он хочет соглашения со мной? Нет, здесь кроется какая-то тайна...» — сомневался он.

— Сейчас, хаджи-ата, лучше избежать напрасного кровопролития. Шэн Шицай весьма потворствует вам — и в большом, и в малом.

— Когда я встретился с Шэн Шицаем в селении Шуймогу возле Урумчи, тоже присутствовали беспристрастные свидетели со стороны. Тогда пройдоха обещал Южный Синьцзян. Теперь его обещания стали скупее.

— Но сейчас и обстановка не та, хаджи-ата. От возможности соглашения недалеко и до чаши сожаления, если отвергнете предложения Шэн Шицай. — Юнус начал овладевать ходом беседы. — Он обещает с сегодняшнего дня взять на себя расходы по содержанию подчиненных вам солдат.

— Подумаем, посоветуемся, — растерянно произнес Ходжанияз. Он уже столкнулся с трудностями — не хватало оружия, снаряжения, продовольствия.

— С кем вам советоваться? Время острое, что-нибудь изменится, не упускайте момента, хаджи-ата.

— Посоветуемся с Сабитом-дамоллой, с Махмутом...

— Лучше не вмешивайте в это дело Сабита-дамоллу. — Юнус придвинулся к Ходжаниязу и прошептал: — Вы, верно, не знаете, что Сабит-дамолла и Ма Чжунин ищут возможности сближения?

— Где услышал? — строго спросил Ходжанияз, повернув побледневшее лицо к Юнусу.

— Вот, бог свидетель, Турди-байвачча, он богатый купец, в политику не вмешивается, пусть сам скажет.

Турди не участвовал в беседе, а когда Юнус показал на него, со страху позабыл, что говорить.

— Я ведь правду сказал, Турди-байвачча? — обратился к нему Юнус.

— Сабит-дамолла дважды просил меня быть послем к Ма Чжунину. Я, Гази-ходжа, ссылался и на то, и на другое, не позволил ухватить себя за хвост, — ответил заранее подученный Турди.

— Пройдохи! Все пройдохи! На душе одно, на языке другое! Мям-мям... — Ходжанияз крепко ухватил бороду. Густые, сросшиеся брови вздыбились, глаза засверкали огнем. Турди испугался его дикого вида. «Правду говорили, что он придушил многих. Пришли послами, а уйдем побитыми...»

— Верить или не верить сынам человеческим, подсказывают обстоятельства, — Юнус будто посыпал солью рану Ходжанияза. Он начал сетовать на назиров республики, но Ходжанияз протянул руку:

— А вы двое... Вы, шлюхи, ищите выгод у двух хозяев. Нет вам веры. Если вы послы, почему не прислали с вами ни одного китайца?

— Откровениями аллаха клянемся — мы чистосердечные послы. Мы едва пробрались сюда тайком от Ма Чжунина. Ладно, не верьте нам, пусть прибудет китаец, — сказал Юнус.

— И мы хотим жить, хаджи-ата. Сами знаете, что я не жалел во имя ислама ни денег, ни продовольствия, — пролепетал Турди. И подумал: «Пропади он, пост назира финансов. На каждом шагу опасности, о боже!»

— Вы не будете возражать, хаджи-ата, — спросил Юнус после затянувшейся паузы, — если мы сообщим Шэн Шицаю, что пришли к соглашению?

— Подождите пять дней, — ответил Ходжанияз.

Он вызвал Сопахуна и приказал проводить послов.

На воротнике кителя Шэн Шицая петлицы генерал-полковника, на левой стороне груди пожалованный Чан Кайши орден. Дубань расхаживает по кабинету. В походке его отражается состояние человека, довольного плодами проделанной работы. В прищуренных узких веках лукавая

улыбка. «Победа обеспечена, — шепчет он. — Теперь надо определить политическое направление, соответствующее внутренней и внешней обстановке...»

Быстро подошел к рабочему столу, сел, взял кисточку для письма, задумался, собираясь что-то написать на чистом листе бумаги. И вновь углубился в размышления. Вошел личный секретарь, сообщил, что в приемной ожидает начальник управления безопасности Чжао.

— Пусть войдет, — разрешил Шэн Шицай.

Осторожно переступая, Чжао подошел, сел на стул против стола Шэн Шицай.

— На, прочти, — дубань протянул телеграмму.

Чжао прочел и, возможно, не смог удержать радости, вскочил с места.

— Ходжанияз отошел-таки от Сабита!

— Садись. Конечно, выход Ходжанияза из Восточнотуркестанской республики облегчает наше наступление против Ма Чжунина. Однако вполне вероятно попытка Сабита-дамоллы объединиться с Ма Чжунином. Какие есть данные о последних шагах Ма Чжунина?

— Ма Чжунин пытается расширить свое влияние, используя авторитет религиозной знати.

«Хе! — мысленно усмехнулся Шэн Шицай. — Он собирается управлять Синьцзяном с помощью, так сказать, религиозного оружия, как некогда генерал-губернатор Ян... Ну не смешно ли, когда мальчишка, сопляк Га-сылин прилаживает к себе застарелые, выброшенные на свалку доспехи?» На не улыбочивом лице Шэн Шицай проступила ироническая ухмылка.

— Ма Чжунин распространил объявление о том, что не будет в течение трех лет взимать торговых пошлин...

— А сам он протянет ли три месяца? — Шэн Шицай вскочил, будто собрался вlepить Чжао оплеуху. Всегда серые его щеки посерели еще больше.

Пусть Ходжанияз стал заодно с Шэн Шицаем, но военная угроза со стороны Ма Чжунина пока существовала. Особенно опасался Шэн Шицай, что Ма Чжунин надолго закрепится в населенных сплошь уйгурами — почти пятью миллионами уйгуров — Аксуском, Яркендском, Кашгарском и Хотанском округах и объединится с Сабитом-дамоллой. Поэтому Шэн Шицай решил ускорить, с одной стороны, военное наступление, а с другой — посеять распри между Сабитом и Ма Чжунином.

— Одновременно с наступлением наших войск части Ходжанияза должны ударить по Ма Чжунину с тыла. Для этого надо доставить как

можно скорее Ходжаниязу оружие и снаряжение. Юнусу накажи всеми средствами препятствовать сговору Сабита с Ма Чжунином.

— Есть, господин дубань, — склонил голову Чжао.

— Белые русские много помогли нам. Но до конца им доверять и отпускать поводья нельзя. Белый генерал Бектеев сейчас командует Южным фронтом. Ни на минуту не спускать с него глаз! — Шэн Шицай отдал еще не-сколько запутанно-замысловатых указаний. — А теперь, — произнес он, покончив с распоряжениями по организации шпионажа и раздоров, — скажи, что ты думаешь о будущем Юнуса и Турди? — Дубань впился взглядом в Чжао.

Тот не понял, с какой целью задан вопрос. Он считал, что эти преданные агенты должны быть удостоены особенных наград, они хорошо проявили себя, сея рознь между уйгурами и дунганями, науськивая одних почитаемых людей на других. И Чжао ответил:

— Уважаемый господин дубань, вы же сами пообещали Юнусу высокий пост председателя во вновь организуемом правительстве.

— Хе! Пусть Юнуса сделают председателем уйгуров на том свете!

— Но...

— И не задумывайся! — вытаращился Шэн. — Им известно многое!

— Есть...

— Ты должен убрать их в тот день, когда наши войска займут Кашгар.

«О небо, неужели и меня ждет такой же исход?» — ужаснулся Чжао. По побледневшему, как стена, лицу Шэн Шицай догадался о его переживаниях.

— Если сохранять жизнь отступившимся от своего народа предателям, власть не удержишь. Пойми: нужно время от времени обновлять состав таких изменников, убирая отслуживших.

— Есть...

— Юнусу дай телеграмму с благодарностью от моего имени за проделанную работу. Особо укажи, что через немного дней он станет председателем.

— Есть...

— Доставку военного снаряжения и материальной помощи Ходжаниязу организуйте через Юнуса. Возможно, это будет его последнее задание.

— Есть, господин дубань! — Старательно отдав честь, Чжао вышел.

Сопахун оставил на улице вооруженного бойца, а сам вошел во двор. Заман не ждал гостей в такой поздний час, он что-то записывал в дневнике и с карандашом в руке уставился на приятеля.

— Одевайтесь побыстрее, Заман. Махмут Мухит зовет.

— Вот как? Произошло что?

— Не знаю. Но вроде есть какие-то перемены.

— Перемены? Уж не на Тибет ли пойдем? — перевел на шутку Заман.

— В нашем положении и это не исключено.

— А еще какие новости?

— Наверное, новое оружие получим.

— Как это? Правда? — Заман так и замер, глядя на Сопахуна. — От кого? Ничего не понимаю...

— От кого и почему — не знаю. Хаджи-ата приказал Моллахуну принять оружие.

— Значит, в недавних ночных встречах наверняка есть какая-то тайна.

— Не сегодня завтра все станет известно. Идемте.

У Махмута Заман и Сопахун застали Моллахуна, Хамдулла-бека, полковника Амата и известного проводника караванов Зайдина.

— Входи, садись, сынок, — пригласил Замана Махмут. Заман сел рядом с Сопахуном.

— Если век не идет за тобой, ты иди за веком, такая есть, поговорка, — продолжал Махмут. — По обстоятельствам, по требованиям времени в наших целях произошли кое-какие изменения. Мы пришли к официальному соглашению с Шэн Шицаем...

— Что?

Махмут не удивился вопросу, вырвавшемуся одновременно у Замана и Сопахуна.

— Конечно, с первого взгляда эти изменения удивляют, — участливо сказал Махмут. — Но для нас другого пути нет. Заключив соглашение, мы сможем сохранить оставшиеся силы и позиции.

— А есть ли надежда, что китайские чиновники станут искренними друзьями? — спросил Хамдулла-бек.

— Надежда в том, — ответил Махмут, — что в состав нового правительства войдут представители обеих сторон. В Кашгаре сохраняются национальные воинские формирования под моим командованием.

— Начальство видит дальше нас. Потому мы начальству верим. Только...

— Говори, сынок, не стесняйся. И ты ведь занимаешь свое место среди нас, — подбодрил Махмут Замана.

— Сможет ли это «новое правительство» отвечать нашим желаниям?

Старшие не ожидали от Замана такого острого вопроса. Они растерянно переглянулись.

— Будем придерживаться соответствующей требованиям времени политики и отстаивать национальные интересы, — ответил Махмут.

— Все знаем, что положение тяжелое. Просто нет другого выхода, кроме соглашения, — добавил Моллахун.

— Теперь не время колебаться — надо разъяснить другим. По соглашению Шэн Шицай предоставляет нам оружие и снаряжение. За прием его отвечает Моллахун. Зайдин поведет караван. Если и тебя назначим на это дело, Заман, что скажешь? — спросил Махмут.

Заман не ответил. Он сидел, опустив голову. Он не доверял соглашению. Разве не станет их положение совсем гибельным, если Шэн Шицай смошенничает?

Юнус-байвачча больше не мог сдерживать ликования. Вновь и вновь перечитывал он телеграмму:

«Достойны особой награды за проявленную активность. До вступления в должность председателя остались считанные дни.

Шэн-дубань».

Юнус завернул ее в шелковый лоскут и бережно спрятал во внутренний карман. В честь такой радости сейчас готовилась пирушка в узком кругу. Он надел дорогой костюм, который носил в Шанхае, и рассматривал себя в зеркале, размышляя о том, что будет делать, когда станет председателем.

Вошла Чжу-шожа:

— Чем занимаешься, Ю-шангун?

На ней сегодня атласное платье, в ушах золотые серьги, на руках круглые золотые браслеты, на голове расшитая цветами тубетейка — в

общем совсем как шестнадцатилетняя девушка. Она была обворожительна, и Юнус не утерпел, поднял ее на руки и закружился по комнате. Потом, продолжая обнимать, усадил к себе на колени.

— И та прожорливая тварь придет? — Чжу-шожа игриво потянула Юнуса за нос.

— Придет. Он не помеха нам с тобой, шожа. А к твоим ушкам ничто, кроме бриллиантов, нейдет. — Юнус коснулся языком похожих на пельмешки ушей китаянки.

— Чтоб порадовать тебя, я оделась по-уйгурски.

— Спасибо! И я из-за тебя лишь скрываюсь, душа моя.

— И я за тобой лишь поехала в эту дыру. Ах, Шанхай мой...

— Осталось недолго. Теперь не Шанхай — Париж, Лондон, Рим... Весь свет объедем. — Юнус прижал китаянку к сердцу.

— Осторожно, спину сломаешь, медведь...

— Тебе надо теперь называть меня чжуси — председателем.

— Нет, из тебя председатель не получится. Ты лао мэй-мэй — старый торгаш!

— Сучка! — В горькой обиде Юнус сбросил ее с колен, шожа шлепнулась возле порога.

— Эй-я! — Она, согнувшись вдвое, жеманно замерла на полу.

Раскаиваясь в своей грубости, Юнус поднял китаянку, уложил на кровать.

— Душенька шожа, не сердись! Прости меня, сделаю все, что захочешь...

Чжу-шожа не двигалась, будто лежала без чувств. Не добившись ничего уговорами, Юнус стянул с нее чулки и начал целовать ноги. Всхлипывания прекратились. «Лижи, старая скотина, лижи. Ты у меня еще не те места оближешь...» — думала она.

Вдруг шожа пнула пяткой Юнуса в лоб и соскочила на пол, Юнус преградил ей путь:

— Куда?

— Пусти!

— Простишь меня?

— Что обещаешь?

— Пару бриллиантовых перстней.

— И только-то?

— Две пары!

— Простила. — На лице ее заиграла улыбка, Чжу-шожа пальцами прищемила Юнусу нос, насмешливо протянула: — Чжуси-и, — и

выскочила.

Будто по ее следам, тут же вбежал Турди, размахивая руками:

— Дело плохо! Дело плохо!

— Что, что случилось? Да не маши, говори без причитаний!

— Ибраим... Ибраим... Ибраим попался!..

— Подлец! — бессильно сел Юнус.

Турди даже сейчас, увидев всевозможные яства, не смог сдержать себя, сделал шаг к столу, но остановился из боязни перед Юнусом.

— Как он попался?

Когда разбрасывал листовки.

— Погибли! На первом допросе он все выложит да еще будет глаза тарашить. Черт возьми! — Юнус заходил по комнате.

— Можно ли было доверять слабому человеку важное дело?

— Да хватит тебе, — отмахнулся Юнус. Он и так уже бранил себя. — Теперь нам нельзя оставаться, — решил он. — Надо найти укромное местечко за городом.

— Вернее, чем мой сад в Когане, места нет. — Турди снова взглянул на стол.

— Не годится. Надо найти такое место, о котором не знает Ибраим. Если попадемся, Ма Чжунин вывернет наизнанку наши шкуры.

— О святые защитники наши! Не говорите так, байвачча! — У Турди прошла дрожь по рукам и ногам.

— Есть у тебя приятели шейхи среди кладбищенских старцев?

— Ну как же нет, байвачча! Я многих знаю.

— Я спрашиваю не о знакомых, а о надежных, — одернул Юнус.

— Надежен Ислам-шейх при гробнице Аппака-ходжи. Он в каждый рамазан^[41] разговляется весь месяц в моем доме. — Турди теперь уверенно подошел к столу. — Я не обедал сегодня, мой желудок обточился, как оселок. — Он ухватил приготовленную под паром курицу.

— Оставьте! — крикнул Юнус. — Надо заботиться о жизни, а вы заботитесь о брюхе.

— Как говорится, принимать еду — наслаждение и выводить еду — наслаждение. — Не обратив внимания на упрек Юнуса, Турди оторвал куриную ножку.

«Тварь!» — с ненавистью подумал Юнус, грубо отстранил его и раздраженно сказал:

— Разыщите сначала своего демона шейха, притащите для троих войлочные одежды одержимых дервишей, а потом уж тяните руки к блюдам!

— Ладно. — Турди, недовольный, вышел.

Юнус взглянул на часы. Восемь. Ворота крепости закрывают в десять. Нужно успеть. «Чуть-чуть не попался. А ведь будут мучить, если схватят... — Юнусом овладели сомнения. — И зачем ввязался я в это дело? Чтобы стать председателем? Дадут ли мне в самом деле председательскую должность? Поговаривают, что Шэн Шицай кормит обещаниями — как из тысячи грудей. Так не подсовывает ли он мне пустой сосок?.. — Мысли его будто натолкнулись на что-то, а сердце беспокойно забилось. — У меня тысячи овец и лошадей, земля, капитал... Чего еще не хватало? Разъезжал в свое удовольствие с торговлей от Ташкента до Тяньцзиня и Шанхая... А теперь на каждом шагу опасности, страхи...»

— Ты что, бредишь? — появилась в двери Чжу-шожа.

— Еще какие-то новости? — спросил Юнус.

— На, читай.

Юнус взял только что полученную телеграмму:

«Аксу взят. На этой неделе начнется наступление на Кашгар.
Активизируйте разлагающую работу.

Чжао».

— Приказы! Приказы! — заскулил Юнус. Он хоть и был доволен быстрым продвижением шэншицаевских войск, однако сейчас, после ареста Ибраима, его больше всего заботило, как сохранить голову на плечах. — Собирай вещи! Упакуй получше радио!

— Так ведь едва неделя, как мы здесь!

— Обстоятельства требуют.

— Ты так переменялся... Кто похитил твою радость?

— Нечаянная нелепость... — Юнус решил скрыть происшествие с Ибраимом.

— Подожди-ка... — Шожа подошла совсем близко. — Ты не хочешь сказать мне, что тебе это надоело?

— Что? — испугался Юнус.

— И я сыта по горло шпионством!

— Шпи-он-ством? — выдохнул Юнус. Он не считал себя шпионом. Пожалуй, даже гордился, что он соратник Шэн Шицай. Слово «шпион» оскорбило его.

— Да, да, мы профессиональные шпионы, — повторила шожа. — И не вырвемся из когтей Шэн Шицай до самой смерти.

— Не болтай глупостей! — Юнус подумал, что она ловит его на слове.

— Не веришь — воля твоя. Когда наступят черные дни, поймешь все, шпион. — Чжу-шожа вышла.

«Ну и наговорила! Или насмеялась? Нет, шожа сказала правду. Жизнь того, кто знает многие тайны, может укоротиться. Шэн Шицай, чтобы скрыть следы, способен... и меня... Господи! — На лбу Юнуса выступил холодный пот. Он выпил две рюмки коньяку, глубоко вздохнул. — А! Не жаль и умереть за то, чтоб хоть день побыть председателем Синьцзяна...» — решил он, и к нему снова вернулась уверенность.

Вошел Масак, даже не поздоровался. Юнус вздрогнул, внезапно увидев его.

— Ты откуда взялся?

— Хи, вот! — Масак вытянул из-за пазухи пачку листовок.

— Где взял?

— Баба Ияима...

— Чего болтаешь, бестолочь!

— Ияима схватили...

— А ты жену Ибраима откуда знаешь?

— Хи, чего ж не знать! Кому не известна шлюха Шерек?

— Ну, поганцы... Все запакостили! — Юнус вышел из себя. — Кто дал тебе эти бумаги?

— Шерек, подлая...

— А она где взяла?

— Хи, кто знает?

— Астахирулла! Боже сохрани!

Юнус не знал, что предпринять. Он обошел комнату, у него кружилась голова. Хотел тут же пристрелить Ма-сака из маленького пистолета, который всегда лежал у него во внутреннем кармане, но передумал:

— Ты посиди в передней.

— Хи, ладно. — Масак бросил взгляд на еду, облизал углы широкого рта и с тоской посмотрел на Юнуса.

— Захвати с собой мясо с блюда, ешь!

— Хи, спасибо. — Масак схватил блюдо и вышел.

«Если скотина Масак попадетсЯ, выдаст на первом же допросе... Подлец Турди! Набрал идиотов, одни беды от них. Только бы Замана прикончить! Как не станет его, пусть меня хватают...»

Юнус открыл чемодан, достал склянку величиной с мизинец. Жидкость из склянки вылил в начатую бутылку коньяка, встряхнул

несколько раз, вышел в переднюю.

— Пьешь, Масак?

— Хи, чего ж не пить. — Тот проглотил кусок мяса.

— На! — Юнус протянул коньяк.

— Хи, спасибо!

— Никуда не уходи, понадобится.

— Хи, ладно.

Едва Юнус прикрыл за собой дверь, Масак вылил коньяк в пиалу и выпил, не отрываясь. Он съел половину мяса, когда вдруг сильно заколотилось сердце. «Шальная сила у этой водки, — подумал он, взглянув на дверь, — жаль, нет еще...» Минут через пять его стало мутить, голова закружилась. Тело пронизали судороги. Масак с трудом встал, шагнул два раза и рухнул, как подпиленный ствол. При падении голова его ударилась в дверь, распахнула ее...

3

Сабит-дамолла, как покоровившийся судьбе человек, с терпением и выдержкой перенес разгром и, покинутый всеми, уединился в своем доме.

Взяв Кашгар, Ма Чжунин в тот же день через Бэйда пригласил Сабита к себе. Обещал сохранить ему звание шейх уль-ислама, но дамолла отклонил приглашение. Ма Чжунин не отступался. Он хотел использовать влияние шейха в народе и неоднократно присылал послов. Сабит-дамолла ответил наконец резко: «В мои намерения не входит ни признавать, ни отвергать Га-сылина...»

Сегодня Бэйда снова появился в покоях Сабита-дамоллы. Эта встреча не прервалась сразу, в отличие от предыдущих.

— Действительность и создавшиеся условия принуждают Га-сылина и меня, обоих вместе, сойти с политической арены, — заявил Сабит-дамолла.

— Поразительно! — не скрыл удивления Бэйда. — Вы, уважаемый дамолла, вместо того чтобы поддержать Га-сылина, призываете его отказаться от деятельности!

— Почему вы не хотите понять, что история уже приговорила по своим законам — и Га-сылина, и меня?

— Вывод, достойный удивления. Значит, по-вашему, Шэн Шицай достиг победной вершины?

— Так, милый мой, именно так, — решительно подтвердил Сабит и, подумав немного, выпрямился. — Шэн Шицай одержал верх не потому,

что был сильнее, а потому, что он гибкий политик и действовал в соответствии с требованиями времени.

— Вы имеете в виду, что он добился поддержки Союза Советов, дамолла?

— Конечно! Я на своем опыте убедился и хоть поздно, но понял: русские не будут беспечно наблюдать, как в одной пяди от их границ враждебные силы пытаются действовать против них.

— Не могу поверить, что ваше превосходительство вдруг стали восхищаться внешней политикой русских! — Бэйда мысленно усмехнулся.

— Практика в конце концов показывает, что век не считается с тем, восхищаемся или не восхищаемся мы и подобные нам противники красных русских их внешней политикой, так? А кроме того, не находимся ли мы *а* тылу китайских коммунистов?

— Следовательно, просчитались: мы — доверившись Японии, а вы — Англии?

— Ответ — в нашем собственном нынешнем положении, ваше превосходительство, Вы искали покровительства на востоке нашего мира — у Японии, мы — на западе, у англичан. Мы сыты пустыми обещаниями. По существу, мы закрыли глаза на требования века, обрядились в ветхие лохмотья. Теперь глаза у меня открылись, я понял, что одряхлевшие силы не только не сумеют овладеть Восточным Туркестаном, но и не удержат в когтях захваченное раньше: Англия — Индостан, Япония — Маньчжурию.

— Однако в нашей борьбе внешняя поддержка не основное условие победы, не так ли, ваше превосходительство? Ведь можно объединить внутренние силы!

— Опоздали. Шэн Шицай успел раздробить их. Столкновение Ходжанияза с Ма Чжунином ярко доказывает это.

— Таким образом, вы отреклись от исламского единения, дамолла?

— Нет! — вздернул руки Сабит. — Умру, но от цели своей не откажусь! Я повторил лишь то, что сложилось на практике, только!

— Мне, лично мне, очень не хотелось, чтобы народ Восточного Туркестана был вновь обречен на произвол китайских властителей.

— Мы опять повторили ошибки прошлых воин за освобождение. Верю, что освободительная борьба не пришла к концу. Народ почувствовал вкус свободы и независимости. Будущие борцы за свободу, возможно, не повторят нас, найдут путь, соответствующий времени...

— Благодарю за открытую сердечную беседу, уважаемый дамолла. — Бэйда по-дунгански наклонил голову, но вместо того, чтоб распрощаться, остановился у двери. — Что же сказать мне Га-сылину?

— Воля ваша, Бэйда. В нынешнем моем состоянии нет разницы между злобой и благосклонностью окружающих.

Глава девятнадцатая

Кашгарцы, можно сказать, все высыпали на улицы, на плоские крыши домов — смотрели вверх. В высоком небе, раскинув по-орлиному серебристые крылья, кружила в воздухе железная птица. Она не опасалась нацеленных в нее выстрелов — мало-помалу опускалась все ниже.

— Эй, люди! Это и есть айлипран! Укрывайтесь в доме! Сейчас с неба бомбы полетят! — закричал кто-то сведущий.

— Разбегайтесь! Если у бомбы разрывается брюхо, то дома переворачиваются крышей вниз! — крикнул другой.

— Вот оно: когда с неба посыплются беды — придет конец света!

— Столько пуль выстрелили — и никакого толку!

— О всевышний! Невиданное показал, охрани теперь от бед и напастей...

Это был первый самолет над Кашгаром. Люди хоть и побаивались, а все же не расходились, продолжали смотреть вверх. Самолет заметно уменьшился, потом, наклонившись носом, заскользил вниз, как голубь турман, и точно в этот момент из него посыпалось в небо что-то белое, как снег.

— Вот вам! Не говорил ли я! — раздался опять голос сведущего человека. — Это и есть белая бомба!

— Беги! Бегите!

Поднялся шум. Находившиеся здесь Шапи и Аджри взобрались повыше, закричали, что было сил:

— Братья, не бегите!

— С неба падают не бомбы — бумажки!

— Кто пугал бомбами — подстрекатели!

Некоторые остановились. Листовки опускались на крыши и улицы, устилали землю, будто листвой. А самолет улетел к северу.

— Почитаем. Кто грамотный?

— Я прочту! — И Аджри начал читать:

«Люди Кашгара! Вы теперь идете к свободе! Мы с Ходжаниязом-хаджи заключили соглашение и прекратили воевать. Если Ма Чжунин сложит оружие подобру, и его не оставим в стороне. А если вздумает сопротивляться — грех будет

за ним, мы сотрем его с земли! Положим конец многолетней войне, установим мир и спокойствие...»

У людей не хватило терпения дослушать листовку до конца, они загудели:

— Ходжанияз сторговался-таки с Шэном!

— Хе, как бы и нас не продал?!

— Что произошло? Все в голове перемешалось!

— Верно говоришь. Кому из них верить?

— Прекратили воевать, наступил мир — это хорошо.

Появился конный патруль. Солдаты стали собирать листовки, а людям предложили разойтись. Применять силу, как прежде, не стали.

— И что вы скажете? — спросил Аджри по пути домой.

— Ты о чем?

— Я о соглашении Ходжанияза с Шэн Шицаем.

— Дело конченное, — удрученно ответил Шапи. — Опять обречены будем на рабские оковы — снова одурачили нас...

Больше они ни о чем не говорили. В этот момент оба не могли ни размышлять, ни беседовать.

Ма Чжунин расхаживал по комнате, ощущая себя зверем в железной клетке. Он обложен со всех сторон. Лицо его, лишенное всякого выражения, напоминало скорее всего лицо человека, решившего покончить с собой. Он овладел Кашгаром, но надежда собрать силы для борьбы с Шэн Шицаем оказалась несбыточной. Какая-то часть высших слоев духовенства и корыстолюбцев поддержала его, однако народ не поверил и не пошел за ним. Шэншицаевские и зарубежные агенты препятствовали его деятельности, мешали на каждом шагу, а теперь войска Шэн Шицая и Ходжанияза окружили и начали сжимать с обеих сторон.

Ма Чжунину не хочется даже смотреть на лежащее на столе письмо. Это проклятое письмо — требование Шэн Шицая. Дубаню хочется безоговорочной капитуляции. В случае мирного разоружения с просьбой о пощаде Ма Чжунину и его соратникам предусмотрены «соответствующие» должности. Слово «капитуляция» для Ма Чжунина тяжелее смерти. Гордый, безгранично уверенный в себе «юный командующий» понимал неизбежность разгрома, но честь не позволяла ему покориться

беспомощной безвыходности. С отяжелевшей от дум головой Ма Чжунин решил последний раз посоветоваться со своими соратниками и пригласил их.

Пришли Ма Шимин, Ма Хусян, Бэйда, Ма Чжинсян. Четыре «чахарских утеса» не думали о печальном повороте в своих судьбах. Они сочувствовали Га-сылину, которого сами вырастили, сами возвысили до главнокомандующего, и сейчас, в самый тяжелый момент, они не отвернулись от него. Они стояли, готовые без колебаний тут же выполнить все, что скажет Га-сылин.

— Что будем делать, братья? — голос командующего был по-обычному спокоен.

— Заявляем о готовности исполнить ваши пожелания, — проявил уважение Ма Шимин.

— Нет, говорите вы, я так хочу.

— Будем драться до последнего! — задиристо предложил Ма Хусян.

— Лучше действовать сообразно обстоятельствам. Война не избавит нас от гибели, кроме того, народу...

— У тебя до самой могилы, наверное, слово «народ» не сойдет с языка! — фыркнул на Бэйда Ма Хусян.

— Именно так, — дал отпор Бэйда. — Мы не получили поддержки народа и вот до чего дошли.

— Бэйда прав, — произнес Ма Чжунин. — Мы ошиблись, когда с самого начала не прислушались к пожеланиям здешнего народа, и теперь остались в одиночестве, — сказал он тоном человека, жалеющего, что слишком поздно осознал допущенную ошибку.

— Вывод Га-сылина справедлив. Мы не отличали врагов от друзей. Поэтому...

Ма Хусян опять перебил:

— Что нам делать теперь?

— В нынешнем положении продолжать войну значит совершить глупость, — резко бросил Га-сылин.

— Иными словами, соглашаемся с условиями Шэн Шицая, уважаемый Га-сылин? — нервно спросил Ма Хусян. Он набил табаком китайскую трубочку, раскурил ее, заполнив комнату удушливым дымом.

— Сдаваться не будем! — твердо сказал Га-сылин. Он внимательно оглядел каждого из соратников. — Мое решение: прославленную тридцать шестую дивизию сохранить, командиру дивизии Ма Хусяну взять Хотан, Я выезжаю за границу искать помощи...

Военачальники, словно не поверив своим ушам, переглянулись. Но

никто не осудил и не одобрил решения Ма Чжунина. В комнате воцарилась тишина, какая бывает, когда люди покоряются судьбе.

— Это мое последнее решение! — Ма Чжунин как бы подводил итог собственной жизни и деятельности...

3

Невзрачный по природе Бугра усох еще больше, сделался совсем маленьким. Трагическая гибель младшего брата Шамансура, падение республики, переход Ходжанияза к Шэн Шицаю и, наконец, начавшееся продвижение дивизии Ма Хусяна к Хотану развеяли в прах излюбленные мечты Бугры. «Падем и в этот раз — когда-то встанем? — печалился он. — Ма Хусян идет ка Хотан, устоим ли? А очень скоро Шэн Шицай, несомненно, выгонит Ма Хусяна. В какую силу мы, в сущности, верили? Чему — могуществу аллаха или соблазнам иностранцев?»

Будто невидимая сила подняла его, он вскочил и принялся разыскивать что-то среди книг на полке. Книги теперь валялись в беспорядке, а Бугра продолжал ворошить их, ища ответа на вопросы.

— Вот, вот они, доказательства того, кто такие уйгуры! — закричал Бугра, отобрав несколько книг по истории. Это были «Всеобщая история», «Записки по уйгуро-тюркской истории», «Записки Бабура», «Китайская история», «Тамерлан», «Мустафадел ахбар», «Талифекел ахбар». Он раскрыл «Тарихи Рашиди» мирзы Мухаммед-Хайдера. — Это ли не доказательство? Оставим древние времена — всего четыре с половиной века назад образовался Восточнотуркестанский султанат, наши предки основали государство Саидия, почему же мы не можем добиться самостоятельности?..

Нияз-алам и вошедшие с ним четыре человека были поражены видом Бугры.

— Кто-то огорчил вас, ваше сиятельство? Мы зайдем потом. — Нияз-алам приготовился уйти.

— Никто, кроме самого себя, меня не обидел, господа. — Бугра жестом пригласил гостей в соседнюю комнату. — Садитесь.

— Что будем делать? — спросил Нияз-алам.

— А как думаете вы?

— Пролить кровь бессмысленно. Если бы договориться с Ма Хусяном.

— Договориться? — задумался Бугра. Он сам пришел к такому же

выводу несколько дней назад, но нервное расстройство и тяжелые беспорядочные размышления не позволили прийти к окончательному решению.

— Нам выгоднее договориться, — повторил Нияз-алам.

Так же думали и вошедшие с ним.

— Договоримся или нет — в любом случае Ма Хусян овладеет Хотаном. А потом станет хозяйничать Шэн Шицай, — скорбно сказал Бугра. — Самое подходящее — сдать Хотан по доброй воле.

— Значит, сами отрекаемся от власти?

— Да, — вздохнул Бугра. — Верх взял Шэн Шицай. А условия для него создали мы.

— Наузямбилла! — горестно вздохнули деятели хотанского правительства в ответ на жестокие, но соответствующие реальной правде выводы Бугры. Они поняли, что все уходит из их рук, никакие попытки не помогут им сохранить власть. Однако, уповая на аллаха, они ожидали еще какой-то призрачной помощи.

Недолго тянулось последнее совещание «узкого круга» правителей «хотанского исламиата». Как дунгане покорились намерениям Ма Чжунина, так и хотанцы в один голос поддержали предложение Бугры:

1. Пойти на уступки Ма Хусяну.
2. Припрятать казенное золото и серебро.
3. Махамматимину Бугре переправиться за границу, где создавать возможность «исцеления родины», а в подходящее время — и для «продолжения освободительной борьбы».

Просуществовавшее год с лишним «хотанское падишахство» с этого дня прекратилось...

Глава двадцатая

1

Как в детской игре «Войдешь — выскочу», одни войска входили в Кашгар, другие оставляли его. В тот день, когда мачжуниновцы бежали из города, туда вступили дивизия шэншицаевских войск со своим командиром и уйгурские отряды под командованием Махмута.

Ходжанияза на специальном самолете увезли в Урумчи. Кашгарцам

надоели частые, как непостоянная погода, перемены власти, последние события они приняли с безразличием, по поговорке: «Кого брат возьмет, та и невестка твоя». Три года грабежей и разбоев, убийств и лишений не успокоили людские души. Жители отчасти были рады тому, что в Кашгар вошли национальные отряды Махмута, однако присутствие в кашгарском Новом городе китайских солдат ощущалось так, будто рядом с овцой привязали волка. И все-таки время военного смятения миновало, начиналась «новая эпоха», и, чтобы громогласно возвестить о ней, была задумана грандиозная церемония на площади Хейтка.

Оповестили даже отдаленные селения, и народ стал стекаться на площадь. Перед глазами людей возвышалась наподобие шапки сцена, обшитая пестро-зеленоватым полотном, на передней ее стенке лозунги по-уйгурски и по-китайски: «Торжественное собрание кашгарского народа», «Да здравствует единение народов Синьцзяна!» В центре красовался огромный портрет Сунь Ятсена. По бокам трибуны установили государственные флаги, внизу разместились музыканты в военной форме.

— Кто это нарисован, смотрит как живой?

— Наверное, новый падишах!

— Нет, это тот самый Сунь Ятсен, которого прозвали отцом государства!

— Эх, сколько полотна ушло!

— Проповедь читать будут или какая бумага есть?

— Вон власти на сцену вышли!

— Посмотрите — музыканты, наверное, играть будут!

— Можно и без игры, дали бы жить.

Так толковал народ на площади.

Тем временем специальный представитель Шэн Шица генерал Гун, Махмут, должностные лица и почтенные люди заняли места на сцене. К трибуне вышел китаец с переводчиком.

— Внимание! — крикнул он, и поставленные следить за порядком призвали народ стоять тихо. — Торжественное собрание народа объявляю открытым!

Духовой оркестр заиграл государственный гимн, и на высокую гладкую жердь посреди площади подняли флаг.

Должностные лица во главе с Гуном стояли, вытянувшись в струнку, пока не прекратился гимн.

— Будет говорить Гун-сылин! — объявил председатель собрания.

Гун, одетый просто, вышел к трибуне и по-военному; отдал народу честь. Он принадлежал к демократическому течению среди сторонников

Шэн Шицая и считался народолюбом. Прежде чем начать говорить, Гун сочувственно оглядел плохо одетых, с землистыми лицами людей, испытавших тяжкие притеснения.

— Почтенные граждане, уважаемые кашгарцы! Считайте, что с сегодняшнего дня установились мир и спокойствие. Народ Синьцзяна вынес много мучений под гнетом жестоких и жадных чиновников, иностранных грабителей, подвергся разорению, был отстранен от света знаний. Национальное унижение вылилось в кровавую трагедию. И вот мы избавляем вас от унижения...

— Слова этого китайца радуют мои уши, — Аджри толкнул локтем стоявшего рядом Шапи.

— Нужно ценить не по словам, а по делам.

— Он обличает китайских чиновников прошлого...

— Не впадай в ребячество, Аджри! — одернул Шапи. — Кто их знает... Сегодня насылят, а завтра насолят, К чему мы пришли, веря китайским чиновникам?

— ...восстановить разоренное народное хозяйство, — продолжал Гун, — привести в порядок пути сообщения, развивать культуру и просвещение — перед нами стоят великие задачи строительства нового, процветающего Синьцзяна...

Гун долго расписывал будущее Синьцзяна, народное благосостояние, равенство национальностей. Свою речь он закончил словами:

— Да здравствует союз национальностей!

Слово взял Махмут.

— Люди! — поднял он руку. — Мы объединились с Шэн Шицаем и создали новую власть. Теперь весь народ будет здравствовать в равенстве. В Синьцзяне воцарится мир. В составе нового правительства будут представители местного населения. Делопроизводство пойдет на уйгурском и китайском языках. Откроются национальные школы, будут выходить книги и газеты на родном языке. Одним словом, мы перейдем к прогрессу...

Махмут больше говорил о национальных интересах:

— Мы готовы в любых условиях отстаивать национальное равенство и национальные интересы! Пусть народ верит нам...

После Махмута выступили представители разных отраслей хозяйства и разных профессий. Они заверили новое правительство в своей поддержке. В заключение торжественного собрания было громко прочитано несколько стихотворений, приветствующих новую власть.

— Кто знает, чем все кончится, но сейчас, без сомнения, начались

новые времена. А вы как думаете? — спросил Аджри у своего наставника Шапи.

— Проведут по мере возможности некоторые преобразования. Нужно пользоваться моментом. Что будет дальше — посмотрим. — И Шапи стал пробираться к трибуне, надеясь встретить Замана.

2

Вечером Гун-сылин устроил — банкет в зале «Титай-ямыня» в крепости Нового города. За два часа до начала банкета состоялась беседа между Гуном и Махмутом с участием только переводчика.

— По указанию Шэн Шицая, — начал разговор Гун, — нужно отправить в Урумчи Сабита-дамоллу. Что скажет ваше превосходительство Ма-сычжан? — Гун по китайскому обыкновению урезал имя Махмута до одного слога Ма и присоединил к нему название должности собеседника — сычжан, то есть командир дивизии.

— А для чего? — удивился Махмут.

— Дело в том, — начал обосновывать Гун, — что среди нас есть скрытые враги. Если они совершат покушение на Сабита-дамоллу, могут возникнуть недоразумения.

— Сабит-дамолла очень влиятельный в народе человек. Мы должны принять необходимые меры для обеспечения его безопасности.

— И я так думаю. Но окружающие его люди, не считая тех, кто бежал, могут оказать дурное влияние.

— Ничего не смогу сказать по этому поводу, ваше превосходительство Гун-сылин, пока не получу весточку от Ходжанияза-хаджи, — Махмут отвернулся.

Именно сейчас в его сердце зародилось подозрение, что Шэн Шицай предпринимает все это со злым умыслом. И действительно, Шэн Шицай намеревался отдалить Сабита-дамоллу от народа и поручил Гуну осмотрительно выполнить поставленную задачу.

— Телеграмму с просьбой отправить Сабита-дамоллу, в Урумчи подписал и его превосходительство Хо-фучжуси^[42]. Вот, сейчас покажу...

— Нет надобности, Гун-сылин, — остановил Махмут.

Подпись Ходжанияза на телеграмме означала, что Шэн Шицай заручился его согласием, чтобы не вызывать подозрений у Махмута.

— После перемены власти, — перешел к следующей теме Гун, — внутренняя чистка в любом государстве явление неизбежное.

— Что же, и мы в таком случае начнем расстреливать и рубить головы? — изумленно спросил Махмут.

— Кашгар — город сложный. В нем угнездились английские, японские и прочие шпионы. Прошедшей ночью произведено покушение на Юнуса и Турди.

— Почему мне об этом не известно? — Лицо Махмута побледнело.

— Чтобы не омрачать настроение вашего превосходительства перед народным собранием, я не известил вас с утра, — словно извиняясь, проговорил Гун.

— А убийцы, убийцы пойманы?

— Нет. И что стало с Юнусом, до сих пор не известно. Турди убит.

— Не странно ли? Как бы там ни было, а Юнуса надо найти...

— В том-то и дело. Возможно, его увезли с собой, — ответил Гун, и сам удивленный происшедшим. Он не знал, что убийство организовала разведка Шэн Шицая.

— Странно... — только и сказал Махмут. Сердце его охватили смутные подозрения.

— Потому-то и приходится проверку подозрительных личностей считать одной из самых необходимых мер, — произнес после затянувшейся паузы Гун. — Если же чистку не вести, империалисты, в частности английские, вновь могут поднять мятежи. Его превосходительство Шэн Шицай наказывал уделить особое внимание этому делу.

— Бежавшие из Ферганы и Оша басмачи Юсупа-курбаши и Османа еще недавно были источником многих смятений. Теперь они известили о признании урумчинского правительства. Они просят также о зачислении их в войсковые части. По-моему, этот вопрос лучше решить быстрее.

— Грабителей и тех, кто занимался резней, нельзя не разоружить, ваше превосходительство Ма-сычжан. А тех, кто по заблуждению пошел за ними, можно включить в национальные воинские части. Самый главный из басмачей — Джанибек-казы — закрепился со своими людьми в горах Улугчата. За его спиной, без сомнения, стоит Англия. Весьма важно найти способ разоружить его как-нибудь.

— Надо отправить парламентариев к Джанибеку и попытаться мирно решить вопрос.

— В таком случае оставим его на усмотрение вашего превосходительства, — заключил Гун — большой мастер применения китайского опыта по науськиванию мусульман против мусульман.

— Решитам виновен перед нами за прошлое, отдан приказ о его

аресте. Бывшие его бойцы включены в ряды национальных подразделений.

— Мера соответствующая, — одобрил Гун. — Стало известно, что английские подданные переправляют в Индию золото, серебро, ценности. При наших хозяйственных трудностях нужно решительно пресекать подобное вредительство.

— Конечно.

— Есть сведения, что в оставшихся в Каргалыке и Хотане мачжуниновских отрядах началось брожение. Уроженцы Ганьсу хотят на родину, а местные желают возвратиться к своим семьям.

— Мы должны гарантировать местным дунганам возможность вернуться к родным очагам и приступить к мирным занятиям.

— Уместное предложение. Завтра же отправим к ним делегатов с гарантиями.

Впервые после заключения соглашения представители обеих сторон в южной части Восточного Туркестана — Гун-сылин и Махмут-сычжан — обменялись мнениями по военно-административным и хозяйственно-экономическим вопросам. Но именно в это самое время Шэн Шицай, унаследовавший наиболее подлые черты великодержавного шовинизма китайских колонизаторов, не доверял Махмуту-сычжану и испытывал непроходящую тревогу из-за существования в Кашгарии уйгурских вооруженных подразделений. Поэтому одновременно с занятием Кашгара он, сосредоточив основные силы в Аксу, продолжал непрерывно пополнять кашгарские формирования китайских солдат и назначил для управления и военного контроля над югом Восточного Туркестана бывшего командующего Илийским военным округом, генерала Лю Бина. Вместе с тем он распорядился демобилизовать солдат из русских белогвардейцев-беженцев, оказавших ему огромную помощь в разгроме Ма Чжунина. Таким способом он искусно отвязался от использованных им «по найму» белых русских...

В штабе дивизии Замана ждал Сопакун.

— Идемте! — Еле успев поздороваться, он увлек приятеля в пустую комнату. — Значит, уезжаете в Кульджу? — Сопакун глядел в сторону, будто говорил кому-то третьему.

— Да. Что мне теперь здесь делать?

— А в Кульдже что?

— Поработаю в просвещении и культуре. К тому же мать, брат с сестренкой сколько лет горе мыкают...

— Нет, Заманджан, я чувствую в вас какое-то недовольство... — Соплахун вгляделся в глаза Замана.

— Мне досадно, что мы, восстав против гоминьдановских властителей, в конечном счете снова объединились с ними. Мы забыли завет предков: «Свой теленок лучше общего быка».

— Если бы мы не согласились на «общее», потеряли бы и «теленка».

— Опять надежды на случайное счастье, дорогой Соплахун, — укоризненно улыбнулся Заман.

— Шэн Шицай признал народную свободу и равноправие национальностей. Разве плохо будет, если объявленные «шесть принципов» станут точно выполняться?..

— Вывесив баранью голову, торговать собачьим мясом. Кто сможет поручиться, что Шэн Шицай, обещающий сегодня равенство и демократию, не сменит завтра маску и не превратит нашу родину в край насилия? — спросил Заман.

От имени новой власти дубань провозгласил «шесть великих принципов»: антиимпериализм, равноправие национальностей, обновление Синьцзяна, развитие культуры и просвещения, ликвидацию взяточничества, дружбу с Советским Союзом. Эта политическая декларация отвечала народным чаяниям, но она пока что была лишь фразой, листком бумаги. Испокон века китайские чиновники обманывали народ Восточного Туркестана сладкими обещаниями, и теперь люди, умеющие отличить черное от белого, хотели бы, но не могли поверить в искренность шэншицаевских посулов. Эти люди забеспокоились, когда коварный Шэн Шицай, упрочив свою власть, отступился от обещанного, И Заман был в числе тех, кто сомневался в Шэн Шицае и его приспешниках, однако материальная и моральная поддержка, которую начало оказывать народам Синьцзяна Советское государство, помощь его советников-специалистов рассеивали беспокойные подозрения. Первые ощутимые плоды развития торговых и культурных отношений с Советским Союзом, клятвенные заверения дубаня в вечной дружбе с СССР позволяли с надеждой глядеть в будущее.

— Только и обнадеживает нас, — произнес Заман после затянувшихся размышлений, — так это забота Советского Союза.

— Если Шэн Шицай, этот пройдоха, не станет выполнять обещаний, мы тоже не будем сидеть сложа руки. Мы научились держать оружие! — в тон Заману произнес Соплахун.

— Вот это правильно сказано! Другими словами, борьба продолжается...

Когда, покинув Кашгар, приблизились к Чокан-яру, Заман попросил шофера остановить машину. Он выпрыгнул из кузова, поднялся на низенький холм, огляделся. Совсем недавно была здесь кровавая схватка, а уже ничто, кроме извилистых окопов, не напоминало о ней. Но для Замана это щедро политое горячей уйгурской кровью, проклятое место выглядело по-прежнему мрачно. Словно отгоняя наваждение, он вглядывался в далекую даль, в недостижимый для глаз бескрайний Алтышар — Шестиградье. Душу терзали не находившие ответа путанные, неотвязные, противоречивые думы — его преследовали тайны годов: «Почему мы разбиты? Или бессильны и хилы от века? Почему наш шестимиллионный народ пал перед горсткой чужеземных грабителей? Нет. И сил у нас в достатке, и мощь есть, но не смогли мы их подготовить и собрать воедино...»

Постоянно точили Замана эти странные, глубокие тайны, тайны годов, они требовали разрешения.

«Как не повторять ошибок прошлого?» — думал он.

Как?..

Примечания

1

Чаньту — буквально — чалмоносец — распространенное среди китайцев презрительное название мусульман, главным образом уйгуров. (Здесь и далее примечания переводчика.)

Виур — китайское произношение слова «уйгур».

3

Балли! — вот тебе на!

Байвачча — у уйгуров — ласковое обращение к молодому баю, богачу.

Шожа — так уйгуры произносят китайское слово сяоце — барышня.

Сяньшэн — почтенный, уважаемый (часто — иронически).

Так звучат в произношении китайцев Юнус, Турди, Папенгут.

Шаое — молодой господин, молодой барин (*китайск.*).

Дажэнь — ваше превосходительство, буквально — великий человек
(*китайск.*).

Цзо Цзунтан — китайский генерал, в 1875–1878 годах потопивший в крови восстание народов Восточного Туркестана. Жестокость его карательных операций вызвала нарекания даже со стороны цинского двора.

Лю Цзинтан — первый губернатор провинции Синьцзян, образованной в 1884 году из Восточного Туркестана и Джунгарии после кровавого подавления там восстаний местного населения. Провел ряд административных мероприятий, поставивших местное население под строжайший военно-полицейский контроль.

Сочжан — в данном случае начальник полицейского участка, осуществлявший надзор за несколькими селениями.

Шаньё — уйгурское произношение китайского слова сяньюэ — сельский староста.

Хо — примерно четыре пуда.

Окям (дословно — брат мой) — уважительно-ласкательное обращение к собеседнику.

Тага — дядя.

Цзинь — мера веса, равная примерно 0,6 кг (*китайск.*).

Сюаньтун — японский ставленник Пу И, император марионеточного государства Маньчжоу-го.

Танши — просяная патока.

Лао — уважаемый, почтенный, старший (*китайск.*).

Ша — бей, рубли (*китайск.*).

Пайняк — тупой конец куриного яйца.

Апа — мама, матушка, ласково-почтительное обращение к старшей по возрасту женщине.

Кяриз — подземная галерея для сбора воды.

Самса — пирожки с мясом и луком, выпеченные в особой печи — тонуре.

Каскан — закрытая деревянная решетка для приготовления на пару
мант — пирожков с рубленным мясом и луком.

Хаджи — совершивший хадж, паломничество в Мекку.

Алтышар — дословно Шестиградье — название части Восточного Туркестана, включающей города Кучар, Аксу, Уч-Турфан, Кашгар, Яркенд и Хотан. Иногда, учитывая город Янгисар, именуют Джетышар (Семиградье).

Диярбакри — местность в верхнем течении Тигра.

Каймак — пенки, снятые с кипяченого молока.

Му — 0,06 гектара.

Равап — пятиструнный щипковый музыкальный инструмент типа лютни.

Сар — денежно-весовая единица, равная примерно 35 граммам.

Па-сылин — генерал Папенгут.

Баоань-сылин — командующий по охране общественного спокойствия
(*китайск.*).

Ши! — Есть! (*китайск.*).

Сяогуй — чертенок (из слов: сяо — маленький, гуй — черт; *китайск.*).

Поднести сарпай — одеть с головы до пят.

Ирфания — вместилище знаний; джадидия — европеизированная религиозная школа, в программу которой были введены светские предметы — математика, география, история.

Фаранг — француз, здесь — европеец вообще.

Рамазан — тридцатидневный пост у мусульман, когда разрешается есть только после захода солнца.

Хо — Ходжанияз, фучжуси — заместитель председателя.